КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISBN 978-5-9551-0736-3

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ 233

ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

233

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
233

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЯСК
МОСКВА 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 233 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 240 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0736-3

Очередной выпуск Кратких сообщений ИА РАН знакомит читателя с материалами новых археологических исследований в широком территориальном, хронологическом и тематическом диапазоне. Публикуемые статьи посвящены обсуждению результатов полевых и лабораторных исследований памятников разных эпох — от каменного века до Средневековья.

Специальный информационный блок содержит серию публикаций, связанных с изучением древнего металла, черного и цветного, в том числе всестороннему аналитическому исследованию раннесредневекового Куриловского клада.

Выпуск отражает широту проблематики современной отечественной археологии. Публикуемые материалы заинтересуют коллег-археологов и представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

На задней стороне обложки изображена
терракота из культурного слоя Раевского городища (к статье А. А. Малышева)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Официальный электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0736-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Ш. Н. Амиров

МЕСОПОТАМСКО-КАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ IV–III тыс. до н. э. В СВЕТЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ФЛУКТУАЦИЙ

Sh. N. Amirov. Mesopotamian-Caucasian relationships in the IV–III millennia BC in the light of climatic fluctuations

Abstract. The article dwells upon the system of contacts between Northern Mesopotamia and the Caucasian region in the IV and III millennia BC considered in the context of climatic changes, which affected spacious areas of Eurasia. Favourable climatic conditions of the IV mill. BC formed the background for the spreading of the material culture of the North Mesopotamian appearance as far as the Transcaucasus and the steppe zone of the North Caucasus. Quite the contrary, aridization of climate in the first part of the III mill. BC had let to the expansion both of the kurgan cultures of the North Caucasian piedmonts and the Kura-Araxes Caucasian culture to the Near East.

Ключевые слова: «плодородный полумесяц», климатические колебания, флуктуации Каспийского моря, эпоха голоцена, поздний халколит, Северная Месопотамия, лейлатепинская культура, куро-аракская культура, майкопская культура.

Климатические флуктуации аридного пояса Евразии в эпоху голоцена

В соответствии с периодизацией климата Северной Евразии, предложенной А. Блиттом и Р. Сернандером, геологическая эпоха голоцена подразделяется на два значительных периода: плювиальный – от 10 000 до 4500 л. н. и постплювиальный – от 4500 л. н. до современности. Для них отмечаются три основных термических максимума: бореальный (8900–8300 л. н.), атлантический (6000–5000 л. н.) и суббореальный (4200–3400 л. н.) (*Хотинский*, 1980. С. 5–12). В то же время, многочисленные исследования климатических колебаний афро-азиатского аридного пояса, от Сахары и Аравийского полуострова до Арало-Каспийского региона, говорят о глобальном характере климатических пульсаций и едином ритме колебаний увлажненности и аридизации в обширной полосе: от тропической до умеренной зоны Северного полушария в эпоху голоцена (*Wright*, 1966. P. 157–173; *Diester-Haas*, 1973. P. 207–233; *Nutzel*, 1976. P. 11–23; *Хотинский*, 1980. С. 5–12; *Мамедов*, 1980. С. 171 и др.). Причем, отмечается, что глобальные изменения температур-

ного режима в наименьшей степени сказываются в низких, а в наибольшей степени – в высоких широтах (*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге*, 1987. С. 199, 200–201, табл. 34).

Колебания среднего голоцена на Евразийском континенте хорошо коррелируются с изменением режимов бессточных водоемов Северного полушария. Данные об изменениях их уровня или площади могут служить одним из объективных критериев изменения водного и теплового режимов территории. В частности, исследования колебаний замкнутых водоемов тропической и аридной субтропической зоны Северного полушария свидетельствуют о том, что максимум увлажненности среднего голоцена приходится на период 6000–5000 (4500) л. н., так как именно в это время максимальное количество исследованных водоемов имело высокие уровни. Важно было на южном побережье Средиземного моря (страны Магриба), отмечены трансгрессия Мертвого моря и максимальный уровень воды в озерах Северной Африки и озере Чад (Там же. С. 203–207). Напротив, постплювиальной эпохе голоцена свойственна самая высокая за все послеледниковье засушливость, во время которой, 4500–3500 л. н., пустыни Сахары и Аравии и обрамлявшие их с юга саванны находились в границах, близких к современным, а расположенные там озера пребывали в состоянии регрессии. Аридная обстановка существовала и в бассейне Мертвого моря. Наконец, 3500–2000 л. н. озеро Чад переживало последнюю относительно крупную трансгрессию, когда его уровень был на 5–10 м выше современного. Позже таких подъемов зеркала вод уже не наблюдалось (Там же. С. 209).

Для юга Аравийского полуострова, в настоящее время находящегося в зоне экстремальной аридности тропического пояса Северного полушария, Х.А. Амирхановым создана палеоклиматическая шкала, которая синтезировала данные литологии, палинологии и палеопедологии. В генерализованном виде она выглядит следующим образом: VIII–VI тыс. до н. э. – влажный климат, сопровождаемый почвообразованием; V тыс. до н. э. – засушливый климат; IV–III тыс. до н. э. – влажный климат (при этом пик увлажненности приходится на вторую половину IV тыс. до н. э. (*Амирханов*, 1997. С. 171, 176); II тыс. до н. э. – засушливый климат[1].

Анализ климатических флуктуаций, прослеженных для региона Северной Месопотамии в рамках полосы естественного дождевания (так называемого плодородного полумесяца; рис. 1), в значительной мере подтверждает наблюдения в тропическом поясе. В обобщенном виде собранные для этого района данные свидетельствуют о трех пиках гумидизации климата в эпоху среднего голоцена: в VII–VI; IV и II тыс. до н. э. и аридных периодах, приходившихся на V и III тыс. до н. э. (*Амиров*, 2010. С. 36–62; *Wossink A.*, 2009; 2010).

Наиболее северной областью аридного пояса Евразии является Арало-Каспийский регион. Анализ палеоклиматических данных свидетельствует о преобладании саванных ландшафтов в раннем и среднем голоцене в районе Прикаспия и Средней Азии на месте современных полупустынь и пустынь, а также схожести климатических условий с условиями современной степной зоны. Наиболее высо-

[1] Вероятно, это касается большей части II тыс. до н. э., ближе к его финалу условия в этом регионе могли быть более гумидными.

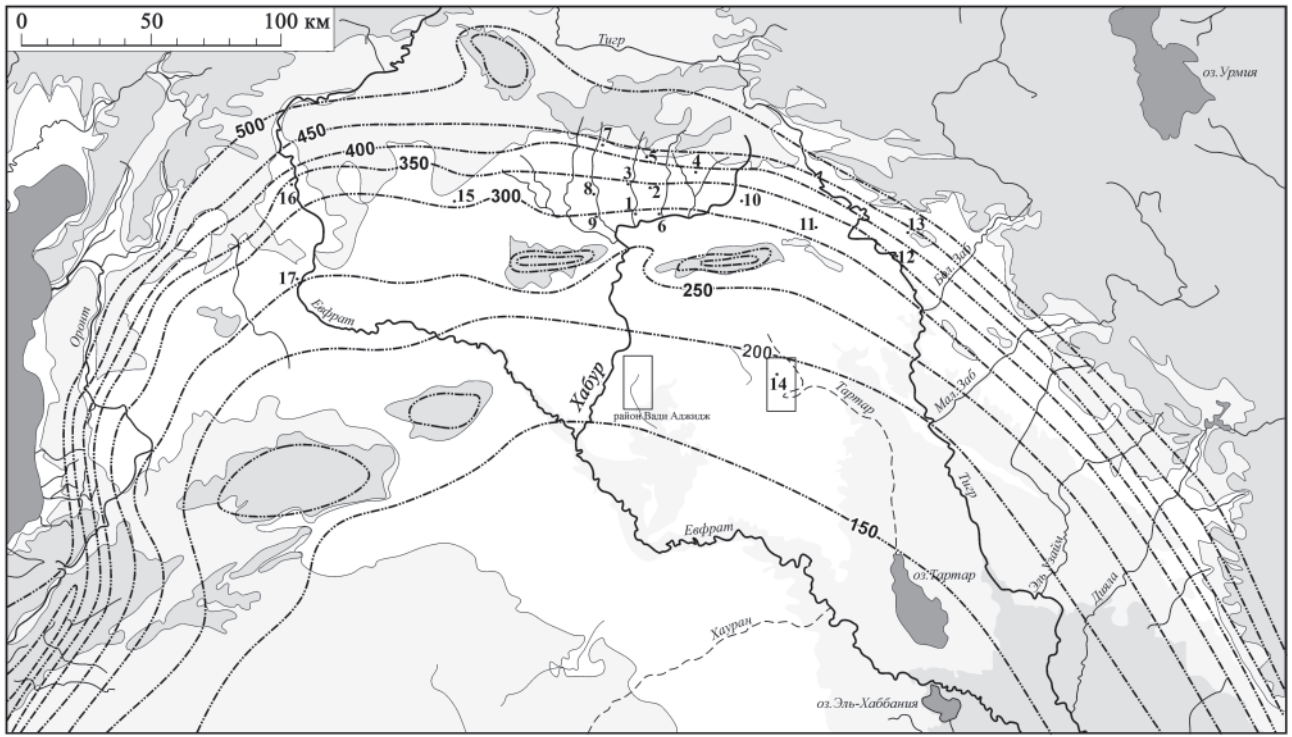


Рис. 1. «Полумесяц плодородных земель» Месопотамской равнины

1 – Телль Хазна; *2* – Телль Арбид; *3* – Чагар Базар; *4* – Телль Лейлан; *5* – Телль Мюзан; *6* – Телль Брак; *7* – Телль Айлюн; *8* – Телль Бейдар; *9* – Телль Кашкашок; *10* –Хамукар; *11* – Телль Хава; *12* – Куюнджик (Ниневия); *13* – Тепе Гавра; *14* – Умм Дабагийа; *15* – Телль Хуэйра; *16* – Телль Юнус (Кархемиш); *17* – Хабуба Кабира

кая увлажненность за период среднего голоцена на Арало-Каспийском водоразделе приходилась на период климатического оптимума 6000 –5000 л. н. Этот период раннего-среднего голоцена в регионе получил название лявлякского плювиала. Конец лявлякской плювиальной эпохи является одним из важнейших голоценовых рубежей. В Арало-Каспийском регионе этот период можно назвать переходным от умеренно высокой к предельно низкой увлажненности, когда за два-три века среднегодовые осадки сократились примерно на 40–50 мм (*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге*, 1987. С. 109). Другими словами, на основании палеоклиматических исследований в Арало-Каспийском регионе отмечено, что влажный теплый климат Юга Евразии IV тыс. до н. э. сменяется в течение III тыс. до н. э. на жаркий и сухой.

Для анализа климатических колебаний эпохи голоцена в Циркумкаспийском регионе особенно важны данные о флуктуациях самого Каспийского моря (рис. 2, *1*), тесно связанных с водным балансом Евроазиатского континента в целом (*Леонтьев, Чекалина*, 1980. С. 90–98).

Отсчет голоценового, или иначе новокаспийского, этапа в развитии Каспийского моря связывают с началом так называемой мангышлакской (или кулалинской) регрессии (*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге*, 1987. С. 49), когда в интервале от начала VIII до конца VII тыс. до н. э. отмечены признаки глубокой регрессии Каспийского моря, при которой примерно 7000 лет до н. э. уровень воды достигал максимально низкого уровня на абсолютных отметках от –50 м до –90 м[2] (*Леонтьев и др*., 1976. С. 49; *Федоров*, 1980. С. 19–22; *Маев*, 2006. С. 66). Соотносимые с эпохой мангышлакской регрессии (бореальный период голоцена) палинологические спектры начальных стадий голоцена в Каспийской области свидетельствуют о распространении полупустынного, а местами и пустынного растительного покрова, в развитии которого лесная растительность почти не участвовала (*Абрамова*, 1980. С. 71–74).

Протекавшая в аридных условиях мангышлакская регрессия Каспия сменилась новокаспийской трансгрессией, вызванной увлажнением климата (Там же; *Вронский*, 1980. С. 74–79). В новокаспийское время следует отметить наиболее высокое стояние уровня моря в период так называемой дагестанской трансгрессии, когда уровень Каспийского моря достигал –16 м (абс.) (рис. 2, *2 А*). Дагестанская трансгрессия датируется в пределах VI тыс. до н. э. Вслед за этим отмечено падение уровня Каспийского моря, получившее название жиландинской (иначе челекенской, или самурской) регрессии, когда уровень моря упал до отметок от минус 35,0 – минус 37,0 м до минус 43,0 – минус 46,5 м (абс.). Эта стадия началась примерно 7370 л. н., и есть основания считать, что жиландинская регрессия длилась около 620 лет.

С рубежа V и IV тыс. до н. э. отмечается следующий цикл поднятия уровня Каспийского моря. Интервалы абсолютных высот новой трансгрессии имеют отметки от –24,6 до –19,0 м. (рис. 2, *2 Б*). Этот трансгрессивный пик назван гоусанским. Радиоуглеродный возраст указанной фазы по результатам изучения раковин моллюсков из террасовых отложений Дагестана оказался близким да-

[2] Современный уровень Каспийского моря составляет около –28 м относительно уровня Мирового океана.

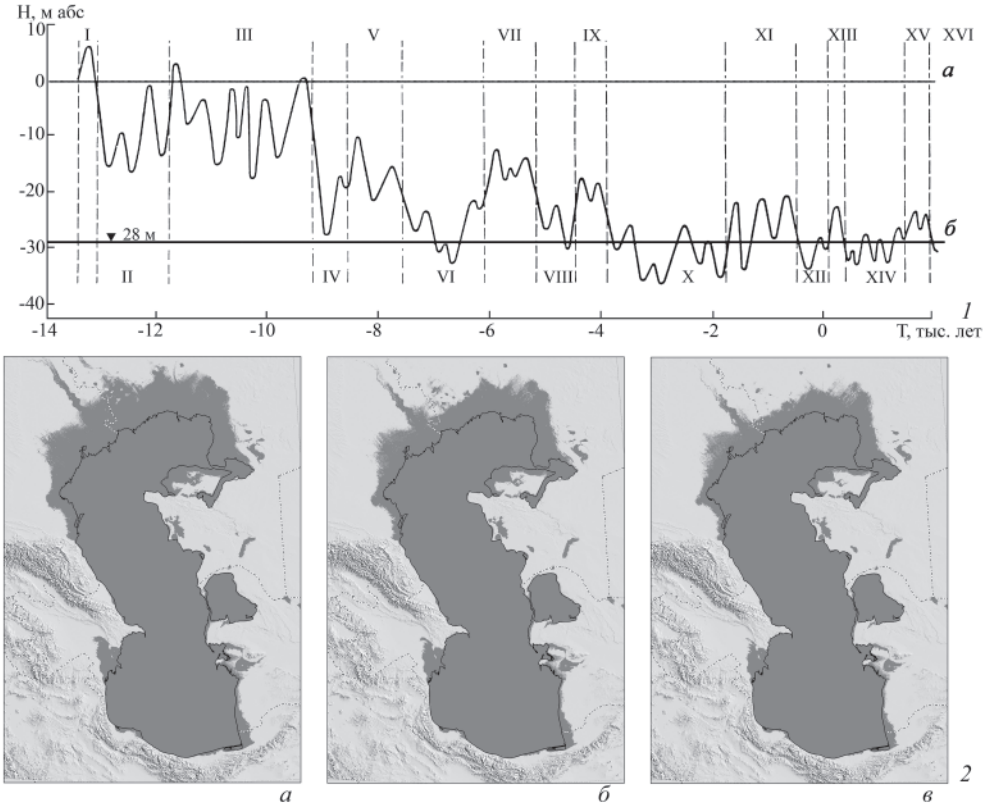


Рис. 2. Флуктуации Каспийского моря в голоцене

1. График изменения уровня Каспийского моря за последние 16 000 лет (по: *Варущенко, Варущенко, Клиге*, 1987).

а – абсолютная отметка уровня океана; б – современное положение уровня Каспийского моря

Трансгрессии и регрессии Каспийского моря: I – Раннемахачкалинская трансгрессия; II – Шиховская регрессия; III – Позднемахачкалинская трансгрессия; IV – Бегдашская регрессия; V – Сартасская трансгрессия; VI – Кулалинская (Мангышлакская) регрессия; VI – Дагестанская трансгрессия; VIII – Жиландинская регрессия; IX – Гоусанская трансгрессия; X – Избербашская (Махачкалинская) регрессия; XI – Туралинская трансгрессия; XII – Александрбайская регрессия; XIII – Уллучайская трансгрессия; XIV – Абескунская регрессия; XV – позднейшая трансгрессия; XVI – современная

2. Графическая реконструкция трансгрессий Каспийского моря в среднем голоцене в сравнении с современным уровнем Каспия (по данным *Варущенко, Варущенко, Клиге*, 1987)

А – Дагестанская трансгрессия VI тыс. до н.э. (–16 м относительно уровня мирового океана); Б – Гоусанская трансгрессия IV тыс. до н.э. (–19 м относительно уровня мирового океана); В – Туралинская трансгрессия II тыс. до н.э. (–21 м относительно уровня мирового океана)

там 6500–5200 л. н. (*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге*, 1980. С. 79–90; *Федоров*, 1980. С. 19–22).

Гоусанский трансгрессионный цикл Каспийского моря продлился до конца IV тыс. до н. э., после чего произошло очередное падение уровня Каспийского моря, получившее наименование избербашской регрессии, которая продолжалась приблизительно в интервале с 3300 до 1800 гг. до н. э. После 3000 г. до н. э., в период одной из стадий избербашской регрессии, уровень моря достигал отметок от –39,0 до –42,5 м абс. (*Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге*, 1980. С. 79–90). С начала II тыс. до н. э. начинается новый цикл повышения уровня Каспийского моря, получивший название туралинской трансгрессии (рис. 2, *2 В*). Ее пик приходится примерно на временной интервал 1500–1200 гг. до н. э., уровень моря в то время находился на абсолютных отметках от –24,5 до –21 м (Там же. С. 111–112).

Анализ палинологических данных показывает, что в период новокаспийских трансгрессий наблюдалось изменение климата в сторону смягчения континентальности и увеличения увлажнения. На побережье Каспия сформировались открытые полупустынно-степные ландшафты с преобладанием фитоценозов ксерофитов, часто с участками разнотравно-злаковой растительности. Присутствие в спектрах пыльцы широколиственных пород свидетельствует о возможном произрастании в это время лесных массивов в долинах рек (*Абрамова*, 1980. С. 71–74; *Вронский*, 1980. С. 74–79).

В свою очередь анализ сведений по палеогеографии и палеопедологии позволил проследить изменчивость формирования почвенного покрова, связанную с динамикой увлажненности климата в регионе. Проведенные исследования вскрытых в археологическом контексте погребенных почв показали, что в эпоху халколита (IV тыс. до н. э.) на возвышенных равнинах Волго-Донского междуречья, в отличие от современности, были развиты палеопочвы более северного облика. На основе сведений по палеопедологии Арало-Каспийского региона также составлена приближенная схема эволюционного развития наносов и почв. Она показывает, что территория региона переживала все важнейшие этапы почвообразования с конца верхнего плейстоцена до завершения лявлякского плювиала, сформировавшего в южной части Арало-Каспийского региона буровато-серые структурные почвы, а в северной (севернее г. Шевченко (Актау)) – мощные лугово-черноземные почвы (*Степанов*, 1980. С. 22–32). В это время на месте современных пустынь были развиты плодородные почвы с близкими пресными грунтовыми водами и пышным лугово-степным и степным травостоем, что благоприятствовало заселению многочисленными скотоводами и охотниками ныне безлюдных пространств Каракумов, Кызылкумов, Устюрта и Мангышлака.

С начала III тыс. до н. э. в регионе прослежены существенные изменения условий почвообразования. В пограничных областях почвенно-географических зон произошли региональные сдвиги природных рубежей к северу (северо-западу). К концу III тыс. до н. э. помимо дегумификации, засоления и окарбоначивания почв резко интенсифицировался процесс их дефляции, вызванный, вероятно, катастрофической аридизацией климата. Во II тыс. до н. э. в связи с началом нового цикла гумидизации климата в ряде районов Приволжской и

Среднерусской возвышенностей выявлена эволюция каштановых почв в темно-каштановые со смещением их природных границ к югу (юго-востоку) (*Демкин и др.*, 2010. С. 35–36). В это же время в Арало-Каспийском регионе с конца лявлякского плювиала отмечены аридные условия почвообразования, продолжающиеся до настоящего времени: в современных условиях на юге Арало-Каспийского региона почвы не образуются; а формируются лишь серые наносы, лежащие на эродированной поверхности почв предшествующего, более влажного этапа (лявлякского плювиала) (*Степанов*, 1980. С. 22–32).

Таким образом, данные палинологии, палеопедологии, гидрологии и других дисциплин позволяют составить общую схему изменчивости климата циркумкаспийского региона в эпоху среднего голоцена. Эта схема предполагает гумидные условия климата в VI тыс. до н. э., аридный цикл в V, цикл увлажнения в IV, иссушение климата в III и новый цикл увлажнения, отмеченный, по меньшей мере, для аридного пояса Европейской части Евразии с начала II тыс. до н. э. Очевидно, что схема климатических флуктуаций аридной зоны умеренного пояса Евразии совпадает с наблюдениями, сделанными для аридного пояса тропической и субтропической зоны на примере эволюции климата на юге Аравийского полуострова и в зоне «плодородного полумесяца» Северной Месопотамии.

Археологические свидетельства климатических флуктуаций

Общие сведения о колебаниях климата Евразии в эпоху среднего голоцена, собранные данными естественных наук, дополняются и уточняются археологическими источниками со значительной территории аридного пояса Евразии. Наиболее наглядны, поскольку они фиксируют периоды максимального увлажнения, климатические флуктуации эпохи голоцена в субтропической зоне, в ныне пустынной аридной полосе Месопотамии, расположенной южнее степной зоны «плодородного полумесяца» (рис. 1). Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные в ходе разведок в экстремально засушливом, пустынном районе Сирии в районе нижнего течения Хабура, вдоль русла Вади Аджидж, где в настоящее время выпадает около 150 мм осадков. Здесь, среди памятников интересующего нас исторического промежутка отмечены местонахождения эпохи неолита (хассунского времени) первой половины VI тыс. до н. э., позднего убейда – урукской культуры (конец V – IV тыс. до н. э.) и эпохи средней бронзы II – поздней бронзы и раннего железа (то есть, начиная с XVIII–XVII вв. до н. э. до конца II тыс. до н. э.) (*Bernbeck*, 1993. P. 178–186). Этот факт может указывать на периоды максимальной увлажненности Месопотамии. Примечательно отсутствие в регионе материалов халафской культуры второй половины VI – первой половины V тыс. до н. э. и материалов III – начала II тыс. до н. э. (от раннединастического времени до периода третьей династии Ура и Исина – Ларсы).

Следует обратить внимание, что в этом исключительно аридном поясе Месопотамии очень широко представлены самые южные памятники хассунского времени первой половины VI тыс. до н. э., связанные с охотой или скотоводством и выдвинутые в засушливые степные районы. Об этом свидетельствует распро-

странение на сопоставимой широте памятников того времени от Вади Аджидж до местонахождений подобно поселению Умм Дабагийа, расположенных значительно восточнее в Ираке (*Kirkbride*, 1975. P. 3–10).

Если пики максимального увлажнения аридной зоны субтропического пояса мы фиксируем в полосе выпадения менее 200 мм годовых осадков, то наиболее чувствительно колебания климата должны отражаться на судьбе земледельческих памятников в аридной зоне, маргинальной для неполивной культивации растений. Это южная полоса зоны «плодородного полумесяца», расположенная в интервале линий изогиет 250–350 мм годовых осадков (рис. 1). Она в частности охватывает южную часть Хабурской степи и район нижнего течения Вади Ханзир, где в 1988–2010 гг. археологическая экспедиция Института археологии РАН проводила раскопки поселения Телль Хазна 1.

На основании данных для микрорегиона нижнего течения Вади Ханзир мы можем заключить, что в первой половине VI тыс. до н. э. (хассунская культура) в районе выпадало не менее 320–350 мм годовых осадков, что позволяло получать гарантированный урожай даже в условиях относительно низкой эффективности земледелия эпохи неолитической революции. В начале V тыс. до н. э. (халафская культура) ситуация была близка к современной, то есть район находился за пределами зоны гарантированной урожайности, и граница зоны устойчивого неполивного земледелия проходила в 20 км севернее (примерно там же, где в настоящее время). В конце V – начале IV тыс. до н. э. (позднеубейдское – раннеурукское время) климатическая ситуация начала меняться в сторону увлажнения, и один из пиков заселенности Хабурского треугольника, в том числе и южной его части, находящейся ныне в маргинальной для неполивного земледелия полосе, пришелся на вторую половину IV – начало III тыс. до н. э. (*Амиров*, 2010. С. 56–62). Для этого времени в целом в восточной части Джезиры отмечен беспрецедентный демографический рост и один из наивысших уровней заселенности региона на протяжении всей истории его освоения (*Wilkinson*, 1990. P. 49–62). В то же время, во второй половине IV тыс. до н. э. на севере Месопотамии происходило формирование административной бюрократической системы управления, подобной той, что сложилась ранее в Шумере.

Вследствие экстраординарного демографического роста в Джезире в это время впервые в истории месопотамская материальная культура широко распространилась за пределы Великой Месопотамской равнины. В частности, как показывают новейшие археологические исследования, севернее, на территории современного Азербайджана, позднехалколитические поселения с материальной культурой северомесопотамского облика необыкновенно многочисленны в степной зоне Восточного Закавказья, исключительно напоминающей экологические условия Северной Месопотамии (цв. илл. II).

Приведенный выше обзор палеоклиматических условий свидетельствует об исключительной гумидности Прикаспийского региона в VI и IV тыс. до н. э. с аридным периодом в рамках V тыс. до н. э. между ними. В связи с этим здесь следует отметить активное освоение степной зоны Закавказья раннеземледельческим населением шомутепинской культуры VI тыс. до н. э., отчасти синхронной хассунской культуре Северной Месопотамии, и депопуляцию степной зоны Закавказья в период культуры Сиони, совпадающий по времени с относительно

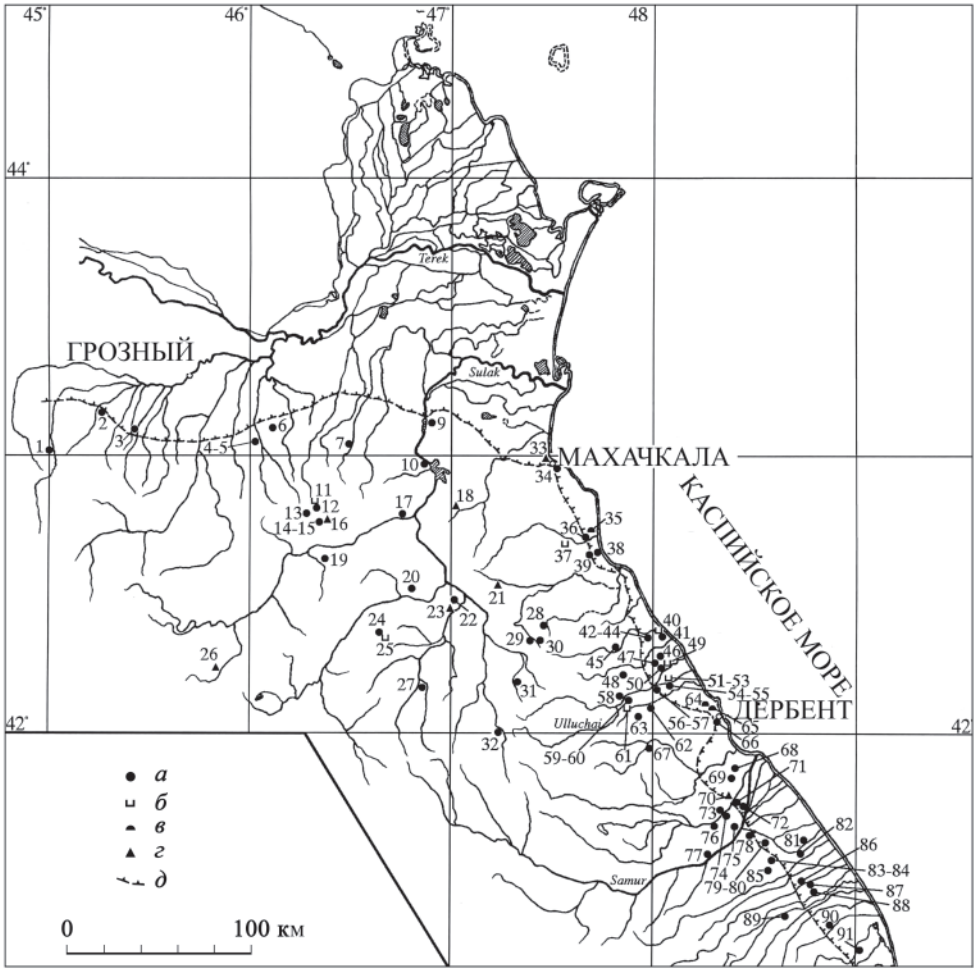
более аридным периодом эпохи халафской культуры в Северной Месопотамии. С начала IV тыс. до н. э. в степной зоне Азербайджана распространяются поселения с керамикой северомесопотамского облика (*Ахундов*, 2005. С. 52–53; *Akhundov*, 2007. P. 95–121; *Мусеибли*, 2007). Материальная культура этого времени распространяется до районов севернее Куры и предгорий Большого Кавказа (поселение Кала Ери) и на западе вплоть до исторической области Грузии – Шида-Картли (поселение Бериклдееби).

Поселения лейлатепинской культуры с материальной культурой месопотамского облика тяготеют к степному ландшафту Закавказья, а в районах ближе к горному ландшафту они входят в контакт с куро-аракской культурой, носители которой на раннем этапе развития, в условиях исключительно гумидного климата плотно освоили подгорные долины Восточного Кавказа. На прикаспийской равнине в Северном Азербайджане и Южном Дагестане, на поселениях Серкер-тепе, Новый Гапцах, Великент 2, Сугют, Геме-Тюбе и др., а также в горной части Дагестана (Гинчи, Чинна, Мучу Бахил Бакли, Малин Карат и др.; рис. 3) среди местной керамики имеются сосуды, изготовленные по очевидной месопотамской технологии (до 8–15% от общего количества). В частности, здесь зафиксирована керамика, изготовленная на круге (*Мунчаев, Амиров, Магомедов*, 2010. С. 319-320; *Бобринский, Цетлин, Гей*, 2011. С. 15–28), иногда с примесью рубленой соломы в тесте. Наличие керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге, отмечено и на памятниках Северного Кавказа, таких как расположенные в контактной зоне куро-аракской и майкопской культур Луговое и Серженьюртовское поселения (рис. 3) (*Мунчаев*, 1975).

Если говорить о времени интенсивных контактов куро-аракской и лейлатепинской культур, то, учитывая исключительную малочисленность расписной керамики убейдского облика среди керамических импортов в слоях куро-аракских поселений, речь может идти о времени, близком к третьей четверти IV тыс. до н. э. или о позднеурукском времени, по южномесопотамской периодизации.

Месопотамские влияния, отдельные элементы которых мы отмечаем в слоях поселений куро-аракской культуры вдоль подгорной полосы восточного Кавказа, оказались более востребованы, а в результате еще более выразительны и многочисленны в синхронных памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. Очевидно, что общества обширной степной зоны Северного Кавказа производили избыточный общественный продукт, позволявший часть его концентрировать в руках родовых лидеров. Следствием этого, с одной стороны, стало осуществление прямых импортов в виде предметов роскоши, а с другой, – импорт навыков производства. Из последних особенно важным является производство керамики на гончарном круге (*Бобринский, Мунчаев*, 1966) и использование сосудов, по форме представляющих собой реплики северомесопотамских образцов. Судя по исключительной редкости элементов росписи, а также на основании морфологии керамики, в частности, в сравнении с коллекцией Телль Хазны 1, время активного проникновения месопотамских навыков на Северный Кавказ определяется последней четвертью IV тыс. до н. э. (по южномесопотамской периодизации, – период Джемдет Наср).

Как показывает палеоклиматическая шкала, построенная на основе синтеза данных естественнонаучных дисциплин, примерно с начала III тыс. до н. э.



в аридном поясе субтропической и умеренной зоны Евразийского континента начинается очередной цикл иссушения климата. В зоне «плодородного полумесяца» и, в частности, южной части Хабурской степи первые признаки аридизации климата проявляются с начала XXVIII в. до н. э., а очевидные свидетельства иссушения фиксируются начиная с периода РД I–II (в пределах XXVII в. до н. э.) и сохраняются вплоть до конца III тыс. до н. э.[3] (*Амиров*, 2010. С. 29–32). Если на телле Хазна I поселение было оставлено жителями в конце периода РД I – начале РД II (XXVII в. до н. э.), то севернее, в более благополучной с точки зрения осадков полосе, например на Телль Бейдар, Чагар Базар, Телль Арбид и даже на

[3] Жизнь в нижнем течении Вади Ханзир возродилась не ранее чем через 700 лет, о чем говорят культурные отложения поселений хабурского времени – Телль Хазна III и безымянного поселения, расположенного непосредственно севернее Телль Хазны I.

расположенном еще севернее телле Лейлан (*Weiss et al.*, 1993. P. 997) ухудшение климата и угасание жизни на поселениях отмечено в конце периода РД III, после середины XXV в. до н. э. В целом для середины – второй половины III тыс. до н. э. характерен один из наименьших показателей плотности заселения Джезиры. В то время земледельческие поселки тяготели к северной части «плодородного полумесяца», где всегда выпадало максимальное для этого региона количество дождевых осадков (*Lyonnet*, 1996. P. 364; *Wilkinson*, 2002–2003. P. 25).

Археологические наблюдения с Кавказской стороны Каспия говорят о том, что распространенная в степях Закавказья в течение большей части IV тыс. до н. э. лейлатепинская культура к началу III тыс. до н. э., видимо, прекращает свое существование. Имеются свидетельства хронологической преемственности между поселениями лейлатепинской культуры и культурными отложениями куро-аракских памятников, как, например, на Бериклдееби и Ментеш-Тепе. Скорее всего, в Закавказье куро-араксское население могло сменить население лейлатепинской культуры в начале III тыс. до н. э., то есть примерно с началом широкого распространения южной ветви куро-аракской культуры за пределы материнской территории, когда ее носители обживали поселения предшествующего времени в Арслантепе и ряде других мест.

Хозяйственный уклад куро-аракского и майкопского населения на равнинах Северного и Восточного Кавказа, очевидно, претерпевает значительные изменения в течение первой половины III тыс. до н. э., что приводит к радикальному изменению этнокультурной ситуации в регионе. На Дагестанской плоскости (Карасу-Тепе, известный в археологической литературе как Великент 2, Новогапцах, Сугют, Кабаз-Кутан, Геме-тюбе и многие другие) в комп-

Рис. 3. Памятники Восточного Кавказа второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э. (карта составлена Р.Г. Магомедовым)

а – поселения
б – бескурганные погребения
в – курганы
г – случайные находки
д – граница между равниной и горами

1 – Луговое; *2* – Бамут; *3* – Шаладжи; *4, 5* – Серженьюрт I-II; *6* – Харбузи-Дук; *7, 8* – Зандак I–II; *9* – Сигитма; *10* – Чиркей; *11* – Шебоха; *12* – Галгалатли I; *13* – Анди; *14, 15* – Ашали I–II; *16* – Кижани; *17* – Чирката; *18* – Эрпели; *19* – Ингердах; *20* – Чинна; *21* – Кулецма; *22* – Верхний Гуниб; *23* – Ругуджа; *24* – Гинчи; *25* – Гоно; *26* – Хутрах; *27* – Кучраб; *28* – Мекеги; *29* – Карлобко; *30* – Верхнее Лабкомахи; *31* – Гапшима; *32* – Кули; *33* – Тарнаир; *34* – Махачкалинское; *35* – Манас; *36* – Манас-Озень; *37* – Карабудахкент; *38* – Маяк I; *39* – Улучай; *40* – Каякент VI; *41* – Каякент V; *42–44* – Каякент I–III; *45* – Таргу; *46* – Мамай-Кутан; *47* – Башлыкент; *48* – Янгикент; *49* – Джемикент I; *50* – Джемикент II; *51–53* – Великент III–IV–V; *54, 55* – Великент I–II; *56, 57* – Кабаз-Кутан I–II; *58* – Санчи; *59, 60* – Гяур-Тапа; *61* – Карацан II; *62* – Карацан I; 63 – название уточняется; *64* – Шах-Насиб-Тапа; *65* – Катарагач-Тапа; *66* – Дербентское; *67* – Жибахни; *68* – Торпах-Кала; *69* – Куллар; *70* – Ново-Мака; *71* – Бугда-Тепе; *72* – Хаджа-Казмаляр; *73* – Мамраш; *74* – Ханжал-Кала; *75* – Новый-Гапцах; *76* – Шаракун; *77* – Гильяр; *78* – Кучумхан-Тепе; *79, 80* – Беюк-Тепе I–II; *81* – Тепе-Ятаги; *82* – Гасан-Кала; *83, 84* – Гяфле-Тепе I–II; *85* – Говдешан-Тепе III; *86* – Моллабурхан-Тепе; *87* – Ахты-Тепе; *88* – Серкер-Тепе; *89* – Дашлы-Тепе; *90* – Чаккалык-Тепе; *91* – Рус-Тепе

лексной земледельческо-скотоводческой экономике куро-аракских поселений раннего периода, имевших контакты с лейлатепинской культурой, присутствуют ярко выраженные приоритеты земледельческого характера. На позднем этапе развития в экономике куро-аракских поселений, расположенных вдоль Восточного Кавказа, можно предполагать некоторую смену хозяйственных приоритетов, вероятно в пользу животноводства, что косвенно подтверждается широким распространением новой, барботинной техники обработки поверхности сосудов.

Затухание куро-аракской культурной традиции в приморском Дагестане заняло значительную часть III тыс. до н. э. В целом носители куро-аракской культуры, активно заселив на раннем этапе своей истории плоскость вдоль восточных отрогов Кавказа, на позднем этапе развития культуры представлены здесь редуцированно (например, Замовар Тепе, известный в археологической литературе как Великент 1, поздние куро-аракские слои поселения Торпах Кала, Мамай-Кутан, Каякент I, Джемикент, Мамраш). Вероятнее всего, это может быть связано с оттоком населения примерно в течение середины – третьей четверти III тыс. до н. э. в сторону предгорий и горной зоны Дагестана.

Судя по всему, скотоводческо-земледельческий хозяйственный уклад носителей майкопской культуры, существовавший в степях Предкавказья во второй половине IV тыс. до н. э. в условиях начавшейся аридизации, в течение первой половины III тыс. до н. э. также претерпел изменения в пользу возрастания роли скотоводства в экономике. В этом контексте следует рассматривать появление на Дагестанской плоскости курганов позднемайкопского или постмайкопского круга (*Магомедов*, 1991. С. 13–38). Освоение скотоводческим населением Дагестанской плоскости продолжилось и в последующее время. Об этом свидетельствуют также подкурганные погребения второй половины III тыс. до н. э. с беденской керамикой, обнаруженные в Паласасыртском курганном некрополе (*Гугуев и др.*, 2010. С. 283–299. Рис. 6), и курган № 1 Нижнечиркейского курганного могильника (раскопки Путинцевой 1960 г.).

Таким образом, на Дагестанской плоскости в связи с трансформацией системы расселения и депопуляцией к середине III тыс. до н. э. могут быть отмечены признаки изменения хозяйственного уклада и этнической смены населения.

В свою очередь, выделение в Закавказье пласта подкурганных погребений, объединенных наличием галечных вымосток и наборами заупокойных даров, находящих иногда прямые соответствия в погребальном инвентаре майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности Северного Кавказа, позволяет поставить вопрос о первом проникновении носителей курганного погребального обряда в Восточное Закавказье в начале – первой половине III тыс. до н. э.

В степном Закавказье ранняя курганная культура заняла экологическую нишу лейлатепинской культуры. Несмотря на хронологическую близость, безусловных следов их сосуществования пока не обнаружено. Скорее всего, носители курганного обряда активно расселяются в степном Закавказье на позднем этапе существования лейлатепинской культуры или после того, как она уже прекратила свое существование.

Выводы

Подводя итог сказанному выше, систему контактов Передней Азии и Кавказа в течение IV–III тыс. до н. э. можно представить следующим образом.

Исключительно гумидные условия в течение IV тыс. до н. э. стимулировали беспрецедентный демографический рост и опережающее развитие социальной организации на всем пространстве Великой Месопотамской равнины. Это привело к очевидным миграционным процессам за пределы Месопотамской степи в виде организации торговых городских колоний Шумера и земледельческой миграции из Северной Месопотамии, в частности, в степи Восточного Закавказья. Максимального влияния, с точки зрения географического охвата, этот культурный импульс достигает в последней трети IV тыс. до н. э.

Начавшийся в первые века III тыс. до н. э. цикл иссушения климата в Северном полушарии привел к существенным изменениям темпов социальной организации и к перемене векторов миграционной активности. Непосредственно в Северной Месопотамии в результате аридизационного цикла с начала III тыс. до н. э. прекратилась жизнь на значительном количестве земледельческих поселений, расположенных в южной части «плодородного полумесяца». Это стимулировало миграционные процессы в северомесопотамской степи, что стало важным условием сложения к середине III тыс. до н. э. государственности, выразившейся, в частности, в активном городском строительстве в регионе.

С другой стороны, аридизационным циклом III тыс. до н. э. объясняются изменения культурно-исторической ситуации в Кавказском регионе. В связи с этим стоит отметить прекращение существования лейлатепинской культуры в Закавказье и майкопской на Северном Кавказе. Аридный цикл может также служить объяснением причин миграций первой половины III тыс. до н. э., охвативших значительные пространства Евразийского континента, которые, по сути, были первым в истории «великим переселением народов». В это время носители курганного обряда перемещаются с Северного Кавказа в Закавказье и далее, на территорию Анатолии и Ирана, а носители куро-аракской культуры расселяются вплоть до Южного Загроса и Палестины.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Т.А., 1980. Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 71–74.

Амиров Ш.Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н. э. М.: Таус. 412 с.

Амирханов Х.А., 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный Мир. 264 с.

Ахундов Т., 2005. Материалы к изучению переднеазиатской миграции на Кавказ // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. (Баку, 15–16 декабря 2005 г.). Баку: NURLAR. С. 52–54.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. С. 14–22.

Бобринский А.А., Цетлин Ю.Б., Гей А.Н., 2011. Некоторые данные о технике и технологии Куро-аракских гончаров (по материалам поселения Ново-Гапцах в Дагестане) // РА. № 4. С. 15–28.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К., 1980. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 79–90.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени / Отв. ред. О.К. Леонтьев. М.: Наука. 239 с.

Вронский В.А., 1980. Голоценовая история Каспийского моря по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 74–79.

Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2010. Исследование курганов южной группы Паласа-Сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический вестник / Под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. Вып. 11. С. 283–299.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н. Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В., 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье: (по материалам почвенно-археологических исследований) / Отв. ред. С.В. Губин, А.С. Скрипкин. Пущино: Synhrobook. 120 с.

Леонтьев О.К., Каплин П.А., Рычагов Г.И., Свиточ А.А., Абрамова Т.А., 1976. Новые данные о четвертичной истории Каспийского моря // Комплексные исследования Каспийского моря: сб. ст. / Ред. О.К. Леонтьев, Е. Г. Маев. М.: Изд-во МГУ. Вып. 5. С. 49–55.

Леонтьев О.К., Чекалина Т.И., 1980. Колебания уровня Каспийского моря в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 90–98.

Магомедов Р.Г., 1991. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века: сб. тр. / Сост. О.М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 13–38.

Маев Е.Г., 2006. Экстремальная регрессия Каспийского моря в раннем голоцене // Экстремальные гидрологические события в Арало-Каспийском регионе: тр. Междунар. науч. конф. (Москва, 19–20 октября 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Болгов. М.: Тип. Россельхозакадемии. С. 62–66.

Мамедов Э.Д., 1980. Изменение климата Среднеазиатских пустынь в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 170–175.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 476 с.

Мунчаев Р.М, Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Таус. 486 с.

Мунчаев Р.М, Амиров Ш.Н, Магомедов Р.Г., 2010. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н. э. // Исследования первобытной археологии Евразии / Сост. О.М. Даудов. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 335–343.

Мусеибли Н.А., 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку: Нафта-пресс. 228 с.

Степанов И.Н., 1980. Периодическая повторяемость почвообразования в плейстоцене-голоцене Арало-Каспийского региона // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 22–32.

Федоров П.В., 1980. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 19–22.

Хотинский Н.А., 1980. Три типа изменения климата в Северной Евразии в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене: сб. ст. / Отв. ред. Б.В. Андрианов. М.: Наука. С. 5–12.

Akhundov T., 2007. Sites de migrants venus du Proche-Orient en Transcaucasie // Les Cultures du Caucase (VIe – IIIe millenaires avant notre ere) leur relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. Paris: Éditions Recherche sur les civilisations: CNRS Éditions. P. 95–121.

Bernbeck R., 1993. Steppe als Kulturlandschaft. Berlin. 373 S.

Diester-Haas L., 1973. Holocene climate in the Persian Gulf as deduced from grain size and pteropod distribution // Marine Geology. Vol. 14. P. 207–233.

Kirkbride D., 1975. Umm Dabaghiyah 1974: A Fourth Preliminary report // Iraq. Vol. 37. Spring. P. 3–10.

Lyonnet B., 1996. La prospection archaeologique de la partie occidentale du Haut Habur (Syrie du Nord-Est): Methodes, Resultats et questions autour de l'occupation aux III et II millenaires av. n. e. // Amurru. 1. P. 363–376.

Nutzel W., 1976. The Climate changes of Mesopotamia and bordering areas 14000 – to 2000 BC // Sumer. Vol. XXXII. P. 11–24.

Weiss H., Courty M.A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. Vol. 261. P. 995–1004.

Wilkinson T.J., 1990. The Development of Settlement in the North Jazira between 7th and 1st Millennia B.C. // Iraq. Vol. 52. P. 49–62.

Wilkinson T., 2002–2003. Recent Archaeological Surveys in Northern Syria // Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Vol. XLV–XLVI. Damascus. P. 21–30.

Wossink A., 2009. Challenging climate change: competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press. 183 p.

Wossink A., 2010. Climate, history and demography. A case-study from the Balikh Valley, Syria // Regards croiséssurl'étudearchéologique des paysagesanciens. Nouvellesrecherchesdans le basin méditerranéen, en AsieCentraleet au Moyen-Orient. Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 56 / Alarashi, A., Chambrade, M.-L., Gondet, S., Jouvenel, A., Sauvage, C., and Tronchère, H. (eds). Lyon: Maison de l'Orientet de la Méditerranée. P. 181–192.

Wright H.E.Jr., 1966. Stratigraphy of Lake Sediments and Precision of the Paleo-Climatic Record // World Climate from 8000 to 0 B.C. / Ed. by J.S. Sawyer. London. P. 157–173.

Р. А. Мимоход

ЛЕПЕСТКОВИДНЫЕ БУСЫ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ КАК КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР

R. A. Mimokhod. Petal-shaped beads from the final stage of the Middle Bronze Age used as a cultural-chronological indicator

*Abstrac*t. This article is devoted to the analysis of a specific kind of jewellery from the final stage of the Middle Bronze Age – petal-shaped beads made of faïence and, less frequently, fired clay. The ornaments are numerous and represented by series in the North Caucasus foothills, in the lower reaches of the Don and Volga and in the North-Eastern Caucasus. The beads have a very narrow chronological range – the 22nd – 20th centuries BC (calibrated dates). They are typical, mainly, of burials from the early stage of post-catacomb cultural formations and of assemblages from that same period in the North-Eastern Caucasus. Petal-shaped beads were an innovation in the range of jewellery manufactured in the Lola Culture. From that focus isolated specimens and sets of such beads made their way into the territories of other cultures as a result of inter-cultural contacts.

Ключевые слова: лепестковидные бусы, фаянс, посткатакомбный период, финал среднего бронзового века, лолинская культура, культурный круг Бабино, присулакская культура, архонская культурная группа, культурно-хронологический индикатор.

Поиск артефактов – культурно-хронологических индикаторов – одна из основных задач в построении хронологических систем и реконструкции культурно-генетических процессов по археологическим данным. Казалось бы, все основные категории вещей, которые могут служить узкими хроноиндикаторами для эпохи бронзы, уже известны, но это не так. Уточнение культурных контекстов и хронологических позиций для целых пластов памятников приводит к выделению новых категорий инвентаря, которые оказываются надежными хронологическими реперами и становятся основой для создания периодизаций и установления линий синхронизаций. Один из таких ярких примеров – лепестковидные бусы из фаянса и керамики финала среднего бронзового века (рис. 1–5).

Этот тип украшений известен довольно давно. Первый раз такие бусы были обнаружены при раскопках Нальчикского могильника в 1929 г. (рис. 1; 5, *16*) (*Круглов, Пиотровский, Подгаецкий*, 1941. С. 120). Во второй половине прошлого века и по настоящее время лепестковидный бисер стабильно встречался

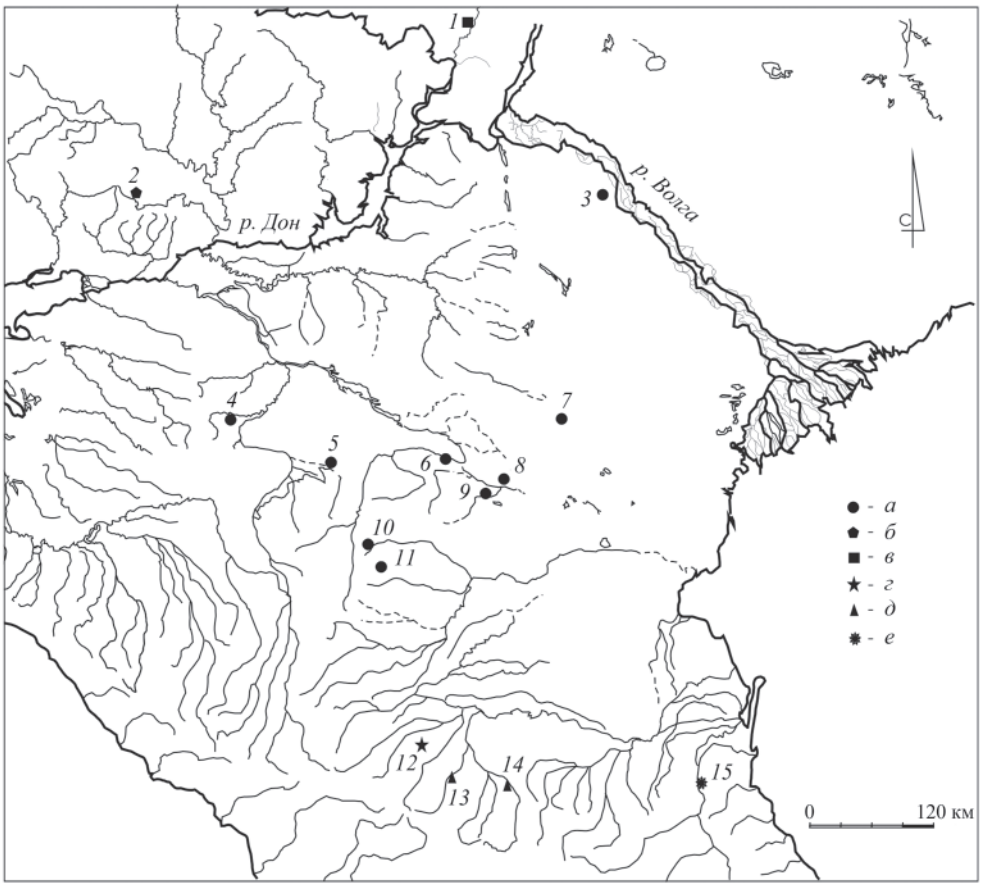


Рис. 1. Карта комплексов с лепестковидными бусами

а – лолинская культура; *б* – днепро-донская бабинская культура; *в* – волго-донская бабинская культура; *г* – аликоновская группа; *д* – архонская культурная группа; *е* – присулакская культура

1 – Писаревка II 10/2; *2* – Ребриковка II 1/7; *3* – Кривая Лука XXXIV 2/7; *4* –Новопалестинский II 2/5; *5* – Золотаревка 1 23/1, 6 15/6; *6* – Шарахалсун 3 8/2; *7* – Цаган-Усн VII 2/9, 2/11; *8* – Манджикины 1 10/2; *9* – Чограй, одиночн. кург/14; *10* – Ореховка 2/5; *11* – Калиновский 1/8; *12* – Нальчикский могильник; *13* – Чикола II 4/3; *14* – Архонская-88 2/5; *15* – Миатли II 1/1, 2/1

в захоронениях разных культурных контекстов Северо-западного Прикаспия, Северо-Восточного Кавказа, Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья (рис. 1). Несмотря на то, что подобралась уже представительная серия этих бус, данные изделия на протяжении полувека с момента первой находки не привлекали внимание исследователей ни с точки зрения культурной принадлежности, ни в плане возможной хронологической нагрузки. В публикациях и отчетах авторы находок даже не пытались четко определить их морфологию, ограничиваясь общей констатацией подтреугольной, продолговатой или неправильной формы

в рамках формального описания всех фаянсовых бус, происходящих из погребений (*Круглов, Пиотровский, Подгаецкий*, 1941. С. 120; *Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1981; *Андреева*, 1985; *Дервиз*, 1989. С. 259; *Прокофьев*, 2004. С. 282). Более конкретно морфология лепестковидных бус была рассмотрена при публикации комплексов Миатли II 1/1 и 2/1 (рис. 4, *1*; 5, *14, 15*), где они названы бусиной и подвеской в форме зуба (*Канивец*, 1959. С. 53; *Канивец, Березанская*, 1959. С. 64, 70). В.П. Шилов определил подобные украшения из погребения 9 кургана 2 мог. Цаган-Усн VII (рис. 2, *3*; 5, *3, 4*) как «яйцевидные» (*Шилов*, 1987), а Н.А. Николаева, В.А. Сафронов и С.Н. Кореневский описали бисер из комплексов Чикола II 4/3 и Архонская 88 2/5 (рис. 4, *2*) как «каплевидный» (*Николаева, Сафронов*, 1977; *Кореневский*, 1988).

Разнобой в названии однотипных изделий объясним. Исследователи, по-видимому, не воспринимали этот вид бус как системное явление, не пытались собрать разрозненные аналогии и четко определиться с терминологией. Когда такая работа была проделана, стало понятно, что мы имеем дело с вполне самостоятельным типом украшений. Форма этих бус подтреугольная, подовальная или неправильная в плане, с отверстием в центре или смещенным к верхушке изделия (рис. 5). В профиле бусины имеют характерную изогнутость и напоминают лепестки, поэтому для них предложен термин «лепестковидные» (*Мимоход*, 2003. С. 105). Он стал использоваться в литературе, в том числе украино- («пелюсткові») (*Литвиненко*, 2009. С. 59, 61) и англоязычной («petal») (*Shortland, Shishlina, Egorkov*, 2007. Tabl. 3, p. 281).

На сегодняшний день известно 18 комплексов, в инвентаре которых обнаружены лепестковидные бусы. Кратко их охарактеризуем.

Лолинская культура (11 комплексов)

Золотаревка 1 23/1, Ставропольский край (рис. 1; 5, *1*) (раскопки А.А. Калмыкова 2001 г.). Погребение основное в кургане, совершено в катакомбе. Скелет взрослого мужчины лежал скорченно на левом боку в позе адорации, головой на ВЮВ. В могиле обнаружены фрагмент сосуда, каменный диск и многочисленный фаянсовый и керамический бисер, в том числе трехрожковый и лепестковидный. Низки последнего находились у шейных позвонков и у запястья правой руки. Изделия имеют коричневый цвет и, скорее всего, сделаны из глины.

Золотаревка 6 15/6, Ставропольский край (рис. 1; 5, *2*) (*Бабенко*, 2001). Захоронение впускное, совершено в яме овальной формы. На дне могилы обнаружены два скелета – взрослого и подростка – в скорченном положении на левом боку, головой ориентированных на С. Положение рук не установлено. В состав инвентаря входили фрагмент сосуда, костяной конус, астрагалы МРС и фаянсовый бисер. Лепестковидные бусы (5 шт.) находились в заполнении могилы между черепами умерших.

Калиновский 1/8, Ставропольский край (рис. 1; 5, *8*) (*Дервиз*, 1989). Захоронение впускное, в насыпи, яма не прослежена. Костяк женщины 20–35 лет лежал в скорченном положении на левом боку головой на В. Обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья находятся в районе живота и парал-

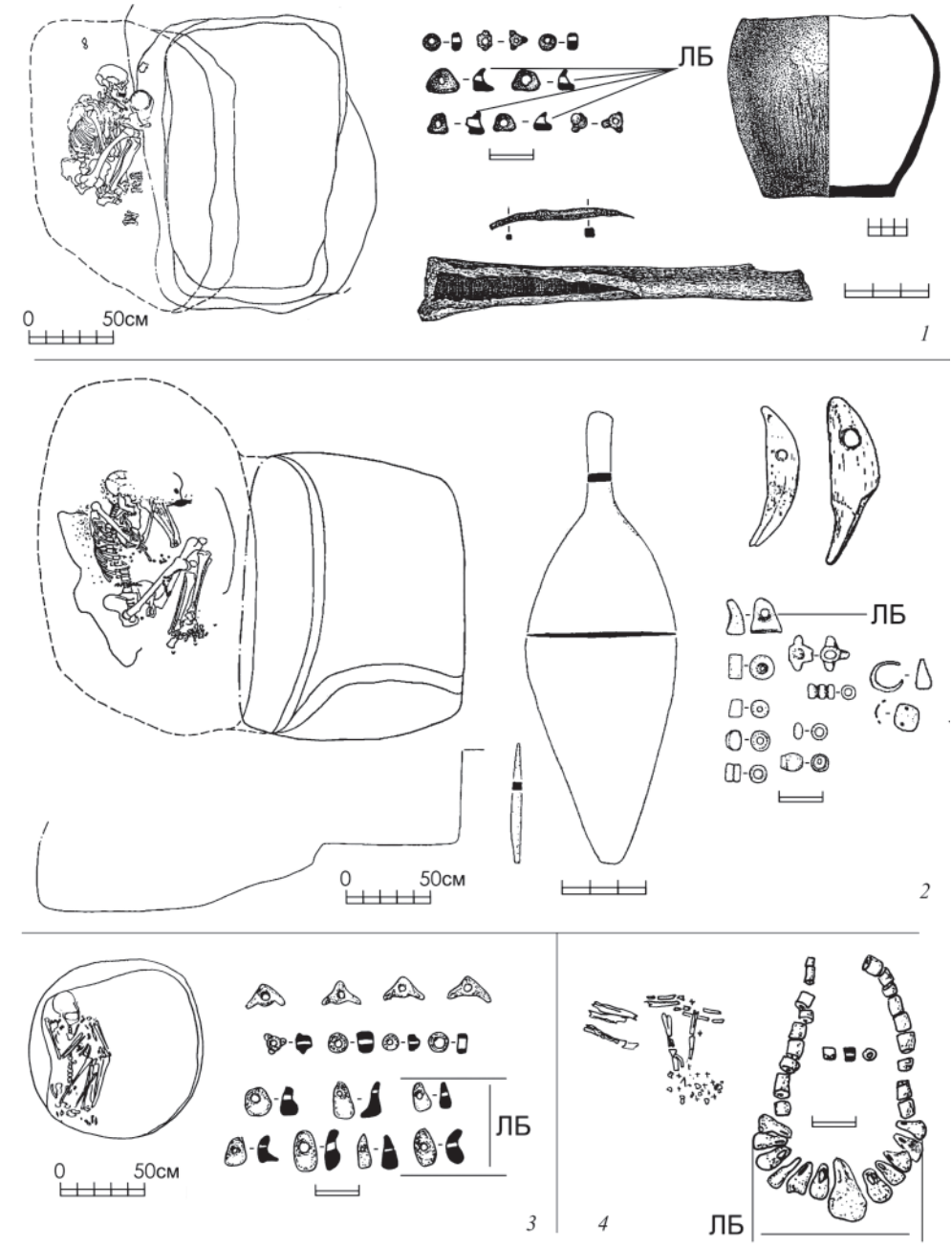


Рис. 2. Погребения лолинской культуры с лепестковидными бусами

ЛБ – лепестковидные бусы

1 – Манджикины 1 10/2; *2* – Новопалестинский II 2/5; *3* – Цаган-Усн VII 2/9; *4* – Ореховка 2/5

лельны друг другу. У ног зафиксирован череп МРС. В районе груди и головы располагался многочисленный фаянсовый бисер и четыре сердоликовые бусы. В состав украшений входило не менее 40 лепестковидных бусин.

Кривая Лука XXXIV 2/7, Астраханская область (рис. 1) (*Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1981). Погребение впускное, совершено в яме овальной формы. Скелет ребенка лежал скорченно на левом боку, черепом ориентирован на С. Положение рук как у скелета из предыдущего комплекса. У рук обнаружены кости ног МРС. У костей предплечий зафиксированы фаянсовые бусы, среди них четыре лепестковидные бусы.

Манджикины 1 10/2, Калмыкия (рис. 1; 2, *1*; 5, *5*) (*Шишлина*, 2000). Захоронение основное, совершено в катакомбе. Костяк женщины 45–55 лет находился в сильно скорченном адоративном положении, головой ориентирован на С. В состав инвентаря входили лопатки МРС, сосуд баночной формы, костяные проколки, отщепы кремня, сердоликовые и фаянсовые трехрожковые, кольцевидные и лепестковидные бусы. Украшения из фаянса располагались в районе щиколоток.

Новопалестинский II 2/5, Ростовская область (рис. 1; 2, *2*) (*Яценко*, 1999). Могила имела катакомбную конструкцию. Скелет женщины 30–35 лет лежал скорчено на левом боку головой на С, руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом. Инвентарь: бронзовые нож, шило, височное кольцо, волютоотразная подвеска, а также подвеска из раковины и многочисленный фаянсовый бисер, в том числе рожковый и лепестковидный. Им была расшита одежда и пояс погребенного. Интересующие нас бусы находились возле левой руки.

Ореховка 2/5, Ставропольский край (рис. 1; 2, *4*; 5, *6*) (*Андреева*, 1985). Впускное, в насыпи, яма не прослежена. Скелет взрослого человека находился в скорченном положении на правом боку, головой на ЮВ. Положение рук такое же, как и в комплексах Калиновский 1/8 и Кривая Лука XXXIV 2/7. В районе плеч и шеи найден фаянсовый бисер оранжевого цвета, среди них 12 крупных лепестковидных бусин.

Цаган-Усн VII 2/9, Калмыкия (рис. 1; 2, *3*; *5*; 3; 4) (*Шилов*, 1987). Комплекс впускной, устроен в яме округлой формы. Костяк женщины окрашен охрой, находился в скорченном положении на левом боку, руки в позе адорации, черепом скелет ориентирован на С. Инвентарь представлен фаянсовыми бусами: цилиндрическими, трехрожковыми и лепестковидными. Бисер располагался в области шеи, плечей и таза.

Цаган-Усн VII 2/11, Калмыкия (рис. 1) (Там же; *Мимоход*, 2007а). Погребение впускное, устроено в глубокой яме с заплечиками. Скелет женщины лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на С. Руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом. В состав инвентаря входили костяная проколка, кремневый отщеп, сердоликовые и фаянсовые, в том числе лепестковидные, бусы. Последние располагались в области черепа и шейных позвонков.

Чограй, одиночный курган / 14, Ставропольский край (рис. 1; 5, *9*) (*Кореняко*, 1977). Захоронение впускное, совершено в катакомбе. Скелет мужчины 25–40 лет находился в скорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на С, руки в позе адорации. Сопровождающие вещи: астрагал МРС,

костяное кольцо, фаянсовые цилиндрические, кольцевидные и трехрожковые бусы. Лепестковидная бусина имела коричневый цвет и сделана, скорее всего, из глины. Она обнаружена в районе шеи.

Шарахалсун 3 8/2, Ставропольский край (рис. 1; 5, *7*) (*Яковлев*, 2001). Захоронение впускное, парное, принадлежало взрослым индивидам, устроено в катакомбе. Один костяк находился в пакетированном состоянии, второй располагался скорченно на левом боку в позе адорации, черепом ориентирован на ССВ. В состав инвентаря входили костяное пряслице, бронзовое шило, астрагал МРС, фаянсовый бисер, в том числе трехрожковый и лепестковидный. Бусы располагались в районе запястий и лодыжек скелета, находившегося в анатомическом порядке.

Волго-донская бабинская культура[1]

Писаревка II 10/2, Волгоградская область (рис. 1; 3, *1*; 5, *11*) (*Мамонтов*, 2004). Погребение основное в кургане. Могильная яма подпрямоугольной формы. Скелет ребенка 9–10 лет был положен в скорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на Ю. Левая рука протянута к коленям, предплечье правой не сохранилось. Инвентарь: кости ног МРС, бронзовый колпачок, костяная проколка, бусина из зуба ската, фаянсовые и керамические бусы. В числе последних – двухрожковая бусина и лепестковидные бусы (21 шт.). Интересующий нас бисер располагался в районе верхней части грудной клетки.

Днепро-донская бабинская культура

Ребриковка II 1/7, Ростовская область (рис. 1; 2, *2*; 5, *10*) (*Прокофьев*, 2004). Впускное, совершено в яме. Костяк женщины 25–30 лет находился в скорченном положении на правом боку головой на ВСВ. Обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья находятся в районе живота и параллельны друг другу. В погребении находились украшения: просверленный клык животного и фаянсовые бусы. Лепестковидная бусина светло-коричневого цвета располагалась у верхней части грудной клетки.

Архонская культурная группа (2 комплекса)

Архонская-88 2/5, Северная Осетия (рис. 1; 4, *2*; 5, *12*) (*Кореневский, Мимоход*, 2011). Захоронение сопровождалось досыпкой и каменным кромлехом. Могильная яма с заплечиками имела прямоугольную форму. Умерший находился в скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на ЮВ. Кости

[1] Под ней подразумеваются памятники криволукской культурной группы. После того, как удалось показать, что группа является частью культурного круга Бабино, она стала полноправной археологической культурой (*Мимоход*, 2013б).

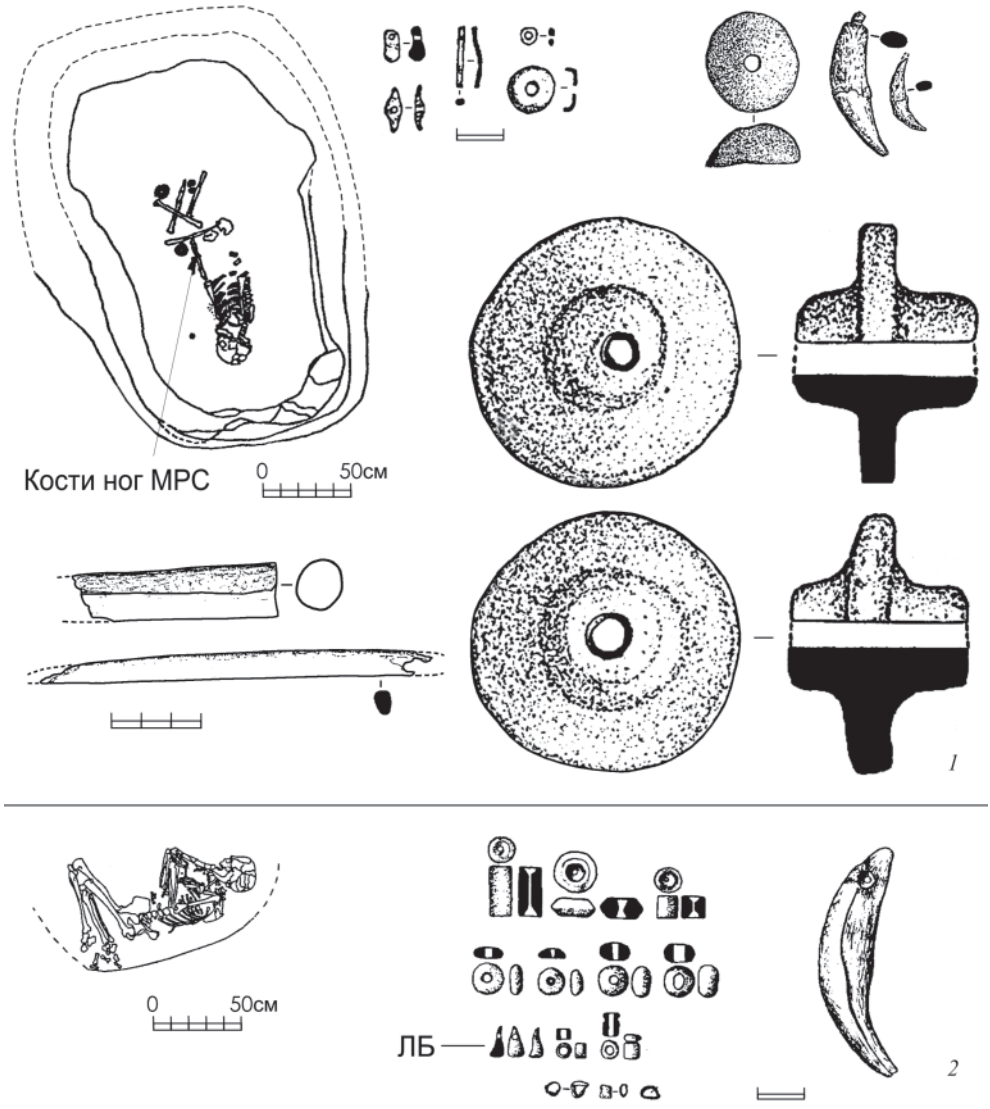


Рис. 3. Погребения культурного круга Бабино с лепестковидными бусами

ЛБ – лепестковидные бусы

1 – Писаревка II 10/2 (волго-донская бабинская культура); *2* – Ребриковка II 1/7 (днепро-донская бабинская культура)

правой руки не сохранились, левая согнута в локте под острым углом. В состав инвентаря входили баночный сосуд и фаянсовые бусы. Лепестковидный бисер располагался в районе нижней челюсти и грудной клетки.

Чикола II 4/3, Северная Осетия (рис. 1) (*Николаева, Сафронов*, 1977). Комплекс впускной. Погребение совершено в катакомбе Т-образной формы. Костяк

лежал в скорченном положении на левом боку черепом на В. Руки согнуты в локтях, кисти находились перед грудью. В могилу было поставлено три сосуда. Украшения представлены фаянсовыми бусами. Лепестковидный бисер розового цвета входил в состав наборного браслета левой руки.

Присулакская культура (2 комплекса)

Миатли II 1/1, Дагестан (рис. 1; 5, *14*) (*Канивец, Березанская*, 1959). Погребение основное, совершено в яме подпрямоугольной формы с каменным перекрытием. В могиле обнаружено два скелета. Их положение реконструируется как сидячее, лицом обращены на юг. В состав инвентаря входили четыре сосуда, бронзовый нож. Гарнитур украшений – бронзовые булавка, подвески в полтора оборота и колпачки с отверстием, многочисленный фаянсовый бисер и одна лепестковидная бусина, сделанная из обожженной глины.

Миатли II 2/1, Дагестан (рис. 1; 4, *1*; 5, *15*) (Там же). Комплекс основной. Яма имела подпрямоугольную форму, в заполнении находились камни и каменная перегородка в центре. Скелеты в могиле не обнаружены. В погребении найдены пять сосудов и многочисленные украшения. Последние включали в себя известняковые разъединители типа «домино», бронзовые височную подвеску и спиралевидную пронизь, фаянсовые бусы, в том числе трехрожковые, а также одну лепестковидную бусину из обожженной глины.

Аликоновская группа

Нальчикский могильник, Кабардино-Балкария (рис. 1; 5, *16*) (*Круглов, Пиотровский, Подгаецкий*, 1941). В публикации сказано, что две лепестковидные бусины найдены в «грунте могильника» (*Круглов, Пиотровский, Подгаецкий*, 1941. С. 120). В экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской республики выставлено два ожерелья. Одно из них полностью состояло из лепестковидного бисера (38 изделий), другое включало цилиндрические бусины и одну лепестковидную. Контекст их обнаружения не ясен. В Нальчикском могильнике помимо хорошо известных энеолитических погребений есть серия захоронений финала средней бронзы, которые, судя по правобочному положению ряда скелетов, относятся к аликоновской культурной группе, выделенной С.Н. Кореневским (*Кореневский*, 1990. С. 108–113; 2007а. С. 378; 2007б. С. 443; *Березин, Кореневский*, 2007. С. 731).

Подавляющее большинство лепестковидных бус сделано из фаянса. Для трех из них (Манджикины 1 10/2, Цаган-Усн VII 2/11) есть данные оптико-эмиссионной спектрографии (*Шишлина, Егорьков, Шортланд*, 2010. Табл. 2)[2]. Неко-

[2] В этой работе содержится неточность: авторы к лепестковидным бусам отнесли украшения из комплекса Хар-Зуха I 9/2 (*Шишлина, Егорьков, Шортланд*, 2010. Табл. 2). Как следует из отчета (*Очир-Горяева*, 1991), в этом захоронении лолинской культуры данного типа украшений не было. В гарнитур входил только кольцевидный и цилиндрический фаянсовый бисер.

Рис. 4. Комплексы финала средней бронзы Северо-восточного Кавказа с лепестковидными бусами

ЛБ – лепестковидные бусы

1 – Миатли II 2/1 (присулакская культура); *2* – Архонская-88 2/5 (архонская культурная группа)

торые образцы имеют коричневый цвет и пористую поверхность. Скорее всего, они сделаны из обожженной глины. Это подтверждается микроскопическими исследованиями бусины из комплекса Миатли II 1/1 (рис. 5, *14*) (*Канивец, Березанская*, 1959. С. 64).

Антропологические определения имеют пять захоронений лолинской культуры (Золотаревка 1 23/1, Манджикины 1 10/2, Чограй, од. кург/14, Калиновский 1/8, Новопалестинский II 2/5) и один комплекс днепро-донской бабинской культуры (Ребриковка II 1/7)[3]. В двух случаях это захоронения мужчин (Золотаревка 1 24/1, Чограй, од. кург/14,) и в четырех – женщин. По всей видимости, лепестковидные бусы носили как мужчины, так и женщины. Интересна и другая закономерность. Только два раза наш тип украшений зафиксирован в детских захоронениях (Кривая Лука XXXIV 2/7, Писаревка II 10/2), в остальных случаях – это погребения взрослых индивидов. Иными словами, лепестковидный бисер в тенденции выступает атрибутом костюма взрослых людей. Чаще лепестковидными бусами украшались череп и шея (10 комплексов), реже они входили в состав наборных запястных браслетов (5 комплексов), в единичных случаях бисер в виде лепестка располагался на щиколотках и лодыжках (2 комплекса).

Лепестковидные бусы – один из четких хроноиндикаторов посткатакомбного периода. Интересно, что нередко в гарнитурах они сочетались с другим типом хронологически диагностичных фаянсовых украшений – бус с выступами. Из 18 комплексов с лепестковидным бисером рожковые и бородавчатые бусы обнаружены в девяти. Причем, в семи захоронениях найдены изделия с тремя выступами (рис. 2, *1–3*; 4, *1*)[4], в двух с двумя (рис. 3, *1*). Хронология различных типов рожковых и бородавчатых бус предметно рассмотрена (*Мимоход*, 2012а). Они датируются временем от позднего этапа средней бронзы до начала позднего бронзового века и уже этим задают временные координаты для определения хронологического диапазона существования лепестковидного бисера.

Предметное рассмотрение хронологии комплексов, в которых обнаружены бусы интересующего нас типа, показало, что лепестковидные украшения датируются значительно уже, чем бисер с выступами. В соответствии с трехэтапной периодизацией лолинской культуры (*Мимоход*, 2007б) все лолинские комплексы с фаянсовыми и керамическими бусинами в виде лепестка относятся к раннему периоду. Нет сомнения, что комплексы Ребриковка II 1/7 и Писаревка II 10/2 (рис. 3, *1, 2*) относятся к начальным периодам днепро-донской и волго-донской бабинских культур, синхронных ранней Лоле. Оба захоронения принадлежат ранним обрядовым группам, а в Писаревке, к тому же, присутствуют архаичные категории инвентаря (*Мимоход*, 2010. С. 158). К позднему этапу присулакской культуры, синхронному ранней фазе посткатакомбного блока, относятся комплексы

[3] Определения Г.П. Романовой, А.А. Хохлова, М.М. Герасимовой, Е.Ф. Батиевой. Скелеты из комплексов Цаган-Усн VII 2/9 и 2/11 В.П. Шилов определил как женские, но ссылок на определение антрополога в отчете нет. Пол мог быть установлен исследователем по наличию украшений, как это часто делалось в прошлом веке, поэтому эти данные нельзя считать достоверными.

[4] В одном комплексе (Шарахалсун 3 8/2) кроме бусины с тремя выступами находилась еще и бусина с четырьмя бородавками.

Миатли II 1/1 и 2/1 (*Мимоход*, 2012а. Рис. 3; 2012б. С. 101). Это подтверждается находкой в данных захоронениях распределителей типа «домино» (рис. 4, *1*) и бронзовых колпачков с отверстиями. Кстати, аналогия последним присутствует в комплексе Писаревка II 10/2 раннего этапа волго-донской бабинской культуры, где колпачок также сочетается с лепестковидным бисером (рис. 3, *1*). В комплексе архонской культурной группы Чикола II 4/3 с лепестковидными обнаружены двухрожковые бусы с отростками сегментовидной формы. Бисер с такой морфологией рожков встречается только в комплексах ранней днепро-донской бабинской культуры и развитой Лоле и неизвестен в позднекатакомбных материалах (*Мимоход*, 2012а. Рис. 2, *19, 43*). Уже только на этом основании, не говоря уже о других посткатакомбных признаках чикольского комплекса, нельзя согласиться с предположением А.А. Клещенко о возможной частичной синхронности позднекатакомбной и архонской групп (*Клещенко*, 2013. С. 185)[5].

Таким образом, все данные указывают на то, что лепестковидный бисер датируется очень узко, в пределах ранней, а возможно, и развитой фаз блока посткатакомбных культурных образований. На сегодняшний день эти бусы – одна из самых хронологически диагностичных категорий инвентаря заключительного этапа среднего бронзового века. По своему информативному потенциалу лепестковидные бусы вполне сопоставимы, например, с костяными и роговыми пряжками, типология которых лежит в основе периодизации посткатакомбного горизонта восточноевропейской степи.

К сожалению, на данный момент мы не имеем ни одной радиоуглеродной даты для погребений с лепестковидным бисером. Однако представительные калиброванные данные ^{14}C раннебабинских и раннелолинской культур (*Мимоход*, 2011; 2012в; 2013а) позволяют уверенно определить время использования бус этого типа в пределах XXII–XX вв. до н. э.

Кроме хронологической нагрузки лепестковидные бусы могут выступать и культурным индикатором. Они встречаются только на территории Северо-восточного Кавказа, Предкавказья и в сопредельных с ним регионах Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья (рис. 1). Эти украшения обнаружены в комплексах шести культурных образований: лолинской, присулакской, днепро-донской и

[5] Эту идею А.А. Клещенко высказывал и ранее (*Клещенко*, 2007. С. 142). Парадокс позиции исследователя по вопросу хронологического соотношения позднекатакомбных и посткатакомбных культурных образований заключается в том, что в недавней работе за сюжетом, посвященном синхронности архонской посткатакомбной группы и позднекатакомбных древностей (*Клещенко*, 2013. С. 185), следует пассаж: «В одной из предыдущих работ (*Клещенко*, 2007. С. 142) основной хронологический диапазон позднекатакомбных памятников Закубанья был некорректно соотнесен с ранним посткатакомбным временем (финал III тыс. до н.э.)» (*Клещенко*, 2013. С. 189). Иными словами, исследователь, на мой взгляд, совершенно справедливо признает некорректность своей позиции 2007 г. и тут же к ней опять возвращается. Подобная точка зрения делает бесперспективным термин «посткатакомбный» и саму разработку посткатакомбной проблематики, которая сейчас признана плодотворной и ознаменована новыми открытиями, меняющими в корне представления о культурогенезе рубежа средней и поздней бронзы (*Гей*, 2011. С. 8).

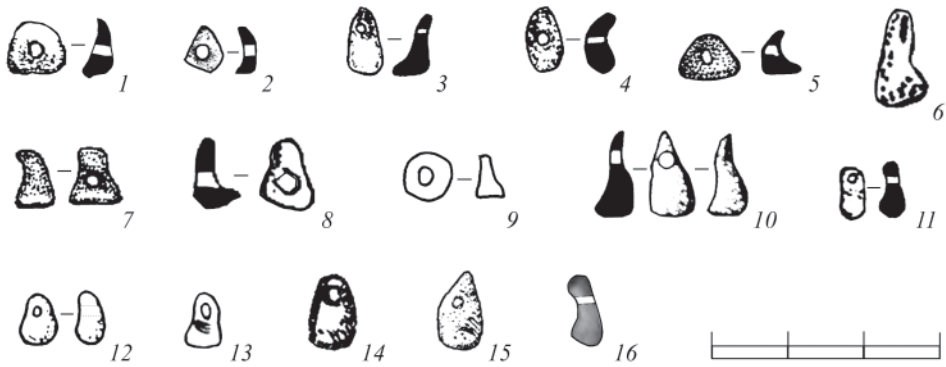


Рис. 5. Лепестковидные бусы

1–9 – лолинская культура; *10* – днепро-донская бабинская культура; *11* – волго-донская бабинская культура; *12, 13* – архонская культурная группа; *14, 15* – присулакская культура; *16* – аликоновская группа

1 – Золотаревка 1 23/1; *2* – Золотаревка 6 15/6; *3, 4* – Цаган-Усн VII 2/9; *5* – Манджикины 1 10/2; *6* – Ореховка 2/5; *7* – Шарахалсун 3 8/2; *8* – Калиновский 1/8; *9* – Чограй, одиночн. курган/14; *10* – Ребриковка II 1/7; *11* – Писаревка II 10/2; *12* – Архонская 88 2/5; *13* – Чикола II 4/3; *14* – Миатли II 1/1; *15* – Миатли II 2/1; *16* – Нальчикский могильник

волго-донской бабинской культур, архонской и аликоновской культурных групп. Несмотря на такое количество контекстов, лепестковидный бисер нельзя назвать надкультурным феноменом. Более того, есть все основания считать, что эти бусы являются этнографической новацией, связанной своим происхождением с конкретной культурой. Достаточно взглянуть на статистку встречаемости лепестковидных украшений по культурным контекстам. Из 18 случаев в 11 они обнаружены в погребениях лолинской культуры. В материалах других культурных образований они единичны: в днепро-донской и волго-донской бабинских культурах и аликоновской группе – по одному комплексу; в архонской культурной группе и присулакской культуре – по два. Столь выразительное соотношение свидетельствует о том, что именно носители лолинской культуры выработали этот тип украшений, а случаи находок подобных бус на сопредельной с территорий Северо-западного Прикаспия следует расценивать как результаты межкультурных связей.

Это хорошо заметно на примере днепро-донской и волго-донской бабинских культур. Они занимают большие ареалы в отличие от присулакской культуры, архонской и аликоновской культурных групп, имеющих компактные и относительно небольшие территории. Комплекс с лепестковидной бусиной на огромном пространстве Днепро-Донского Бабино располагается на территории Ростовской области в Нижнем Подонье, в непосредственной близости от ареала лолинской культуры (рис. 1). Аналогичная картина зафиксирована и для волго-донской бабинской культуры, протянувшейся в меридиональном отношении от севера Астраханской области до Самарского Заволжья. Погребение с лепестковидным бисером Писаревка II 10/2 находится на юге Волгоградской области

также в пограничье с лолинской культурой. Присулакская культура, архонская и аликоновская группы – это локальные предгорные культурные образования, находившиеся в непосредственном взаимодействии с лолинской культурой. Присутствие в их материалах единичных комплексов с лепестковидным бисером также можно объяснить трансляцией этого лолинского типа украшений в родственную среду. Причем, в горной части Северного Кавказа лепестковидный бисер уже неизвестен.

Таким образом, с выделением нового типа украшений – лепестковидных бус из фаянса и глины удалось расширить список артефактов финала средней бронзы, выступающих четкими культурно-хронологическими маркерами и служащих надежными основаниями для разработки периодизаций и построения линий синхронизаций для памятников посткатакомбного блока и синхронных культурных образований финала средней бронзы Северо-восточного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М.В., 1985. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13580–13583.

Бабенко В.А., 2001. Отчет о раскопках курганных могильников «Айгурский-2» и «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН.

Березин Я.Б., Кореневский С.Н., 2007. Курганный могильник Иноземцево 1 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. «Крупновские чтения» 1971–2006 / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие. Вып. VIII. С. 730–732.

Гей А.Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 225. С. 3–10.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский район Астраханской области) в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9905, 9905, а, б, в.

Дервиз П.Г., 1989. Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополья / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука. С. 257–269.

Канивец В.И., 1959. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. Т. 1. С. 31–59.

Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. Курганы бронзового века на Сулаке // Материалы по археологии Дагестана / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. Т. 1. С. 60–85.

Клещенко А.А., 2007. Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья // РА. № 4. С. 135–142.

Клещенко А.А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. № 228. С. 171–190.

Кореневский С.Н., 1988. Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 14135–14138.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Ин-т археологии АН СССР. 174 с.

Кореневский С.Н., 2007а. Раскопки курганов у Кисловодска в 1983–1984 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006 /

Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие. Вып. VIII. С. 378.

Кореневский С.Н., 2007б. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции в 1985–1989 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006 / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие. Вып. VIII. С. 443.

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: Ин-т археологии РАН. 120 с.

Кореняко В.А., 1977. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Р-1, № 7223, 7223, а–к

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Е.В., 1941. Могильник в г. Нальчике // МИА. № 3. М. С.67–135.

Литвиненко Р.О., 2009. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. № 9. С. 44–89.

Мамонтов В.И., 2004. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 году // Архив ИА РАН.

Мимоход Р.А., 2003. О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ. Часть I. С. 103–107.

Мимоход Р.А., 2007а. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С.М. Санжаров. Луганськ: Вид-во Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. № 7. С. 118–127.

Мимоход Р.А., 2007б. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. № 4. С. 143–154.

Мимоход Р.А., 2010. Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание: (культурные области, археологические культуры, хронология): материалы науч. конф. (11–16 октября 2010 г.). Уфа: Изд-во БГПУ. С. 158–160.

Мимоход Р.А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып. 225. С. 28–53.

Мимоход Р.А., 2012а. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия». С. 137–144.

Мимоход Р.А., 2012б. Посткатакомбный период в Предкавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ. С. 100–102.

Мимоход Р.А., 2012в. Радиоуглеродные даты погребений днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III на Северском Донце // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Гол. ред. В.В. Отрощенко. Луганськ: Видавничо-полігрфічний цент ТОВ «Елтон-2». С. 295–299.

Мимоход Р.А., 2013а. Погребения днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III и могильника Таловый I на правобережье Северского Донца // КСИА / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Языки славянской культуры. № 228. С. 34–46.

Мимоход Р.А., 2013б. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье: содержание и дефиниции // Археология восточно-европейской степи. Материалы IV Нижневолжской археологической конференции. Саратов: Типография ИП Беглакова Е.С. Вып. 10.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1977. Отчет о раскопках курганов в с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района СО АССР, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6847.

Очир-Горяева М.А., 1991. Отчет об исследованиях курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе Калмыцкой ССР // Архив ИА РАН. Р-1. № 17579, 17580.

Прокофьев Р.В., 2004. Курганы с камнем на правобережье Северского Донца // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник. Вып. 20. С. 240–326.

Шилов В.П., 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИИФЭ в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 12351, 12351а.

Шишлина Н.И., 2000. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкии в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 22440–22446.

Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации / Отв. ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб.: Алетейя. С. 639–655.

Яковлев А.В., 2001. Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 3 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 году // Архив ИА РАН.

Яценко В.В., 1999. Отчет о раскопках курганного могильника Новопалестинский II в Песчанокопском районе Ростовской области // Архив ИА РАН. Р-1.

Shortland A., Shishlina N., Egorkov A., 2007. Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relations aves le Proche-Orient. Paris. P. 269–283.

И. П. Алаева

СПЕЦИФИКА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ[1]

I. P. Alaeva. Specific features of the pottery assemblage from the Late Bronze Age in the steppe zone of the Southern Trans-Ural region

Abstract. The author presents the investigation of the pottery assemblage of the Timber-grave-Alakul population of the Late Bronze Age. On the basis of materials from the Bolshaya Berezovaya 2 settlement, a classification of clay vessels has been worked out. It is based on the study of the techniques used for manufacturing vessels and the examination of the significance of their structural parts. Four types of vessels have been identified: Type 1.1 – Early Alakul pottery; Type 1.2 – Alakul pottery; Type 1.3 – syncretic Timber-Ggrave – Alakul pottery and Type 1.4 – Timber-grave pottery. The distinguishing characteristic of the syncretic Timber-grave – Alakul type of pottery is the abandonment of Alakul technology for the manufacture of vessels. Disruption of the technological process went hand in hand with failure to position decorative areas as before (which meant they did not coincide with structural zones), non-adherence to the Alakul tradition regarding decorative techniques and a limited range of decorative elements.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Южное Зауралье, керамический комплекс, алакульская культура, срубная культура, срубно-алакульская контактная зона, синкретичная срубно-алакульская керамика.

Локальным своеобразием поселений позднего бронзового века степной части Южного Зауралья являются смешанные керамические комплексы, появление которых связано с существованием контактной зоны двух культурных общностей – срубной и алакульской.

Фактическое отсутствие дробной, единой и, главное, рабочей типологии керамики позднего бронзового века обусловило известный разнобой в определении культурной принадлежности керамических комплексов поселений срубно-алакульского времени. Наибольшую трудность вызывает разграничение группы синкретичной «срубно-алакульской» керамики с собственно «срубными» и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-85116 а/У).

Таблица 1. Соотношение культурных компонентов в керамических комплексах поселений позднего бронзового века Южного Зауралья

Памятники	Количество сосудов позднего бронзового века	Общее количество фрагментов керамики (сосуды)	Культурный компонент, %				
			раннеалакульский (петровский)	раннесрубный	алакульский	срубно-алакульский	срубный
Мирный II	150	2550 (176)	–	–	95,0	–	–
Мирный III	115–120	1091 (125)	–	–	95,0	–	–
Кулевчи III	169	10 000 (188)	44,0	–	46,0	–	–
Малая Березовая-4	349	7274 (430)	–	–	77,0	6,0	–
Большая Березовая-2	163	3000 (183)	12,0	–	48,5	23,0	1,0
У Спасского моста	239	2400 (322)	–	–	70,0	1,0	4,0
Лебяжье VI	58	3350 (58)	5,0	–	23,0	9,0	63,0
Кизильское	193	3865 (341)	–	–	19,0	11,0	27,0
Тавлыкаевское	822	3056 (1191)	–	–	3,0	19,0	47,0
Олаир	204	6322 (226)	8,5	3,5	24,0	28,0	19,0
Таналык	2087	(2100)	–	–	1,0	25,0	73,0

Примечание. Данные представлены по материалам авторов исследования керамических коллекций с поселений: Мирный II, III (*Стефанов*, 1996); Кулевчи III; Малая Березовая-4 (*Марков*, 2007), Большая Березовая-2 (*Алаева*, 2011); «У Спасского моста», Тавлыкаевское, Таналык (*Руттo*, 2003); Лебяжье VI (*Петрова*, 2004); Кизильское (*Стоколос*, 2004); Олаир (*Сунгатов, Бахшиев*, 2008).

«алакульскими» сосудами. Процент выделяемой синкретичной срубно-алакульской керамики на поселениях степной зоны Южного Зауралья в определенной мере зависит от субъективной авторской позиции в подборе списка признаков керамической традиции двух культур. Сопоставление материалов поселений демонстрирует очевидную зависимость (табл. 1). В одних памятниках авторы полностью исключают наличие синкретичной срубно-алакульской группы посуды, определяя в алакульский комплекс до 95% керамики (поселения Мирный II, III – *Стефанов*, 1996). По сравнению с основными культурными традициями, группе синкретичной керамики на памятнике в некоторых случаях отводится совсем незначительная роль (поселение «У Спасского моста», поселение Лебяжье VI – *Фомина*, 1964; *Петрова*, 2004). В коллекциях других поселений синкретичная посуда может составлять представительный комплекс (Олаир – *Сунгатов, Бахшиев*, 2008). Затруднения вызывает также идентификация посуды срубной культуры, прежде всего в свете различий ее с синкретичной, срубно-алакульской. На поселениях Кизильское, Тавлыкаевское, наиболее близких к

«срубному миру», процент керамики срубной культуры может составлять 27% и 47% соответственно (*Стоколос*, 2004; *Рутто*, 2003). В то же время, в комплексе поселения Лебяжье VI, тяготеющему уже к «алакульскому миру», автор отводит срубному комплексу доминирующую позицию (*Петрова*, 2004).

Справедливости ради стоит отметить, что большинство представленных в табл. 1 данных не являются плодом субъективности авторов исследований, а отражают определенные закономерности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в степной части Южного Зауралья. Процентное соотношение алакульской, синкретичной срубно-алакульской и, отчасти, срубной керамики, зафиксированное на памятниках, указывает на распределение культурных компонентов. Так, только на поселениях Башкирского Зауралья и близких ему территориях (Тавлыкаево, Олаир, Кизильское) доля собственно срубных сосудов значительно увеличивается. На поселениях северной (Малая Березовая-4, Большая Березовая-2) и восточной периферии (Кулевчи III, Мирный II, III) срубно-алакульской контактной зоны возможно почти полное отсутствие керамики срубной культуры и превалирование алакульского компонента. Закономерно и увеличение доли синкретичной керамики на памятниках Башкирского Зауралья, территориально близких к ареалу срубной культуры. В погребальных памятниках данная группа керамики рассматривалась исследователями как разнообразное сочетание обобщенных признаков алакульской и срубной культуры. Выделение синкретичной срубно-алакульской посуды по их материалам предпринималось неоднократно (*Рутто*, 1987. С. 49; 2003; *Марков*, 2003).

Отмеченные выше сложности в диагностировании культурных признаков керамических комплексов срубно-алакульской контактной зоны делают актуальным обращение к материалам конкретных памятников с целью выделения обоснованных критериев смешанных керамических традиций. В число таких памятников входит поселение Большая Березовая-2, расположенное в Нагайбакском районе Челябинской области, в среднем течении р. Гумбейки. Оно исследовалось автором в 2006 и 2009 гг. (*Алаева*, 2011). На площади в 756 м^2 была вскрыта южная линия жилищных впадин, состоящая из трех построек (рис. 1). На основе керамической коллекции из приерно 3000 фрагментов сосудов составлена база данных, учитывающая признаки 183 сосудов (всего 77 признаков). В результате выделено три культурно-хронологические группы: сосуды позднего бронзового века I (ПБВ-I – алакульская, срубная культуры); сосуды позднего бронзового века II (ПБВ-II – черкаскульская культура); сосуды позднего бронзового века III (ПБВ-III – саргаринско-алексеевская, межовская культуры).

К комплексу ПБВ-I отнесено 89% сосудов (163 экз.). Другие эпохи в керамической коллекции представлены существенно меньшей долей: 3% (5) – федоровского и черкаскульского облика; 8% (15) – финального периода бронзового века саргаринско-алексеевского культурного типа.

Анализ керамической коллекции поселения Большая Березовая-2 позволил предложить классификацию сосудов срубно-алакульского времени (ПВБ I), основанную на технологии изготовления посуды и осмыслении ее конструктивных зон.

Специфика керамических комплексов поселений состоит в наличии в выборке преимущественно верхних частей культурно определимых сосудов. Поэ-

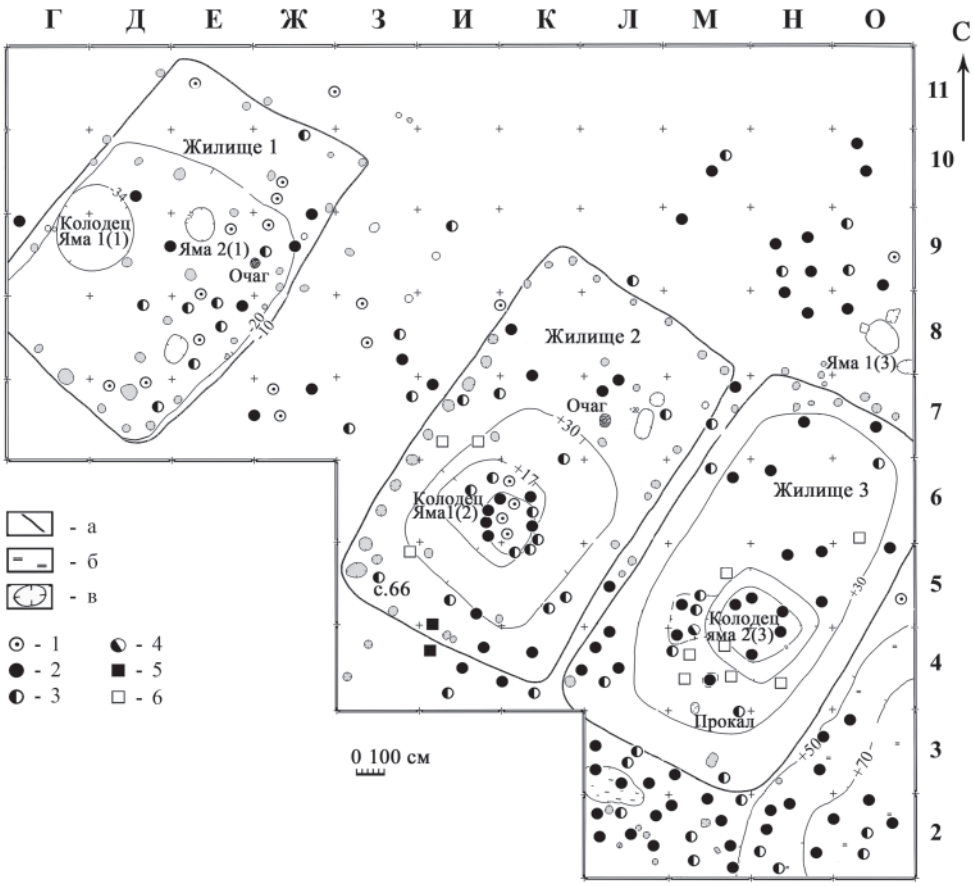


Рис. 1. Поселение Большая Березовая-2. План распространения керамических сосудов

а – граница жилища; б – выкид (материковая глина); в – очертания столбовой ямки
1 – тип 1.1 (раннеалакульская культура); *2* – тип 1.2 (алакульская культура); *3* – тип 1.3 (срубно-алакульская керамика); *4* – тип 1.4 (срубная культура); *5* – тип 2 (федоровская культура); *6* – тип 4/5 (эпоха финальной бронзы)

тому основное внимание было сосредоточено на технологических особенностях их изготовления.

В петровско-алакульской традиции ведущей операцией являлась формовка (конструирование начина) на сосуде-основе полого тела лоскутным налепом. Прикрепление шейки происходило на отдельном этапе, в результате чего в месте стыка шейки и тулова получалось ребро, уступ (*Виноградов*, 1983; *Виноградов, Мухина*, 1985). На сосудах раннеалакульской культуры уступ намеренно подчеркивался не только специальными техническими приемами, но и расположением именно в этом месте так называемой свободной полосы, лишенной орнамента. На этапе расцвета алакульской культуры, намеренное подчеркивание уступа, как и выделение свободной полосы, постепенно исчезает.

В керамической традиции срубной культуры конструирование начина и образование шейки на сосуде связано с совершенно другой технологией. Здесь использовался спирально-жгутовой налеп, поэтому в месте перехода от тулова к шейке специальный уступ не формировался (*Мухаметдинов*, 2012. С. 105; *Салугина*, 2009. С. 81–97).

Стыки конструктивных элементов на сосудах алакульской культуры (шейка, тулово, дно) акцентировались расположением орнаментальных зон между горизонтальными линиями-разделителями. Именно такую технологию демонстрируют керамические сосуды алакульской культуры в материалах поселений степной части Южного Зауралья.

Для керамики синкретичной срубно-алакульской группы определяющим признаком становится нарушение алакульской технологии: уступ-ребро на сосудах формируется перегибом с целью имитации характерной части алакульских сосудов. Как правило, технологическим нарушениям сопутствовали и нестыковки в локализации орнаментальных зон, несообразности алакульской традиции техники орнаментации, несимметричность орнамента.

Особенности технологии изготовления конструктивных элементов стали основными типообразующими признаками и ведущим критерием в культурной атрибуции керамики.

К группе ПБВ I отнесены четыре типа сосудов (указан процент от всех сосудов поселения):

– тип 1.1 – раннеалакульская керамика (12%, 22 сосуда);

– тип 1.2 – алакульская (48,5%, 89 сосудов);

– тип 1.3 – синкретичная срубно-алакульская (23%, 42 сосуда);

– тип 1.4 – срубная (1%, 2 сосуда).

Типологическое своеобразие еще 4,5% сосудов (8 экз.) позднего бронзового века оказалось трудноопределимым в силу небольшого размера сохранившихся фрагментов.

Большая часть коллекции группы 1 (ПБВ-I) представлена горшечно-баночными сосудами. Баночные формы (с закрытым и открытым профилем) единичны в рассматриваемом поселенческом материале и составляют всего 4% (7 экз.).

В распределении типов керамики на площади раскопа отмечены некоторые особенности (рис. 1). Керамика типа 1.1 (раннеалакульская) представлена в совокупности с фрагментами сосудов типа 1.2 (алакульская) и типа 1.3 (срубно-алакульская). Фактически сосуды группы ПБВ-I по данным планиграфического анализа являются единым культурным и отчасти хронологическим комплексом.

Концентрация сосудов раннеалакульского типа 1.1 отмечена вдоль восточного борта жилища 1 и в нижнем заполнении колодца жилища 2. Основная масса керамики типа 1.2 и 1.3 локализовалась за пределами жилищ 2 и 3, в толще золистого грунта и в заполнении колодцев. Керамические сосуды финала бронзового века (тип 4/5) компактно отложились в наиболее углубленной части жилища 3, в верхней части колодца.

Тип 1.1 – раннеалакульская культура (рис. 2, *I, 1, 2, 4, 5, 6*). На горшечно-баночных сосудах этой группы переход от тулова к шейке оформлен вариантами ребра-уступа, либо уступом. В верхней части шейки находится наплыв, так

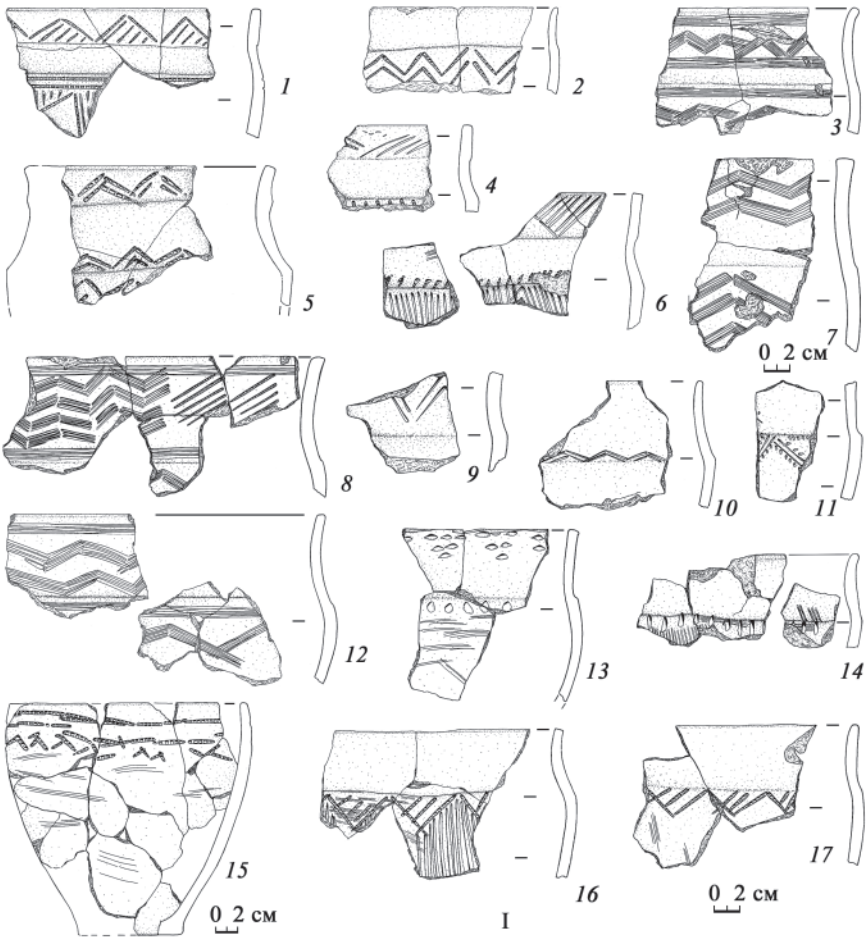


Рис. 2. Керамические сосуды поселения Большая Березовая-2

I – типы керамических сосудов. *1, 2, 4, 5, 6* – раннеалакульская культура (тип 1.1); *3, 7, 8, 12* – алакульская культура (тип 1.2); *9–11, 13, 14, 16, 17* – синкретичная срубно-алакульская керамика (тип 1.3); *15* – срубная культура (тип 1.4)

II – типы зональности орнамента

III – группы элементов орнамента

называемый воротничок; в нижней части шейки – свободная полоса – неорнаментированная зона. Внешние и внутренние поверхности большинства сосудов хорошо заглажены без образования видимых следов. Лощение использовано местами, на единичных сосудах.

Толщина стенок большинства сосудов этого типа составляла 0,7–1,0 см. Тонкостенные сосуды с толщиной стенок в 0,5–0,6 см отмечены в трех случаях. Венчик преимущественно плоский, срезан со скосом на внешнюю сторону. Особенности оформления шейки сосудов являются одним из главных маркеров типа. На половине сосудов типа 1.1 фиксировался «воротничок», выраженный довольно слабо и подчеркнутый каннелюрами. На большинстве сосудов высота воротничка составляла 2,8–3,2 см, на трех крупных сосудах он достигал 4,0 см. Несмотря на превалирование сглаженного уступа-ребра в месте перехода от тулова к шейке, в типе 1.1 выделяются варианты четкого оформления ребра или уступа. Варианты «перегиб» и «плавный профиль» – проявление нарушения петровско-алакульской технологии в подборке сосудов типа 1.1 не отмечены.

Все сосуды типа 1.1 орнаментированы. В их декоре в общей сложности использовано 9 элементов, составивших две группы: горизонтальные зигзаги и треугольники, с сопутствующими им горизонтальными линиями (рис. 2, *III*). Редкие элементы орнамента зафиксированы на двух сосудах. Характерно разнообразие треугольников: косо заштрихованные, равнобедренные, пустые, в виде грозди. Нужно признать, что использование треугольников в орнаменте – достаточно ранний признак петровского и постпетровского хронологического горизонта.

Наиболее предпочитаемый в описываемое время тип зональности – «верх шейки и верх тулова» (тип 3), когда орнамент располагается по двум зонам с выделением так называемой свободной полосы (рис. 2, *II*). Подобным образом орнаментирована половина сосудов типа 1.1. В качестве разделителей на сосудах этой группы используются прочерченные горизонтальные линии. Размещение разделителей связано с зоной перехода тулова в шейку и разграничением поясов орнамента на шейке. Всего разделители отмечены на 56% сосудов типа 1.1. В технике орнаментации заметно явное преобладание гребенчатого штампа, на втором месте по встречаемости – гладкий штамп. В технике «протащенная гребенка» орнаментированы единичные сосуды.

Керамика типа 1.1 находит соответствие в керамических комплексах поселений Южного Зауралья и Оренбуржья (рис. 3): Кулевчи III (*Виноградов*, 1983), Олаир (*Сунгатов, Бахшиев*, 2008. С. 38), Родниковое (*Купцова, Файзуллин*, 2012. С. 81).

Тип 1.2 – алакульская культура (рис. 2, *I, 3, 7, 8, 12*). Горшечно-баночные сосуды, тулово слегка выпуклое, шейка отдельной лентой прикреплена к тулову, в месте соединения фиксируется выраженный уступ. Часто шейка довольно высокая. В орнаментации отмечено обязательное использование разделителей. Лощение поверхности сосудов в основном представлено локальными участками подлощения. Толщина, стенок большинства сосудов – 0,7–0,9 см. Интересно почти полное отсутствие тонкостенных сосудов (толщиной 0,5–0,6 м). Примерно половину коллекции составляли сосуды с толщиной стенок 0,9–1,1 см.

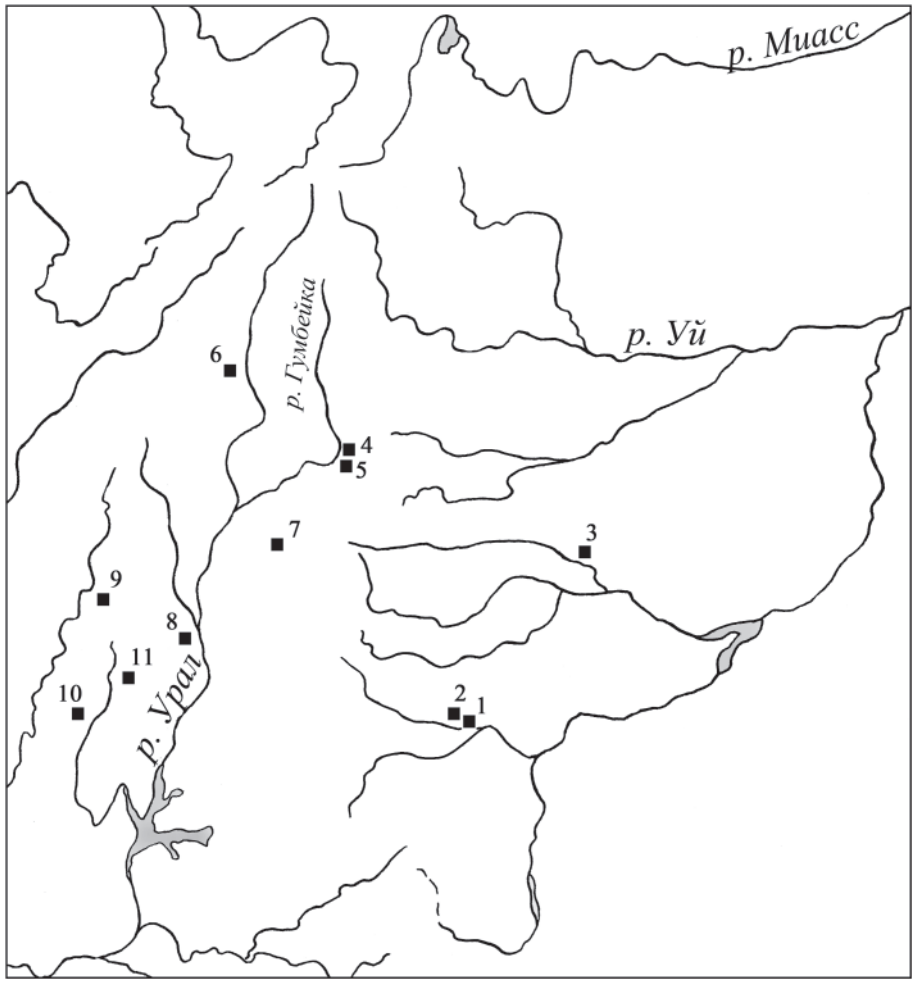


Рис. 3. Поселения позднего бронзового века степной части Южного Зауралья

Поселения: *1* – Мирный II; *2* – Мирный III; *3* – Кулевчи III; *4* – Малая Березовая-4; *5* – Большая Березовая-2; *6* – «У Спасского Моста»; *7* – Лебяжье VI; *8* – Кизильское; *9* – Тавлыкаевское; *10* – Олаир; *11* – Таналык

Шейки довольно высокие: на половине сосудов их высота составляет 6,5–9,5 см. Показательно отсутствие короткошейных сосудов. Переход от тулова к шейке оформлен вариантами уступа и уступа-ребра. Четко выраженный уступ зафиксирован на четырех сосудах. В большинстве же случаев на поселенческой посуде уступ бывает сглаженным. Ребро как элемент более раннего типа в этой категории не отмечен.

Всего в орнаментации сосудов типа 1.2 использовано 12 элементов. Повторяющиеся в разных зонах элементы отмечены на 8 сосудах. Без орнамента зафиксирован только один. Элементы орнамента: горизонтальные зигзаги (в один

ряд, два и многорядные), горизонтальные линиии, треугольники (заштрихованные, вершиной верх, вниз), ряды вдавлений и оттисков (рис. 2, *III*). Горизонтальные линии выполняли и роль зональных разделителей.

Необходимо отметить, что процентное соотношение типов зональности сохраняется и в типе сосудов 1.1, и в типе 1.2. Преобладают «верх шейки и верх тулова» (тип 3) и «вся шейка и верх тулова» (тип 5) (рис. 2, *II*). Фактически речь идет о предпочтении как свободной полосы, так и, напротив, заполнения орнаментом всей шейки сосуда.

В технике орнаментации керамики алакульской культуры поселения Большая Березовая-2 доминирующие позиции занимает так называемая протащенная гребенка (43% типа 1.2), на втором месте гребенчатый штамп с довольно крупными отпечатками зубчиков (29% типа 1.2). В орнаментации керамики «классического» этапа позднего бронзового века значительно уменьшается доля орнаментальных приемов, характерных для более раннего периода – мелкогребенчатого (6% керамики типа 1.2) и гладкого штампов (10% типа 1.2). Ряды вдавлений на степной посуде типа 1.2 зафиксированы в 6% случаев.

Керамические сосуды типа 1.2 широко представлены в памятниках степной части Южного Зауралья (рис. 3): поселения Мирный II, III (*Стефанов*, 1996. С. 46, 55), Лебяжье VI (*Петрова*, 2004. С. 192), «У Спасского моста» (*Фомина*, 1964. С. 211).

Тип 1.3 – срубно-алакульский комплекс (рис. 2, *I, 9–11, 13, 14, 16, 17*). В этой группе отмечено нарушение технологии производства сосудов алакульской культуры, вычленяются признаки срубной культуры. Толщина стенок сосудов увеличена. Место перехода тулова в шейку оформлено перегибом, традиционно относимым к смешанному варианту «уступ-ребро». Наличие уступа-ребра у этой категории сосудов вызвано не технологической необходимостью, а стремлением имитировать характерный признак алакульских сосудов. Степень орнаментированности небольшая – много сосудов без орнамента. В декоре широко представлены вдавления. Расчесы на внешней поверхности отмечены на 24% посуды. Для этого типа характерны короткие шейки, высотой 4–5 см; высокие шейки единичны, сверхвысокие (выше 6,5 см) отсутствуют.

Около трети сосудов типа 1.3 не орнаментированы. Однако эта цифра в реальности может быть меньше, потому что пустую полосу на шейке сосуда следует рассматривать как особую орнаментальную зону (тип зональности 6), так как отсутствие декора в этом месте являлось частью общей орнаментальной композиции.

Всего в орнаментации сосудов типа 1.3 задействовано пять элементов орнамента. В целом, для сосудов типа 1.3 характерна орнаментальная бедность. Примечательна существенная доля использование такого элемента, как «ряды вдавлений», наряду с горизонтальными зигзагами и треугольниками (рис. 2, *III*). Горизонтальные линии в качестве разделителей использованы всего на трех сосудах.

Сосуды типа 1.3 известны на поселениях: Тавлыкаевское (*Рутто*, 2003. С. 43), Таналык (Там же. С. 45), Кизильское (*Стоколос*, 2004. С. 233), Лебяжье VI (*Петрова*, 2004. С. 192), Олаир (*Сунгатов, Бахшиев*, 2008. С. 41).

Тип 1.4 – срубная культура (рис. 2, *I, 15*) – в коллекции поселения Борльшая Березовая-2 представлен парой сосудов баночной формы, которые автор счел возможным отнести к срубной культуре. В примеси к глиняному тесту в сосудах

этой группы не отмечено талька. Внешние поверхности покрыты расчесами, выполненный крупным гребенчатым штампом орнамент расположен под венчиком. Орнамент нерегулярный.

Керамические сосуды типа 1.4 находят соответствие в памятниках срубной культуры степной части Южного Зауралья, Башкирии, Оренбуржья. Поселения: Тавлыкаевское (*Морозов*, 1983. С. 29–31), Кизильское (*Стоколос*, 2004. С. 233), Олаир (*Сунгатов, Бахшиев*, 2008. С. 40), Родниковое (*Купцова, Файзуллин*, 2012. С. 82).

Сравнительная характеристика сосудов позднего бронзового века -I поселения Большая Березовая-2

Тесто большинства сосудов ПБВ-I отличается сходными характеристиками: в 92–100% случаев в нем представлена примесь талька. Внешняя поверхность сосудов обработана заглаживанием, как правило, с выравниванием поверхности. Следы расчесов встречаются не часто: наименьший процент расчесов (5%) отмечен на посуде раннего типа 1.1, на сосудах типа 1.2 и типа 1.3 они зафиксированы в 20 и 23% случаев соответственно. Увеличение доли сосудов с расчесами в коллекции поселенческого памятника свидетельствует о некотором огрублении технологии обработки поверхности бытовой керамики.

Шестнадцать-семнадцать процентов сосудов типа 1.1 и типа 1.2 имеют лощение на внешней поверхности, на керамике типа 1.3 оно полностью отсутствует. Подобная выборочность в применении лощения соответствует распределению признаков алакульской и срубной культуры по типам. Так, тип 1.1 и 1.2 отличаются наличием «классических» признаков алакульской культуры, в том числе лощением (характерным, скорее, для погребальной посуды). Отсутствие лощения на сосудах типа 1.3 (срубно-алакульского) демонстрирует традиции срубной культуры.

Цвет внешней поверхности большинства сосудов серых оттенков: от серо-коричневого до серо-черного. Интересно процентное распределение сосудов светло-коричневого цвета по типам. В типах 1.2 и 1.3 их количество незначительно, в то время как сосуды с этим оттенком в типе 1.1 (раннеалакульском) составляют треть коллекции (33%). Светло-коричневая внешняя поверхность сосудов типа 1.1 находит соответствие в окраске сосудов петровской культуры. Можно отметить также нарастание толщины стенок сосудов и их «грубости» от типа 1.1 к типу 1.3. Наиболее тонкостенная посуда представлена в типе 1.1.

Отмечена тенденция к уменьшению случаев оформления элемента «свободная полоса»: тип 1.1 – 44%, 1.2 – 16% и в типе 1.3 только 9%. В последнем случае отсутствует само обозначение границ этого элемента: он выражен в редуцированной форме, – как место, освобожденное от орнамента.

Высота «воротничка» в типе 1.1 в 63% случаев незначительна, но интересна тенденция к увеличению его высоты вместе с увеличением общей высоты шейки в сравнении с петровской керамикой, отличающейся «короткошейностью». Это свидетельствует о развитии типа, преобразовании традиции петровской культуры в алакульскую. На фоне доминирования прямых шеек в типах 1.1 и 1.2 появляется «отогнутость» в типе 1.3.

Таблица 2. Особенности оформления перехода от тулова к шейке на сосудах поселения Большая Березовая-2

Типы группы ПВБ I	Количество сосудов	Оформление перехода от тулова к шейке, %			
		Ребро	Уступ	Уступ-ребро	Перегиб
1.1. Раннеалакульский	22	13	34	53	0
1.2. Алакульский	89	0	57	43	0
1.3. Срубно-алакульский	42	0	0	47	53

Одним из диагностирующих признаков культуры служит специфика оформления перехода от тулова к шейке. Только в ранней группе типа 1.1 наблюдается оформление «ребра». Посуда алакульского культурного компонента (тип 1.2) демонстрирует следование традиции в оформлении классического «уступа» и переходного «уступа-ребра» (34% и 57% соответственно). Показательно, что в типе 1.3 (срубно-алакульском) не отмечено четкого оформления «уступа», чаще всего фиксируются переходные варианты, почти в половине случаев технология оказывается нарушенной и переход от тулова к шейке оформлен простым перегибом (табл. 2).

Декор на керамике позднего бронзового века – явление в достаточной мере унифицированное. Среди наиболее распространенных можно назвать четыре группы элементов орнамента: горизонтальные зигзаги, треугольники, горизонтальные линии и ряды вдавлений (рис. 2, *III*). Усложненные элементы (меандровидные фигуры, геометрические композиции) характерны подчас для погребальной посуды, в поселенческих материалах они буквально единичны. Горизонтальные зигзаги (в один, два ряда и многорядные) и различно оформленные треугольники составляют наиболее устойчивый процент в керамике поселения Большая Березовая-2 (табл. 3). Отмечен больший процент треугольников на керамике типа 1.1 в сравнении с типом 1.2. Характерно, что на керамике типа 1.3 горизонтальные линии составляют всего 14% и значительную группу образуют ряды различных вдавлений (табл. 3).

Наиболее зримо различие традиций алакульской и срубно-алакульской керамики проявляется в особенностях расположения орнамента по зонам. Для типов 1.1 и 1.2 алакульской культуры характерно доминирование типа 3 («верх шейки и верх тулова») (44% и 46% соответственно) и типа 5 («вся шейка и верх тулова») (17% и 25% соответственно). В типе 1.3 (срубно-алакульском) лидирующие позиции занимает зональность типа 4 («низ шейки и верх тулова») (37,5%) и типа 6 («верх тулова») (37,5%). В синкретичной группе посуды акцентирование на зонах шейки (специальное выделение верхней и нижней части шейки) не проявляется. В типе 1.3 также отмечается наименьшая вариативность используемых элементов орнамента.

Таблица 3. Распределение элементов орнамента по типам ПВБ I в керамической коллекции поселения Большая Березовая-2

Элементы орнамента	Тип 1.1. Ранне-алакульский (22 сосуда)	Тип 1.2. Алакульский (89 сосудов)	Тип 1.3. Срубно-алакульский (42 сосуда)
Горизонтальные зигзаги (один, два и многорядные), %	56	63	38
Треугольники (заштрихованные, вершиной вверх, вниз), %	50	29	38
Горизонтальные линии, %	17	42	14
Ряд вдавлений, оттисков, %	0	13	38

Признаки нарушения алакульской технологии изготовления сосудов (перегиб вместо уступа, несовпадение орнаментальных зон с конструктивными, малочисленность разделителей зон) и некоторые признаки срубной культуры (скудный набор элементов орнамента, значительная доля рядов вдавлений, использование крупногребенчатого штампа, вдавлений) позволяют отнести керамические сосуды типа 1.3 к синкретичной срубно-алакульской керамике.

Несмотря на преобладание в керамической коллекции поселения Большая Березовая-2 сосудов алакульского культурного компонента (более 60%), доля синкретичной срубно-алакульской посуды составляет существенную часть коллекции (23% от всех сосудов поселения), что может свидетельствовать о далеко зашедших процессах интеграции алакульского и срубного компонента в пределах контактной зоны.

Размышляя о роли каждого культурного компонента в сложении синкретичного типа, необходимо отметить, что свидетельства имитации и копирования именно алакульских технологий позволяет предполагать доминирование алакульского культурного компонента на территории Южного Зауралья. Сходные выводы сделаны В.В. Ткачевым на приуральских материалах срубно-алакульской контактной зоны (*Ткачев*, 2005. С. 68). Среди бесспорных заимствований из срубной культуры могут быть названы рисунки пиктографического характера (*Рутто*, 1987. С. 43–52), например, широко известное изображение повозки на сосуде из могильника Спасское I (*Стоколос*, 1972. С. 47. Рис. 13, *12*).

Разработка критериев и закономерностей образования синкретичных комплексов поселенческой и погребальной посуды всей срубно-алакульской контактной зоны станет более реальной с осуществлением подробного анализа керамических традиций каждого из памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2011. Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2009 года. Челябинск // Архив ЛАИ ЧГПУ. № 95.

Виноградов Н.Б., 1983. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): дисс. … канд. ист. наук. М. Архив ЛАИ ЧГПУ. № 100.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А., 1985. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 79–84.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А., 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. Вып. 10 / Ред. Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев, И.В. Матюшко, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–100.

Марков С.С., 2003. Керамические комплексы могильников эпохи поздней бронзы степных районов Южного Зауралья // Международное (XIV Уральское) археологическое совещание: материалы Междунар. науч. конф. (6–10 октября 2003 г.). Пермь: Изд-во ПермГУ. С. 88–90.

Марков С.С., 2007. Керамическая коллекция поселения Малая Березовая-4 (по результатам исследования 2005 года) // Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2005 года. Челябинск / Архив ЛАИ ЧГПУ. № 88. С. 56–65.

Морозов Ю.А., 1983. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: сб. науч. тр. / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР. С. 19–40.

Мухаметдинов В.И., 2012. Технико-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. Вып. 10 / Ред. Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев, И.В. Матюшко, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 101–112.

Петрова Л.Ю., 2004. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Вып. 2. С. 181–206.

Рутто Н.Г., 1987. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала: сб. науч. тр. / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР. С. 43–52

Рутто Н.Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем. 212 с.

Салугина Н.П., 2009. Описание технологии изготовления каждого конкретного сосуда из КМ Лабазы // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 81–97.

Стефанов В.И., 1996. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: тр. музея-заповедника «Аркаим» / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Челябинский дом печати. С. 43–63.

Стоколос В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука. 168 с.

Стоколос В.С., 2004. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Вып. 2. С. 207–236.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И., 2008. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: НПЦ МКНП РБ. 200 с. (Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала; т. 2).

Ткачев В.В., 2005. Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. науч. тр. / Ред. Г.Б. Избасарова. Вып. 2. Актобе: Актюбинский гос. ун-т им. К. Жубанова. С. 36–69.

Фомина В.И., 1964. Селище у Спасского моста // Археология и этнография Башкирии / Ред. Р.Г. Кузеева. Т. II. Уфа: Башкирское кн. изд-во. С. 207–212.

И. В. Исланова

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ (ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА)[1]

I. V. Islanova. Settlements of the Early Iron Age in the upper reaches of the Volga (source base)

Abstract. The archaeological sources for the Early Iron Age in the upper reaches of the Volga can be divided into two large groups: materials obtained by field surveys and from excavations (field reports, collections and publications). Regarding work with exploratory materials, it is necessary to take into account the random nature of samples and therefore the preliminary character of the suggested conclusions drawn by scholars, which later can be modified by long-term excavations. Sometimes methods used for sites investigations, compiling and recording collections of finds are far from perfect, the materials need detailed analysis and publication to become available to fellow scholars, so that the knowledge gathered by the present day can enable us to look with fresh eyes at unpublished or partly published materials from the settlements.

Ключевые слова: поселения, ранний железный век, дьяковская и днепро-двинская культуры, Верхнее Поволжье, археологические источники.

Впервые описания укрепленных поселений раннего железного века вошли в сводки древностей Тверской губернии в конце XIX – начале XX в.[2] (*Плетнев*, 1903). Информация о городищах на р. Волге и сделанных на них находках была включена А.А. Спицыным в его программные статьи о дьяковских древностях (*Спицын*, 1903. С. 111–114, 133–139; 1905. С. 83–85). Значительно увеличили число городищ и селищ I тыс. до н. э. – первой пол. I тыс. н. э. последующие разведочные работы конца 20-х – начала 30-х и 50-х – 60-х гг. XX в., а также масштабные исследования, проводившиеся с целью паспортизации памятников в 1970–1980 гг. Исследованиями были охвачены все крупные водоемы и водотоки. Сведения о разведочных работах, изложенные в многочисленных полевых отчетах и составленных на памятники паспортах, легли в основу четырех томов

[1] Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

[2] Далее рассматриваются памятники, расположенные только по берегам р. Волги и при устьях впадающих в нее притоков в пределах Тверской области.

научно-справочного издания «Археологическая карта России. Тверская область» (АКР, 2003; 2007; 2010; 2012). В них собрана информация о 190 памятниках раннего железного века (включая многослойные объекты), выявленные к началу XXI в. на анализируемой территории. Сведения об объектах, обнаруженных позже (преимущественно при работах на земельных отводах и при инвентаризации памятников в Кимрском районе Тверской области), содержатся в полевых отчетах и в составленных на новые объекты учетных карточках.

Памятники раннего железного века на рассматриваемом участке Волги представлены городищами и селищами. Погребальные объекты не выявлены – по всей видимости, это должны быть грунтовые захоронения по обряду сожжения, которые никак не обозначены на поверхности. Ближайший грунтовый могильник с погребальным инвентарем позднего этапа дьяковской культуры известен в верховьях р. Дубны, правого притока р. Волги (*Вишневский, Кирьянова, Добровольская*, 2007)

Археологические материалы, полученные при разведочных работах, следует выделить в отдельную группу источников. Информация о памятниках содержится в полевых отчетах, паспортах, перечисленных выше справочных изданиях, а также в выходивших во второй половине XX – начале XXI в. ежегодниках «Археологические открытия». Это сведения о местоположении поселений, их размерах, характере укреплений (если они были), мощности культурного слоя, обнаруженных керамических и вещевых находках, происходящих из шурфов или из поверхностных сборов.

На основе таких источников составлены карты размещения древностей раннего железного века на Верхней Волге (*Максимов*, 1994. С. 109; *Исланова*, 2002. Рис. 7), дан анализ местоположения поселений относительно друг друга, их топография, размеры, характер укреплений (*Гусаков*, 2005). Следует отметить, что выводы, сделанные на материалах разведочных исследований, весьма предварительны – прежде всего это касается хронологии объектов. Дело в том, что датировка памятника устанавливалась, как правило, широкая. Она основана на немногочисленных керамических находках. Даты существенно уточнялись, если на объекте затем производились раскопки или дополнительные обследования. Например, в 1984 г. на городище Князево, датированном на основании сборов материала на береговой осыпи, после шурфовки в 2003 г. было установлено наличие раннедьяковских напластований (*Исланова*, 2004. С. 135); как древнерусское выявлено городище Крестцы, но при раскопках здесь обнаружены только раннедьяковские напластования (*Лагуткина, Лагуткин*, 2010. С. 141–142).

Фрагменты стенок лепных неорнаментированных сосудов – типичные массовые находки как на поселениях днепро-двинской культуры (или ее варианта) (*Исланова, Мирецкий, Олейников*, 2007. С. 134, Рис. 6, *2, 3*), так и на раннесредневековых селищах. Как правило, исследователи относили выявленные памятники с такой невыразительной керамикой преимущественно к раннесредневековому времени, хотя объекты могут быть и на несколько веков древнее. По всей видимости, именно поэтому в сводах древностей существует диспропорция между небольшим количеством поселений раннего железного века (41) в верховьях Волги, включая ее ржевское течение, и значительным числом поселений (149) ниже по течению.

Фото и рисунки артефактов в большинстве случаев в полевых отчетах отсутствуют. По текстовым описаниям А.К. Жизневского поступивших в Тверской музей находок (*Жизневский*, 1888), их не всегда возможно сопоставить с известными археологическими вещами. Некоторые не дошедшие до наших дней предметы, хранившиеся в этом музее, были опубликованы А.А. Спицыным, например, бронзовые бляшки и накладки с городища Черная Гора (*Спицын*, 1903. С. 136).

Малоинформативны материалы раннего железного века из разведочных работ Н.Н. Гуриной. В полевых отчетах предметам и керамике это времени, в лучшем случае, уделялся один абзац. Коллекции из разведок и раскопок разобраны не полностью и находятся в ИИМК. Материалы исследований Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР, работавшей под руководством Д.А. Крайнова, также сохранились не полностью. Не все артефакты сданы в музеи и после разведочных работ, проведенных во второй половине XX – начале XXI в.

Следующая группа источников – это материалы, полученные при стационарных исследованиях. Их «препарирование» позволяет представить культурную ситуацию на Верхней Волге, определить хронологию древностей, контакты со смежными территориями, говорить о культурных импульсах или передвижениях сюда нового населения. Раскопки проводились преимущественно на укрепленных поселениях. Исследовались 18 городищ: в начале XX в. Ю.Г. Гендуне вела раскопки на городищах Корчевское и Топорок; в 1924 г. П.Н. Шульц – на Ермоловском городище; в 1927 г. Л.А. Евтюхова – на городище Прислон; в начале 1930-х гг. О.Н. Бадер – на Иваньковском, Пекуновском и Санниковом городищах; в 1960-е годы А.В Успенская – на городище Никола Рожок; в 1967 г. Д.А. Крайнов и М.А. Бухтеева – на городище Пентурово; в конце 1960-х – начале 1970-х М. А. Бухтеева – на городище Отмичи; в 1970-е К.И. Комаров работал на городище Дулёво; в конце 1960-х – начале 1970-х К.А. Смирнов – на городищах Графская Гора, Дьяков Лоб и Лесничино; в 1977 г. И.Г. Портнягин исследовал городище Поминово; в 1993 г. О.М. Олейников – городище Осечен (АКР, 2003. С. 141–143,146–147, 195–196 238–241, 260–261, 272, 290–291, 311–313, 386–387, 396–397; 2007. С. 254–256; 2012. С. 157–158); в начале XXI в. И.В. Исланова проводила раскопки на городище Мухино Городище (*Исланова*, 2007. С. 155–156) и Е.В. Лагуткина – на городище Крестцы (*Лагуткина, Лагуткин*, 2010. С. 141–143). Подавляющее большинство исследований на городищах велось с научными целями и в связи с интенсивным разрушением памятников, в том числе и грабителями (например, городище Осечен). Только несколько объектов раскапывалось в связи с сооружением водохранилищ на реках Волге (городища Иваньковское, Санниково, Пекуново) и Вазузе (городище Лесничино). Охранные доследования велись на городище Мухино Городище.

Раскопки проведены на восьми неукрепленных поселениях. В 1960-е годы М.В. Фехнер исследовалось селище Ваулино, в эти же годы Н.Н. Гуриной – Свёклино, а в 1970-е ею же – Залесье. В 1960-е – начале 1970-х Д.А. Крайнов и К.И. Комаров изучали Захарьинское селище; в 1970–1990 гг. Ф.Х. Арсланова и Е.В. Лагуткина – Избрижье; в 1983–1984 гг. И.Н. Черных и А.Д. Максимов – Непеино; в 1990-е годы Е.В. Лагуткина и Ю.В. Степанова – Беседы (АКР, 2003. С. 95–96, 116–118, 133–134, 247–248, 395; 2007. С. 272; 2012. С. 108–109.). В на-

чале XXI в. М.В. Волкова проводила раскопки на селище Пески (*Волкова, Исланова*, 2011). Однако это не были работы по изучению именно селищ раннего железного века. Дело в том, что исследователи изучали слои интересующего их периода на поселениях, имевших напластования нескольких эпох. Так, Н.Н. Гурина при раскопках стоянок каменного века (Залесье, Свёклино) в верхних напластованиях зафиксировала материалы конца I тысячелетия до н. э. и начала I тыс. н. э., а М.В. Фехнер при исследовании селища древнерусского времени обнаружила более ранние напластования с сетчатой керамикой. Исключением является сильно поврежденное при строительстве коттеджей селище Пески, где велись охранные работы.

В зоне проектируемого ржевского гидроузла на серии объектов при раскопках также были обнаружены материалы раннего железного века (на селище Благовещенье, поселении Усть-Тудовка 8) (АКР, 2007. С. 238–239; *Олейников*, 2002. Рис 1, *1, 2*; 23, *1–4*; 5, *2*). Неповрежденный культурный слой этого времени здесь отсутствовал, найденные артефакты можно анализировать также, как и подъемный материал.

Информативность сведений, полученных при раскопках поселений, зависит не только от методики исследования, но в значительной степени от сохранности культурного слоя. Как правило, городища имеют отложения нескольких культурно-хронологических периодов и суммарно датируются от середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Слои дьяковских городищ и Москворечья, и Верхневолжья сильно перемешаны в процессе постоянной строительной деятельности жившего здесь населения. При исследовании городища Пекуново О.Н. Бадер проследил неоднократное увеличение жилой площадки и оползание слоев во рвы – все это было вызвано перемещениями культурных напластований (*Бадер*, 1950. С. 115–116).

Удобный для обороны возвышенный участок берега, где когда-то существовало укрепленное поселение, нередко заселялся в средневековое время. Так на городище Никола Рожок слой раннего железного века был полностью разрушен в древнерусское время. Городища по ржевскому течению р. Волги в позднем Средневековье стали опорными пунктами, обозначенными в письменных источниках как литовские «городки». Это подтвердили и раскопки на городище Осечен, где обнаружен многочисленный позднесредневековый материал, в том числе предметы вооружения. Аналогичные слои зафиксированы на Нечай Городке, известном как крепость Вселук (АКР, 2007. С. 256; 2012. С. 230–231).

Следы последующего использования площадок городищ в хозяйственных целях (под посевы, покосы, установку хозяйственных построек) обнаружены на объектах ржевского и тверского течения Волги. Например, керамика XIV–XVI вв. найдена в верхних рыхлых 30 см культурного слоя городища Отмичи (*Исланова*, 2008. С. 15, 29) и в слое Ермоловского городища (*Исланова*, 2011. С. 29). Слои неукрепленных поселений (Залесье и участки селища Избрижье) также сильно повреждены перекрывшими их напластованиями средневековых населенных пунктов; а потом длительное время распахивались в Новое и Новейшее время. Участки культурного слоя целой серии объектов сильно разрушены из-за использования грунта при сооружении древнерусских курганов (Беседы, участки селища Избрижье, Дулёво).

Таким образом, материалы, полученные с большинства памятников с переотложенным культурным слоем (не зависимо от полевых методов фиксации) невозможно корректно распределить по литологическим слоям, поэтому приходится анализировать их «единым» массивом.

Из-за небольшой мощности культурных напластований (30–40 см) не разрушенными остаются только углубления в материке. Таковые выявлены на городищах Отмичи, Осечен, селищах Беседы, Залесье – это остатки подпольных частей жилых и хозяйственных построек. Следует отметить, что наличие крупных материковых ям является одной из особенностей Верхневолжских поселений дьякова типа.

Важнейшим источником для определения культурной принадлежности памятников раннего железного века является массовый керамический материал, поддающийся количественной обработке. Представительная выборка из крупных раскопов позволяет наметить общие тенденции в культурных изменениях. Как правило, в полевых отчетах не содержится подробных разделов о приемах и методах обработки таких находок. Об этом можно судить лишь по сохранившимся описям и коллекциям, обозначениям на упаковках. Например, при работах на городище Отмичи в 1968–1970 гг. (*Исланова*, 2008. С. 11–12) фрагменты посуды собирались с нескольких или с одного квадрата по условным пластам (штыкам) толщиной по 20 или 30 см, реже – менее 20 см. При производстве зачистки для фотографии керамика упаковывалась из тонкого слоя (1–2 см), но с нескольких квадратов. При небольшой турбации поселенческих слоев подобные сборы на селищах вполне оправданы и почти не влияют на информативность материала. Однако на городищах с отложениями более 35–40 см определенного результата можно достигнуть, если проводить сборы по условным пластам толщиной 5 см. Так, в рекогносцировочном раскопе 2002 г. на городище Отмичи удалось зафиксировать определенное размещение керамики разных наборов и разного времени в толще слоя (Там же. С. 29, рис. 170).

Информационны и материалы, полученные из конкретных материковых ям (Там же. С. 40–44). К сожалению, керамика и вещевые находки собирались, как правило, из всего заполнения, без деления по встреченным в яме слоям и прослойкам. Например, крупная яма на селище Беседы, судя по стратиграфическому разрезу, имела два основных слоя, однако дифференцировать керамику разных вариантов и сопоставить ее с находкой грузика дьякова типа оказалось невозможно из-за собранных «общим массивом» артефактов (*Исланова*, 2010а. Рис. 4).

Определенную информацию несет состав керамической коллекции. При работе с таким материалом выясняется, что в большинстве случаев при первичной обработке керамики удалялись мелкие фрагменты (городища Отмичи, Пентурово, Дулёво, Дьяков Лоб, Графская Гора, селище Залесье). Но при этом оставлены небольшие обломки с сетчатой поверхностью или орнаментом. Иногда в коллекции присутствуют преимущественно крупные профилированные обломки сосудов (городище Поминово) или особо представительные, по мнению автора раскопок, фрагменты. Так в коллекциях с городища Никола Рожок, хранящихся в Осташковском краеведческом музее – филиале Тверского государственного объединенного музея и в ГИМ, находится только восемь фрагментов, которые

можно отнести к поселению раннего железного века (*Исланова*, 2012. С. 17), однако в тексте отчета А.В. Успенской упоминаются орнаментированные лепные фрагменты, которых в музеях нет (*Успенская*, 1966).

При составлении описей фрагменты лепной посуды получали сквозную нумерацию. Номер наносился на фрагмент, но точное местонахождение керамики указывалось только в описи и на упаковке. После нескольких лет хранения коллекции выяснилось, что подобная обработка весьма неудачна – при утрате описи и первичного упаковочного пакета фрагменты керамики становятся депаспортизованными. Это произошло с большей частью керамики городища Отмичи из раскопок 1968 и 1969 гг. и керамикой городища Поминово.

До наших дней не сохранились коллекции городищ Лесничино, Топорок и Ермоловское. В первом случае есть информация в тексте отчета и несколько фотографий (*Смирнов*, 1971). Во втором – опубликованы описание находок керамики и фотографии хранившихся до Великой Отечественной войны в Тверском музее планшетов с ней (*Гендуне*, 1906. С. 261–275). По Ермоловскому городищу сохранился текст отчета и публикация с подробным описанием вещевого инвентаря и отдельных фрагментов керамики (*Шульц*, 1926. С. 178–180).

Особая, и иногда ключевая, роль массового керамического материала в определении хронологии и культурной принадлежности объекта подтвердилась после анализа керамики с поселения Соболево 6. Памятник как стоянка эпохи бронзы раскапывался Л.В. Кольцовым (*Кольцов*, 1970). Коллекция была сдана в Калининский (ныне Тверской) музей. Обращение к керамической коллекции и ее анализ позволили по новому взглянуть на исследованное поселение: как на эталонное позднедьяковское. Дело в том, что подавляющее большинство керамических фрагментов из слоя и из прямоугольной материковой ямы (остатки углубленной части постройки?) принадлежали обломкам посуды середины I тыс. н. э., так называемого мощинского круга древностей (*Исланова*, 2010б. С. 206, рис. 8).

Для характеристики хозяйства населения раннего железного века важны сведения об остеологических и археоботанических материалах. Сохранность остеологических находок напрямую зависит от состава культурного слоя. По всей видимости, на большинстве из исследованных памятников они из-за характера почвы не сохранились. Остеологические материалы из раскопок и сборов О.Н. Бадера на городищах Пекуново и Топорок опубликованы (*Алексашина*, 1950; *Бибикова*, 1950); имеются сведения о костях животных и птиц в слое на Ермоловском городище (*Шульц*, 1926. С. 179) и на городище Отмичи (*Ланцева*, 2008). В начальной стадии находится изучение культурных растений в слоях Верхневолжских городищ (*Лебедева*, 2008).

Наибольшую трудность представляет датировка исследованных памятников: вещи, имеющие узкие рамки бытования, единичны; отсутствуют радиоуглеродные даты, так как основные стационарные раскопки проводились в 60-е – 70-е годы XX в., когда определение по ^{14}C для раннего железного века не проводились. Имеющийся вещевой и керамический материал чаще всего позволяет оперировать лишь широкими хронологическими отрезками и фиксировать общие тенденции культурных изменений. При работе с вещевыми и керамическими находками, бытовавшими не только на Верхней Волге, можно опираться на работы, посвя-

щенные относительно хорошо изученным поселениям Москворечья, прежде всего на результаты исследований эпонимного Дьякова городища (*Кренке*, 1988; 1989; 2011; *Кренке, Сулержицкий*, 2006) и на исследования, касающиеся изучения конкретных вещей (*Кренке, Румянцева*, 2008; *Кренке, Лазукин, Тавлинцева*, 2011; *Сапрыкина*, 2006).

Решение многих дискуссионных вопросов, связанных с изучением дьяковских и днепро-двинских древностей, уточнение периодизации, вычленение различных локальных и культурно-хронологических групп памятников невозможно без введения в научный оборот памятников Верхневолжья, исследованных, в основном, во второй половине XX в. Результаты раскопок на городищах и селищах, кроме городища Отмичи, или не опубликованы, или опубликованы частично. Несмотря на несовершенную методику раскопок, субъективную выборку и частичную депаспортизацию материалов, детальный анализ хранящейся в архивах документации и коллекций из фондов музеев позволяет реанимировать многие материалы, передатировать или выявить новые объекты, по-новому взглянуть и оценить имеющиеся источники по поселениям раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Алексашина К.С., 1950. Остатки фауны из некоторых городищ Верхнего Поволжья // Материалы по археологии Верхнего Поволжья / Ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 148–151. (МИА; № 13).

АКР, 2003. Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. Г.Г. Король; ред. Н.В. Малиновская. Ч. 1: Г. Тверь, Зубцовский, Калининский, Калязинский, Кашинский, Кимрский, Конаковский, Лихославльский, Рамешковский, Спировский, Старицкий, Торжокский районы. М.: ИА РАН. 528 с.

АКР, 2007. Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. В.С. Нефёдов при участии Г.Г. Король; ред. А.В. Кашкин, Г.Г. Король. Ч. 2: Андреапольский, Бельский, Жарковский, Западнодвинский, Нелидовский, Оленинский, Ржевский, Торопецкий районы. М.: ИА РАН. 440 с.

АКР, 2010. Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. А.В. Кашкин, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефёдов, Г.К. Патрик, Б.Е. Янишевский; ред. Г.Г. Король. Ч. 3: Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Кесовогорский, Краснохолмский, Кувшиновский, Лесной, Максатихинский, Молоковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы. М.: ИА РАН. 310 с.

АКР, 2012. Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. И.В. Исланова, К.И. Комаров, Г.Г. Король, В.С. Нефёдов; ред. Г.Г. Король. Ч. 4: Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы. М.: ИА РАН. 484 с.

Бадер О.Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья / Ред. П.Н.Третьяков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 90–132. (МИА; № 13).

Бибикова В.И., 1950. Фауна Пекуновского городища // Материалы по археологии Верхнего Поволжья / Ред. П.Н.Третьяков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 133–147. (МИА; № 13).

Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник; хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107 .

Волкова М.В., Исланова И.В., 2011. Исследования селища Пески 1 на озере Селигер // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н.Черных. Вып. 8: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. II. Тверь: ООО «Изд-во «Триада». С. 154–163.

Гендуне Ю.Г., 1906. Городище Топорок Тверской губернии, Корчевского уезда // Труды 2-го Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Отдел I: Первобытные древности. Тверь: Тверская Ученая Архивная Комиссия. С. 261–275.

Гусаков М.Г., 2005. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 26 с.

Жизневский А.К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел / С примеч. гр. А.С. Уварова. М.: Синодальная тип. 242 с.

Исланова И.В., 2002. О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 5 / Тверь: ООО «Изд-во «Триада». С. 451–460.

Исланова И.В., 2004. Работы в Тверской области и в Твери // Археологические открытия 2003 г. / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. С. 135–136.

Исланова И.В., 2007. Работы в Тверской области и Твери // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры. С. 155–156.

Исланова И.В., 2008. Городище Отмичи / Ред. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН. 283 с. (Раннеславянский мир; вып. 11).

Исланова И.В., 2010а. Памятники типа Беседы на Верхней Волге // Археология Восточной Европы I тысячелетия н. э.: проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 90–111. (Раннеславянский мир; вып. 13).

Исланова И.В., 2010б. Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н.э Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи Римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2 (ноябрь 2008 г.). Ч. 1. / Ред. О.М. Недосейко и др. Тула: Гос. военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 203–217.

Исланова И.В., 2011. Отчет об инвентаризации археологических памятников в г. Ржев // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Исланова И.В., 2012. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Отв. ред. А.М. Обломский; ред. И.Н. Черных. М.: ИА РАН. 218 с. (Раннеславянский мир; вып. 14).

Исланова И.В., Мирецкий А.В., Олейников О.М., 2007. Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 6: Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. II. Тверь: ООО «Изд-во «Триада». С. 132–146.

Кольцов Л.В., 1970. Отчет о работе разведочного отряда Верхневолжской экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 4553.

Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып. 194. С. 44–49.

Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2. С. 74–87.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред . Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., 2006. Хронология городищ «Дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2. С 121–133.

Кренке Н.А., Румянцева О.С., 2008. Стеклянные бусы Дьякова городища // РА. № 2. С. 95–106.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлинцева Е.Ю., 2011. Клад украшений с городища Дютьково // РА. № 1. С. 134–148.

Ланцева М.Е., 2008. Результаты исследований остеологического материала городища Отмичи из раскопок 2002 г. // Исланова И.В. Городище Отмичи / Отв. ред. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН. С. 243–244. (Раннеславянский мир; вып. 11).

Лагуткина Е.В., Лагуткин А.В., 2010. Работы Тверского ГУ в Тверской области // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры. С. 140–143.

Лебедева Е.Ю., 2008. Результаты археоботанического анализа образцов с городища Отмичи из раскопок 2002 г. // Исланова И. В. Городище Отмичи / Отв. ред. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН. С. 243–244. (Раннеславянский мир; вып. 11).

Максимов А.Д., 1994. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 1. Тверь: Книжно-журнальное изд-во г. Тверь. С. 108–115.

Олейников О.М., 2002. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины 1 тысячелетия н.э. // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 5 / Тверь: ООО «Изд-во «Триада». С. 520–549.

Плетнев В.А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь: Тип. Губернского правления. 519 с.

Сапрыкина И.А., 2006. К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры // РА. № 4. С. 36–40.

Смирнов К.А., 1971. Отчет о раскопках на городище у д. Лесничино // Архив ИА РАН. Р-1. № 4415.

Спицын А.А., 1903. Городища Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. V. Вып. 1. С. 111–142.

Спицын А.А., 1905. Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. VII. Вып. 1. С. 83–93.

Успенская А.В., 1966. Отчет о раскопках Селигерской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 3303.

Шульц П.Н., 1926. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923–25 гг. // Ржевский край. Сборник Ржевского общества краеведения. № 1. Ржев. С. 172–194.

А. Р. Канторович

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ И ПРЕДМЕТЫ СКИФСКОГО ВООРУЖЕНИЯ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

A. R. Kantorovich. The East-European Scythian animal style and Scythian armament (statistical correlation)

Abstract. The paper provides an analysis of two components in the so-called Scythian Triad – weaponry and the Scythian animal style (Table 1). In the present research the author has compiled the database of 2169 original images (not counting copies) originating from the East European zone of the Scythian-Siberian animal style. The depictions used for shaping and decoration of weaponry totals 9,6%, which is much less than the proportion of images placed on horse equipment details (62,6%). This fact can be explained by large number of accessories used for horse-riding in comparison to the objects of weaponry. Weapons are decorated most frequently with depictions of birds of prey (40,6%) and beasts of prey (mammals) (30,1%); depictions of ungulates are less frequent (22%); syncretic creatures are shown rarely (6,7%), despite the fact that the share of ungulates in the whole body of depictions is considerably higher. This selective approach to the decorative images corresponds the task of intensifying the destructive function of weaponry.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, скифская триада, вооружение, сбруя, статистика, типология, иконография.

Скифский, или скифо-сибирский звериный стиль VII – начала III в. до н. э., составляющий наряду с вооружением и конским снаряжением, знаменитую скифскую триаду, – художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, характеризующееся отображением некоего набора животных персонажей в строго определенных позах и композициях, с использованием особых приемов моделирования деталей[1]. В сущности, это один из «больших

[1] Несмотря на то, что понятие «стиль» как таковое является частным по отношению к более общему понятию «художественное направление», словосочетание «скифский звериный стиль» традиционно и конвенционально в научной литературе обозначает именно художественное направление, поскольку имеется в виду взаимозависимость формы и содержания (см., например: *Королькова*, 2006. С. 26–28).

стилей» в изобразительном искусстве, соразмерный с такими направлениями в древнегреческом искусстве, как геометрический, архаический или классический стили, или же с барокко и классицизмом в новоевропейском искусстве.

Данная работа посвящена вопросу статистического соотношения двух компонентов скифской триады – вооружения и скифского звериного стиля. Автором в ходе исследований скифского искусства были собраны и изучены все опубликованные до 2012 г. (включительно) изображения, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с территории скифской археологической культуры, иначе говоря – из восточноевропейской зоны скифо-сибирского звериного стиля (охватывает зоны степного, лесостепного и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля[2]). По возможности учтены и публикации 2013 г. Кроме того, в состав источника вошел ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом собственных раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является. В ходе настоящего исследования были осуществлены классификация и типология полученного массива изображений.

Всего, таким образом, было учтено 2169 оригинальных изображений (не считая копий). Результатом классификации стало обоснование 336 изобразительных типов (о принятых критериях скифского звериного стиля и об основных принципах классификации, предложенных автором см.: *Канторович*, 2011). Каждый тип описан по единому алгоритму; выявлены общие и особенные черты изображений, формирующих каждый конкретный тип; на этой основе было, по возможности, намечено направление иконографической динамики в рамках типа и далее, на межтиповом уровне, в рамках сюжета и образа.

Для каждого типа автор установил хронологические границы, базируясь прежде всего на хронологии тех изображений конкретного типа, которые происходят из комплексов, имеющих объективную датировку (на основании античных и передневосточных импортов, а при отсутствии импортов – по типам вооружения и конского снаряжения). Если такие изображения в рамках данного типа отсутствовали, основу хронологии составляли изображения, имеющие надежно датируемые аналогии. Затем на основании сходства с изображениями, образующими «хронологическое ядро» типа, с учетом внутритиповой иконографической динамики (ее наличии) определялась хронология остальных изображений этого типа.

Предпринятое нами статистическое исследование, основные результаты которого представлены в табл. 1, подтвердило сделанный А.М. Хазановым и А.И. Шкурко вывод о том, что в большинстве своем эти изображения оформляют или украшают элементы вооружения, конское снаряжение и предметы сакрального и социально-культового назначения (*Хазанов, Шкурко*, 1976. С. 42).

[2] Под северокавказским вариантом скифского звериного стиля подразумеваются в первую очередь многочисленные прикубанские изображения, выполненные в соответствующем духе (невзирая на то, были ли конкретные мастера скифами, меотами или кем-либо еще), а также уже весьма представительный массив изображений из Центрального Предкавказья, включая Ставрополье.

Таблица 1. Встречаемость изображений восточноевропейского скифского звериного стиля на различных категориях изделий (указано количество оригинальных изображений, без учета копий)

Образно-видовая принадлежность	Категории							
	Вооружение	Конское снаряжение	Одежда и украшения, детали костюма	Сосуды и прочие емкости	Зеркала	Ритуальные навершия	Прочее	Всего (%)
Хищники	63	381	54	26	28	3	26	581 (26,78)
Копытные	46	530	80	55	18	29	23	781 (36,00)
Птицы	85	293	61	59	5	24	22	549 (25,31)
Синкретические животные	14	131	24	6	–	22	4	201 (9,26)
Зайцы	–	1	14	2	–	–	3	20 (0,92)
Верблюды	–	6	–	–	–	–	–	6 (0,27)
Дельфины	–	3	–	1	–	–	–	4 (0,18)
Рыбы	1	14	3	8	–	–	1	27 (1,24)
Всего (%)	209 (9,6)	1359 (62,6)	236 (10,8)	157 (7,2)	51 (2,4)	78 (3,6)	79 (3,6)	2169 (100)

Как видим, общее количество изображений, оформляющих и украшающих предметы вооружения, составляет 209 единиц (см. табл. 1), то есть меньше десятой части от всего массива оригинальных изображений (9,6%); эта доля не столь значительна как доля изображений, связанных с конским снаряжением (1359 изображений, 62,6%), и соразмерима с процентным показателем изображений, украшающих различные детали костюма (236 изображений, 10,8%). Вероятно, в первую очередь это обусловлено большим количеством аксессуаров конского снаряжения в сравнении с элементами вооружения. Кроме того, такая достаточно весомая категория изделий как выполненные в зверином стиле колчанные/поясные крючки, была отнесена нами к макрокатегории костюма; к костюму также отнесены не столь многочисленные зооморфные поясные бляхи, хотя они могут рассматриваться и как элемент доспеха (см.: *Черненко*, 1968. С. 64–68)[3].

Налицо высокая доля изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, оформляющих предметы вооружения и конского снаряжения (всего

[3] Также не учитываются в рамках макрокатегории вооружения немногочисленные ритуальные ножи, рукояти которых оформлены в зверином стиле (они учтены в табл. 1 в рубрике «Прочее»).

1568 из 2169 единиц, т. е. 72,3%) при значительном преобладании изображений, связанных с уздой. Это в целом соответствует заключению А.И. Мелюковой о том, что «именно воинская среда определяла формирование эстетических принципов скифского искусства, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стиле изображений» (*Мелюкова*, 1989. С. 101).

Основной категорией изделий (в рамках макрокатегории вооружения), украшенных в скифском зверином стиле, являются *мечи и кинжалы*, а именно их рукояти, накладки ножен и бутероли.

Наиболее раннюю группу составляют бутероли мечей периода скифской архаики. Это, прежде всего, бронзовые и костяные бутероли второй четверти VII – третьей четверти VI в. до н. э., оформленные в виде свернувшегося в кольцо хищника (8 оригинальных изображений) и происходящие с территории Среднего Поднепровья, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Это также бронзовые бутероли рубежа VII–VI – начала VI в. до н. э., выполненные в виде птичьей головы с шеей, с сильно загнутым (на 180 градусов) и раскрытым клювом, упирающимся концом в подклювье – то есть хищная птица на грани реальности и фантастики (13 оригинальных изображений); поскольку большинство птиц показаны с языком в клюве, это сближает их с грифонами, оформляющими ритуальные навершия периода скифской архаики. Основная масса этих птиц происходит с территории Центрального Предкавказья (9 оригинальных изображений), единицы – с территории Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья.

Следующая по времени крупная группа изделий в зверином стиле в рамках категории мечей – рукояти акинаков, в том числе их перекрестья и навершия. В связи с этой группой выделяется единый изобразительный тип, датируемый концом VI – V в. до н. э. и насчитывающий 41 оригинальное изображение парных синтетических птичьих голов, оформляющих в основном антенновидные навершия рукоятей мечей (в одном случае – перекрестье)[4]. Эти мечи происходят практически со всех территорий, относящихся к скифской археологической культуре или к зоне ее влияния: с территории Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, Нижнего Поднепровья и Побужья, Крыма, Прикубанья и Центрального Предкавказья. На трех рукоятях таких мечей, происходящих из Лесостепного днепровского Левобережья, помимо прочего, помещена протома медведя. Отдельную компактную группу образуют мечи с территории Нижнего и Среднего Поднепровья и Нижнего Подонья, перекрестья и собственно рукояти которых несут на себе изображение лосиной головы, выполненное в рельефе или гравировкой на плоскости рукояти, либо на ее золотой обкладке. Эти изображения формируют единый изобразительный тип конца V – первой четверти IV в. до н. э. (9 оригинальных изображений).

Наконец, еще одна группа украшаемых изделий в рамках категории мечей – золотые обкладки ножен парадных мечей. Начало этой традиции положено

[4] Скорее всего, количество таких изображений еще больше, но нами в целях статистической точности не учитываются многочисленные антенновидные навершия мечей, которые могли быть оформлены в виде птичьих голов, но в силу качества работы или качества сохранности зооморфная основа в них не видна или не прослеживается достаточно четко.

изображениями оленей на боковых лопастях ножен знаменитых Келермесского и Мельгуновского мечей из комплексов второй половины VII в. до н. э.; кроме того, та же лопасть Келермесского меча обрамлена на каждой стороне ободком из семи голов хищных птиц, а золотая наременная обкладка (портупейная деталь ножен) на своих четырех выступах украшена изображениями свернувшегося в кольцо хищника[5].

Эту линию продолжают мечи из Острой Томаковской могилы (конец VI – начало V в. до н. э.) и из хутора Шумейко (последние десятилетия VI – начало V в. до н. э.), устье ножен которых украшено соответственно парными фигурами свернувшихся хищников и аналогичной композицией из фигур горных козлов, а собственно ножны – соответственно фасами кошачьего хищника и фигурами кошачьих хищников, размещенными по вертикали друг над другом. Затем следуют мечи IV в. до н. э.: из Солохи, Куль-Обы, Елизаветовского могильника (Ушаковский курган и курган 10 1909 г.) и Великой Белозерки. Их устья оформлены парными синтетическими композициями голов хищной птицы, а на основной и боковой пластинах в сценах терзания и преследования и в иных сюжетах представлены хищные и копытные звери, а также грифоны[6].

Кроме того, в число изделий, оформляемых и украшаемых в зверином стиле входят гориты, налучья и иные компоненты *стрелкового набора*. Так, в виде головы бараноптицы / грифобарана оформляются костяные налучья эпохи скифской архаики (вторая четверть VII – середина VI в. до н. э.), реже они выполняются в виде птичьих голов, несущих на себе также дополнительные изображения хищников (середина VII – третья четверть VI в. до н. э.). Такие костяные налучья происходят с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Подонья, Крыма и Ставрополья.

[5] Как справедливо отметила А.И. Мелюкова, все остальные части этих мечей «украшены в стиле переднеазиатского искусства», то есть не соответствуют канонам скифского звериного стиля (*Мелюкова*, 1989. С. 101–102).

[6] В нашу сводку не включен и не учитывается в статистике массив зооморфных изображений на золотых обкладках рукоятей ряда акинаков в силу крайнего схематизма и малоразличимости этих миниатюрных изображений, утрате в них каких-либо стилевых признаков. Имеются в виду шесть мечей из Чертомлыка (Древности Геродотовой…, 1872. Табл. XXVII, 3, XL, 9, 12, 14; *Алексеев, Мурзин, Ролле*, 1991. Рис. на с. 170, 222, 223, кат. 72, 184–187), 1 – из Куль-Обы (Древности Босфора…, 1854. Табл. XXXI, 7), 1 – из кургана Кекуватского (Там же. Табл. XXVII, 9), 1 – из Метрополитен-музея, местонахождение неизвестно (*Онайко*, 1970. Табл. XII, № 424), 2 – из Колбино, к. 7 и из Колбино, к. 36 (*Савченко*, 2004. Рис. 2, *1–2*; *Гуляев*, 2010. С. 85, 104, рис. 1, *5*; 27, *14*), 1 – из Елизаветовского могильника, Пятибратнего кургана 8 (*Шилов*, 1961. Рис. 11), 1 – из Великой Белозерки (*Отрощенко*, 1980. Рис. на с. 318; 1984. С. 121–126, рис. на с. 123).

Данные фигуры, порой сочетающиеся с высококачественными антропоморфными и зооморфными сюжетами в греческом или греко-скифском духе, украшающими другие детали меча (см. обкладки ножен мечей из Чертомлыка, Куль-Обы, 8-го Пятибратнего кургана и Великой Белозерки), представляются попыткой греческих мастеров подражать скифскому звериному стилю, но в большинстве случаев это сделано крайне условно и схематично.

В виде зверей и птиц оформляются бляхи или пластины горитов. У истоков этой традиции – знаменитая пантера на золотой бляхе горита (щита?) и изображение оленей и кошачьих хищников на золотой обкладке горита, происходящих соответственно из Келермесских курганов 1/Ш и 4/Ш (вторая половина VII в. до н. э.). Далее следует олень на знаменитой золотой бляхе горита (щита?) из 1-го Разменного кургана у ст. Костромской (рубеж VII–VI – начало VI в до н. э.). В одном случае такая бляха четко изображена на каменной статуе из ст. Манычской в Нижнем Подонье (конец VII – третья четверть VI в. до н. э.)[7]. Эта традиция оформления блях и пластин колчана в зверином стиле продолжается в Нижнем Поднепровье и Крыму: олень, терзаемый хищником и птицей на золотой обкладке колчана из Ильичево (первая половина V в. до н. э.), олень на золотой обивке колчана из Аксютинцев, курган 2 раскопок 1883–1885 гг. (первая половина V в. до н. э.), затем – олень на знаменитой золотой бляхе горита (щита?) из Куль-Обы (конец V – начало IV в. до н. э.), а также звери на золотых пластинах из погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода (конец V – начало IV в. до н. э.) – тигр или леопард, грызущий человеческую голову, хищник семейства волчьих и олень. Также известны две бронзовые бляхи-накладки V в. до н. э., связанные с колчанами, оформленные в виде лосиных голов (Нижнее Поднепровье и Приазовье).

Крестовидные бляхи ольвийского типа (вторая четверть VI в. до н. э. – начало V в. до н. э.), скорее всего, предназначенные для крепления горита, оформляются по лопастям и в центре изображениями хищников, копытных и птиц.

В зверином стиле также оформляются бронзовые молоточки-*клевцы* и бронзовые *ритуальные секиры*/*скипетры* (см.: *Ильинская*, 1965. С. 206–211). В скифской археологической культуре молоточки-клевцы образуют компактную группу, состоящую из четырех предметов, датируемых первой половиной – началом третьей четверти V в. до н. э. и происходящих с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Побужья. Сама фактура изделия определяет его зооморфизацию – сравним наблюдение Г.А. Федорова-Давыдова (1976. С. 22): «предмет с его функциональным назначением деталей как бы сливается с изображенным на нем животным»[8].

[7] Кроме того, несколько изображений предметов вооружения и других реалий, украшенных в зверином стиле, присутствуют на некоторых других скифских каменных изваяниях, помимо манычского. Это налучье в виде птичьей головки и обкладка ритона в виде птичьей головки на статуе из Терновки (г. Николаев), налучье в виде птичьей головки на статуе из Киевского музея, налучье в виде птичьей головки на статуе из Ольховчика (г. Шахтерск Донецкой обл.), крупные бляхи одежды в виде голов ушастой птицы или грифона и оленя из Краснодарского музея (Преградная?) (*Черненко*, 1968. С. 37. Рис. 16; *Ольховский, Евдокимов*, 1994. Кат. 11, 73, 81, 119). Однако в силу недостаточной четкости перечисленных изображений они в нашу сводку не включены.

[8] Ср. также следующее замечание Н.Л. Членовой о данной группе изделий (*Членова*, 1967. С. 120): «В скифских курганах Причерноморья известны бронзовые молоточки, острый конец которых оформлен в виде головы и клюва хищной птицы. Совершенно очевидно, что этот род оружия ассоциировался с хищной птицей».

В отдельных случаях в зверином стиле обух скипетра / ритуальной секиры может быть выполнен в виде головы барана (Среднее Поднепровье, вторая половина VII в. до н. э.). Также обушок скипетра-секиры (а в одном случае – еще и клинок) может быть выполнен в виде головы лошади, и эти изображения составляют единый компактный тип (Среднее Поднепровье, VI в. до н. э.). Наконец, обушок может быть выполнен в виде ноги копытного, а клинок – в виде головы и шеи хищной птицы (Среднее Поднепровье, Крым, Прикубанье, конец VI – первая половина V в. до н. э.); аналогичный топорик предположительно изображен в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из кургана 5 у с. Аксютинцы в Лесостепном Поднепровье (*Ильинская*, 1968. С. 156, табл. XXII, 6; На краю ойкумены…, 2002. С. 92, № 398; Конь и всадник…, 2003. С. 29, № 38).

Компактную группу составляют северокавказские бронзовые футляры для наконечников *копий* VI в. до н. э., оформленные в виде головы волка (см. подробнее: *Петренко, Маслов, Канторович*, 2006. С. 401–402, рис. 6, *1*, 7, *1–3*).

Наконец, с *доспехом* связаны: отдельные изображения лосиных голов, оформляющие бронзовые детали панциря – застежки и нагрудную бляху (Среднее Поднепровье, Крым, V в. до н. э.); фигура рыбы – бронзовая нащитная бляха (Нижнее Поднепровье, четвертая четверть V в. – IV в. до н. э.) и, возможно, вышеупомянутые золотые бляхи из 1-го Разменного кургана и Куль-Обы (в случае их интерпретации как нащитных, а не колчанных).

Как показал иконографический анализ, не существует жесткой детерминированности изобразительного типа (и, тем более, темы изображения) конкретной категорией украшаемых изделий. Для большинства наиболее популярных изображений можно говорить о наличии некоей иконографической модели конкретного типа, используемой мастером вне зависимости от категории и макрокатегории изделия, материала вещи и технологии ее производства.

Анализ образно-видовой принадлежности изображений, оформляющих предметы вооружения, демонстрирует, что в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля почти 100% случаев зооморфизации предметов вооружения или их частей связаны с мегаобразами – хищниками, копытными, птицами и синкретическими существами (табл. 1). Это естественно, поскольку, как видно из табл. 1, в общем массиве всех изображений совокупная доля этих мегаобразов составляет 97%. При этом наиболее часто вооружение украшается изображениями птиц (85 изображений, т. е. 40,6%) и хищников (63 изображения, 30,1%); доля копытных менее значительна (46 изображений, 22%), доля синкретических существ и вовсе невелика (14 изображений, 6,7%).

Интересно, что эти показатели не симметричны статистике соответствующих мегаобразов в общем массиве изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, в котором, как видно из табл. 1, доля птиц и хищников в целом ниже (соответственно 25,3% и 26,8%), синкретических существ несколько выше (9,2%), тогда как копытные преобладают и составляют более трети оригинальных изображений (36%).

Следует учесть, что подавляющее большинство птичьих изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле надо связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), подсемейством соколиных (*Falconidae*), о чем свидетельствует характерная форма загнутого

клюва. Причем, если при украшении других категорий вещей скифской археологической культуры в манере скифского звериного стиля всё же в редких случаях отображаются нехищные отряды птиц (в частности, отряд гусеобразные (*Anseriformes*), семейство утиные (*Anatidae*) – с прямым или чуть изогнутым клювом), то изображения птиц, соответствующие канонам скифского звериного стиля и помещенные на вооружение в рамках восточноевропейского варианта скифо-сибирского звериного стиля, представляют исключительно хищные виды.

Следовательно, налицо предпочтение, оказываемое при оформлении предметов вооружения в скифской культуре образам млекопитающих хищников и хищных птиц (совокупная доля соответствующих изображений в общем массиве изображений, связанных с вооружением – 70,7%). Это соответствует семантике данных мегаобразов, связанных с темой нападения и уничтожения, с задачей усилить поражающую функцию вооружения. Данные статистические показатели подтверждают вывод А.И. Мелюковой, сделанный в 1980-х гг. на значительном меньшем материале: «Мотивы хищных животных и птиц и их частей – глаза, когти, лапы, раскрытая пасть – не только имели орнаментальное назначение, но носили еще и сакрально-магический характер. Они как бы усиливали боевые качества оружия и коня, придавали особую силу, смелость, меткость удара, быстроту воинам-всадникам» (*Мелюкова*, 1989. С. 101).

Кроме того, статистический анализ изображений восточноевропейского скифского звериного стиля в совокупности с их локализацией с учетом нового материала подтвердил известную мысль о принципиальном единстве лесостепного, степного и северокавказского субвариантов скифского искусства (см., например: *Шкурко*, 1975. С. 9–10). Они формируют единый локальный вариант в системе искусства скифо-сибирского мира и в совокупности определяют пределы скифской археологической культуры – продукта деятельности скифов, родственных скифам народов, а также и нескифских народов этих регионов, вовлеченных в единое со скифами идеолого-информационное и эстетическое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка. 416 с.

Гуляев В.И., 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН. 344 с.

Древности Босфора…, 1854. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Музее Эрмитажа. Т. 3: Атлас / Рис. Родольфа Пикара и акад. Ф. Солнцева. СПб.: Тип. Академии наук, 1854. 77 л. ил., карт.

Древности Геродотовой…, 1872. Древности Геродотовой Скифии: сб. описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях / Императорская Археологическая комиссия. Вып. II. СПб., 1872. 234 с.

Ильинская В.А., 1965. Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии: Памяти С. В. Киселева, к 60-летию со дня рождения: сб. ст. / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука. 292 с. (МИА; № 130).

Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка. 267 с.

Канторович А.Р., 2011. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до Средневековья: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Р. Канторович, Е.А. Попова. М.: МГУ. С. 29–38.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Конь и всадник…, 2003. Конь и всадник. Взгляд сквозь века: каталог выставки в Гос. историческом музее 21 марта – 29 сентября 2003 г. М.: ГИМ, 2003. 64 с.

Мелюкова А.И., 1989. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука. С. 100–104. (Археология СССР).

На краю ойкумены…, 2002. На краю ойкумены: Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского: из фондов Государственного исторического музея, Государственного музея Востока, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника / П.Д. Диатроптов и др. М.: ГИМ, 2002. 170 с.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: МТО Метео. 188 с.

Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука. 70 с. (САИ; Д1-27).

Отрощенко В.В., 1980. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской обл. // Археологические открытия 1979 года / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 317–319.

Отрощенко В.В., 1984. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов: сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 121–125.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи: сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН. С. 388–423. (МИАР; № 7).

Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в Скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг.: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–258.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство. 228 с. (Памятники древнего искусства).

Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука. С. 40–51.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 191 с.

Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.

Шилов В.П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1. С. 150–168.

Шкурко А.И., 1975. Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии VII–III вв. до н. э.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ. 19 с.

В. Е. Трегубов, Л. Т. Яблонский

ГОРИТ ИЗ ФИЛИППОВКИ[1]

V. E. Tregubov, L. T. Yablonsky. Gorytos from Filippovka

Abstract. When excavating the eastern periphery of burial mound No. 1 of the Filippovka kurgan cemetery, there was revealed a burial containing a woman's skeleton. The set of funerary gifts included gorytos with a quiver and numerous arrowheads made of bronze. The article analyses complex construction of the gorytos and presents typological analysis of the arrowheads. Unlike known real containers of this type, the Filippovka gorytos is a replica of reduced scale. Its chronology falls within the 4th century BC.

Ключевые слова: Филипповка, ранние сарматы, горит, колчан, наконечники стрел, конструкция, хронология.

1. Введение. Курган 1 могильника Филипповка 1 в Оренбургской области раскапывался впервые в период с 1986 по 1988 г. уфимской археологической экспедицией (НИИИЯЛИ Башкирского филиала РАН) под руководством А.Х. Пшеничнюка[2]. Памятник находился в центральной части могильника. Высота кургана составляла более 8 м, а его диаметр превышал 80 м. Раскопки центрального захоронения и тайников, расположенных поблизости от центральной могильной ямы, дали большое количество сделанных из драгоценных металлов предметов, включая знаменитых «золотых» оленей (26 экземпляров). После серии выставок, организованных как в нашей стране, так и за ее пределами и сопровождавшихся изданиями каталогов на русском и иностранных языках (*Пшеничнюк*, 2001; *Pshenichnuk*, 2000), результаты этих раскопок приобрели мировую известность. Однако, в связи с форсмажорными обстоятельствами восточная пола насыпи кургана, сегментовидная в плане, высотой около 5 м и длиной около 50 м осталась не исследованной и подвергалась постоянным попыткам ограбления. В 2013 г. восточная пола кургана (останец) была раскопана Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского.

2. Контекст находки. Под восточной полой кургана, вблизи края насыпи была обнаружена нетронутая грабителями могильная яма. По форме в плане она

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00053.

[2] В то время памятник назывался Филипповка или Филипповские курганы. Однако после завершения раскопок могильника Филипповка 2 он был переименован и стал обозначаться как могильник Филипповка 1.

приближалась к прямоугольнику с тотальными размерами 357 × 260 см. Длинной осью яма была ориентирована параллельно насыпи кургана на этом участке. Ее глубина составляла 370 см. На уровне погребенной почвы и в профиле бровки насыпи зафиксированы остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры. На дне ямы, на многослойной подстилке из коры, камыша и травы расчищен человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Судя по его составу, захоронение принадлежало женщине (?). Она лежала на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении на спине, головой строго на юг. Горит лежал в 50 см от ее правой кисти в пределах подстилки. Внутри находились бронзовые наконечники стрел с фрагментами черешков.

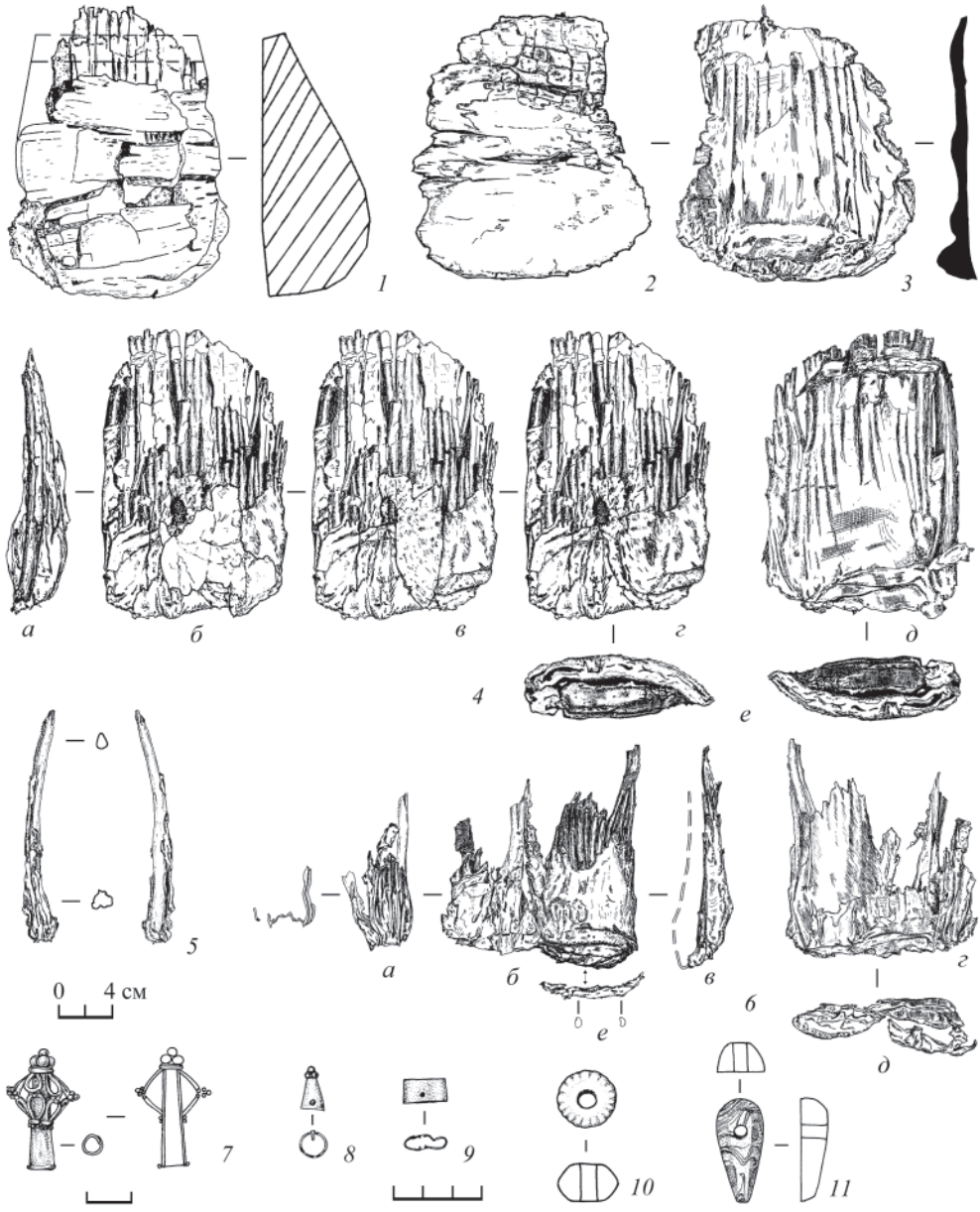
Гориты из погребений кочевников раннего железного века Южного Урала продолжают оставаться крайне редкой находкой. Для их описания и анализа исследователями чаще всего привлекались изображения, хорошо известные по памятникам изобразительного искусства (*Васильев*, 2001. С. 24; *Исмагилов*, 1987. С. 89; Золотые олени Евразии, 2003. С. 27; *Богданов*, 1989. С. 23; *Мешеряков*, 1997. С. 47, 48, 61). За последние годы источниковедческая база пополнилась находками горитов из раскопок Оренбургской археологической экспедиции под руководством Н.Л. Моргуновой (*Моргунова и др.*, 2003; *Моргунова, Краева*, 2012). Ценные сведения о новых находках содержатся в работе Л.А. Краевой и Е.А. Купцова (2007).

3. Описания находок. Горит представляет собой футляр подпрямоугольной формы. Верхний край его прямой, нижний слегка округлен, боковые стороны плавно сужаются к устью. Лицевая сторона выпуклая, оборотная – уплощенная. Горит изготовлен из двух полотен бересты, обращенных внутренней стороной (подкорьем) наружу (рис. 1, *1*). Полотна сшивались между собой по левому, нижнему и правому краям. Для придания твердости основе вдоль краев бересты вставляли прут. Верхняя часть горита оформлена широкой горизонтальной берестяной каймой (лентой) шириной до 3 см. Размеры горита: сохранившаяся высота со стрелами – 23,5 см, ширина – 17 см, ширина в нижней части – до 15 см. В ходе разборки в горите обнаружены кожаный колчан с карманом, плотно наполненными наконечниками стрел и отделение для лука в левой боковой части.

Разборка горита производилась с лицевой стороны[3]. Под слоем бересты обнаружен верхний слой кожаного мешка, собственно колчана (рис. 1, *4*, *а–е*). Его основу составляли чередующиеся вертикальные фигурные и прямоугольные в один или два слоя кожаные полосы с остатками меха на поверхности и отдельно сшитый карман. Крайняя левая полоса шириной 3 см имела прямой край и закругленный правый в нижней части. Она накладывалась на нижнюю кожаную полосу, часть которой загибалась на левую полосу.

Вторая полоса двухслойная фигурная, с плавно расширяющимися сторонами к основанию в нижней части и сужающаяся кверху. Ее ширина в сохранившейся узкой верхней части составляет 0,5 см и в нижней – 4,8 см. Между слоями полос, вдоль оси симметрии для придания объема и ребра жесткости были

[3] Выражаем благодарность кандидату исторических наук Л.А. Краевой за помощь и ценные наблюдения при разборе горита.



вставлены два прутика. На боковых сторонах вдоль прутиков на верхней кожаной полосе сохранились неглубокие линейные надрезы и вдавления на обороте второго слоя полосы. Этот технологический прием, вероятно, использовался для того чтобы обеспечить плотное прилегание двух кожаных полос друг к другу (рис. 1, *4, г*). Третья полоса однослойная, имела клиновидную форму шириной 2,0–2,5 см (рис. 1, *4, в*). Верхние слои кожаных полос скроены из тонкой элас-

тичной кожи, нижние – из более плотной. Чередующиеся полосы сшивались между собой вдоль срезов тонкими скрученными нитками изнутри.

В правой части кожаного колчана находился карман размерами 8 × 13 см (рис. 1, *4, г, б, б, в*). Его левая сторона сверху была накрыта клиновидной полосой (рис. 1, *4, в*). Левый нижний край кармана закруглен, правый прямой, донце каплевидной формы обращено наружу. На задней стенке кармана сохранились остатки меха (рис. 1, *б, г*). В процессе дальнейшего разбора колчана и извлечения наконечников стрел выяснилось, что чередующиеся фигурные кожаные пластины и карман составляли переднюю стенку колчана (рис. 1, *4, б*). Карман вместе с донной частью скроен и сшит из цельного куска кожи. Полотно сгибалось пополам и прошивалось двойной отделочной строчкой с левой стороны. Для придания объема карману и выделения дна стык между стенкой и донной частью декорирован ложной тесьмой, образованной путем создания складок (подгибок) в нижней части стенки кармана и верхней части донца. Ложная тесьма прошита двойной строчкой. Дно было двухслойным. В нижнюю складку ложной тесьмы вшит лоскут из тонкой кожи, повторяющий форму дна кармана. Кроме того, дно усиливалось при помощи узкой кожаной полоски, сложенной вдвое, и круглого в сечении сыромятного ремешка (рис. 1, *б, е*). Полоска находилась под складкой тесьмы между донными кожаными слоями, а ремешок крепился на внешнюю сторону нижнего края дна кармана и прикрывался верхним слоем лоскута. В левой части карман сшивался широкими стежками с правым краем двухслойной фигурной пластины, в которую были вшиты прутики. Нижняя часть задней стенки кармана укреплена дополнительным слоем кожи, шириной до 3,5 см. Правая сторона кармана сопрягалась с задней стенкой колчана (рис. 1, *б, в*). Характер этого сопряжения не ясен. Возможно, внешний край задней стенки колчана приклеивался к краю задней стенки кармана, так как следов пришивания и фрагментов ниток не обнаружено.

Для придания формы и прочности колчану на его лицевую поверхность были наклеены кожаные ремешки, шириной 0,8–1,0 см, слегка наклоненные по горизонтали. Их фрагменты и следы зафиксированы на трех фигурных кожаных полосах и кармане.

Помимо того, на кармане и частично фигурных полосах в центре во фрагментах были зафиксированы вертикальные полосы прямоугольной формы

Рис. 1. Могильник Филипповка 1, курган 1 (останец), погребение 2. Конструкция горита и его детали (прорисовки)

1 – лицевая сторона с разрезом; *2* – задняя стенка; *3* – внутренняя сторона задней стенки с разрезом; *4* – колчан (*а* – левая боковая стенка с фрагментом кибита лука, *б–г* – передняя стенка в процессе разбора, *д* – оборотная сторона с наконечниками стрел и фрагментом кибита лука, *е* – дно колчана); *5* – фрагмент кибита лука; *6* – фрагмент колчана с карманом (*а* – левая боковая сторона колчана с сечением, б – лицевая сторона колчана с карманом, *в* – вид сбоку на карман с разрезом задней стенки колчана, *г* – оборотная сторона колчана с задней стенкой кармана, *д* – вид на дно кармана и колчана, *е* – кожаный шнурок); *7* – ворворка шнурка; *8* – колпачок; *9* – обойма; *10* – пронизь; *11* – подвеска

1, 2 – береста; *3* – береста, гипс, ткань; *4* – кожа, дерево, ткань; *5* – дерево, кожа; *6* – кожа; *7–9* – золото; *10* – мел; *11* – яшма

с остатками меха наружу, шириной от 2 до 3 см. Их форма особенно хорошо прослеживается по внутренней стороне. Полосы сшивались между собой изнутри тонкими скрученными нитками. При этом боковые срезы были тщательно скрыты за счет подгибов кожаных полос по краям. Самая широкая из полос на поверхности имеет следы штопки. Складывается впечатление, что фрагменты этих полос являлись частью какого-то другого кожаного изделия и на лицевую поверхность колчана помещались без сшивания (рис. 1, *4, б*). Левая боковая гофрированная вогнутая сторона колчана сшивалась из одной полосы, шириной около 6 см. Ее сохранившаяся высота составляет примерно 7 см. Часть полосы шириной в 3 см загибалась на лицевую сторону (рис. 1, *6, а*). К вогнутой стороне колчана примыкал фрагмент истлевшего деревянного кибита лука (рис. 1, *4, а*). Его сохранившаяся длина составляет 18 см. На нижнем его конце с вырезом для тетивы сохранились остатки кожи (рис. 1, *5*).

Оборотный слой колчана скроен из цельного куска кожи (рис. 1, *4*, *д, е*). К его нижней правой части примыкает дно подтреугольной формы. Оно скроено из лоскута плотной кожи длиной 7 см, шириной 1,7 см и обращено под наклоном к задней стенке берестяного горита. По краям дно сшивалось с передней и задней стенкой колчана.

С внешней стороны задняя стенка колчана и дно были обтянуты тканью грубого плетения (типа холста). От нее на поверхности сохранились отдельные фрагменты и отпечатки. Дно по верхнему краю укреплялось ободком из ткани шириной 0,8 см. Ободок прошивался двойной строчкой. Помимо того тканью обтягивалась вся внутренняя сторона задней стенки горита. На холсте и под ним заметны следы белого вещества (гипса) (рис. 1, *3*). Вероятно, для формирования плоскости дна на внутреннюю поверхность бересты производилась заливка из гипса, после чего накладывали ткань. Подобная техника была отмечена на горите из Солохи. Там гипс, смешанный с известью, лежал между холстом и металлом обкладки для предохранения рельефных изображений обкладки от деформирования (*Черненко*, 1968; *Фармаковский*, 1922. С. 24–25; *Манцевич*, 1962. С. 118). Напомним, что курган Солоха датируется концом V – IV в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 261; *Гуляев*, 2005. С. 35).

Горит из Филипповки 1 сопровождали связанные с ним детали (рис. 1, *7–11*):

– золотая ворворка (рис. 1, *7*) имеет ажурное ромбовидное навершие и цилиндро-коническую основу-втулку для крепления на конец шнурка. Общая длина предмета – 27 мм. Верхний диаметр втулки – 5 мм, нижний – 7 мм. Сверху на навершие припаяны шарики – зернь. Зернь также имеется на углах ромической части;

– золотой колпачок конической формы (рис. 1, *8*) имеет форму усеченного конуса высотой 13 мм. Верхний диаметр конуса – 4 мм, нижний – 8 мм. На вершину конусовидной втулки напаяны шарики зерни. У нижнего края имеется сквозное отверстие, в котором сохранился фрагмент золотого гвоздика для прикрепления к деревянному предмету;

– золотая обойма (рис. 1, *9*) в профиль подпрямоугольная с тотальными размерами 130 × 8 мм. Обойма сжата до 4 мм и по нижнему краю имеет два сквозных отверстия для прибивания к деревянному предмету.

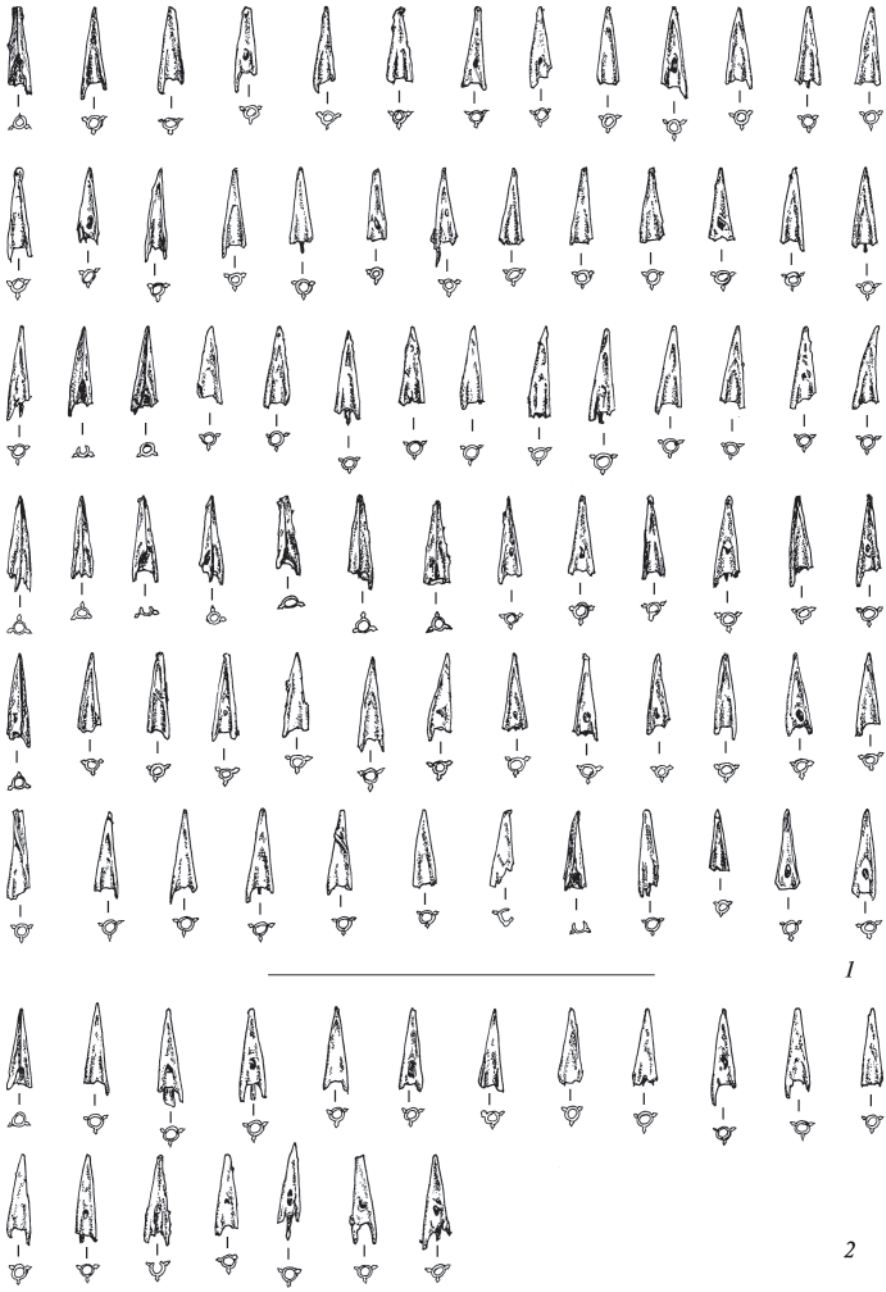


Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел из горита, прорисовки

1 – из колчана; *2* – из кармана

Похоже, что эти три детали соединялись на несохранившейся деревянной основе;

– меловая бусина-пронизь биконической формы (рис. 1, *10*). Ее высота 13 мм, наибольший диаметр – 20 мм, диаметр отверстия – 6 мм. Поверхность бусины вертикально каннелирована.

– подвеска из яшмы (рис. 1, *11*) в профиль каплевидной формы, уплощенная, длиной 43 мм, толщина в профиль – 9 мм. В поперечном сечении она трапециевидная. Верхний диаметр – 5 мм, нижний – 17 мм. В расширенной части имеется сквозное отверстие диаметром 4 мм.

6. Наконечники стрел и вопросы хронологии. В колчане находилось 97 наконечников стрел. Из них 19 помещались в карман. Сохранившаяся длина древков вместе с наконечниками составляет 20 см. Остриями все наконечники в колчане были направлены вниз.

Все они однотипные – головки в профиль треугольные, в поперечном сечении трехгранные, с невыделенным бойком, скрытой втулкой и опущенными концами граней (рис. 2; цв. илл. I). Высота головок колеблется в пределах от 45 до 22 мм, ширина оснований – от 10 до 7 мм.

В сарматской археологии такие наконечники датируются рубежом V–IV вв. до н. э. (*Смирнов, Петренко*, 1963; *Куринских*, 2011). Эта датировка совпадает с общей датой могильника Филипповка 1 и кургана 1 этого могильника (*Пшеничнюк*, 2013; *Трейстер, Яблонский*, 2012).

7. Заключение. Горит из Филипповки датируется рубежом V – IV вв. до н. э. и не находит прямых аналогов среди других изделий, известных в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья. В отличие от прочих, филипповский образец представляет собой уменьшенную копию реального горита. Такой же уменьшенной копией является и сохранившийся фрагмент кибита лука (рис. 1, *6*). Не ставя под сомнение боевое назначение наконечников стрел, горит из Филипповки следует воспринимать не столько как предмет вооружения, сколько как вотивный (символический) элемент элитного погребения женщины.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Гос. Эрмитаж. 206 с.

Богданов С.В., 1989. Отчет о раскопках в Оренбургской области у с. Краснохолм в Илекском районе по Открытому листу № 301 и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района по Открытому листу № 849 в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 13567.

Васильев В.Н., 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VII–II вв. до н. э. Уфа: Гилем. 154 с.

Гуляев В.И., 2005. Скифы. Расцвет и падение великого царства. М.: Алетейа. 399 с.

Золотые олени Евразии. 2003. / Ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. СПб.: Славия. 63 с.

Исмагилов Р.Б., 1987. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 89–93.

Краева Л.А., Купцов Е.А., 2007. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл.

к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 30–37.

Куринских О.И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. № 3. С. 42–54.

Манцевич А.П., 1962. Горит из кургана Солоха // ТГЭ. Т. 3. С. 113–119.

Мещеряков Д.В., 1997. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. Вып. 1. С. 44–67.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 51–58.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., 2012. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. Вып. 10. С. 156–199.

Пшеничнюк А.Х. 2001. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии / ред. Р.Г. Кузеев, М.Б. Пиотровский, А.И. Шкурко. СПб.: Славия. С. 26–37.

Пшеничнюк А.Х., 2013. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале / Ред. Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН. 278 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Изд-во АН СССР. 39 с. (САИ; Д1-9).

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т., 2012. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Ред.: М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. Т.1. М.: Таус. Т. I. С. 282–284. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; вып. 5).

Фармаковский Б.В., 1922. Горит из кургана Солоха // ИРАИМК. II. С. 18–25.

Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 191 с.

Pshenichnuk A.Kh., 2000. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. / Ed. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. New York: Metropoletan Museum. P. 21–30.

М. А. Очир-Горяева

УСТРОЙСТВО СКИФСКОГО КУРГАНА И ЕГО ОРИЕНТАЦИЯ ПО СТРАНАМ СВЕТА

M. A. Ochir-Goryaeva. Construction and geographical orientation of Scythian burial mounds

Abstract. This paper presents an original approach to the study of the Scythian burial mounds. The analysis of the archaeological data follows two lines of research, which have so far been largely overlooked. Firstly, a close statistical examination of size of all types of graves, such as primary and secondary burials, servants' graves and those containing horses is undertaken. This parameter is regarded as an important indication of social status and the hierarchy of the deceased and their burials in the Scythian funeral ceremonies. Secondly, location of graves within the mounds have been analyzed to single out a number of their arrangement patterns with respect to the ideal latitudinal and meridian axis within the mound. New data concerning the planigraphy of Scythian burial mounds have been discovered, which contribute to a more detailed understanding of the spatial representation of kinship and family hierarchy in the Scythian society. As a result, new data have been obtained, which shed light on the system which determines the geographical orientation of the Scythians, their clan and family hierarchies and the ideas on the nether world.

Ключевые слова: скифы, степи Северного Причерноморья, курганы, семейная иерархия, географическая ориентация, мир мертвых.

Согласно разработанной А.Ю. Алексеевым хронографии и базирующейся на ней концепции о двух Скифиях, хронологическая граница между культурой раннескифского (архаического) и классического скифского времени проходит в последней трети VI в. до н. э. Автором этой концепции выделен целый комплекс признаков, отличающих скифские архаические памятники от классических (*Алексеев*, 1992; 2003). Памятники раннескифского времени локализуются в лесостепной зоне Северного Причерноморья и на Кубани. В степной зоне Северного Причерноморья зафиксированы лишь единицы памятников. В классическое скифское время ситуация меняется на противоположную. В степной зоне Северного Причерноморья курганы скифов распространяются с конца VI – начала V в. и становятся массовыми в IV – начале III в. до н. э. (*Черненко и др.*, 1986).

Для написания данной работы была собрана выборка из 69 погребений, датируемых концом VI – началом III в. до н. э., то есть классическим скифским временем. В их число вошли 22 царских кургана (табл. 1). При анализе погребальных комплексов был применен разработанный автором планиграфический подход, согласно которому все погребения и все элементы насыпи одного кургана рассматриваются по расположению относительно друг к другу и странам света. Последовательное применение планиграфического подхода является новым, ранее исследователи прибегали к нему лишь частично (*Ольховский*, 1999; *Болтрик*, 2000).

Широтная ось скифского кургана

В процессе сбора материала было замечено, что порядок расположения могил и устройство насыпей скифских курганов носят регулярный характер, повторяясь от кургана к кургану независимо от ранга (царский или рядовой) и датировки в рамках классического скифского времени. В скифском кургане первичное основное погребение всегда находится в центре кургана. Многие скифские курганы были окружены кольцевым рвом и по краю рва еще и валом. Центральная часть кургана зачастую окружала дополнительная обваловка. Все эти конструкции имели, как правило, с восточной и западной стороны два разрыва – так называемые перемычки. Перемычки скифских курганов зачастую незначительно отклонены от линии запад – восток, но всегда находятся на одной линии с длинными сторонами основного погребения. В литературе уже отмечалась эта особенность (*Саенко*, 1994). В соответствии с расположением проходов намечались и места укладки вала (выкида из могилы), в котором в соответствующих местах также оставлялись проходы (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 296). Разметку подкурганной площади на уровне дневной поверхности предполагал В.С. Ольховский (1999). При разметке контура рва, как полагает С.В. Полин, применялся примитивный циркуль в виде веревки и кола. Некоторая скошенность контуров ямы центрального захоронения Соболевой могилы объясняется коррекцией ее ориентировки в соответствии с перемычками рва в процессе выкапывания (рис. 1, *1*). Автором этой статьи замечено, что на той же линии (предлагаю называть ее широтной осью кургана) расположены могилы коней. Северная и южная стенки конских могил также всегда находятся в створе с центральной могилой и перемычками во рву. Например, в кургане Водяна Могила конская могила и входная яма центрального погребения были ориентированы длинными сторонами по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад. В створе с ними были устроены также перемычки в околокурганном рве с восточной и западной стороны, то есть перемычки находились не строго на западе и востоке, а с некоторым отклонением (рис. 1, *2*). Таким образом, на горизонтальной оси скифского кургана находятся западная и восточная перемычки во рву, валу и обваловке, а также боковые стены центральной и конской могил (рис. 2, *1*).

Таблица 1. Высота курганов, глубина и расположение погребений

Курган, погребение	Высота кургана (м)	Глубина центрального погребения (м)	Глубина впускного погребения типа 1 (м)	Сектор расположения впускного погребения типа 1	Глубина впускного погребения типа 2 (м)	Сектор расположения впускного погребения типа 2	Глубина конской могилы (м)	Сектор расположения конской могилы
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Огуз, центр	20	6,4	5,55	N	4,4	S	2,2	W
Огуз	20	6,4	5,55	N	–		Вх. яма	NO
Александрополь	21	5,9	5,9	NO	4,8	ON	0,35	W
Александрополь	21	5,9	5,9	NO	4,8	ON	Дромос	NO
Братолюбовка	6,0	7,0	2,30	W	0,65	O	1,80	W
Братолюбовка	6,0	7,0	2,30	W	0,65	O	1,20	O
Толстая Могила	8,6	8,5	6,2	SW	–	–	1,35	O
Толстая Могила	8,6	8,5	6,2	–	–	–	1,7	O
Солоха-1	18	4,0	–	–	–	–	1,52	W
Солоха-2	18	5,4	–	–	–	–	1,42	W
Чертомлык	19	12,2	12,2	N	–	–	2,48	W
Чертомлык	19	12,2	12,2	N	–	–	2,48	W
Чертомлык	19	12,2	12,2	N	–	–	2,48	W
Деев курган	4	5,7	4,0	S	–	–	1,77	W
Чмырева Могила	4,5	9,6	12,45	SW	–	–	2,13	SW
Мелитопольский	6	12,5	7,0	–	–	–	1,50	W
Лемешев курган	8,5	8,5	–	–	8,0	O	1,67	SW
Мордвиновский, к. 2	6,5	4,5	–	–	–	–	1,45	W
Страшная Могила	7,0	6,9	–	S	–	–	1,0?	W
Страшная Могила	7,0	6,9	–	–	–	–	1,8?	W
Башмачка, к. 6	7	5,3	–	–	–	–	1,40	W
Краснокутский	8,5	3,0	–	–	–	–	1,77	SW
Ниж. Серогозы, к. 4	2,15	5,45	–	–	–	–	1,90	W
Старинская птицеф., к. 6	4,2	1,2	–	–	–	–	0,7	NW
Вел. Знаменка, к. 13	3,5	4,34	–	–	–	–	1,6	W
Никольское, к. 9	4,0	4,0	–	–	–	–	1,5,	W
Водяна Могила	6,0	7,15	–	–	–	–	1,4	W
Шевченко-2, к. 1	2	2,15	–	–	–	–	1,1	O
Желтокаменка	9,2	7,5	7,5	N	–	–	1,9	W

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Желтокаменка	9,2	7,5	7,5	N	–	–	Дромос	N
Завадская Могила	4,5	4,2	–	–	–	–	–	W
Козел	14	9,6	–	–	–	–	–	W
Б. Цымбалка	15	8,5		–	–	–	–	W
Каменная Могила	5,7	2,1	–	–	–	–	–	NW
Владимировка, к. 10	0	2,28	–	–	–	–	Вх. яма	O
Хомина Могила	3,2	6	6	W	4,5	NO	Дромос	O
Хомина Могила	–	–	–	–	4,5	NO	Вх. яма	O
Гайманова Могила	8	6,8	4,0	S	1,8	N	3,4	W
Гайманова Могила, к 29	0,5	2,8	3,0	N	–	–	Вх. яма	S
Бабина Могила	8,15	5,05	4,4	NO	4,35	NO	Дромос	NO
Великая Знаменка, к. 2/3	?	–	–	–	–	–	Вх. яма	NO
Казенная Могила	5,7	12,0	12	–	–	–	–	–
Мордвиновский, к. 1	7,0	8,3	4,6	S	–	–	–	–
М. Лепетиха, большой к. 2	7,45	5,28	4,0	N	–	O	–	–
Верхний Рогачик	11,0	6,7	–	–	–	SO	–	–
Ерковцы	1,0	2,9	2,7	S	–	–	–	–
Калиновка 2	0,7	4,8	2,7	N	–	–	–	–
Капуловка, к. 3	0,5	4,1	2,0	–	–	–	–	–
Капуловка-2, к. 1	1,0	3,2	2,5	N	–		–	–
Красный перекоп, к. 22	2,0	6,0	5	–	4,0	S	–	–
Кут, к. 1	1,2	–	3,3+2,9 +1,3	–	–	–	–	–
Кут, к. 18	–	–	2,70	NO	2,10	SO	–	–
Кут, к. 2	–	–	3,3	–	–	–	–	–
М. Лепетиха, к. 3	1,85	4,65	3,34	N	2,63	S	–	–
Морская кошара	–	3,1	0,6	–	–	–	–	–
Нагорное, к. 3	1,2	5,1	2,8	N	2,6	S	–	–
Страшная Могила, к. 4	2,5	3,8	0,60	NO	0,4	S	?	–
БОФ, к. 13	0,8	5,25	3,2	S	–	S	–	–
Широкое, к. 5	0,45	2,3	2,5	S	–	S	?	–
Старое, к. 3	2,0	2,9	2,0	NO	–	NO	–	–
Соболева Могила	6,0	6,6	3,8	S	3,6 2,6	N	–	–

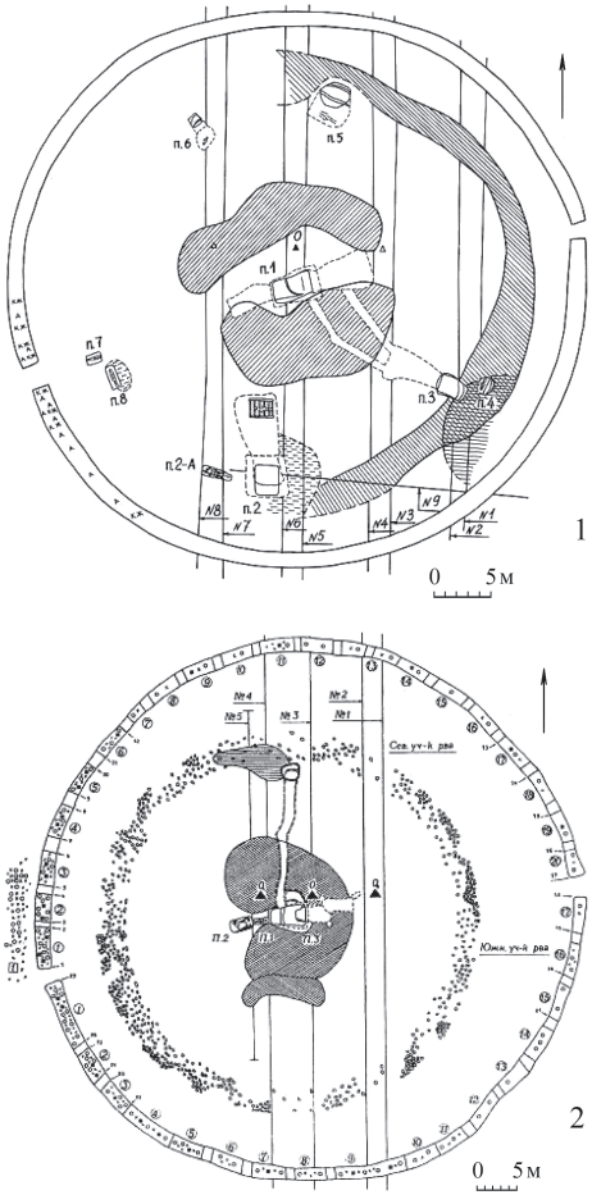


Рис. 1. Планы курганов

1 – Соболева Могила. План кургана. *1* – кости животных, фрагменты амфор; *2* – номера профилей; *3–6* – материковые выкиды; *7* – вымостка из фрагментов амфор над могилой 8 (по: *Мозолевский, Полин*, 2005. С. 145. Рис. 77)

2 – Водяна могила. План кургана. *1–3* – материковые выкиды; *4* – камни крепиды; *5* – грабительский ход; *6* – номера участков рва; *7* – номера разрезов рва; *8* – номера профилей; *9* – поздние перекопы; *10* – фрагменты амфор; *11* – кости животных; *12* – речная галька (по: *Мозолевский, Полин*, 2005. С. 73. Рис. 4)

Глубина могил в скифском кургане

Погребения из одного кургана, как правило, различаются по глубине (см. табл. 1). При сравнении глубин могил в каждом кургане наблюдается некая иерархия погребений относительно друг друга. Самым глубоким в кургане (будь он большой или маленький) является, как правило, центральное погребение. После центрального для насыпи 1, а иногда после еще одного центрального в насыпи 2 следующими по глубине являются впускные боковые погребения. Если в кургане имеются две или несколько впускных могил, то они также различаются по этому параметру. Судя по графику (рис. 3), их можно разделить на два типа: впускные погребения 1 и впускные погребения 2. Впускные погребения 1 – это погребения, занимающие первое место по глубине среди впускных могил одного кургана, независимо от абсолютных отметок. Впускные погребения 2 – это погребения, соответственно, стоящие на втором месте (рис. 3).

Например, в Соболевском кургане центральное погребение 1 имело глубину 6,6 м, глубина погребения 2 (центрального для насыпи 2) – 7,4 м, глубина впускного погребения 3 в юго-восточной части кургана – 3,8 м, глубина впускного погребения 4 (к северу от двух центральных, примерно на одной линии с ними) – 3,6 м, глубина впускного погребения 6 (к северу от центрального) – 2,6 м. Глубины могил слуг: погребения 5 (служанки) – 1,5 м, погребения 7 (вестника) – 1,4 м, погребения 8 (виночерпия) – 0,9 м. Глубина конской могилы, сопровождавшей погребение 2 – 0,9 м (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 143–168).

Если глубина основных и впускных погребений фиксируется в диапазоне от 2–3 до 12 м и варьируется от кургана к кургану, то самая глубокая конская могила достигает глубины только 2,48 м. В основном же глубина конских могил колеблется в пределах от 0,40 до 1,25 м. Этот параметр примерно одинаков для всех курганов независимо от статуса погребенных[1].

В ряде курганов конские могилы сопровождались захоронениями конюхов в отдельных довольно узких и неглубоких могилах. Могилы конюхов мельче конских, их глубина варьируется в пределах 0,36–1,00 м. Как правило, они прилегали непосредственно к конским. В собранной выборке насчитывается девять курганов с погребениями конюхов.

Существует еще одна категория погребений более мелких, чем у коней и конюхов. Имеются в виду так называемые жертвенные погребения к западу от кургана, около курганного рва, среди остатков тризны. В кургане Двугорбая Могила перед рвом, в 0,5–1,5 м от него, под камнями крепиды в западной части кургана, были обнаружены пять человеческих погребений, расположенных цепочкой по линии север – юг на расстоянии 0,5 м друг от друга. Границы могильных ям не прослеживались, скелеты находились на глубине 0,37–0,45 м от уровня древнего горизонта. (*Привалова, Зарайская, Привалов*, 1982). При доследовании Александропольского кургана за пределами рва с западной стороны зафиксирована околокурганная тризна (*Полин, Дараган*, 2010). Среди остатков тризны, в непосредственной близости от рва найдены девять погребений мужчин и погребения подростка

[1] Исключение составляет катакомба с захоронениями коней в царском кургане Гайманова Могила, глубина которой составляла 3,4 м.

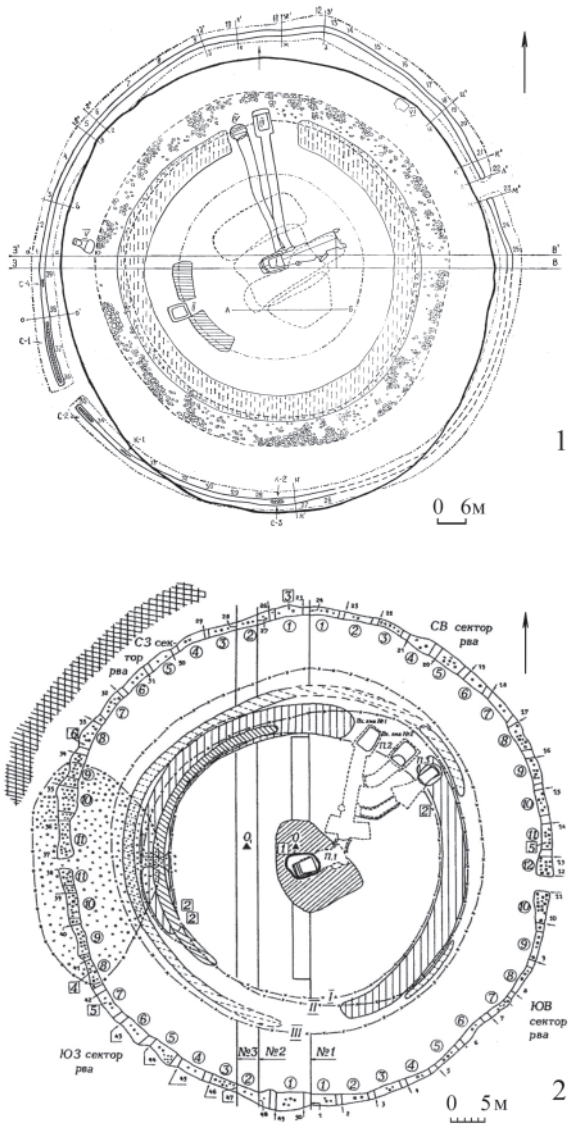


Рис. 2. Планы курганов

1 – Желтокаменка. План. *1* – первичная входная яма центральной гробницы; *2* – граница; *3, 4* – выкиды из могил; *5* – крепида; *6* – современная граница насыпи; *7* – ров; *8* – точки замеров рва; *9* – тризна; *10* – погребения коней во рву (по: *Мозолевский*, 1982. С. 193. Рис. 4)

2 – Бабина могила. План. *1–4* – материковые выкиды; *5* – остатки околокурганного рва; *6* – контуры подземных сооружений; *7* – внешние границы каменных крепид; *8* – границы тризны; *9* – грабительские ходы; *10* –отдельные находки; *11* – номера участков рва; *12* – номера разрезов рва; *13* –номера крепид; *14* – номера профилей; *15* – фрагменты амфор; *16* – кости животных; *17* – речная галька (по: *Мозолевский, Полин*, 2005. С. 95. Рис. 27)

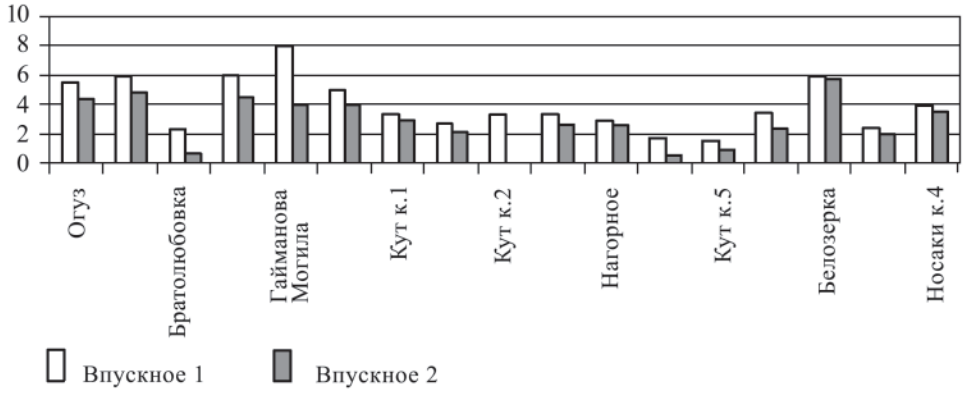


Рис. 3. Глубина впускных 1 и 2 могил в одном кургане (см. табл. 1)

и женщины с ребенком. Все погребенные были ориентированы головой на запад и не имели инвентаря. Умершие были погребены практически на древнем горизонте и перекрыты фрагментами амфор, деревом и камнями.

Если предположить, что глубина могил является показателем престижности, то наименьшая по сравнению с другими глубина могил коней, конюхов и жертвенных погребений должны напрямую соотносится со статусом сопровождающих захоронений.

Расположение погребений в скифском кургане

Проследив размещение впускных погребений категории 1 относительно стран света, мы обнаружили, что в подавляющем большинстве они располагаются к северу или югу от основного погребения, и только единицы – к западу[2] и к востоку от него (рис. 4, *1*). После устройства боковых могил с юга почти всегда насыпь кургана досыпалась, в результате эти могилы оказывались боковыми по отношению к центральному погребению насыпи 1 и центральными для образовавшейся после досыпки насыпи 2. Все это лишний раз свидетельствует о высоком, можно смело сказать, равном статусе погребенных в них с персоной из центрального погребения. Получается, что впускные погребения 1 в основном расположены на одной меридиональной линии с центральным. Если учесть, что погребенные в скифских курганах обычно лежали головой на запад, то впускные погребения оказываются как бы сбоку от основного погребения. Отсюда происходит характерная для северопричерноморской скифской археологии терминология – «боковая южная гробница», «боковая северная гробница».

Иначе располагаются на плане кургана впускные погребения категории 2, занимающие по глубине следующее место после боковых погребений 1. Коли-

[2] Впускные погребения 1, расположенные к западу от основного погребения, происходят из 7 курганов с «зеркальной» планиграфией, таких как Толстая Могила (подробнее об этом см.: *Очир-Горяева*, 2009. С. 273–283).

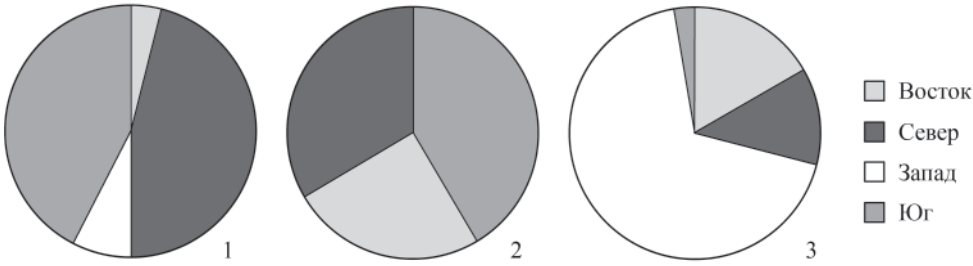


Рис. 4. Расположение впускных погребений в курганах (см. табл. 1)

1 – расположение впускных погребений 1 на плане кургана; *2* – расположение впускных погребений 2 на плане кургана; *3* – расположение конских погребений на плане кургана

чественно они распределяются к югу и северу от центральной могилы (то есть на одной с ней меридиональной оси), и столько же – восточнее центральной могилы (рис. 4, *2*). Впускные погребения категории 2 ни разу не зафиксированы в западном секторе кургана, в то время как конские могилы находятся именно там (рис. 4, *3*). Очевидно, что распределение захоронений в кургане отражает прямо или опосредованно семейно-родовую иерархию, в которой статус каждого определялся, прежде всего, социальной значимостью, а также полом и возрастом.

Меридиональная ось скифского кургана

Судя по расположению центрального и близких ему по статусу погребений к северу и югу от него, по центру кургана, строго перпендикулярно широтной оси, проходила идеальная меридиональная ось скифского кургана. Именно вдоль этой оси, в одну линию с юга на север расположены центральное и боковые погребения. Если центральное погребение длинными сторонами было направлено не строго по линии запад – восток, то проходы во рвах соответственно смещались, а вместе с ней и широтная ось кургана. Как следствие, на столько же градусов смещалась идеальная меридиональная ось скифского кургана.

Курган скифов был разделен идеальной меридиональной осью на две половины: западную и восточную. На границе двух половин, на меридиональной оси кургана располагались захоронения царя и его родственников-мужчин, равного с ним статуса, то есть наиболее важных персон. Мужчина (родственник первой степени, выражаясь юридическим термином), по всей видимости, равного статуса (например: брат или сын) подхоранивался в том же кургане на меридиональной оси. Могилы остальных, менее почетных родственников, чаще всего родственниц, находились в восточной половине кургана.

Судя по тому, что боковые погребения никогда не сооружались в западной половине кургана, можно полагать, что западная сторона считалась не только непрестижной, но и неблагоприятной в сакральном смысле стороной. В западной половине кургана захоранивали только лошадей и сопровождавших животных конюхов. Об этом свидетельствуют погребения с двумя камерами, из которых

именно западная (непрестижная) использовалась для погребального, или, как его обычно называют, «хозяйственного» инвентаря, а восточная – для погребения. Во впускном или центральном погребении в насыпи 2 кургана Солоха амфоры были сложены в западной камере. Центральная гробница в Соболевском кургане также имела две камеры с различным назначением: восточная – для погребения, а западная – для инвентаря. В Двугорбой Могиле (начало IV в. до н. э.) была осуществлена та же идея, но в более сложной форме: от входной ямы центрального погребения отходило сразу четыре камеры, в западных находились амфоры с вином, котел с напутственной пищей и повозка; восточные камеры содержали погребения людей. Тот же принцип наблюдается в конструкции Бердянского кургана в виде расположенных рядом ям с направленными в разные стороны катакомбами: центральная яма с камерой на восточную сторону содержала захоронение царя, а южная с камерой на западную предназначалась для инвентаря и слуг (*Мурзин, Чередниченко*, 1994; *Мурзин, Фиалко*, 1998).

Западная перемычка во рву и поминальная тризна

Около разрывов во рву с западной стороны находят следы поминальной тризны в виде фрагментов амфор и костей животных (рис. 1, 2). Иногда следы тризны прослеживаются по всему периметру кургана, как, например, в кургане Бабина Могила, но все же, наибольшее скопление наблюдается всегда у западной перемычки рва – выхода, ведущего на запад. Получается, что прощальное «кормление души», поминальные тризны происходили на западной стороне. Зачастую остатки тризны представляли собой скопления тысяч фрагментов амфор, костей животных, их черепов и даже целых костяков лошадей, как в кургане Желтокаменка. По подсчетам специалистов, во время поминальных тризн на кургане Водяна Могила было съедено 6960 кг мяса и выпито 524 литра вина, число участников составило 1392–2320 человек. На кургане Бабина Могила съедено 7240 кг мяса и выпито 1263–1290 литров вина, число участников – 1448–2413 человек; на Соболевой Могиле – 1490 кг мяса и 321,7 литра вина, число участников – 298–407 человек (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 291).

Таким образом, погребальную церемонию завершала многолюдная и обильная совместная трапеза с целью воздания должных прощальных почестей и кормления души умершего, покидавшего свой народ и уходившего в мир мертвых. Поскольку заключительная фаза погребальной церемонии проводилась на пространстве у западной перемычки во рву и далее на запад, за пределами рва, надо полагать, что мир мертвых для скифов был однозначно расположен на западе.

Ориентация скифов по странам света

Как известно, ориентация по странам света лежит в основе картины мира каждого этноса и относится к основополагающим свойствам культуры. По материалам лингвистики и фольклора прослеживаются различные позиции для ориентации на местности, сохранившиеся у многих народов в пережиточной

форме: лицом к восходящему солнцу, лицом к полуденной стороне (солнце в зените), лицом к полуночной стороне (Полярная звезда), лицом вверх (*Кононов,* 1978). Например, у тюрко-монгольских кочевников евразийских степей известно два варианта ориентации по странам света. Первый – ориентация по восходящему солнцу, то есть на восток. Если стоять, обратив лицо на восток, сзади оказывается земля, где солнце исчезает, умирает, следовательно, там находится мир мертвых. Такие представления свойственны всем тюркским народам, поэтому их юрты стоят всегда выходом на восток. Второй вариант – ориентация по солнцу в зените. Если стоять, обратив лицо на солнце в зените, тогда за спиной человека оказывается холодная земля, сторона, на которой солнце никогда не светит. Вполне логично, что эта сторона воспринималась как задняя, потусторонняя. Эти представления характерны для монголоязычных народов, поэтому их юрты ориентированы входом на юг.

Все данные (расположение могилы в створе с западной и восточной перемычками, меридиональная идеальная ось, на которой располагались боковые погребения, остатки прощальной тризны с западной стороны кургана) говорят о том, что страну мертвых скифы помещали на западе, то есть они ориентировались на местности, обратившись лицом на восток. Из этого становится ясным назначение западной перемычки в околокурганном рву – это были ворота для ухода души умершего.

Восточная перемычка и мир живых

Если западная сторона в представлениях скифов связана с миром мертвых, то восточная должна быть связана с миром живых. К такому выводу подводят данные этнографической науки о бинарных оппозициях, характерных для архаических культур, или бинарной модели мира (*Жуковская*, 1983). Восточная перемычка была направлена в восточную («живую») сторону и, по всей видимости, служила воротами для вноса умершего и указателем правильного и безопасного подхода к могиле предков во время последующих посещений кургана. Живые родственники могли подойти к могиле только со своей, «живой», восточной стороны. В данном контексте восточная сторона – она же и «правильная» сторона.

В археологической литературе широко известны балбалы – ряды вертикальных камней, стоявших с восточной стороны пазырыкских курганов. По всей видимости, своего рода балбалы ставили и с восточной стороны скифских курганов. Так, например, к востоку от кургана Желтокаменка лежало несколько громадных гранитных камней размерами 1 × 2 м, ориентированных с востока на запад. В то же время к западу от кургана, по свидетельству местных жителей, встречалось множество обломков амфор (*Мозолевский*, 1982. С. 180). Около кургана 2 у Корнеевки, в районе восточной перемычки по обе ее стороны, во рву, на уровне погребенного чернозема, были обнаружены необработанные известняковые плита и столб. Размеры плиты – 0,9 × 0,6 × 0,1 м. Размеры столба – 1,5 × 0,4 ×0,4 м (*Ковалев, Полин*, 1991. Рис. 3, 7). В могильнике Новое Запорожье курганы опоясывались кольцевым, трапециевидным в сечении рвом с перемычками на западе и востоке (иногда с небольшим смещением). В трех курганах на внешнем кольце рва стоя-

ли гранитные менгиры подтреугольной формы, размерами от 0,9 × 0,5 × 0,25 м до 1,8 × 0,8 × 0,2 м. В кургане 7 менгир найден у восточной перемычки (*Плешивенко,* 1977. С. 143–152). С обеих сторон от восточной перемычки кургана Бабина Могила, в заполнении рва, зафиксированы большие скопления камней, поднимавшиеся почти до современной поверхности. Автор раскопок полагал, что они представляли собой развал какой-то каменной конструкции, оформлявшей восточный вход в курган (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 107).

На границе миров

Судя по перечисленным данным, идеальная меридиональная линия в скифском кургане разграничивала два мира. Вот почему вторичные погребения вносились в центральную гробницу скифского кургана по линии север – юг. С северной полы кургана строго по границе, или по нейтральной зоне между двумя мирами прокапывался длинный (до 20 м) дромос, заканчивавшийся входом в центральную камеру. Согласно логике, расположение дромоса строго вдоль линии меридиональной оси, по своего рода нейтральной полосе, не нарушало покой мира мертвых и было наиболее безопасным для мира живых. Такой дромос прослеживается в курганах Желтокаменка, Братолюбовка, в Бабиной Могиле. В Александропольском кургане дромос заметно смещен на северо-восток, но с центральной могилой соединен с ее северной стороны. В кургане Огуз длинный дромос проложен с юга, но также строго вдоль идеальной «разграничительной» линии.

В связи с расположением дромосов в скифских курганах хотелось бы отметить, что и так называемые подземные грабительские ходы были также проложены строго по меридиональной линии. Но, по мнению С.В. Полина, узкие и длинные штольни, направленные всегда с северной полы в центр кургана, были изобретены современниками, то есть самими скифами. Их прокладка явно предполагала точное знание плана кургана. Как отмечает С.В. Полин, направление и глубина штольни всегда были точно выверены, зачастую она «садилась» сверху на входную яму или камеру впускного бокового погребения, расположение которого поверх насыпи невозможно распознать (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 427–445).

Увязка планиграфии курганов с бинарной моделью мира скифского общества и идеальной меридиональной линией дает дополнительный аргумент в пользу ритуального характера длинных подземных ходов, поскольку они, ничего не нарушая, логично вписываются в строго регламентированный план кургана. Именно эта «вписанность» дала основание Ю.В. Болтрику утверждать, что штольни-ходы выкапывались одновременно с устройством центральной могилы (*Болтрик*, 2000). Позднее эти ритуальные ходы, несомненно, использовались грабителями.

Сооружение кургана и его последующее заполнение

В последние годы по результатам доследования Александропольского кургана установлено, что центральная гробница и восточная входная яма с соеди-

нявшим их дромосом копались одновременно с уровня древнего горизонта. Об этом однозначно свидетельствует часть выкида из дромоса, зафиксированная на древнем горизонте. Авторы доследования констатируют, что «наличие двух входов в единую камеру было обусловлено исключительно обрядовыми требованиями, а не их разновременностью» (*Полин, Дараган*, 2010. С. 187–192). Вполне возможно, так оно было, и здесь «по-видимому, можно говорить о полной единовременности и всех трех его гробниц» (Там же). Этот факт объясняет выявленную ранее синхронность амфорного материала из центральной гробницы, боковой и околокурганной тризны.

Предложенная реконструкция Александропольского кургана влечет за собой принципиально новое знание о технике строительства царских курганов. Все скифские курганы, как царские, так и рядовые, обнаруживают высокую степень стандартности в планиграфии кургана, досыпок и последовательности погребений. Поэтому факт одновременного сооружения центральной и боковой могил в Александропольском кургане может экстраполироваться и на другие курганы. Но, если скифские курганы были семейными или родовыми усыпальницами, как в таком случае объяснить одновременную смерть целой семьи или родового клана по всей Скифии? Можно предположить, что тела умерших хранили долгое время, пока не умрут все члены семьи и рода, или, по крайней мере, основные, наиболее важные родственники, чтобы похоронить всех одновременно в одном кургане. Такой ход рассуждений выглядит неубедительным, во всяком случае, он не объясняет назначение дромоса.

Единственным достоверным фактом одновременного сооружения центральной могилы в виде каменного склепа и дромоса в нее среди царских курганов является курган Огуз. Ю.В. Болтрик выявил признаки предварительной разметки места сооружения и погребений Чертомлыкского кургана (*Болтрик*, 2002. С. 157), что позволило предположить единовременность центральной и северной могил и дромоса (или штольни-хода). По аналогии с Чертомлыком Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко еще в 1994 г. высказывались в пользу одновременности впускных могил кургана Александрополь: «Следует заметить, что в отличие от традиционно сложившегося представления о трехэтапном возникновении комплекса в Александрополе, мы считаем, что боковая северо-восточная могила и входная яма с длинным дромосом – это все элементы единовременного погребального ансамбля. Подобной мы считаем и структуру Чертомлыка, где Северная могила является второй входной ямой, венчающей мощный наклонный дромос, традиционно воспринимаемый как грабительский ход. То есть, ни в первом, ни во втором памятниках нет места впускным могилам» (*Болтрик, Фиалко*, 1994. С. 26). Эти же аргументы приведены в другой работе одного из авторов (*Болтрик*, 2000).

Очевидно, в самом начале должны были выкапываться околокурганные рвы или другие элементы, так или иначе ограничивавшие территорию кургана: согласно архаическому мышлению, она была зоной контакта двух миров и должна быть ограничена, чтобы не подвергать опасности окружающие владения и пастбища. Как полагает С.В. Полин, далее все элементы погребального ансамбля создавались синхронно: строилась обваловка, выкапывались центральная яма, конская и боковые могилы (*Мозолевский, Полин*, 2005. С. 107). Стратиграфи-

ческие наблюдения об одновременности сооружения центральной и боковой могилы Александропольского кургана, заблаговременно построенный дромос в каменный склеп кургана Огуз, а также признаки предварительной разметки мест погребений в кургане Чертомлык наводят на мысль, что скифы могли планировать и сооружать курган так же планомерно, как, например, строительство дома. Во-первых, как показано выше, планиграфия кургана была четко определена заранее: основное погребение в центре, на одной горизонтальной оси с длинными стенками входной ямы – перемычки в обваловке и околокурганном рву, на этой же горизонтальной оси с западной стороны – должна быть расположена конская могила. Во-вторых, зная наличие родственников и их родственный ранг по отношению к основному погребенному в кургане, можно было запланировать и боковые могилы. Расположение боковых могил родственников регламентировалось рангом по родственной линии[3] и полом. Скифы захоранивали младших по родственному рангу мужчин с северной стороны центрального погребения на меридиональной оси кургана, а старших по родственному рангу мужчин − с южной его стороны. Останки супруга ранее погребенной дамы вносились через дромос в камеру центральной могилы и укладывались у южной стенки камеры. Могилы остальных родственников рангом ниже, а также жены, имели право располагать в восточной половине кургана.

В описанной ситуации, действительно, было не столь сложно прогнозировать планиграфию кургана для определенной семьи или родового клана. Продолжая аналогию со строящимся домом, выкопанные заранее боковые могилы, можно сравнить с запланированной на будущее детской комнатой и гаражом: на момент начала строительства нет еще ни детей, ни машины, но они когда-то появятся. То есть, если имеется родственник соответствующего ранга, то когда-нибудь он умрет, и поэтому ему заранее заготовлено престижное место в семейной усыпальнице.

Основной аргумент С.В. Полина в подтверждение одновременного захоронения погребенных, – фрагменты одних и тех же амфор, найденные в центральной и боковой могилах и во рву Александропольского кургана (*Полин*, 2010. С. 262–307). Это установленный факт. Но вполне возможно, боковую могилу освятили и поместили туда амфоры, или совершили возлияния, сразу после сооружения, в знак ее готовности к будущему применению. Впоследствии, через промежуток времени от нескольких до десятков лет, при похоронах родственника в ту же могилу вносились новые амфоры. Этим можно объяснить существование так называемых «нечистых» комплексов амфор из скифских курганов, когда датировка клейм из тризны оказывается древнее, чем дата клейма из погребения (Там же). Если родственник умер на 5–10 лет позже сооружения кургана, то только клейма могут показать хронологическую разницу. Остальной погребальный инвентарь не позволяет уловить разницу в датировке между основной и боковой могилами. Такое понимание традиции возведения скифских курганов снимает сомнения в правильности датировок амфорных клейм, что казалось в последние годы не-

[3] Родственный ранг не всегда совпадает с физическим возрастом. Например, младший брат может быть моложе детей старшего брата, но по родственному рангу он старше их. Он – их дядя, они – его племянники.

разрешимой задачей (*Полин*, 2010. С. 262–307). Итак, подводя итог, можно констатировать, что после смерти главного в роду размечался и возводился курган – семейная усыпальница, в которой предусматривались места для остальных членов, чей родственный ранг позволял им быть погребенными в данном кургане.

Выводы

Наиболее важными результатами проведенного автором планиграфического анализа являются:

1) выявление наличия строгой семейно-родовой иерархии среди родственников и строгой социальной иерархии, касавшейся слуг, конюхов и людей, принесенных в жертву во время похорон;

2) определение системы географической ориентации скифов на местности, а именно – лицом на восток;

3) выявление ориентации скифского кургана по странам света и подчиненности планиграфии кургана представлению о расположении страны мертвых на западе;

4) подтверждение одновременного способа сооружения скифских курганов и объяснение процесса постепенного заполнения могил скифского кургана.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб: Петербургкомстат. 206 с.

Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.: Гос. Эрмитаж. 416 с.

Болтрик Ю.В., 2000. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология, археология: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН: ГИМ. С. 129–137.

Болтрик Ю.В., 2002. Был ли Атей погребен в Чертомлыке? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 157–161.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 1994. Курганы царей Скифии IV в. до н. э. // Тез. докл. Междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию Б.Н. Гракова. Запорожье: Запорожский госуниверситет: ИА НАН Украины. С. 24–27.

Жуковская Н.Л., 1983. Бинарные оппозиции в традиционной монгольской культуре // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф . Ч. 2 / Отв. ред. В.А. Кореняко. М.: Наука. С. 127–138.

Ковалев Н.В., Полин С.В., 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы Степной Скифии: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 33–53.

Кононов А.Н., 1978. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник 1974. М.: Наука. С. 72–89.

Мозолевский Б.Н., 1982. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 179–222.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В., 2005. Курганы скифского Герроса IV века до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Стилос. 599 с.

Мурзин В.Ю., Фиалко Е.Е., 1998. Архитектура Бердянского кургана // Археологія. № 2. С. 82–93.

Мурзин В.Ю., Чередниченко Н.Н., 1994. Об итогах исследования Бердянского кургана // Тез. докл. Междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию Б.Н. Гракова. Запорожье: Запорожский госуниверситет: ИА НАН Украины. С. 140–141.

Ольховский В.С., 1999. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: сб. ст. М.: Восточная литература. С. 114–136.

Очир-Горяева М.А., 2009. О планиграфии скифских курганов // Эпоха раннего железа: к 60-летию С.А. Скорого / Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев; Полтава: ИА НАНУ. С. 273–283. (Археология и древняя история Украины.)

Плешивенко А.Г., 1977. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Запорожье: ДСПК. Вып. 2. С. 143–152.

Полин С.В., 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Античный мир и археология: межвуз. сб. науч. тр. Ред. В.И. Кац и др. Саратов: Саратовский университет. Вып. 14. С. 262–307.

Полин С.В., Дараган М.И., 2010. Работы на Александропольском кургане 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Ред. Р.М. Мунчаев и др. Вып. 1. М.: ИА РАН; Киев. С. 187–192.

Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов А.И., 1982. Двугорбая могила // Древности степной Скифии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 148–179.

Саенко В.Н., 1994. Скифский курган как семиотическая система // Тез. докл. Междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию Б.Н. Гракова. Запорожье: Запорожский госуниверситет; ИА НАН Украины. С. 164–167.

Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С., 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 353 с.

В. Е. Родинкова

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ ЖЕНСКИЙ УБОР РИМСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ)[1]

V. E. Rodinkova. Early Slavonic female attire of the Roman and Early Medieval periods (problems of sources analysis)

Abstract. The article examines the current state of the study of jewellery and clothes accessories as an important source of information regarding the costumes of the Slavs during the early stages of their history. Two jewellery assemblages related with the Early Slavonic cultural milieu are discussed: the complex of artifacts from the range of East-European enamelled ornaments of the 2nd–3rd cc. AD, and the adornments from the Early Medieval hoards of the Dnieper region existed between the late 6th – early 7th c. and the first half of the 8th c. AD. The enamelled ornaments are found on sites of the Zarubintsy and Kiev cultures. They point to the probable involvement of the Proto-Slavic population in the general processes underway at the end of the Roman period in a considerable part of the forest and forest-steppe zones of Eastern Europe. The second range of finds is considered as an indication of the existence in the middle reaches of the Dnieper of a poly-ethnic power structure or as a result of the activities of certain craft centres with common artistic and production traditions. Most of the analysed artefacts are stray finds or come from hoards, which complicates the interpretation of the objects. The question as to the possibility for using items from inhumation burials for reconstructions of Early Slavic female costume remains an open one, since such burial rite was not of Slavonic character. Prospects for further investigation of the costumes of the Dnieper valley population in the Roman and Early Medieval period require not only surveying of new findspots, but the use of new analytical methods, including those applied in natural and technical sciences, and also the comparison of the results obtained in the study of jewellery and other aspects of the Early Slavs' material culture.

Ключевые слова: ранние славяне, римское время, раннее Средневековье, костюм, убор, украшения, клады.

[1] Статья подготовлена в рамках исследований по проекту «Восточные группы раннеславянского мира на рубеже эпох Великого переселения народов и раннего Средневековья», Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Изучение того, что сегодня принято называть индивидуальными находками, – отдельных ярких предметов и вещевых комплексов разных культур и эпох – составляло неотъемлемую часть археологии уже на этапе ее становления. В середине XX в., когда приоритет в отечественной науке был отдан созданию масштабных исторических реконструкций с акцентом на социально-экономические отношения, вещеведение отступило на второй план. Однако по мере накопления материала и совершенствования методов его анализа стало очевидно, что «индивидуальные находки» представляют собой самостоятельный источник информации о прошлом, по значению не уступающий таким определяющим элементам материальной культуры, как принципы домостроительства, погребальный обряд, наборы керамических форм и т. д. И к концу прошлого столетия вещеведение вновь утвердилось на позиции одного из ведущих направлений археологических исследований.

Особое внимание специалистов всегда привлекали украшения и предметы убора[2]. Традиционно использование их в качестве хронологических индикаторов, показателей торгово-обменных связей, источника информации о ювелирном производстве и др. Кроме того, считается, что костюм, прежде всего женский, отражает этнографическую специфику древних коллективов и потому является важнейшим маркером этнокультурных процессов. Правда, рассматривая вещи в таком контексте, необходимо учитывать особенности исторической ситуации, в которой они существовали. Например, многочисленные исследования показали, что характер костюмного комплекса в период римского влияния и эпоху Великого переселения народов определялся взаимодействием двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу факторов. С одной стороны, это консерватизм традиционных обществ, в которых костюм/убор представлял собой систему жестко связанных элементов, обусловленную в том числе мировоззренческими и религиозными представлениями своих носителей. В таком смысле он был «закрытой» системой, существовавшей в определенной этнокультурной среде и мало восприимчивой к новациям и внешним воздействиям. С другой стороны, для интересующего нас времени можно говорить о возникновении интернациональной моды и престижного костюма, демонстрировавшего не столько этническую принадлежность, сколько высокий социальный и имущественный статус владельца (*Мастыкова*, 2009. С. 7–10; *Яценко*, 2006. С. 7, 18, 19; и др.). Сложное взаимодействие автохтонных и заимствованных элементов женского убора, имеющих различ-

[2] В настоящей работе мы присоединяемся к трактовке терминов «убор» и «костюм» как синонимичных. В археологии ранних славян находки из органических материалов крайне редки, поэтому мы не можем достоверно реконструировать основную часть костюмного комплекса – одежду, ее состав, крой, ткани, из которых она была изготовлена, и т.п. Основным источником изучения костюма в такой ситуации становятся входившие в него и легче переносящие процесс археологизации металлические, стеклянные, каменные украшения, аксессуары, фурнитура, часто объединяемые в отечественной литературе в рамках общего понятия «убор». (Более развернутое изложение этой точки зрения см., например: *Мастыкова*, 2009. С. 11–14; о соотношении убора, одежды и костюма в традиционных и современных культурах см. также: *Жилина*, 2010.)

ные источники и механизмы формирования, отмечает Н.В. Жилина на древнерусском материале (*Жилина*, 2011; 2012).

Неоднозначная ситуация сложилась и вокруг изучения костюма славян на начальных этапах их истории. Собственно, с раннеславянской культурной средой соотносятся два *комплекса* украшений и предметов убора. Первый – изделия круга восточноевропейских выемчатых (или «варварских») эмалей. В основном они датируются второй половиной II – III в. н. э., но отдельные вещи третьего периода развития стиля, по мнению исследователей, могут доживать до гуннского времени (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 120–124). Второй – так называемые древности антов[3] или предметы круга днепровских раннесредневековых кладов, которые разделяются на две группы (*Щеглова*, 1990). Вещевой набор I группы, зафиксированный в кладах типа Мартыновского, был распространен с конца VI / рубежа VI–VII вв. до третьей четверти VII в. (*Гавритухин*, 1996а; *Родинкова*, 2012. С. 157, 158). Изделия, составляющие II группу и отложившиеся в Пастырских, Харьевском (в современной украинской литературе – Харивском) и прочих подобных комплексах, находились в употреблении между третьей четвертью VII и началом / серединой VIII в. (*Приходнюк, Хардаев*, 1998. С. 258; *Родинкова*, 2011. С. 247).

И украшения с «варварскими» эмалями, и «древности антов» известны со второй половины XIX в. Первым их систематизировал А.А. Спицын (1903; 1928), позже были созданы фундаментальные своды Г.Ф. Корзухиной (1978; 1996). Долгое время интересующие нас вещи существовали вне конкретного культурно-исторического и археологического контекста. Лишь в середине – второй половине XX в. в Поднепровье были выделены киевская и позднезарубинецкая культуры римского времени, в носителях которых сегодня принято видеть предков исторических славян, и колочинская и пеньковская культуры эпохи раннего Средневековья, которые большинство исследователей считают раннеславянскими. Находки на позднезарубинецких и киевских памятниках изделий с эмалью (*Терпиловский, Абашина*, 1992. С. 65, 67, 69, 162; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 128, 131, 133; *Обломский*, 2010. С. 59–61), а на колочинских и пеньковских – предметов, составляющих клады типа Мартыновского (*Родинкова*, 1996. С. 156–161), в целом решили проблему этнической атрибуции рассматриваемых вещевых наборов[4], хотя дискуссия по ряду частных вопросов продолжается по сей день (см., напр.: *Зиньковская*, 2011. С. 72–76; *Гавритухин*, 2011. С. 180). В славянской волынцевской среде могли быть распространены и украшения, за-

[3] Это название, предложенное А.А. Спицыным (1928), мы используем как устоявшееся в историографии определение, не несущее этнической нагрузки.

[4] «Протославянам» – носителям киевских традиций принадлежали не все украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей (см. ниже о территории их распространения). С другой стороны, такие украшения бытовали в Поднепровье не все время существования киевской культуры. На поздних этапах ее развития «эмалевый» набор практически полностью вытесняется унифицированным вещевым комплексом черняховского типа, представляющим, по мнению специалистов, одну из моделей германского традиционного женского убора (*Tempelmann-Mączyńska*, 1989. S. 78, 134, 135; *Бобровська*, 2000. С. 94, 95, 147, 148; *Магомедов*, 2001. С. 76).

фиксированные в днепровских раннесредневековых кладах II группы. Во всяком случае, Харьевский клад найден в лепном горшке, подражающем гончарному сосуду волынцевского типа (*Березовець*, 1952. С. 109, 118; Этнокультурная карта…, 1985. С. 121, рис. 22, *33–59*; *Гавритухин, Щеглова*, 1996б. С. 133).

Хронологическую лакуну второй половины V – VI в. в ареале колочинской и пеньковской культур заполняют находки ювелирных изделий разных типов и категорий, однако *единый* костюмный комплекс они не образуют. Говорить о реконструкции некоторых *моделей убора* можно лишь на основе анализа материалов ряда погребений по обряду ингумации (*Гавритухин*, 2004; *Родинкова*, 2007. С. 362, 363), но славянская атрибуция этих памятников сомнительна.

Аналогичная ситуация сложилась в отношении пражской культуры, традиции которой, в отличие от колочинских и пеньковских, прослеживаются вплоть до эпохи Древней Руси. Одна из наиболее ярких находок этого круга – комплекс каменных литейных форм с поселения Бернашовка (*Винокур*, 1997). Изготавливавшиеся в них подвесные и нашивные украшения иногда соотносят с женским убором (*Щеглова*, 1999. С. 300; и др.), а И.С. Винокур даже реконструировал на их основе женские очелье, пояс и некоторые другие элементы костюма (*Винокур*, 1997. С. 158–160, рис. 51–53). Необходимо, однако, подчеркнуть гипотетический характер предложенных реконструкций. Данных, подтверждающих принадлежность изделий, отливавшихся в формах из Бернашовки, и им подобных к женскому вещевому комплексу пока нет. Разрозненные находки фибул, браслетов, пряжек и других предметов (Этнокультурная карта…, 1985. С. 81, 83, рис. 15, *21–40*) также не позволяют в полной мере представить убор представительниц пражских племен.

Следует отметить резкий контраст между общей бедностью раннеславянской материальной культуры, в которой металлические изделия редки, а основную категорию находок составляет груболепная керамика, и «эмалевым» и «антским» костюмными комплексами, характеризующимися богатством состава и включающими многочисленные серебряные, латунные, бронзовые, свинцово-оловянные, стеклянные, янтарные и другие украшения. Объяснение этого феномена многое бы добавило к нашему пониманию историко-культурной ситуации, сложившейся в Восточной Европе в конце античной эпохи и начале раннего Средневековья, но оно пока не найдено.

Обратимся к особенностям распространения предметов с выемчатой эмалью и изделий круга днепровских раннесредневековых кладов. «Варварские эмали» известны на огромной территории от побережья Ботнического залива и Прикамья до Крыма и Северного Кавказа (*Корзухина*, 1978. Карта-вклейка[5]). При этом, как уже указывалось в литературе, выделяются очаги концентрации находок, где, вероятно, было налажено производство подобных изделий, в том числе Юго-Восточная Прибалтика, Поднепровье (ареал киевской культуры), Окско-Деснинский регион. Причины и механизмы столь широкого распространения единой моды, сравнительно быстро охватившей большую часть различных в этническом отношении групп населения лесной и лесостепной зон Восточной

[5] С момента публикации данной карты количество находок существенно возросло, но их география принципиально не изменилась.

Европы, неясны. По-видимому, мы имеем дело с археологическим отражением каких-то общих процессов, активными участниками которых в конце эпохи римских влияний оказались и праславянские племена носителей киевской культуры.

Основной ареал украшений и предметов убора, зафиксированных в раннесредневековых кладах I группы, – Среднее Поднепровье и левобережье Днепра от Поросья и Потясминья на западе до бассейна Оскола и Северского Донца на востоке и от Среднего Подесенья на севере до Днепровских порогов на юге. За пределами очерченной территории отдельные такие вещи известны в Подунавье, Верхнем Поднепровье, Поочье, Южном Побужье, а в массовом порядке – в Юго-Западном Крыму. Недавно были введены в научный оборот находки пальчатых фибул и других изделий днепровских типов на р. Воронеж в Липецкой области, которые А.М. Обломский рассматривает в контексте расселения славян и освоения ими новых территорий (*Обломский*, 2012а. С. 193, 196, 198).

Исследователи неоднократно подчеркивали тот факт, что обладающий внутренним единством комплекс «древностей антов» I группы связан с близкими, но все же различающимися по основным своим характеристикам археологическими культурами: колочинской и пеньковской. При этом основная территория распространения рассматриваемых древностей не совпадает полностью ни с ареалом колочинских, ни с ареалом пеньковских племен. Иными словами, интересующий нас вещевой набор обладает локальной спецификой, в одно и то же время он был в употреблении у разных, хотя и родственных групп славян. А находки подобных украшений в женских погребениях по обряду ингумации на территории пеньковской культуры (список памятников и анализ материала см.: *Синица*, 1999) показывают, что «мартыновский» убор использовали и представители неславянского населения (см. ниже).

На сегодняшний день предложены две основные интерпретации этого феномена. И.О. Гавритухин и А.М. Обломский полагают, что вещевой комплекс, известный по кладам I группы, свидетельствует о формировании в Поднепровье к VII в. полиэтничного политического объединения, элита которого выделяла себя на окружающем фоне особым костюмом (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 145; *Обломский*, 2011; 2012б). О.А. Щегловой принадлежит другая точка зрения, согласно которой «древности антов» – принадлежности не элитарной, а рядовой культуры. Их находки маркируют рынок сбыта продукции нескольких ремесленных центров, объединенных общими художественными и производственными традициями, которые не столько удовлетворяли спрос, сколько формировали моду и вкусы местных жителей (*Щеглова*, 1999. С. 290, 309, 310; *Щеглова, Гавритухин*, 2013. С. 151–153). По нашему мнению, однако, неразрешимого противоречия между представленными позициями нет. Появление «мартыновского» комплекса украшений могло стать результатом функционирования нескольких ювелирных мастерских, совместная деятельность которых осуществлялась при поддержке и под защитой властной структуры, нуждавшейся в визуальном выражении своего существования и «сформировавшей заказ» на создание нового убора (*Родинкова*, 2010а. С. 388; 2011. С. 260, 261).

Как источник изучения костюма, изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей и «древности антов» обладают определенной спецификой,

требующей особых методов анализа и особого отношения к полученным выводам. В литературе неоднократно отмечалось, что большая часть этих вещей представляет собой случайные единичные находки или происходит из кладов – комплексов, не позволяющих определить назначение, место и связь конкретных предметов в *системе убора*, а фиксирующих лишь *набор* более или менее одновременных артефактов. Наибольшее количество вопросов вызывают украшения с эмалью. На современном уровне знаний многие из них – «диадемы», ажурные цепи, пластинчатые «пояса» – даже не могут быть однозначно интерпретированы как элементы личного убора, а не «статусные» вещи, отражающие особое положение своих владельцев в социуме, к примеру, символы княжеской власти или детали ритуального облачения жреца. Не установлена и половозрастная принадлежность большей части предметов. Практически единственная попытка найти основу для выявления половозрастных различий в уборе, включавшем изделия круга выемчатых эмалей, была предпринята А.Г. Фурасьевым (2001). Проведя корреляцию материалов 12 комплексов (преимущественно кладов) по 10 признакам, исследователь выделил наборы, характерные, по его мнению, для костюма замужних и незамужних (вдовых) женщин, девушек, мужчин и юношей, не достигших брачного возраста. Однако специфика изучаемых памятников не позволяет признать предложенную А.Г. Фурасьевым аргументацию достаточной, а возможности проверки сделанных им выводов по другим источникам ограничены (*Родинкова*, 2007. С. 366, 367).

Большинство украшений, составляющих днепровские раннесредневековые клады II группы, считаются женскими. Данная точка зрения подкрепляется наблюдениями над древностями других территорий и общими рассуждениями о характерном для женского костюма использовании парных фибул, ожерелий, серег и т.д. Прямых подтверждений она не имеет. Между тем, браслеты или шейные гривны, представленные в днепровских кладах, как категории украшений, вне ареала «древностей антов» хорошо известны не только в женских, но и в мужских комплексах. Примером могут служить браслеты из мужских привилегированных погребений гуннского и постгуннского времени, таких, как могила короля Хильдерика в Турнэ (*Werner*, 1980; список находок и ссылки на прочую литературу см.: *Засецкая и др*., 2007. С. 48–54). Использование гривен и браслетов в мужском костюме традиционно для племен, оставивших рязано-окские могильники, и населения Юго-Восточной Прибалтики (см., например: *Воронина, Зеленцова, Энговатова*, 2005. С. 98; *Kazakevičius*, 1993. 69, 70, 109, 125, 137, 200 pav.; и др.).

В кладах I группы присутствуют ременные гарнитуры так называемого геральдического стиля, традиционно соотносимые с мужской субкультурой. Остальные украшения «мартыновского» круга – головные венчики, гривны, височные кольца, разнообразные подвески, фибулы, бусы, браслеты, нашивные бляшки и проч. – так сказать, методом исключения связываются с женским убором. Эта атрибуция в целом подтверждается материалами из погребений, хотя вопрос, насколько правомерны подобные сопоставления, остается открытым (см. ниже). Вместе с тем среди инвентаря наиболее представительного женского захоронения в Мохначе были зафиксированы небольшая пряжка без щитка и поясной наконечник (*Аксенов, Бабенко*, 1998. С. 115, рис. 3, *7, 8*). Указанные находки – аргумент в пользу предположения, что пояс и, следовательно, поясные

украшения у раннесредневекового населения Поднепровья были элементами не только мужского, но и женского костюма; не исключено присутствие в этом костюме и обуви на ремнях (*Гавритухин, Щеглова*, 1996а. С. 51, 52; *Щеглова*, 1999. С. 295, 307).

Обращение при воссоздании раннеславянского убора к такому традиционному для подобных изысканий источнику, как материалы погребений, требует специального обсуждения. Славянский погребальный обряд в дохристианскую эпоху – кремация с небольшим количеством сопровождающих вещей или вовсе безынвентарная – малоинформативен с точки зрения исследования костюма. И изделия круга выемчатых эмалей, и предметы, составляющие днепровские раннесредневековые клады (I группы), встречены в ингумациях, как вне территории распространения раннеславянских памятников, так и в ее пределах. Учитывая сказанное выше, стоит, однако, предполагать, что эти захоронения принадлежат представителям *неславянского* этноса, следовательно не исключено, что происходящие из них материалы отражают *неславянские* традиции использования украшений и аксессуаров. Кроме того, при интерпретации погребального инвентаря следует учитывать возможные различия между «живой» и «мертвой» культурой. Вещи, помещаемые в могилу, могли подвергаться обрядовым действиям (например, ритуальному переворачиванию), призванным подчеркнуть новое состояние индивидуума, и в результате занимали в костюме *иное* положение по сравнению с тем, что было характерно для них при жизни владельца (*Щеглова*, 1999. С. 303). Таким образом, находки из ингумаций имеют для реконструкции раннеславянского костюма опосредованное значение, их привлечение к анализу в данном контексте базируется на серьезных методических допущениях.

Тем не менее, взвешенный подход, комплексное изучение источников и внимание к деталям даже в столь сложной ситуации позволяют достичь положительных результатов. Показательны в этом отношении исследования О.А. Щегловой (*Щеглова*, 1999; 2001; *Щеглова, Егорьков*, 2000; и др.). Ею предложены функциональные определения ряда предметов из кладов I группы, назначение которых было неясно, высказаны предположения о связи некоторых типов вещей с возрастным и брачным статусом их владелиц. На основании наблюдений над разворотом иглоприемников фибул сделан вывод о бинарности женского раннеславянского костюма, имевшего «левую» и «правую» стороны. Продолжая работу в направлении, заданном В.М. Горюновой (1987), О.А. Щеглова привлекла к анализу не только сравнительно немногочисленные находки свинцово-оловянных украшений из кладов типа Мартыновского, но и происходящие с широкой территории формы для их отливки. В итоге она пришла к заключению, что такие изделия, в том числе нашивки на ткань, играли в раннесредневековом костюме населения Восточной Европы гораздо более важную роль, чем принято было думать ранее.

Особенность современного этапа развития археологической науки вообще и исследования вещевых комплексов Поднепровья в частности – резкое увеличение количества материала за счет находок, полученных в результате нелегальных раскопок археологических памятников (*Макаров*, 2004; *Зеленцова*, 2010; и др.). Лишь очень небольшая часть этого материала (часто не без помощи

правоохранительных органов) попадает в музеи и становится доступна для изучения (*Родинкова*, 2010б; *Радюш, Щеглова*, 2012; *Ахмедов, Обломский, Радюш*, 2013; и др.), важнейшей частью которого является обследование специалистами места находки. Сведения, полученные таким образом, способны существенно дополнить и даже изменить сложившиеся представления о составе и значении комплексов и об исторической ситуации в Поднепровье в конце эпохи римских влияний и начале Средневековья. Например, исследования на участке, откуда происходит клад из Суджи-Замостья, сделали возможным предположение о его символическом характере (*Родинкова, Сапрыкина, Сычева*, 2012).

Приведем еще один пример. До недавнего времени информация, имевшаяся в нашем распоряжении, не позволяла считать массовой категорией украшений круга «древностей антов» I группы бусы из стекла и камня. В большинстве кладов типа Мартыновского они не зафиксированы вовсе (Трубчевск, Мартыновка, Малый Ржавец, Нижняя Сыроватка, Мена, Углы, Вильховчик, Первое Цепляево), в Новосуджанском и Хацковском представлены единичными экземплярами (8 и 1 соответственно), лишь в составе сокровища из Козиевки/Новой Одессы отмечены около 75 бус, а в Колосково – 168 (*Приходнюк, Падин, Тихонов*, 1996; *Корзухина*, 1996, кат. № 26, 27, 64, 80, 81, 84, 85, 93, 127, 128; *Приходнюк*, 1980. С. 129; *Дьяченко*, 1978). Однако в результате просеивания и промывки грунта в местах обнаружения кладов этой группы, ставших известными в последние два десятилетия в Курской области, было выявлено значительное количество каменных и стеклянных бус, в том числе бисера. В Гапоново их 88 (*Мастыкова*, 1996), Куриловке – 33 (*Родинкова*, 2010б. С. 86, рис. 5, *16–31*), Черкасской Конопельке – более 40, Судже-Замостье – более 730[6]. Приведенные данные позволяют в новом свете оценить степень доступности рассматриваемого вида украшений для раннесредневекового населения Поднепровья, место, которое бусы занимали в уборе, уровень развития торговли и стеклообрабатывающего производства, направления связей и т. д.

Перспективы изучения раннеславянского костюма видятся не только на «экстенсивном» пути применения традиционных подходов к новым находкам, но и в использовании новых методик, в том числе разработанных в естественных и технических науках, для анализа ранее накопленного материала. Важно также «увязать» между собой результаты исследований вещевого набора и других сторон материальной культуры ранних славян, осуществляющихся, по нашему мнению, во многом независимо друг от друга. Вообще назрела необходимость качественных изменений в понимании такого явления, как украшения и предметы убора, обусловленная в том числе значительным увеличением количества материала в последнее время. Сложный и неоднозначный костюмный комплекс, отразившийся в кладах изделий с эмалью и «древностей антов», остается важнейшим источником изучения позднеримского и раннесредневекового периодов истории Поднепровья, и его возможности отнюдь не исчерпаны.

[6] Материалы двух последних комплексов хранятся в Суджанском краеведческом музее, в настоящее время они готовятся к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Бабенко Л.И., 1998. Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. № 3. С. 111–122.

Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А., 2013. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г. / Ред. О.А. Макушников. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 99–107.

Березовець Д.Т., 1952. Харівський скарб // Археологія. VI. С. 109–119.

Бобровська О.В., 2000. Намисто та підвіски у вбранні населення черняхівської культури: дисс. … канд. іст. наук. Київ. 460 с.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. 176 с. (Труды отдела Охранных раскопок Ин-та археологии РАН; т. 3.)

Винокур І.С., 1997. Слов'янські ювеліри Подністров'я (за матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини І тис. н.е.) / Ред. П.П. Толочко. Кам'янець-Подільський: Oium. 200 с., іл.

Гавритухин И.О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 58–95. (Раннеславянский мир; вып. 3.)

Гавритухин И.О., 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 208–220. (Труды ИИМК; т. 11).

Гавритухин И.О., 2011. Рец. на: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2008 // РА. № 2. С. 177–181.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Днепровское Левобережье на заре Средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 140–148. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996а. Комплектность клада и реконструкция гарнитур // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 47–53. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Гавритухин И.О., Щеглова О.А., 1996б. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 133–136. (Раннеславянский мир; вып. 3.)

Горюнова В.М., 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. С. 85–93.

Дьяченко А.Г., 1978. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 27–35.

Жилина Н.В., 2010. Убор из украшений в соотношении с костюмом // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы 13-й Междунар. науч. конф. / Ред. Н.М. Калашникова. СПб.: СПГУТД. С. 35–40.

Жилина Н.В., 2011. Теория влияний и своеобразия (на примере древнерусского драгоценного убора) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 141–143.

Жилина Н.В., 2012. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // Археологические вести. Вып. 18 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 253–281.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 212 с.: ил.

Зеленцова О.В., 2010. Сохранение археологического наследия и проблема грабительских раскопок // III Северный археологический конгресс: доклады / Ред. А.В. Головнев. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд. дом «ИздатНаукаСервис». С. 314–320.

Зиньковская И.В., 2011. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. № 2. С. 72–80.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с., илл. (САИ; Е1-43 / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–435.

Магомедов Б.В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin. 276 с.

Макаров Н.А., 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: «Круглый стол» Совета Федерации (19 марта 2004 г.). М.: Издание Совета Федерации. С. 13–24.

Мастыкова А.В., 1996. Бусы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 42–46. (Раннеславянский мир; вып. 3.)

Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. М.: ИА РАН. 502 с.

Обломский А.М., 2010. Памятники типа Картамышево-2 и Терновки-2 // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 54–66. (Раннеславянский мир; вып. 12).

Обломский А.М., 2011. О взаимоотношении оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 83–85.

Обломский А.М., 2012а. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины: Археологический сборник / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. Вып. 3. С. 172–229.

Обломский А.М., 2012б. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы: ежегодник / Отв. ред. Е.А. Мельникова. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. С. 10–34.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (Раннеславянский мир; вып. 10).

Приходнюк О.М., 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ: Наукова думка. 152 с.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г., 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв. ред. О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка. С. 79–102.

Приходнюк О.М., Хардаев В.М., 1998. Харивский клад // Archaeoslavica. 3. Kraków. S. 243–278.

Радюш О.А., Щеглова О.А., 2012. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. О.А. Шаров. Курск: Курский гос. музей археологии. 48 с., 100 илл.

Родинкова В.Е., 1996. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М. С. 155–162. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Родинкова В.Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 358–388. (Раннеславянский мир; вып. 9).

Родинкова В.Е., 2010а. Костюмный комплекс населения Поднепровья в раннесредневековое время: особенности формирования, характер, историческое значение // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Ч. 1 / Ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань; Омск. С. 386–390.

Родинкова В.Е., 2010б. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.

Родинкова В.Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов (Кириллов, 3–12 сентября 2011 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 239–265.

Родинкова В.Е., 2012. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. № 4. С. 151–158.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А., 2012. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины: материалы VIII Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2012 г.). Харьков: ООО «НТМТ». С. 72.

Синиця Е.В., 1999. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita Antiqua. № 2 / Гол. ред. М.І. Гладких. Київ. С. 98–110.

Спицын А.А., 1903. Предметы с выемчатою эмалью // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. V. Вып. 1.

Спицын А.А., 1928. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения / Под ред. акад. В.Н. Перетца. Л.: АН СССР. С. 492–495.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С., 1992. Памятники киевской культуры / Отв. ред. Д.Н. Козак. Киев: Наукова думка. 224 с. (САИ).

Фурасьев А.Г., 2001. Половозрастные наборы украшений круга варварских выемчатых эмалей // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет: тез. науч. конф. / Науч. ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 29–34.

Щеглова О.А., 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья: сб. науч. тр. Вып. 1 / Отв. ред. Р.В. Терпиловский. Курск. С. 162–204.

Щеглова О.А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Неславянское в славянском мире / Ред. Р.А. Рабинович. СПб.; Кишинев; Одесса. С. 287–312. (Stratum plus. № 5/1999).

Щеглова О.А., 2001. Конструктивные особенности пальчатых фибул Поднепровья и их место в женском костюме // Ювелирное искусство и материальная культура: тез. докл. участников VIII коллоквиума (11–16 окт. 1999 г.) / Науч. ред. Н. Захарова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 147–151.

Щеглова О.А., Гавритухин И.О., 2013. Раннеславянские культуры Среднего Поднепровья и локальные шкалы соседних регионов: в поисках хронологического репера // Принципы датирования

памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: материалы российско-германского коллоквиума (Санкт-Петербург, 2–3 декабря 2013 г.) / Ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: ИИМК РАН: СПбГУ. С. 147–157.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н., 2000. Литейные формочки из Бернашовки и свинцово-оловянные украшения раннесредневековых кладов Днепровского левобережья // Ювелирное искусство и материальная культура: тез. докл. участников VII коллоквиума (8–14 апр. 1999 г.) / Науч. ред. Н. Захарова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 110–112.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э., 1985 / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. 184 с.

Яценко С.А., 2006. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература. 664 с.

Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio kapinynas. Vilnius. 219 p. (Lietuvos archeologija; kn. 10).

Tempelmann-Mączyńska M., 1989. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität. 228 s.

Werner J., 1980. Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit. (Mit einem Anhang von L. Pauli) // Frühmittelalterliche Studien. 14. S. 1–49.

С. Д. Захаров

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ РАСПАШКИ

S. D. Zakharov. Information potential of the cultural deposit destroyed by ploughing

Abstract. The paper discusses some problems related to the information potential of the cultural deposits destroyed as a result of century-long ploughing. The attitude to the cultural layers affected by ploughing is discussed, since the latter are commonly regarded as archaeological sources of limited value, a kind of dump. Analysis of materials obtained in the course of investigation of dwelling and burial sites of the 9th – 13th cc. has led the author to the conclusion that the deposits destroyed by ploughing preserve significant body of valuable archaeological information, which gives grounds to suggest reliable interpretation of the sites.

Ключевые слова: информативность распаханных напластований, методика полевых исследований.

В числе различных разрушающих факторов, негативно влияющих на сохранность археологических памятников, значимое место занимает распашка. По данным на 1975 г. около 10,6% территории бывшего СССР было занято под пашню (*Скурлатов, Дука, Мизитин*, 1994. С. 154). Цифра, казалось бы, небольшая, но при ее расчете учитывалась вся территория Союза, включая зону вечной мерзлоты, таежные, пустынные и горные районы. Кроме того, степень отрицательного воздействия аграрной активности на объекты археологического наследия усугубляется тем обстоятельством, что издревле сельскохозяйственная деятельность охватывала в первую очередь места обитания человека – то есть именно те районы, где концентрируются памятники археологии.

Масштабы разрушений в определенной степени зависят и от хронологии: чем к более позднему времени относится памятник, тем больше шансов, что его верхние слои будут распаханы. Результаты исследований показывают, что практически все средневековые памятники в той или иной мере пострадали от распашки, а на большинстве селищ – самой многочисленной группе объектов этого времени, пахота переотложила всю толщу культурного слоя, не затронув лишь материковые ямы. Поэтому изучение пострадавших от распашки наплас-

тований является неотъемлемой частью археологических раскопок, с которой сталкиваются практически все исследователи.

Раскопки распаханного слоя обычно ведутся с соблюдением стандартной методики. Вместе с тем очевидно, что объем исторической информации, которую можно извлечь из таких отложений, меньше объема новых знаний, содержащегося в непотревоженных поздним вмешательством слоях. Поэтому пахотный слой зачастую воспринимается как балласт, скрывающий наиболее интересную часть памятника. Сложился целый ряд устойчивых представлений о масштабах ущерба, наносимого распашкой информационному потенциалу слоя. Можно выделить три наиболее распространенных стереотипа. Считается, что пахота, во-первых, многократно измельчает все содержащиеся в слое артефакты; во-вторых, значительно перемещает предметы, полностью уничтожая информацию об их первоначальном местоположении; и, наконец, что в пахоте содержится существенно меньше находок, чем в непотревоженных слоях. Если это так, то неизбежно встает вопрос об оправданности затрат на изучение распаханного слоя и необходимости перераспределения усилий в пользу более тщательного исследования хорошо сохранившихся напластований. Однако обращение к археологической литературе показывает, что вопросы оценки достоверности отмеченных стереотипов и выяснения реального информационного потенциала распаханных культурных отложений практически не обсуждаются.

Особую актуальность данная тема приобрела в последние десятилетия в связи с широким распространением металлодетекторов и массовым уничтожением археологических памятников в нашей стране. Не только откровенные мародеры и грабители, но и люди, позиционирующие себя как «любители истории», оправдывают свою деятельность рассуждениями о том, что с помощью детектора извлечь находки можно лишь с небольшой глубины, не превышающей толщины распашки. А находки из пахоты, по их мнению, не несут в себе какой-либо дополнительной информации и бесполезны для исторических реконструкций археологическими методами.

Поэтому представляется важным проанализировать под этим углом зрения результаты исследований ряда памятников, культурный слой которых существенно пострадал от распашки, и понять насколько выделенные стереотипы соответствуют действительности. Для работы воспользуемся материалами, полученными при раскопках четырех средневековых памятников – поселения Крутик[1] и селища Минино VI в Белозерье, а также селища Весь 5 и могильника Шекшово 9 в Суздальском Ополье[2].

В первую очередь необходимо дать краткую характеристику названным памятникам, акцентировав внимание на выяснении продолжительности и особенностей их распашки. Обращение к уездным планам и планам дач Генерального межевания, проведенного в рассматриваемых районах в 1770-е – 1780-е годы,

[1] Полевые исследования Крутика ведутся при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-01-18083е).

[2] Исследования двух последних памятников ведутся Суздальской экспедицией ИА РАН и ГИМ. Пользуюсь случаем выразить признательность коллегам за возможность использовать в работе полученные ими материалы.

показало, что площадки всех четырех памятников обозначены на них в качестве пахотных угодий. Следовательно, распашка во всех случаях началась как минимум четверть тысячелетия назад.

Поселение Крутик, расположенное в верхнем течении р. Шексны, датируется второй половиной IX – первой половиной XI в. (*Голубева, Кочкуркина*, 1991. С. 43; *Захаров*, 2012. С. 222–223). По данным первооткрывателя П.А. Сухова, работавшего здесь в 1939–1940 гг., весь памятник и окружающая его территория распахивались (*Сухов*, 1940а. Л. 2; 1940б. Л. 4). Распашка прекратилась к началу 70-х гг. XX века. Судя по состоянию поверхности памятника, мощности пахотного слоя и глубине борозд в раскопах, она велась с применением тракторной техники. Пахотные борозды отчетливо читаются на космоснимке и на магнитном плане памятника (*Захаров, Кашинцев, Меснянкина*, 2013. Рис. 1), но благодаря значительной общей толщине слоя (до 0,8 м) от пахоты пострадало менее половины его объема.

Основные отложения селища Минино VI, находящегося на Кубенском озере, датируются серединой XI – XIII в., кроме того, в переотложенном пахотой слое присутствует значимое количество находок XIV–XVII вв. (*Макаров, Захаров*, 2008. С. 308). Распашка памятника, зафиксированная на плане Генерального межевания, продолжалась вплоть до середины 90-х гг. XX века, то есть до момента развала колхозов. По сведениям местных жителей, четко читаемым грядам на поверхности и бороздам в раскопе, она велась, в том числе, с применением тяжелых тракторов типа «Кировец». К моменту начала раскопок сама площадка селища уже не пахалась, но на соседних полях сельскохозяйственная деятельность еще теплилась. В раскопах удалось также зафиксировать участки средневековой распашки, предшествовавшей их застройке (*Макаров*, 2009. С. 64), но на основной части исследованной площади непотревоженные напластования сохранились только в материковых ямах.

Могильник Шекшово 9, известный по раскопкам графа А.С. Уварова как курганный некрополь в урочище «Половецкая лужа», расположен в бассейне р. Ирмес. После работ 1852 г. данные о точном местоположении памятника были утрачены, поскольку планы не сохранились, а пахота полностью уничтожила остатки насыпей. Могильник удалось вновь обнаружить и идентифицировать благодаря работам Суздальской экспедиции (*Макаров, Красникова, Зайцева*, 2013). На плане Генерального межевания не только территория могильника, но и вся окружающая местность обозначена как пахотные поля. Глубокие и многочисленные борозды от плуга отчетливо фиксируются в заложенных на площадке раскопах. Памятник распахивается и в наши дни с применением тяжелой тракторной техники, и от курганов в раскопах прослеживаются практически только ровики и опущенные в материк ямы погребений.

На селище Весь 5, находящемся на левом берегу р. Ирмес, выделяются два основных периода обитания – IX–X и XII–XIII вв. (*Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010. С. 115). На плане Генерального межевания на месте селища обозначены поля. Памятник продолжает распахиваться и в наши дни с применением тяжелой тракторной техники. В южной, ближайшей к реке, части раскопа, помимо борозд от современной распашки зафиксирована и средневековая пахота, относящаяся, очевидно, к промежутку между двумя периодами заселения

(*Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010. С. 115). В центральной и северной частях раскопа современная распашка переотложила весь культурный слой, который сохранил свою структуру только в материковых ямах.

Проведенный обзор показывает, что рассматриваемые памятники распахивались на протяжении не менее 200–250 лет, при этом во всех случаях имела место тракторная распашка. На трех памятниках она велась с применением тяжелой техники, существенно увеличивающей глубину разрушений, а два памятника продолжают распахиваться и в наши дни. В трех случаях культурный слой в результате длительной распашки был полностью переотложен, сохранившись в нетронутом виде практически только в материковых ямах.

Обратимся теперь к анализу достоверности указанных стереотипов, опираясь на результаты проведенных археологических исследований. Для более полного представления о материале, положенном в основу анализа, необходимо отметить, что при раскопах всех рассматриваемых памятников велась широкомасштабная, а в случае с Крутиком – тотальная, промывка исследуемого грунта, включая пахотный слой, на мелкоячеистых металлических ситах по специально разработанной методике (см.: *Захаров*, 2001; 2011). Благодаря применению такой методики было получено от 56 до 80% всех собранных на памятниках находок.

Для проверки предположения о значительном измельчении распашкой всех содержащихся в слое артефактов обратимся к керамическим материалам, сопоставив данные о среднем весе фрагмента керамики из пахоты и нераспаханного слоя. Выбор именно керамики для этих целей обусловлен двумя причинами. С одной стороны, керамика – самая массовая группа находок на средневековых памятниках и полученные результаты будут обладать статистической достоверностью. С другой стороны, керамика представляет собой достаточно хрупкий вид артефактов. Для ее измельчения необходимо приложить гораздо меньше усилий, чем в случае с изделиями из металла, камня, кости или рога.

В табл. 1 включены данные по двум памятникам – селищу Минино VI и поселению Крутик. В распаханных слоях Минино VI присутствует керамика разного времени, в том числе позднесредневековая. Поэтому для большей достоверности результатов при подсчетах учитывались данные только по средневековой керамике – лепной и круговой раздельно, что заставило исключить из рассмотрения мелкие фрагменты, плохо разделимые технологически. В непотревоженных слоях поселения Крутик содержится только лепная керамика, сопровождаемая в пахотном слое небольшим количеством позднесредневековой круговой. Поскольку эти группы керамики хорошо отличимы друг от друга даже в измельченном виде, при подсчетах учитывалась вся лепная керамика, включая самые мелкие фрагменты.

Анализируемая выборка имеет внушительный объем – свыше 220 кг. Причем во всех случаях получены сходные результаты: средний вес фрагмента керамики из пахоты по сравнению с происходящим из непотревоженных отложений снизился менее чем в два раза. Следовательно, несмотря на многовековую распашку, которая велась, в том числе, с применением тракторной техники, каждый изначально содержавшийся в слое фрагмент керамики был расколот всего на два, то есть один раз. Заметная разница между Минино и Крутиком по весу фраг-

Таблица 1. Расчет среднего веса фрагмента средневековой керамики в пахотных и непотревоженных слоях

Памятник	Группа керамики	Комплекс	Количество фрагментов	Вес, (кг)	Средний вес фрагмента (г)
Селище Минино VI	лепная	пахота	2546	12,782	5,0
		непотревоженные слои	1505	13,521	8,9
	круговая	пахота	4866	22,754	4,7
		непотревоженные слои	623	5,754	9,2
Поселение Крутик	лепная	пахота	10452	73,185	7,0
		непотревоженные слои	6919	96,431	13,9

мента лепной керамики в сохранившихся слоях связана с разным характером использования раскопанных участков и большим количеством зафиксированных на Крутике развалов сосудов.

Согласно следующему утверждению распашка приводит к значительному перемещению находок и полной утрате информации об их первоначальном положении. Проверку достоверности этого стереотипа проведем на материалах трех памятников: селища Весь 5, могильника Шекшово 9 и поселения Крутик, проанализировав особенности планиграфического распределения в раскопах различных групп материала.

Раскоп на селище Весь 5 был заложен возле берега р. Ирмес за границами современного поля, однако практически везде слой оказался полностью переотложен распашкой. Сохранился лишь небольшой по площади и толщине участок раннего слоя в южной (ближайшей к реке) части раскопа и большое количество разновременных материковых ям. Казалось бы, многовековая пахота, полностью перемешавшая основную часть слоя, должна была равномерно распределить различные находки по площади раскопа. Однако если взять материалы, относящиеся к IX–X вв., и проанализировать их распространение, то получатся весьма интересные результаты. Выясняется, что ранние бусы и лепная керамика наиболее многочисленны в центральной и южной частях раскопа (*Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010. Рис. VII[3]). При этом выделяются отчетливые пятна концентрации материала, а картины, получаемые по бусам и керамике, принципиально сходны, но не совпадают. Важно отметить, что пятна концентрации находок, вопреки ожиданиям, не вытягиваются вдоль основных направлений распашки, фиксируемых по бороздам. Если мы перейдем к более детальному анализу и, выделив среди бус IX–X вв. наиболее раннюю и позднюю группы, рассмотрим планиграфию их распределения в раскопе (Там же. Рис. VIII), то

[3] Ограничения по объему не позволяют представить весь иллюстративный материал. Заинтересованные читатели могут обратиться к уже опубликованным рисункам и расширенному варианту статьи, размещенному на сайте ИА РАН (http://www.archaeolog.ru/media/articles/Zakharov.pdf).

вновь увидим несовпадение пятен концентрации разновременных находок и отсутствие корреляции формы пятен с направлением распашки. Учитывая эти данные можно достаточно обоснованно утверждать, что древнейшие материалы тяготеют к самой южной части раскопа, то есть развитие селища шло от речного берега в напольную сторону.

Не менее интересные данные удалось получить в раскопе 2012 г. на могильнике Шекшово 9. Здесь были выявлены остатки двух курганов (№ 3 и 4), насыпи которых оказались полностью уничтожены распашкой, но под пахотным слоем прослежены ровики, обрамляющие основания курганов. На площадке кургана 4 сохранилось погребение, а в кургане 3 какие-либо объекты не фиксировались. Его площадка была покрыта многочисленными и глубокими параллельными бороздами от распашки, хотя при снятии пахоты отмечались и менее заметные борозды, идущие в перпендикулярном направлении. Кроме того, в пахотном слое раскопа удалось собрать свыше 200 средневековых находок, часть которых имела явные следы пребывания в огне, кальцинированные кости, разновременную керамику и современный бытовой мусор (*Макаров, Красникова, Зайцева*, 2013. С. 225).

Ясно, что курган 4 содержал ингумацию в подкурганной яме. Восстановить обряд захоронения в кургане 3, казалось бы, уже невозможно. Однако если мы обратимся к планиграфии распределения кальцинированных костей и вещевых находок в пахотном слое, то увидим отчетливое тяготение этих групп материала к площадке и ровикам кургана 3 (рис. 1). С учетом этих данных можно обосновано полагать, что в кургане 3 погребение (или погребения) было совершено по обряду кремации.

Для рассматриваемой нами темы важно отметить, что обе группы находок вновь образуют явно видимые пятна концентрации, конфигурация которых не совпадает с направлениями распашки. В случае с кальцинированными костями можно выделить лишь три или четыре небольших пятна, слегка вытянутых по этим направлениям, но значимо преобладают пятна округлых очертаний (рис. 1, *1*). Для вещевых находок корреляция между формой зон концентрации и направлениями распашки отсутствует полностью (рис. 1, *2*). Следовательно, несмотря на длительную и интенсивную распашу, стершую курганные насыпи в Шекшово, равномерного перераспределения находок по площади раскопа, как и на Веси 5, не произошло.

Пытаясь ответить на вопрос – почему фиксируется такая ситуация, необходимо отметить, что в процессе распашки, безусловно, уничтожаются данные о стратиграфии, и происходит определенное перемещение материала. Но его величина оказывается незначительной. Очевидно, при пахоте находки смещаются в первую очередь по вертикали и в сторону от направления движения плуга, под углом, величина которого зависит от конструкции плуга. Следовательно, теоретически, значительное перемещение материала может возникать лишь тогда, когда распашка из года в год ведется в одном направлении. Подобная ситуация будет складываться в редких случаях, когда возможности маневра техники при распашке ограничены. Чаще всего пахота ведется по принципу челночного движения со сменой направления на перпендикулярное в разные годы. Об этом свидетельствует известная «клетчатая» структура расположения

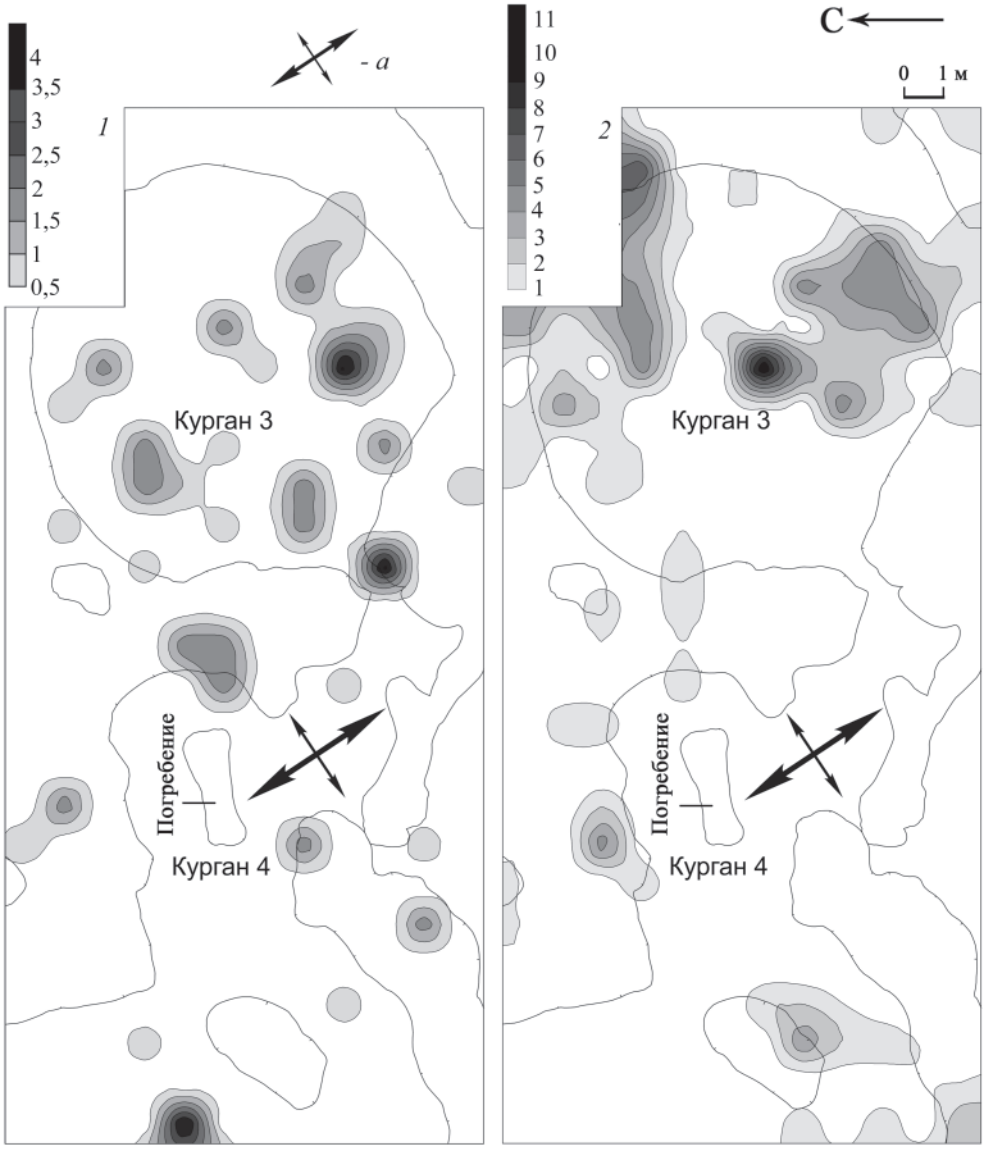


Рис. 1. Могильник Шекшово 9. Планиграфия распределения кальцинированных костей (59 г) и индивидуальных находок (215 шт.) в пахотном слое раскопа 2012 г.:

1 – распределение кальцинированных костей (в граммах на 1 м^2); *2* – распределение индивидуальных находок (в штуках на 1 м^2); *а* – основные направления распашки

борозд. В таких условиях величина сдвига материала должна компенсироваться и усредняться за счет движения плуга в разных направлениях.

Вместе с тем могильник в Шекшово и селище в Веси располагаются на относительно ровных участках поверхности. А что будет происходить на склонах, где к разрушительному воздействию плуга присоединяется действие силы тяжести и текущей воды, размывающей слой? Интересные данные для анализа именно такой ситуации были получены в раскопе IX на поселении Крутик. Здесь сошлись все отрицательные факторы. Раскоп расположен на достаточно крутом склоне, величина падения которого составляет около 20 см на каждый метр (рис. 2). Толщина пахотного слоя и глубина борозд в раскопе свидетельствуют о тракторной распашке. Причем, судя по значительной крутизне склона, она могла вестись только в одном направлении – вниз по склону. Кроме того, отмечены отчетливые следы смыва слоя. В шурфе, заложенном в болоте у подножия склона, под 10–12 см торфа была выявлена прослойка слабогумусированного суглинка, перекрывающая лежащие ниже торфяные отложения. Толщина прослойки уменьшалась по мере удаления от склона.

В раскопе IX удалось исследовать сезонный производственный участок с тремя комплексами, связанными с бронзолитейным, кузнечным и косторезным ремеслами. В непотревоженной части напластований отчетливо выделяются относящиеся к ним пятна слоев (рис. 3). В комплекс по обработке кости и рога также входила крупная яма, вырытая в материке. По стратиграфическому положению косторезный комплекс является самым ранним, но от пахоты пострадали все три. Рассмотрим пространственное распределение двух видов находок, связанных с кузнечным и косторезным ремеслом, в пахотных и ненарушенных пахотой слоях.

Отходами кузнечного производства являются так называемые кузнечные шлаки, представляющие собой окалину, возникающую при ковке. Это очень мелкие блестящие чешуйки и полые шарики (средний вес – 0,03 г), которые должны легко перемещаться при пахоте и смываться даже небольшими потоками воды. В непотревоженных напластованиях прослеживается четкая связь этой группы находок именно с кузнечным комплексом (рис. 3, *2*). В пахоте основная масса кузнечных шлаков собрана непосредственно над сохранившейся частью слоя, но их распространение оказывается более широким (рис. 3, *1*). При этом вновь отсутствует вытянутость пятен по направлению распашки, а шлаки встречаются и выше по склону от зафиксированных границ. Опираясь на эти данные, можно полагать, что комплекс, связанный с кузнечным производством, занимал гораздо большее пространство, и в непотревоженном виде до нас дошла лишь его нижняя часть.

Еще более однозначные выводы можно сделать при анализе материалов, связанных с косторезным ремеслом. В раскопе было собрано значительное количество небольших обрезков и обрубков рога и роговых стружек, по виду напоминающих стружки, возникающие при заточке карандашей. Эти предметы не являются отходами производства. Об их назначении можно спорить, но они намеренно изготавливались косторезами. Размеры таких находок колеблются от нескольких миллиметров до одного-двух сантиметров, и они также должны были легко перемещаться при различных воздействиях на слой. Тем не менее, пятна распространения роговой стружки в пахоте практически не выходят за границы комплекса, зафиксированные в непотревоженном слое, а конфигурация

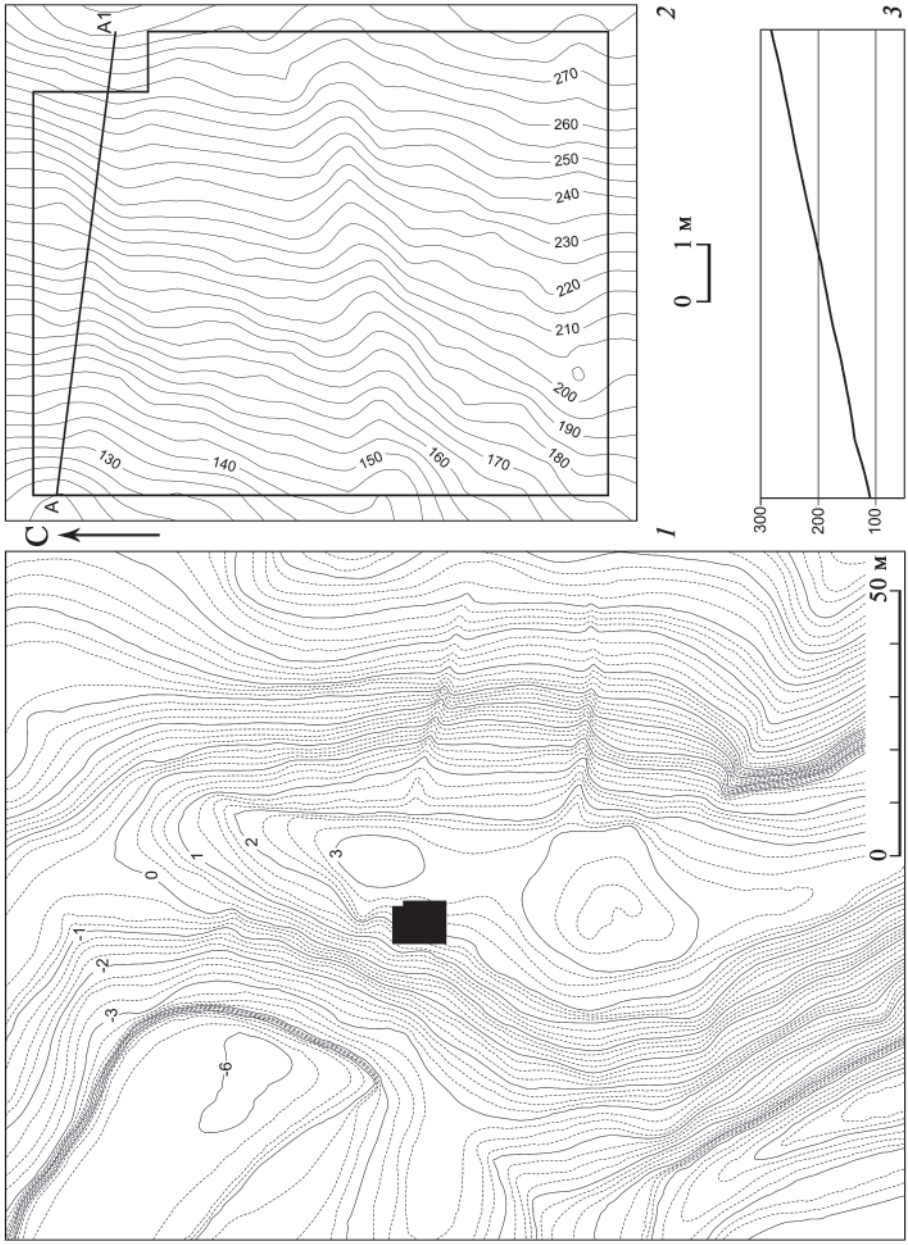


Рис. 2. Поселение Крутик:

1 – раскоп IX на топографическом плане северной части памятника; *2* – микронивелировка поверхности раскопа; *3* – уровень падения поверхности склона в раскопе (разрез по линии А – А1)

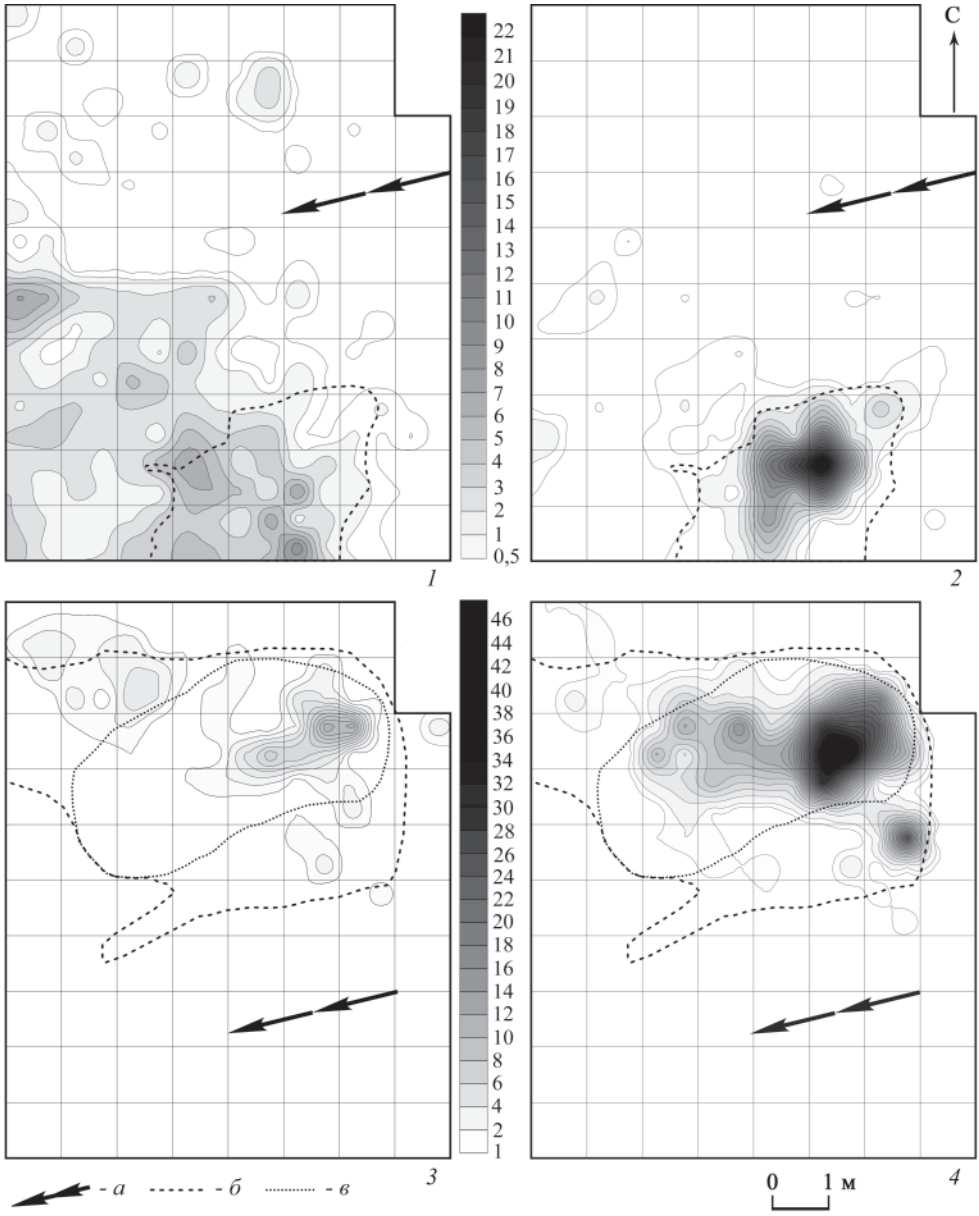


Рис. 3. Поселение Крутик. Планиграфия распределения кузнечных шлаков (556 г) и роговой стружки (844 шт.) в раскопе IX:

распределение кузнечных шлаков в пахотном слое (*1*) и непотревоженных слоях (*2*) (в граммах на 0,25 м^2); распределение роговой стружки в пахотном слое (*3*) и непотревоженных слоях (*4*) (в штуках на 0,25 м^2); *а* – направление распашки; *б* – границы производственных комплексов; *в* – материковая яма в слое, связанном с обработкой рога и кости

Таблица 2. Количество стеклянных изделий и каменных бус в пахотных и непотревоженных слоях селища Весь 5

Группы изделий	Общее количество	В том числе в пахоте	% в пахоте
Стеклянные бусы	435	282	64,8
Стеклянные вставки	2	1	50,0
Стеклянные браслеты	35	20	57,1
Стеклянные перстни	2	2	100,0
Фрагменты стекла	5	3	60,0
Каменные бусы	4	2	50,0
Кашинные бусы	1	1	100,0
Всего	484	311	64,3

этих пятен не соответствует направлению распашки. Более того, максимальная плотность находок в пахоте полностью соответствует таковой в непотревоженном слое (рис. 3, *3, 4*).

Следовательно, даже многовековая распашка, в том числе ведущаяся тракторами на крутом склоне в одном направлении и провоцирующая смыв грунта, не привела к значительному перемещению находок[4].

Рассмотрим последний из выбранных стереотипов, согласно которому в пахоте всегда содержится меньше находок, чем в непотревоженных слоях. Для его проверки сопоставим количество находок, обнаруженных в пахотных и стратифицированных отложениях селища Весь 5 и поселения Крутик.

В табл. 2 представлены данные по находкам изделий из стекла и каменных бус на селище в Веси. Выясняется, что с пахотным слоем связана большая часть стеклянных предметов (более двух третей). Это касается не только бус, но и стеклянных браслетов, более половины которых (57%) происходят из пахоты, а не из сохранившихся материковых ям. Вместе с тем сопоставить объемы распаханной и сохранившейся в ямах частей слоя на Веси невозможно. Следовательно, фиксируемое соотношение можно объяснить тем, что распашка переотложила бóльшую часть средневековых напластований. Иная ситуация характерна для Крутика, где основная часть слоя осталась не задета пахотой. Однако и здесь более половины находок из цветных металлов, железа, камня и стекла происходит из пахотного слоя (табл. 3). Именно с пахотой оказались связаны почти три четверти находок стеклянных бус и дирхемов, более половины слитков и льячек, почти половина бисера и тиглей. Не говоря уже о таких предметах, как единственный в раскопе целый дирхем и уникальная роговая подвеска в форме бобра (*Захаров*, 2010. Рис. 4, 6).

[4] Необходимо отметить, что речь идет о плоскостной (поверхностной) эрозии, не перерастающей в линейную. В случае образования оврагов находки будут перемещаться вместе с массами грунта при оползнях и обвалах.

Таблица 3. Количество изделий из различных материалов в пахотных и непотревоженных слоях поселения Крутик

Группы изделий по материалу	Общее количество	В том числе в пахоте	% в пахоте
Цветные металлы	287	181	63,1
Железо	531	303	57,1
Камень	37	19	51,4
Стекло	2183	1120	51,3
Глина	507	226	44,6
Кость	899	176	19,6
Всего	4444	2025	45,6

Следовательно, концентрация находок в пахоте оказывается существенно выше, чем в непотревоженных отложениях. Пытаясь объяснить зафиксированную ситуацию, можно предположить, что это связано с гораздо более быстрым исчезновением органики из самых верхних, более аэрированных и доступных для проникновения влаги, слоев. Очевидно и сама распашка ускоряет процессы распада органики. В результате объем верхней части слоя уменьшается, а концентрация находок в нем, соответственно, возрастает.

Таким образом, распаханные слои сохраняют большое количество ценной археологической и исторической информации, что ярко проявляется как в случае с могильником Шекшово, так и при анализе материалов поселений. В свою очередь значительная распространенность этого вида нарушения целостности археологических объектов и отложений приводит к тому, что часто только пахотный слой содержит информацию, без которой понимание и достоверная интерпретация памятников невозможны.

Вместо заключения позволю себе перефразировать крылатое выражение известного исследователя палеолита Г.А. Бонч-Осмоловского: в археологии не только палеолита, но и любой исторической эпохи, нет, и не может быть бросового материала.

ЛИТЕРАТУРА

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь: (по материалам поселения Крутик). Петрозаводск: КНЦ АН СССР. 198 с.

Захаров С.Д., 2001. К вопросу о методике раскопок средневековых поселений // КСИА. Вып. 211. С. 84–92.

Захаров С.Д., 2010. Новые полевые исследования средневековых памятников Белозерья // Ин-т археологии: Новые полевые исследования / Под ред. Н.А. Макарова; сост. О.С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 94–95.

Захаров С.Д., 2011. Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов (Кириллов, 3–12 сентября 2011 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 211–238.

Захаров С.Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 212–239.

Захаров С.Д., Кашинцев А.Ю., Меснянкина С.В., 2013. Необычные сооружения из раскопок Крутика 2010–2012 гг. // КСИА. Вып. 230. С. 234–244.

Макаров Н.А., 2009. Колонизация и системы жизнеобеспечения // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука. С. 60–68.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2008. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука. С. 290–316.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.

Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 100 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. Вып. 230. С. 219–233.

Скурлатов Ю.И., Дука Г.Г., Мизити А., 1994. Введение в экологическую химию: учеб. пособие для хим. и хим.-технол. спец. вузов. М.: Высшая школа. 400 с.

Сухов П.А., 1940а. Отчет о работах 1940 г. в Кирилло-Белозерском р-не Вологодской области и обследовании памятников по маршруту: д. Городище – оз. Ворбозомское – д. Степаново – оз. Азатское // Архив ИИМК РАН. Фонд 35. Опись 1940. № д. 102.

Сухов П.А., 1940б. Дневник археологических работ 1940 г. в Кирилло-Белозерском р-не Вологодской области // Архив ИИМК РАН. Фонд 35. Опись 1940. № д. 103.

С. И. Милованов, О. В. Зеленцова

ПЛАНИРОВКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПЕЧЕРНЕГО ГОРОДА ВЛАДИМИРА НА КЛЯЗЬМЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

S. I. Milovanov, O. V. Zelentsova. Planning system of the north-western part of Pecherny gorod in Vladimir on Klyazma in the Middle Ages

Abstract. Resque excavations were carried out in the historical part of Vladimir on Klyazma known as Pecherny gorod. The cultural deposit has been investigated within a significant area, as a result it became possible to suggest a reconstruction of topography and planning system of this medieval capital city. In the mid 12th c. its planning system was of linear-transversal character with the central street going in north-eastern direction from the Golden Gates along the city parallel to the Klyazma River. The transverse streets approached this arterial road from the north. Two streets 5 and 7 m wide were revealed in the north-western part of Pecherny gorod. Town-plots situated along the transverse streets functioned for a long time, their borders marked by the traces of palisade fences. The planning system was changed in the second part of the 15th – early 16th c. The streets acquired orientation from NNW to SSE, which existed till XIX c.

Ключевые слова: Средневековье, Владимир на Клязьме, Печерний город, планировка средневекового города, уличная застройка, усадебная планировка, жилая постройка, датировка.

Планировка и застройка средневековых городов Руси является одной из важнейших и в то же время трудно поддающихся решению проблем. Исследование исторической топографии наряду с традиционными вопросами, связанными с динамикой развития города и его отдельных частей, позволяет представить пространственную организацию древнерусского города, наметить основные градообразующие элементы и вычленить доминанты в общей планировке, определившие направление развития города в целом. В последние годы охранно-спасательные археологические работы в исторических городах позволили исследовать значительные площади культурного слоя, что стало базой для реконструкции топографии и планировки средневековых городов как столичного характера, так и малых (*Коваль*, 2005; *Сапрыкина*, 2013. С. 135; *Хохлов*, 2013. С. 143).

Среди городов средневековой Руси Владимир является одним из наиболее исследованных археологами. Только в период с 1991 по 2006 г. в пределах обо-

ронительных укреплений древнего города было исследовано более 22 500 м^2 (*Макаров*, 2007. С. 5). Учитывая работы последних лет, эта цифра приближается к 30 000 м^2. Но, хотя археологические раскопки таких масштабов позволили раскрыть целые кварталы средневекового города, до сих пор исследования по планировке и усадебной застройке средневекового Владимира отсутствуют.

В настоящей статье рассматривается усадебная застройка небольшого участка северо-западной части Печернего города, в центре средневекового Владимира. В современной топографии эта территория относится к 13 кварталу исторического ядра Владимира. На западе квартал примыкает к частично сохранившемуся Троицкому валу. В течение трех полевых сезонов (с 2006 по 2008 г.) на данной территории экспедицией ИА РАН проводились охранные археологические исследования. За это время одиннадцатью раскопами изучено около 2500 м^2. Так как работы проводились в соответствии с планами строительства, то раскопы не образуют единой площади, а расположены в различных частях квартала, разделенные неисследованными участками (рис. 1). Однако компактное расположение раскопов на одной территории и большие исследованные площади позволяют строить предположения о структуре застройки и планировки этой части города в Средневековье.

Владимир, за исключением отдельных участков, – классический памятник археологии с сухим слоем, поэтому единственным основанием для выделения усадебных комплексов являются заглубленные в материк частакольные канавки, подполы жилых и хозяйственных построек. Естественно, это значительно затрудняет работу и обедняет выводы по исследованию планировки и застройки.

Отсутствие следов деревянных конструкций не позволяет выявить наземные жилища без подполий, известные по археологическим исследованиям в других частях города. Конечно, как один из возможных критериев выделения жилых построек без подполий можно рассматривать остатки печей, но на исследованной площади не удалось выявить ни одного, хотя бы частично сохранившегося, отопительного сооружения *in situ*. В заполнении некоторых ям прослежены слои печины или скопления обожженных камней. Однако эти слои в подавляющем большинстве случаев не могут указывать на конкретное местоположение печей до их разрушения (*Коваль*, 2005. С. 272).

Также необходимо учитывать тот факт, что углубленные в материк объекты не всегда доходят до исследователей не потревоженном виде, и, как правило, бывают сильно разрушены в результате интенсивной хозяйственной и строительной деятельности в более позднее время. Владимир является тому ярким примером.

Сохранность культурного слоя на исследованных участках очень плохая. Раскопы располагались на месте снесенных домов с подвалами, прорезавшими материк на 1,5–2,0 м. Общая площадь котлованов от подвалов равна 807,3 м^2, что составляет 32% от общей исследованной площади. За их пределами территория значительно перекопана подвалами сараев, конюшен и хозяйственными ямами различного назначения XIX–XX вв. и современными коммуникациями. Слой древнерусского времени сохранился фактически только в заглубленных в материк объектах. Но, несмотря на все отмеченные трудности, все же оказалось возможным определить размеры и ориентировку подполов построек, а бла-

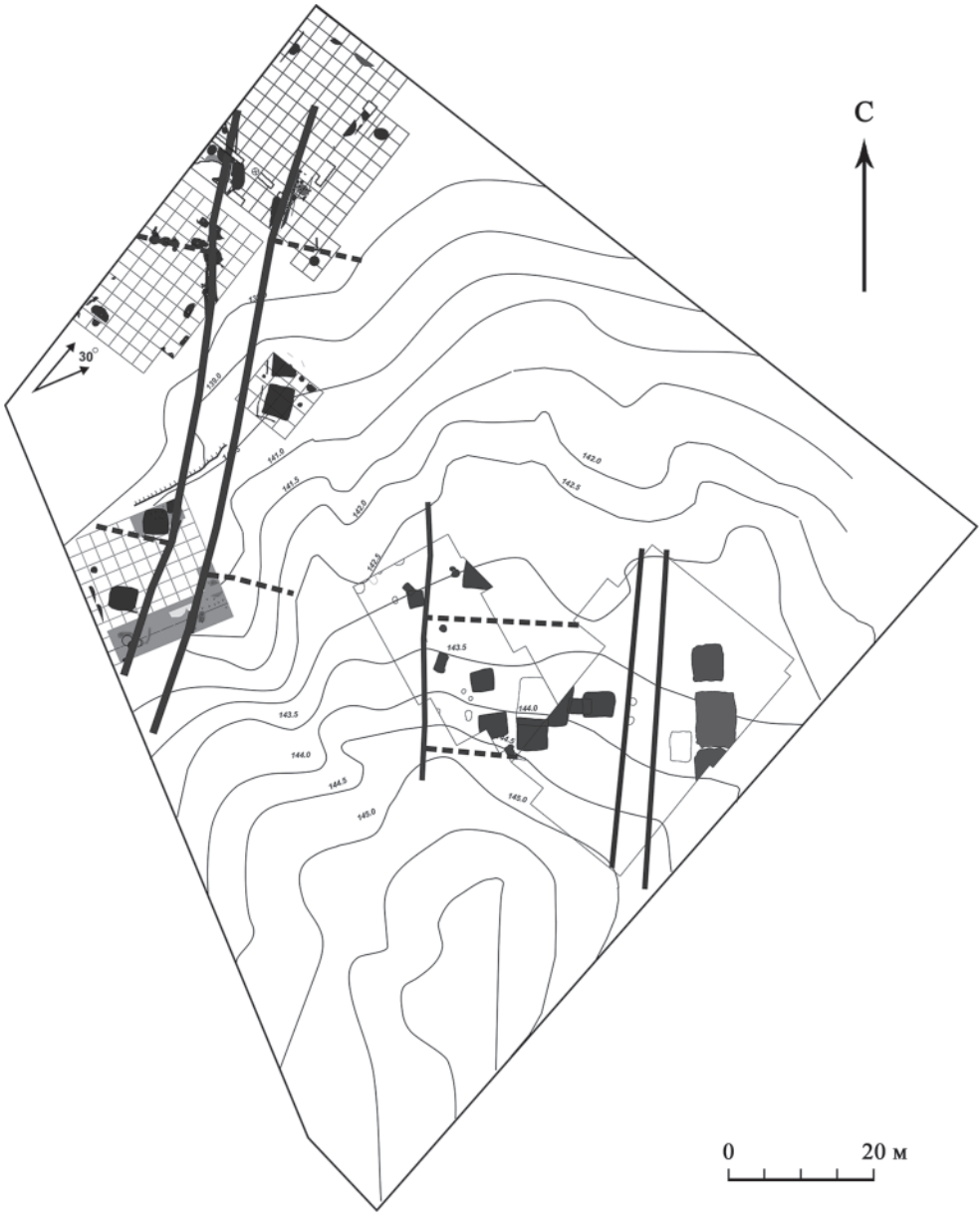


Рис. 1. Схема расположения раскопов, исследованных в 2006–2008 гг.

годаря сохранившимся участкам канавок – направление оград, и, следовательно, границы усадеб.

Всего на 11 раскопах было исследовано более 750 заглубленных в материк объектов (остатки подполий, хозяйственных и столбовых ям, оград и т. д.). По нали-

чию материала в заполнении и стратиграфическим наблюдениям около 40% объектов относится ко второй половине XII – XIV в. Из них – 49 подполов хозяйственных и жилых построек. Они имели квадратную, прямоугольную или овальную форму и ориентированы своими границами по линии север-северо-восток – юг-юго-запад с отклонением от магнитного севера к востоку примерно на 11°. Стабильность ориентировки построек наводит на мысль, что планировка данной части города на протяжении XII–XIV вв. не претерпела значительных изменений.

Наблюдения над планиграфией углубленных частей построек в раскопах показывают, что они образуют несколько довольно компактных групп, где ямы либо расположены очень близко, либо перерезают друг друга. Вероятно, при сооружении объектов их строители были ограничены в площади и поэтому вновь возводимые постройки приходилось располагать вплотную к ранее существовавшим или же на их месте. Ограничения в площади могли быть обусловлены границами усадьбы, в пределах которых находились постройки.

В северо-западной части исследуемой территории прослежено незастроенное свободное пространство между частокольными канавками, маркирующими зону усадебной застройки. Предположительно, это трасса древней улицы ориентированной также как и все подполья по линии север-северо-восток – юг-юго-запад (*Зеленцова, Зоц*, 2007. С. 89).

Слой, зафиксированный на этом пространстве, представлен серым суглинком, насыщенным древесным тленом. На раскопе 1 по ул. Володарского, д. 4, на незастроенном пространстве между канавками по всей длине выявлены два ряда овально-вытянутых ям различных размеров, ориентированных перпендикулярно частокольным канавкам. Они были заглублены в материк на 5–7 см и имели пологие стенки, плавно переходившие в пологе дно. В заполнении этих ям выявлен исключительно материал средневекового времени. С определенной долей вероятности можно говорить, что эти ямы могут являться отпечатками (или вдавлениями) от конструктивных элементов уличных деревянных настилов – плах. Наличие такого большого количества плах, скорее всего, свидетельствует о периодическом ремонте уличного настила, а следовательно, о его долговременном существовании здесь. Аналогичное уличное пространство с продолговатыми корытообразными в сечении углублениями на материковой поверхности, ориентированными перпендикулярно трассе улицы, исследовано в Ветчаном городе в 2007 г. (*Грибов*, 2008. С. 88).

В ходе исследований был сделан вывод о неоднократном подновлении и ремонте частоколов в исследованных раскопах, что указывает на длительность существования здесь усадебных границ. Зафиксировано до трех-четырех разновременных частокольных траншей, расположенных рядом или прорезавших друг друга, но совпадающих по ориентировке. При этом установлено, что границы усадеб не меняли ориентировку, но со временем незначительно уменьшались либо увеличивались (колебания изменения линий частоколов составляли до 3,6–4,0 м). Таким образом, примерная ширина улицы составляла 5 м.

Помимо частокольных траншей, ориентированных по линии север-северо-восток – юг-юго-запад, выявлен ряд канавок, ориентированных перпендикулярно направлению отмеченной трассы улицы. По всей видимости, их нужно рассматривать как межусадебные границы, они также носят следы ремонта или

обновления. Вполне вероятно, в древнем Владимире границы отмечались не только частоколами, но и другими видами оград – об этом свидетельствует ряд ориентированных по одной линии столбовых ям, зафиксированных в северной части исследованного участка.

Таким образом, в результате исследований установлено существование улицы в данной части квартала, прослеженной в направлении север-северо-восток – юг-юго-запад на участке в длину на 80 м, и выходящих на нее как минимум шесть усадеб, изученных частично.

Исследования в центральной и юго-восточной частях квартала дополняют информацию о планировке этого участка города в эпоху Средневековья. Здесь отмечено две компактные группы заглубленных в материк ям, между которыми наблюдается незастроенное пространство (рис. 1).

Сохранившиеся участки частокольных канавок позволили проследить границы выявленной на стыке двух раскопов усадьбы прямоугольной формы, размерами около 25 × 37 м, длинной стороной ориентированной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток.

По направлению восточной границы усадьбы зафиксированы две столбовые ямы диаметром 0,5 м и глубиной 0,7–0,8 м, имеющие одинаковую засыпку. Расстояние между ними составляет 1,7 м. Предположительно, они были выкопаны под воротные столбы. Ворота указывают на расположение улицы или проулка с восточной стороны от усадьбы. О существовании здесь улицы свидетельствуют ямы второй группы, расположенные вдоль нее по одной линии и в том же направлении. Ширина улицы составляет 5 м.

Интересные данные получены в результате геоморфологического и биоморфного анализов культурного слоя на раскопе 2, проведенные доктором географических наук А.А. Гольевой. Вдоль юго-восточной стенки раскопа над материком прослежен слой белесой супеси мощностью 0,2–0,3 м с минимальными включениями супеси темно-серого цвета. Согласно заключению, этот слой мог образоваться в процессе долговременного перемещения или переотложения, в результате чего происходило вымывание гумуссированных включений. Иными словами, данный слой образовался в результате постоянного хождения – он зафиксирован на месте предполагаемой трассы улицы. Отсюда происходит фрагмент крупнокрученого стеклянного браслета коричневого цвета.

Выявленная улица идет почти параллельно улице, обнаруженной в 2006 г. Расстояние между ними составляет 65–70 м. Если предположить, что в длину размеры одной усадьбы составляли примерно 37 м, то окажется, что между улицами располагалось две усадьбы. При совмещении плана раскопанного участка Мономахового города с современным планом г. Владимира видно, что южная часть трассы улицы выходит к современной Соборной площади, где предположительно локализуется местоположение Торга древнего Владимира. И, вероятно, не случайно с трассой именно этой улицы связана находка склада янтаря в подполе большого усадебного дома «владимирского гостя» (*Зеленцова, Кузина, Милованов*, 2010. С. 113–114)

Наличие двух параллельно идущих в направлении с севера на юг улиц, выявленных в результате раскопок в 13 квартале, а так же улицы зафиксированной

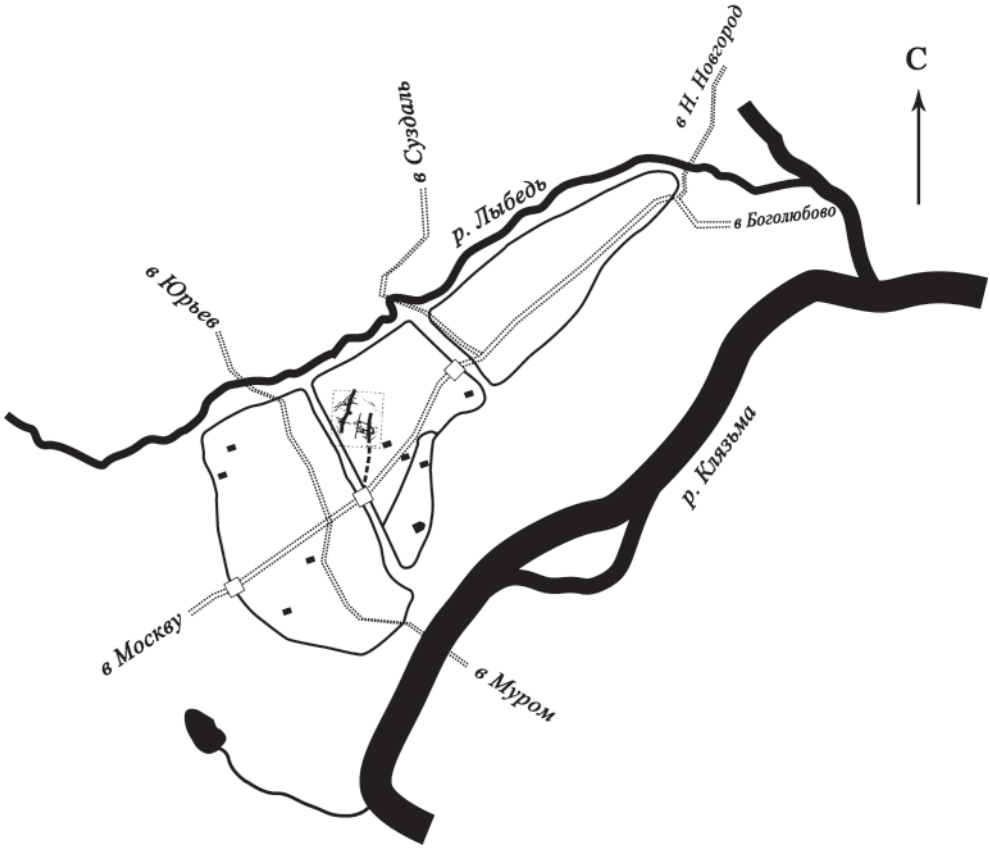


Рис. 2. Совмещение исследованной планировки с общим планом г. Владимира

в процессе исследований в 22 квартале в 2007 г. (*Грибов*, 2008. С. 88), имеющей такую же ориентировку с небольшим отклонением к западу, позволяет говорить, что во Владимире существовала перекрестная или линейно-поперечная планировочная система. Основой планировочной структуры города служила центральная магистраль, идущая параллельно Клязьме через весь город от Золотых ворот и далее на северо-восток, на нее в направлении с севера на юг выходили многочисленные улицы (рис. 2).

Возникает вопрос о времени складывания выявленной планировочной системы, ее развитии и изменении. Наряду со многими отмеченными выше трудностями при изучении планировки на данном участке, вопрос о хронологическом разделении комплексов (подполий) является одним из самых сложных. Интенсивная хозяйственная деятельность в Новое время уничтожила бульшую часть древнерусских напластований. Следы различных строительных периодов эпохи Средневековья с трудом поддаются определению. Трудной задачей является выделение комплексов второй половины XIII – начала XIV в., так как вещевой материал этого времени не имеет узких датировок, а керамическая шкала нахо-

дится только в стадии разработки. Но, все же, определенные выводы о развитии планировки сделать можно.

Анализ археологического материала позволяет говорить, что застройка данного участка происходит не ранее середины XII в. (*Зеленцова, Кузина*, 2008. С. 133–134; *Зеленцова, Кузина*, в печати). Из всей массы индивидуальных находок выявлены только единичные предметы, которые могут указывать на более раннее время. Например, навитая золотостеклянная бусина – основное время бытования подобных бус ограничивается концом X – серединой XII в., хотя в новгородских древностях они встречаются до 80-х гг. XIII в. Точная аналогия редкой по форме владимирской бусине найдена в погребении XI в. на Кубенском озере. Стеклянная мозаичная бусина египетского производства датируется IX–X вв. – единичные находки мозаичных бус известны в слоях XII–XIII вв. на территории Московского кремля, Дмитрова, в Рязани, Торжке К находкам, датируемым более ранним временем, относится железный ключ от цельнодеревянного замка. По материалам Новгорода, они исчезают из употребления в первой половине XII в. (*Колчин*, 1982. С. 161–162).

Единичность и редкость подобных находок не может свидетельствовать о заселении данной части города ранее второй половины XII в. Симптоматична в связи с этим статистика встречаемости другой категории находок, широко распространенной в материалах древнерусских памятников – шиферных пряслиц. Судя по новгородским древностям, пик их бытования приходится на первую половину XII в., после чего начинается спад, и к началу XIII в. их количество резко сокращается (Там же. С. 174). За период 2006–2008 гг. в различных частях квартала при археологических исследованиях выявлено всего 18 шиферных пряслиц.

Изменение охарактеризованной планировочной системы происходит во второй половине XV – начале XVI в. Все постройки Нового времени уже имею другу ориентировку, отличную от эпохи Средневековья. Все они ориентированы по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Новая система просуществовала до XIX в., что показано на топографических планах XVIII–XIX столетий – на исследуемой территории отмечена улица с ориентировкой, соответствующей постройкам этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

Грибов Н.Н., 2008. Раскопки в 22 квартале г. Владимира в 2007 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 2. М.: ЗАО «Гриф и К». С. 84–92.

Зеленцова О.В., Зоц С.А., 2007. Предварительные результаты охранных работ на территории «Печернего» города во Владимире в 2006 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 1. М.: ЗАО «Гриф и К». С. 85–90.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 2. М.: ЗАО «Гриф и К». С. 127–136.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И., 2010. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: мате-

риалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 3. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 111–122.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н. (в печати). Опыт радиоуглеродного датирования археологических комплексов из раскопок в Печернем городе Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. V.

Коваль В.Ю., 2005.Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы: сб. ст. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли; Тула: ИПП «Гриф и К». С. 262–287.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука. С. 156–178.

Макаров Н.А., 2007. Предисловие // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вып. 1. М.: ЗАО «Гриф и К». С. 3–7.

Сапрыкина И.А., 2013. Некоторые данные к стратиграфии Затверецкого посада XV–XVII вв. по результатам археологических исследований ИА РАН в Твери // КСИА. Вып. 228. С. 135–143.

Хохлов А.Н., 2013. Топография города Твери XV–XVIII вв.: возможности археологических источников // КСИА. Вып. 228. С. 143–152.

Д. С. Коробов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ: СТАРЫЕ ПАРАДИГМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

D. S. Korobov. The history of investigations of the Saltovo-Mayatsk culture settlements: Old paradigms and new approaches

Abstract. This article contains a historiographical review devoted to the development of ideas regarding settlement archaeology of the Early Medieval period in Southern Russia. It examines the history of the study of dwelling sites of the Saltovo-Mayatsk culture situated in the forest-steppe zone and genetically linked with the population of the Northern Caucasus. The paper presents a detailed analysis of the main views regarding the origin and emergence of various types of settlement typical of the traditional cultural-historical approach to archaeological research and also of the methods which appeared in the 1980s and 1990s and took shape under the influence of «New Archaeology» in Great Britain and the USA.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, поселенческая археология, культурно-исторический подход, «новая» (процессуальная) археология, ландшафтная археология.

Эпоха раннего Средневековья оставила богатейшее наследие для археологов Западной и Восточной Европы. Однако большинство материалов, рассматривающихся в исследованиях, как на Западе, так и на Востоке, были обнаружены в многочисленных могильниках. Систематическое археологическое исследование раннесредневековых поселений началось на десятилетия позже погребальных древностей, и утверждение о недостаточной изученности поселенческих материалов стало уже общим местом в обзорных работах, посвященных истории данного периода (см. например: *Fehring*, 1987. P. 7–13; *Hamerow*, 2002. P. VIII, 10–11; *Halsall*, 2005. P. 76, 83–84; *Wickham*, 2005. P. 442, 495).

Одним из главных достижений, признаваемых за советской археологией, в том числе и западными археологами (*Trigger*, 1989. P. 242), стало уделяемое уже с начала 1930-х гг. внимание к поселенческой археологии. Дискуссии о предмете и задачах археологической науки 1930–1934 гг. привели к оформлению нового социологического направления, призывавшего изучать в марксистском духе историю материальной культуры и материального производства. Это

дало толчок к широкомасштабным раскопкам на поселениях разных эпох и культур, цель которых – получение данных для изучения стадиального развития человеческого общества (*Генинг*, 1982. С. 112–142). Стимулирующим фактором оказалось включение полевой археологии в систему планового народного хозяйства СССР и возникновение первых новостроечных экспедиций в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (Там же. С. 200; *Смирнов*, 2004. С. 11–12). Оставляя в стороне идеологические корни этого явления (об этом см.: *Клейн*, 1993), можно констатировать, что в советской и позже в российской археологии к рубежу тысячелетий был накоплен значительный археологический материал с поселений, распределение которого по эпохам и культурам носит, все же, весьма неравномерный характер.

Данный очерк содержит историографический обзор, посвященный развитию взглядов на поселенческую археологию эпохи раннего Средневековья на Юге России. Разумеется, в рамках небольшой работы невозможно полно охарактеризовать развитие средневековой поселенческой археологии на столь обширной территории, охватывающей к тому же несколько крупных ландшафтных зон (лесостепную, степную, предгорную и горную зоны). История изучения поселений I тысячелетия н. э. на Северном Кавказе вкратце рассмотрена мною в одной из недавно опубликованных работ (*Коробов*, 2011б). В настоящей публикации я остановлюсь на истории изучения поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры, расположенных в лесостепном регионе и генетически связываемых с северокавказским населением (рис. 1) (*Ляпушкин*, 1958. С. 144–148; *Плетнева*, 1967. С. 184–186; 1999. С. 7–23, 207; *Афанасьев*, 2001. С. 52).

Первые работы, направленные на комплексное изучение поселений в южных регионах Европейской части СССР, были организованы в 1923 г. ленинградской Северокавказской экспедицией под руководством А.А. Миллера. Основную задачу ее сотрудники видели в планомерном изучении поселений разных эпох и культур: их выявлении, первичном описании, систематизации, за которыми должны были последовать полевое исследование, датировка, определение ареалов с учетом геоморфологии и вертикальной зональности, периодизация и изучение истории и хозяйства древнего населения. Северокавказская экспедиция просуществовала около 10 лет и стала школой для выдающихся археологов: М.И. Артамонова, А.А. Иессена, А.П. Круглова, Б.Б. Пиотровского и др. К сожалению, ее руководитель профессор А.А. Миллер был арестован и умер 12 января 1935 г. в Карлаге (*Формозов*, 1998. С. 198); некоторые ученые погибли на фронтах Второй мировой войны (А.П. Круглов) и в блокадном Ленинграде (Г.В. Подгаецкий). Так систематическое археологическое изучение северокавказских поселений, едва начавшись, прервалось на долгие годы (*Ковалевская*, 1995. С. 13).

В то же время начинается широкомасштабное изучение средневековых поселений в междуречье Волги и Дона, связанное со строительством крупных ГЭС и водохранилищ. Разведки ученика А.А. Миллера – М.И. Артамонова в районе строительства Цимлянского водохранилища в 1920–1930-х гг. привели к открытию интереснейших памятников VIII–X вв. Некоторые из них были раскопаны в предвоенные и первые послевоенные годы. Это, прежде всего, знаменитый Саркел – уникальная для данного региона крепость с кирпичными стенами,

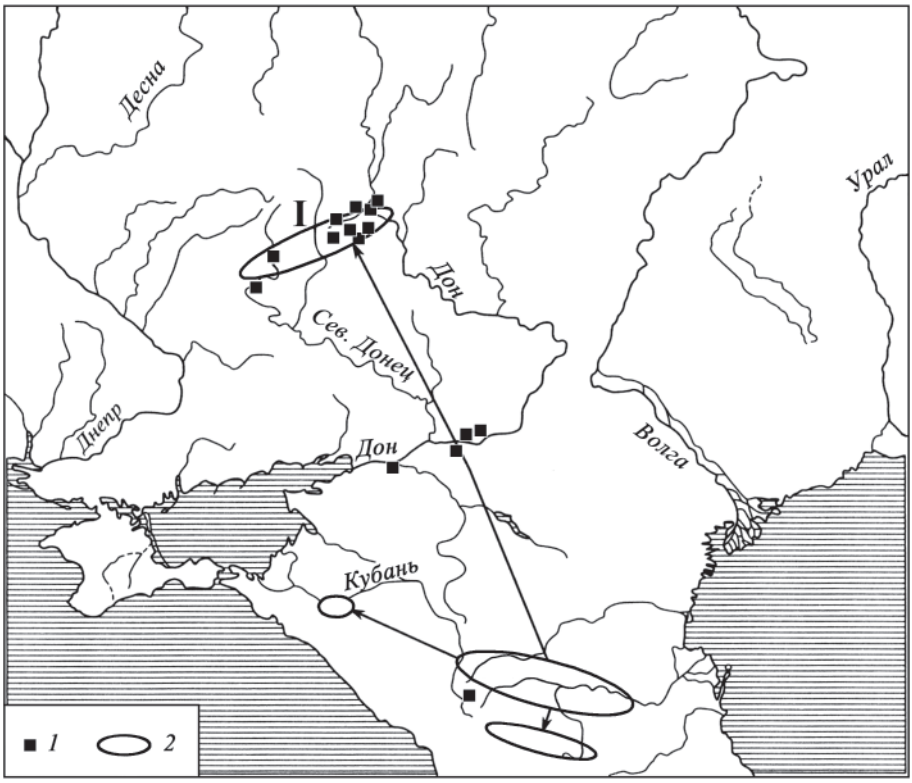


Рис. 1. Карта расположения каменных крепостей VIII–IX вв. и регионы миграции аланских племен (по: *Афанасьев*, 2001. Рис. 1)

1 – каменные крепости; *2* – регионы миграции аланский племен; I – ареал памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры

построенная в начале IX в. под руководством византийского инженера Петроны Каматира, о чем повествует Константин Багрянородный (De Administrando Imperio, 42; *Константин Багрянородный*, 1989. С. 171). В течение 1934–1936 и 1949–1951 гг. М.И. Артамонову удалось раскопать более трети этого памятника, в настоящее время лежащего на дне водохранилища (рис. 2, *1*). Результаты раскопок были опубликованы в серии трудов (*Артамонов*, 1940; 1958), а исследование слоев эпохи раннего Средневековья обобщено последовательницей М.И. Артамонова – С.А. Плетневой (1996). Критическое рассмотрение работ предшественников и новые интерпретации можно найти в публикации Г.Е. Афанасьева (2011).

Волго-Донская экспедиция вела также поиск и изучение рядовых поселений этого периода. Начиная с 1939 г. и по начало 1950-х гг., за исключением военных лет, на Среднем и Нижнем Дону проводил разведки И.И. Ляпушкин. В ходе разведок было обследовано около 20 поселений, раскопано пять построек, сделано два разреза на валах городищ. Полученные материалы обобщены в публика-

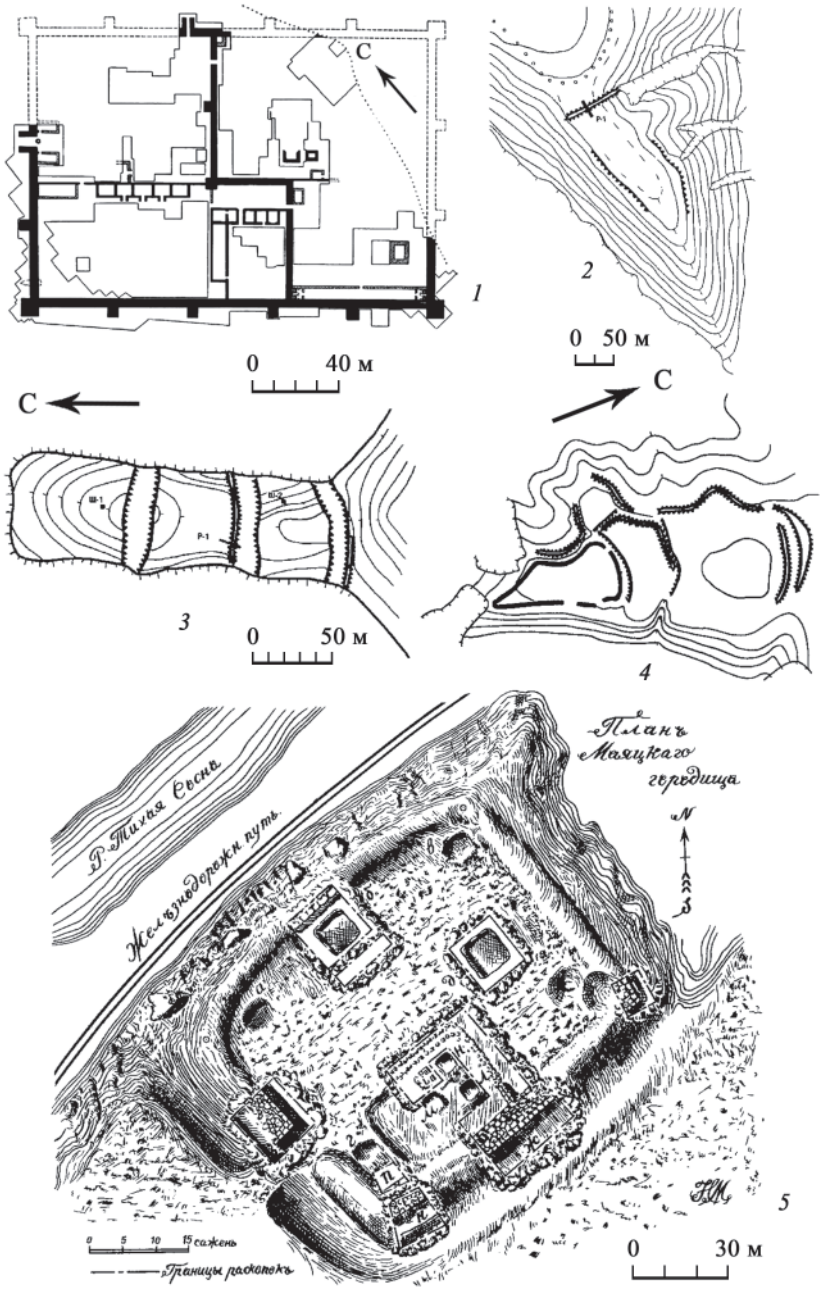


Рис. 2. Укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры

1 – крепость Саркел (по: Афанасьев, 2011. Рис. 2); *2* – городище Подлысенки; *3* – городище Карабут; *4* – Дмитриевское городище (без масштаба); *5* – план Маяцкой крепости с раскопами 1908–1909 (по: *Афанасьев*, 1987. Рис. 57, *1*; 62, *1*; 65, *1*; 72)

ции 1958 г. (*Ляпушкин*, 1958; *Афанасьев*, 1993. С. 13). Работы М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина положили начало систематическому изучению поселений яркой и самобытной культуры, получившей название «салтовской» или «салтово-маяцкой» (СМК) по имени первых памятников, открытых еще на рубеже XIX–XX вв.: Салтовского могильника и Маяцкого городища (рис. 2, 5). Первые работы, посвященные характеристике этой культуры, связывают ее происхождение с местными племенами – обитателями южнорусских степей, потомками сармато-аланов (*Готье*, 1927; *Артамонов*, 1940. С. 159–163; *Мерперт*, 1951). Позднее И.И. Ляпушкин обосновал концепцию двух этнических вариантов культуры – северного (лесостепного), связываемого с аланскими племенами, переселившимися в середине VIII в. н. э. с Северного Кавказа, и южного (степного) – приписываемого праболгарским племенам (*Ляпушкин*, 1958. С. 144–148). В дальнейшем полиэтничность представителей СМК наиболее последовательно отстаивала С.А. Плетнева, считавшая ее государственной культурой многочисленных племен, населявших Хазарский каганат (*Плетнева*, 1967. С. 189; 1999. С. 7–23, 206–221). Критику этих этнических интерпретаций и современную точку зрения на формирование салтово-маяцкой культуры можно найти в работах Г.Е. Афанасьева (2001. С. 42–46).

Дальнейшее изучение поселений салтово-маяцкой культуры связано с полевыми исследованиями С.А. Плетневой, проводившей систематические разведки и раскопки данных памятников с середины 1950-х и до начала 1980-х годов. Результаты ее исследований были обобщены в серии авторских монографий (*Плетнева*, 1967; 1981; 1989; 1999). Наиболее подробно концепция С.А. Плетневой изложена в работе 1967 г.: в ней автор оперирует материалами 75 поселений и могильников СМК, где было раскопано около тысячи квадратных метров площади и исследовано 18 построек (*Афанасьев*, 1993. С. 13). Она исходит из взгляда М.И. Артамонова на салтово-маяцкую культуру как на культуру кочевого населения Волго-Донских степей, постепенно оседающего на землю (*Плетнева*, 1967. С. 5). Этот априорный тезис повлиял на приводимую автором классификацию поселений и жилищ, цель которой – наглядно продемонстрировать процесс этого оседания. Так, С.А. Плетнева выделяет два типа временных поселений-стойбищ, обнаруженных в нижнем течении Дона по небольшому количеству подъемного материала – керамики и костей животных. Первый тип связывается с обширными временными поселениями кочевников-скотоводов, проживающими так называемым куренным способом (крупными родовыми коллективами), второй – с относительно небольшими временными стойбищами аильного типа (коллективы меньших размеров, возглавляемые представителями одной более влиятельной и богатой семьи). Декларируется постепенный переход от первой формы кочевого поселения ко второй (Там же. С. 18–19).

Следующий тип поселений салтовской культуры по С.А. Плетневой –долговременные неукрепленные поселения-селища. Классифицируя эти поселения по размерам на более и менее крупные, автор видит в этом продолжение традиции проживания куренным или аильным укладом кочевников, постепенно переходящих к оседлости (Там же. С. 19–22). Далее рассматриваются городища с земляными укреплениями (рис. 2, *2–4*), в которых автор видит первые феодальные замки «салтовцев», уже перешедших к оседлому образу жизни. Более разви-

той формой подобных замков выделившейся феодальной знати являются каменные крепости-замки (рис. 2, 5), сосуществующие с земляными. С.А. Плетнева выделяет несколько типов этих крепостей, некоторые из них были построены, по ее мнению, с применением древнеболгарских и закавказских архитектурных традиций (Маяцкое и Правобережное Цимлянское) (*Плетнева*, 1967. С. 22–44). Наконец, высшей формой оседания на землю становится проживание в городах, выросших из феодальных замков или возрожденных на месте более древних античных поселений. К первому типу относится упоминавшаяся выше крепость Саркел, а также известные исключительно по письменным источникам хазарские города Итиль и Семендер. Второй тип городов известен по археологическим раскопкам средневековых слоев VIII–X вв. на таких памятниках как Фанагория, Таматарха, Керчь и др. (Там же. С. 44–50).

Сходная аргументация выстраивается и при характеристике рассматриваемых в работе 18 построек. Они делятся на юрты (наземные и углубленные), полуземлянки и наземные жилища. В этих типах автору видится постепенная эволюция жилища кочевников, перенимающих у соседнего населения навыки оседлого образа жизни (Там же. С. 51–70).

В более поздней работе С.А. Плетнева придерживается той же классификации поселений и построек, но уже не столь прямолинейно акцентирует внимание читателей на своем тезисе перехода «от кочевий к городам», характеризующего жизнь населения салтово-маяцкой культуры на протяжении VIII–X вв. (*Плетнева*, 1981. С. 67–69). Тем не менее, тезис об устройстве каменных замков салтовской земли кочующей феодальной знатью, равно как и полукочевой характер населения, сохранился и в последних работах автора (*Плетнева,* 1999. С. 33, 207).

Критические замечания к теории С.А. Плетневой об оседающих на землю кочевых племенах, оставивших поселенческие и погребальные памятники салтово-маяцкой культуры, содержатся в работах Г.Е. Афанасьева и В.С. Флёрова.

Г.Е. Афанасьев подробно проанализировал северный (лесостепной) вариант СМК, связав его с аланскими племенами Северного Кавказа, освоившими в середине VIII в. территорию Среднего Дона. Две крупные публикации освещают методику Г.Е. Афанасьева, характеризуемую комплексностью и использованием новейших для рубежа 1980–1990-х гг. процедур, таких как компьютерное дешифрирование аэрофотосъемки, анализ потенциальных окрестностей памятников, анализ транспортных сетей и т. д. Большинство из этих методов, разработанных в основном в рамках «новой» (процессуальной) археологии Англии и США (*Клейн*, 2009), впервые были приложены к отечественному археологическому материалу (*Афанасьев*, 1987; 1993).

Рост накопленной информации о поселениях VIII–X вв. бассейна Среднего Дона позволяет Г.Е. Афанасьеву перейти от описательной методики и интуитивной классификации к использованию статистических процедур и построению проверяемых моделей. Так, говоря только об одном выделяемом предыдущими исследователями варианте культуры – лесостепном, – автор уже использует данные о 300 памятниках, где исследовано 150 построек и более 20 тыс. м^2 культурного слоя (*Афанасьев*, 1993. С. 13); подробно рассматриваются 74 поселения в бассейне р. Оскол, детально обследованные Г.Е. Афанасьевым, а также

материалы с 25 городищ, расположенных на всей рассматриваемой территории (*Афанасьев*, 1987. С. 21–38; 1993. С. 94–122). Прежде всего, автор отрицает основной тезис С.А. Плетневой об изначальном кочевом характере населения, оставившего памятники в лесостепи, доказывая его оседлость. Далее следует вывод о невозможности делить открытые поселения на «куренные» и «аильные», поскольку нам в большинстве случаев неизвестна их планировка. При классификации подобных поселений Г.Е. Афанасьев использует топографически-функциональный принцип, согласно которому все неукрепленные поселения оседлого населения делятся на временные стоянки (пастушеские стойбища и остатки металлургического производства) и долговременные поселения.

Для анализа последних применяется серия оригинальных методик. Прежде всего, долговременные поселения разделяются на несколько рангов по своему размеру, исходя из предложенного Я. Ходдером усовершенствования правила Зипфа «ранг-размер», когда вместо количества населения на поселении используются данные о его площади (*Хаггет*, 1979. С. 410–415; *Hodder*, 1977. P. 254–257). Для определения площади памятников использовалась полевая информация о распространении подъемного материала. Эти данные проверялись с помощью компьютерного дешифрирования аэрофотосъемки ключевых поселений. В итоге все поселения были разделены по размерам (от 1 до 66 га) на 21 ранг, объединенные затем в пять типов. Далее происходил анализ пространственной модели распределения этих типов с использованием метода ближайшего соседства (*Clark, Evans*, 1954. P. 445–453), реконструкция сети путей сообщения и выделение центральных мест поселения (*Gibbon*, 1984. P. 250–253), вычисление гравитационных связей между поселениями разных типов (*Hodder, Orton*, 1976. P. 73–78; *Crumley*, 1979. P. 141–173). В результате выделено восемь микрорегионов для салтовских поселений Приосколья и проведен анализ каждого из них. Рассмотрены потенциальные экономические территории некоторых из памятников в зонах радиусом в 5 км вокруг поселения – как характеризующие наиболее благоприятные ресурсы для занятия земледелием и пастушеским скотоводством (*Jarman, Vita-Finzi, Higgs*, 1972. P. 61–66). Проведенный анализ позволил наметить функциональные особенности некоторых памятников, экономическая зона которых использовалась не только для сельского хозяйства, но и для металлургического производства и гончарства.

Подобный пространственный анализ применялся и для исследования 25 городищ, расположенных в лесостепной зоне салтово-маяцкой культуры (*Афанасьев*, 1987. С. 88–142; 1993. С. 94–150). Городища были разделены на четыре типа согласно их топографически-функциональным особенностям. Это земляные городища более раннего скифского периода, использовавшиеся салтовским населением без дополнительной перестройки (рис. 2, *2*); мысовые городища с поперечными земляными укреплениями, созданные населением VIII–X вв. (рис. 2, *3*); аналогичные городища с земляными укреплениями, расположенными по периметру мыса (рис. 2, *4*); каменные крепости правильных геометрических форм (рис. 2, *5*). Строительные традиции последних Г.Е. Афанасьев, в отличие от С.А. Плетневой, связывает с византийской архитектурой, находя многочисленные аналогии подобным крепостям на территории Северного Кавказа, Закавказья, Дунайской Болгарии, Северной Африки (*Афанасьев*, 1993. С. 136–140).

Для выявления социальных особенностей городищ разных типов Г.Е. Афанасьев использует подсчет трудозатрат на их возведение, производя расчет по нормам ручного труда, установленным в России в первой половине XIX в. Обнаруживается огромная разница в трудозатратах, необходимых для возведения первых трех типов городищ (от 0 до 4500 чел./дн.) и каменных крепостей (более 20 000 чел./дн.). Исходя из этих наблюдений, первые три типа автор относит к городищам-убежищам, созданным родовыми коллективами, а четвертый – к системе крепостей, организованных государством – Хазарским каганатом – для обороны своих северных рубежей. В пользу последнего предположения говорит и пространственное размещение этих крепостей, растянутых цепочкой в широтном направлении вдоль р. Тихой Сосны – правого притока Дона в его среднем течении. Использование подобных крепостей в качестве феодальных замков в более ранней работе не отрицается, но ставится на второй план (*Афанасьев*, 1987. С. 142). В более позднем исследовании Г.Е. Афанасьев считает возможным отрицать феодальные черты у населения лесостепного варианта СМК, считая его находящимся на раннеклассовой ступени развития, сопоставимого с термином «вождество» (*Афанасьев*, 1993. С. 152).

Одна из последний монографий В.С. Флёрова посвящена подробному анализу концепции С.А. Плетневой о трансформации культуры племен Хазарского каганата «от кочевий к городам» (*Флёров*, 2010). Книгу можно назвать источниковедческой, поскольку свою главную задачу автор видит в пересмотре предыдущих интерпретаций поселенческих памятников Хазарского каганата как «городов» и «замков». Подробно рассмотрев точки зрения М.И. Артамонова, С.А. Плетневой и других авторов, а также охарактеризовав основные поселения салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону и Северском Донце (Саркел, Семикаракоры, Правобережное Цимлянское городище, Маяцкие крепость и поселение, Верхнее-Ольшанский и Нетайловский археологические комплексы, городище Маяки), в низовьях Волги (городище Самосделка как одно из мест предполагаемой локализации Итиля), на Северном Кавказе (Хумаринская крепость) и в приморской части Дагестана (Верхний Чир-юрт и Андрей-аул), автор приходит к однозначному выводу об отсутствии городов в Хазарском каганате (Там же. С. 10, 197–198, 203). Городские поселения Тамани и Крыма, главные центры урбанизации Хазарского каганата по мнению С.А. Плетневой (*Плетнева*, 1967. С. 44–50), В.С. Флёров не считает хазарскими (или болгарскими), демонстрируя их типичный провинциально-византийский характер (Там же. С. 140–172). Монография содержит также отдельные экскурсы, посвященные терминам «город», «протогород», «замок» и характеристике некоторых архитектурных приемов (кладка *opus spicatum*) и типов поселений Дунайской Болгарии (лагерь и аул). В.С. Флёров критикует примененную Г.Е. Афанасьевым методику расчета трудозатрат на строительство укреплений разного вида и считает «искусственно привнесенной в хазарскую археологию» реконструкцию потенциальных экономических зон радиусом в 5 км (Там же. С. 137). Завершает исследование глава, в которой поднимаются «старые и новые проблемы» характеристики феодализма, кочевания, экономики и государственности в Хазарии (Там же. С. 191–225).

Следует принять критический взгляд автора на состояние источников, не позволяющих проводить далеко идущие реконструкции городской жизни и го-

сударственности в Хазарском каганате, как безусловно полезный и в некотором смысле отрезвляющий. Однако, отметая практически все построения предшественников как несостоятельные, В.С. Флёров ничего не предлагает взамен, очевидно, считая, что лишь будущие археологические исследования, потенциал которых, в отличие от письменных источников, представляется неисчерпаемым (*Флёров*, 2010. С. 26–27), позволят ответить на вопрос о существовании городов в исторической Хазарии. Эта точка зрения весьма характерна для представителей традиционной школы, опирающихся исключительно на индуктивные процедуры археологического исследования, которые выражаются в накоплении новых полевых материалов и их постепенном обобщении в виде культурно-исторических реконструкций (*Клейн*, 2004. С. 381–383, 386–389). Именно таким образом на протяжении долгих лет велось изучение средневековых поселений на Юге России, что, конечно, было обусловлено как ограниченным кругом анализируемых источников, так и общим состоянием развития науки.

Между тем, как следует из приведенных выше примеров, уже с рубежа 1970–1980-х гг. в салтовской поселенческой археологии наметился другой подход, характерный для представителей «новой археологии», прежде всего для ее экологического направления (*Клейн*, 2009. С. 147–154). Этот подход характерен для работ Г.Е. Афанасьева, о чем он сам пишет в одной из недавних публикаций (*Афанасьев*, 2012б. С. 93–94, 118). Различные методы пространственного анализа, разработанные зарубежными коллегами, нашли достойное применение во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов при изучении поселений лесостепного варианта салтовской культуры. В результате был сделан качественный скачок в понимании системы расселения и особенностях организации обороны северных рубежей Хазарского каганата. Работа над детализацией полученных результатов продолжается Г.Е. Афанасьевым по сей день (2011; 2012а; 2012б; 2013; *Афанасьев, Красильников*, 2012).

Данное направление, возникшее в недрах «новой археологии» 1960-х гг., продолжает успешно развиваться в 1990-е и 2000-е годы в рамках «ландшафтной археологии» – мультидисциплинарного подхода, изучающего разные аспекты взаимодействия человека и среды его обитания (*Aston*, 1985; One Land…, 2001; *Steuer*, 2001; *David, Thomas*, 2008). В последнее время появилось немало исследований в этом ключе, направленных на изучение системы расселения и хозяйствования средневекового населения в разных регионах России (*Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001; *Макаров, Федорина, Шполянский*, 2013; *Алешинская и др.*, 2008; *Кренке*, 2011; *Афанасьев, Добровольская, Борисов*, 2012) и Украины (*Колода, Горбаненко*, 2010).

Широкие инструментальные возможности в подобных исследованиях дают географо-информационные системы и данные дистанционного зондирования, а также методы пространственного анализа (*Коробов*, 2011а). Первые шаги в адаптации подобных методов в отечественной археологии были также предприняты Г.Е. Афанасьевым при изучении поселений алан в Кисловодской котловине (*Афанасьев, Кислов, Чернышев*, 2002; *Афанасьев, Савенко, Коробов,* 2004. С. 50–88). Автором настоящего обзора продолжается исследование особенностей системы расселения I тысячелетия н. э. в этом микрорегионе (*Коробов*, 2012; 2013; *Korobov*, 2012), толчком которому послужили методические приемы 1980–1990-х гг., разрабатывавшиеся на материалах поселений лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополья в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.

Артамонов М.И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. № 6. С. 130–167.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Отв. ред. М.И. Артамонов. Т. I. М.; Л.: Наука. С. 7–84. (МИА; № 62).

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. М.: Наука. 200 с. (Археологические открытия на новостройках; вып. 2.)

Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука. 184 с.

Афанасьев Г.Е., 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. № 2. С. 43–55.

Афанасьев Г.Е., 2011. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. № 3. С. 108–119.

Афанасьев Г.Е., 2012а. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2. С. 29–49.

Афанасьев Г.Е., 2012б. Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 3 / Отв. ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 93–122.

Афанасьев Г.Е., 2013. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. № 3. С. 13–25.

Афанасьев Г.Е., Кислов А.В., Чернышев А.В., 2002. К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: сб. ст. Вып. 1–2 / Ред. А. П. Бужилова. М.: ИА РАН. С. 66–79.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.

Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Борисов А.В., 2012. Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всероссийской науч. конф. (Москва, ИА РАН, 4–6 декабря 2012 года) / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 77–83.

Афанасьев Г.Е., Красильников К.И., 2012. Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский. М.: ТАУС. С. 204–225.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова Думка. 226 с.

Готье Ю.В., 1927. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия ГАИМК. Т. V. С. 65–84.

Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН. 128 с.

Клейн Л.С., 2004. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособ. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 470 с.

Клейн Л.С., 2009. Новая археология: (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Донецкий нац. ун-т. 393 с.

Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: ИА РАН. 193 с.

Колода В.В., Горбаненко С.А., 2010. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Ин-т археологии НАН Украины. 216 с.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М.: Наука. 496 с.

Коробов Д.С., 2011а. Основы геоинформатики в археологии. М.: Изд-во МГУ. 224 с.
Коробов Д.С., 2011б. Поселенческая археология эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе: история и перспективы исследования // От палеолита до средневековья: сб. науч. ст. М.: Изд-во ОАО «Тверская обл. тип.». С. 83–89.
Коробов Д.С., 2012. ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины // КСИА. Вып. 226. С. 17–27.
Коробов Д.С., 2013. Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // КСИА. Вып. 228. С. 19–33.
Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.
Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции / Ред. М.И. Артамонов. Т. I. М.; Л.: Наука. С. 85–150. (МИА; № 62.)
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. 496 с.
Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В., 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.
Мерперт Н.Я., 1951. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 14–30.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.: Наука. 200 с.
Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Гл. ред. Б.А. Рыбаков; ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 62–75.
Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука. 288 с.
Плетнева С.А., 1996. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 168 с.
Плетнева С.А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Гешарим. 374 с.
Смирнов А.С., 2004. История отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет Отделу охранных раскопок: сб. ст. / Науч. ред. Р.М. Мунчаев. Тула: Гриф и К. С. 10–26. (Труды отдела Охранных раскопок Ин-та археологии РАН; т. 2).
Флёров В.С., 2010. «Города» и «замки» Хазарского каганата: Археологическая реальность. М.: Мосты культуры. 260 с.
Формозов А.А., 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. С. 191–206.
Хаггет П., 1979. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс. 688 с.

Aston M., 1985. Interpreting the landscape. Landscape archaeology and local history. London; New York: Routledge. 168 p.
Clark P.J., Evans F.C., 1954. Distance to nearest neighbor as a measure of spatial relationship in populations // Ecology. № 35. P. 445–453.
Crumley C.L., 1979. Three locational models: an epistemological assessment for anthropology and archaeology // Advances in Archaeological Methods and Theory. Vol. 2 / Ed. M.B. Schiffer. New York: Academic Press. P. 141–173.
David B., Thomas J., 2008. Landscape Archaeology: Introduction // Handbook of Landscape Archaeology / B. David, J. Thomas (eds). Walnut Creek: Left Coast Press. P. 27–43.
Fehring G.P., 1987. Einführung in die Archäologie des Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 254 S.
Gibbon G., 1984. Anthropological Archaeology: Analysis and Interpretation at the regional and interregional Levels. New York: Columbia University Press. 455 p.
Hamerow H., 2002. Early Medieval Settlements: The Archaeology of Rural Communities in Northwest Europe, 400–900. Oxford: Oxford University Press. 239 p.
Halsall G., 2005. The sources and their interpretation // The New Cambridge Medieval History / Ed. P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press. P. 56–90.

Hodder I., 1977. Some new directions in the spatial analysis of archaeological data at the regional scale (macro) // Spatial archaeology / Ed. D. Clarke. London; New York; San Francisco: Academic Press. P. 223–351.

Hodder I., Orton C., 1976. Spatial Analysis in Archaeology. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 270 p.

Jarman M.R., Vita-Finzi C., Higgs E.S., 1972. Site catchment analysis in archaeology // Man, settlement and urbanism / P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby (eds). London: Duckworth. P. 61–66.

Korobov D., 2012. Early Medieval Settlement in Southern Russia: Changing Directions // Medieval Archaeology. Vol. 56. P. 34–59.

One Land, Many Landscapes, 2001. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists: Fifth Annual Meeting in Bournemouth, 1999 / T. Darvill, M. Gojda (eds). Oxford: Archaeopress. 173 p. (British Archaeological Reports. International Series; 987).

Steuer H., 2001. Landschaftsarchäologie // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 17. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 630–634.

Trigger B.G., 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge: Cambridge University Press. 477 p.

Wickham C., 2005. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400–800. Oxford: Oxford University Press. 1018 p.

А. А. Малышев

КУЛЬТОВАЯ АНТИЧНАЯ ТЕРРАКОТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

A. A. Malyshev. Cultic Classical terracotta in the South-East of the Asiatic Bosporus

Abstract. This article provides a catalogue-type description of pottery figurines which have not been introduced into the academic literature before. It also specifies the iconographic classification and significance of such finds in archaeological assemblages from the south-eastern periphery of the Bosporus.

Ключевые слова: Боспорское царство, коропластика, иконография, мифология, статуэтка, античность, периферия.

С момента выхода последнего обобщающего издания «Терракотовые статуэтки. Часть IV. Придонье и Таманский полуостров», где была исчерпывающе опубликована вся известная тогда коллекция коропластики из региона, расположенного между современными Анапой и Новороссийском, прошло почти 40 лет. В свод были включены образцы из культурных слоев Горгиппии и башни-усадьбы у хутора Рассвет (*Кругликова*, 1974. С. 43–50. Табл. 50–57; *Крушкол*, 1974. С. 50. Табл. 58). Впоследствии в научный оборот вводились, главным образом, терракотовые статуэтки из античной Горгиппии (*Алексеева*, 1987. С. 19–27; 1997. Табл. 178–200), а также отдельные находки с других памятников юго-восточной периферии азиатского Боспора (Цемдолинское поселение: *Онайко*, 1984. С. 91, Табл. L, *7*; поселение Мысхако: *Шишлов*, 2001) (рис. 1).

В последние десятилетия ареал находок античной коропластики существенно расширился, причем в ряде античных центров в результате раскопок собраны небольшие коллекции (Мысхако (7 экз.), Раевское городище (12 экз.), Андреевская щель (3 экз.)), а в других (Широкая Балка, Южная Озерейка, Цемесская долина) подобные находки практически не известны. Все терракоты, происходящие из культурных слоев поселений юго-восточной периферии азиатского Боспора раннеримского времени, зачастую (четыре случая) находят в крайне фрагментированном состоянии в мусорных ямах, что исключает их интерпретацию как вотивов – ни одно из местонахождений не может быть связано с ритуальным комплексом.

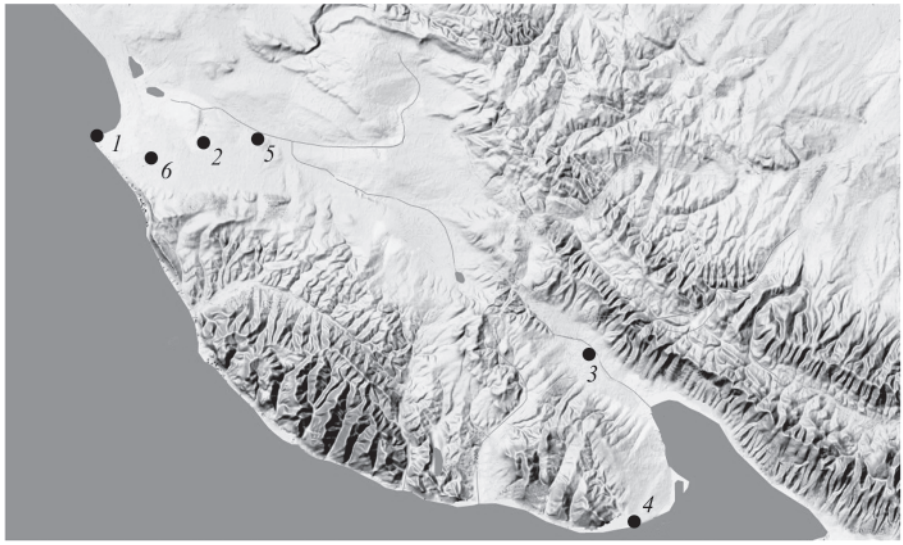


Рис. 1. Юго-восточная периферия азиатского Боспора

1 – Горгиппия; *2* – пос. Рассвет; *3* – пос. Цемдолинское; *4* – пос. Мысхако; *5* – Раевское г-ще; *6* – пос. Андреевская щель

В предлагаемой статье дано каталогизированное описание практически не введенных в научный оборот керамических статуэток, определены специфика иконографического ряда и значимость подобных находок в археологических комплексах региона.

Мысхакское поселение (рис. 2)

1.1. Изображение Аттиса-ребенка (некрополь, 1979, погр. 20) – глина похожа на горгиппийскую: тонкая бежевая с примесью песка и слюды. На поверхности статуэтки сохранились следы красно-коричневой краски (*Кругликова*, 1974. С. 44–45; *Алексеева*, 1987. С. 23). Полая, изготовлена в двусторонней форме, с обратной стороны имеется большое технологическое отверстие, диаметр – около 1,6 см. Размер – 3,0 × 10,5 × 16,8 см.

Изображена композиция: мальчик дразнит (?) собаку (?). Фигура Аттиса плотного телосложения изображена фронтально, ноги широко расставлены, упор на правую ногу. На голове островерхий, с изгибом вперед на кончике головной убор, правая рука полусогнута в локте и высоко поднята вверх, левая согнута в локте, под предплечьем сохранившаяся частично (только короткие округлые уши) голова собаки. Животное стоит на задних лапах, передние уперты в левое бедро Аттиса.

Фигурки установлены на довольно высоком полом внутри пьедестале, размером 4,0 × 10,5 см.

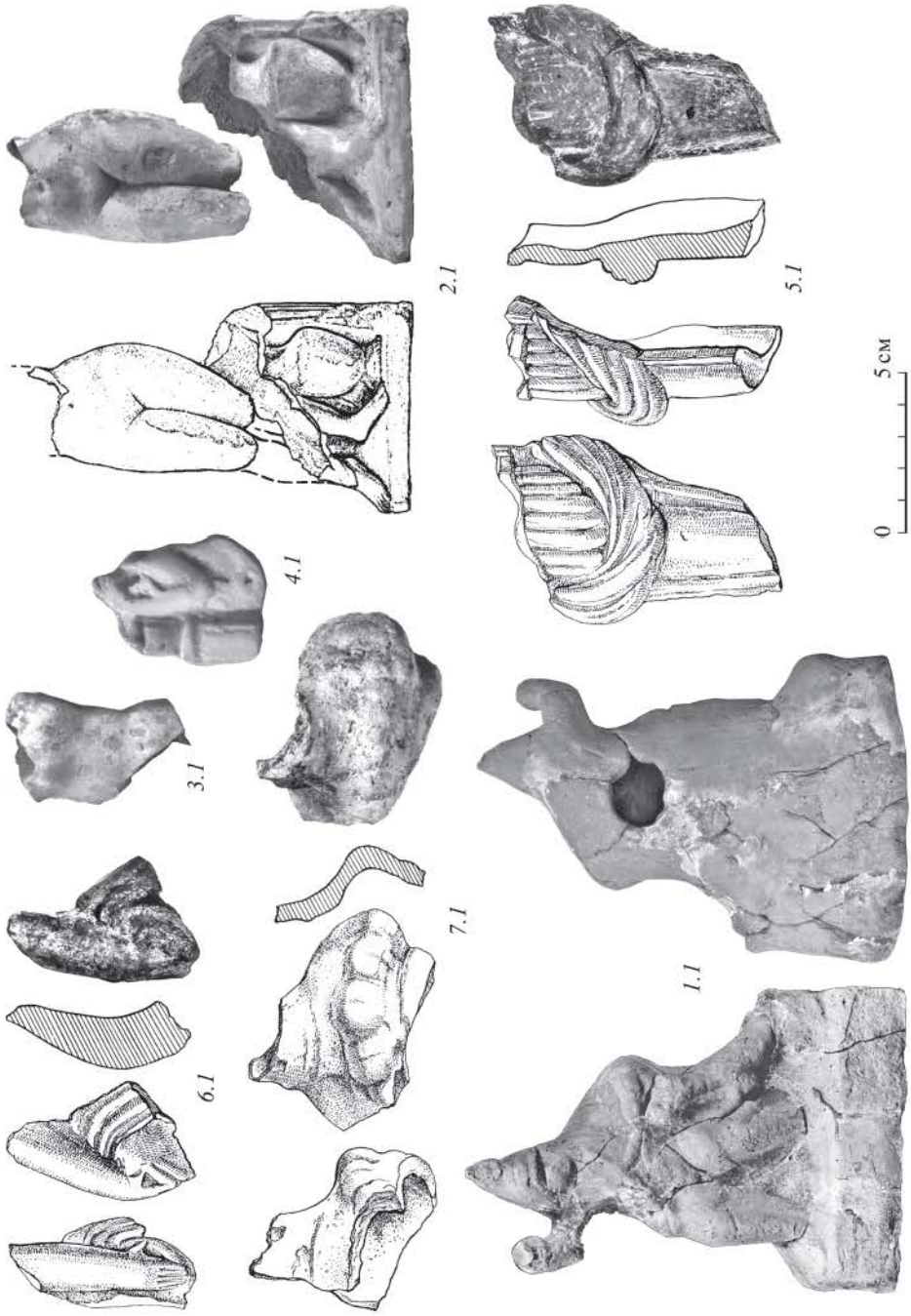


Рис. 2. Мысхако. Терракоты из культурных слоев поселения и некрополя

Аналогии: Фанагория (*Кобылина*, 1974. Табл. 31, *6*); Восточный Крым (святилище Полянка) (*Масленников*, 2006. Табл. 122).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э.

2.1. Женская статуэтка (в двух фрагментах: утрачены голова, верхняя часть туловища и руки) (Мысхакское Вост., 1990, кв. И12, 13, яма 32, оп. 6843) – глина светло-серая с легким желтоватым оттенком. Полая, вероятно, изготовлена в двусторонней форме. Поверхность покрыта тонким слоем желтоватого ангоба. Размер – 7,0 × 13,5 см. На полой подставке.

Стоящая фронтально обнаженная женская фигура (торс, ноги до колен), тело опирается на левую ногу, возле которой сосуд с туловом овоидной формы (гидрия или амфора). Возможно, изображение Афродиты или, менее вероятно, часть композиции Эрот и Психея.

Аналогии: европейский Боспор (*Денисова*, 1981. С. 120. Табл. XVI, *д*; *Масленников*, 2006. Табл. 33); Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 57, *1*).

Датировка: I в. до н. э. (контекст находки и аналогии).

3.1. Статуэтка (детской (?) фигуры фрагмент) (Мысхакское Вост., 1990, кв. И10-11, пл. 7, оп. 6775) – глина оранжевая, отмученная, без видимых примесей. С внешней стороны покрыта слоем ангоба бежевого цвета. Полая, изготовлена, видимо, в двухсторонней форме. Размер – 5,65 × 3,50 × 1,30 см. Толщина стенок – 0,6–0,8 см.

Сохранилось изображение обнаженной груди и торса, так как контуры мягкие, мускулатура не обозначена, оно могло принадлежать изображению ребенка, возможно, Эроту в группе Эрот и Психея.

Аналогии: Горгиппия (Там же. Табл. 54, *3*).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки и аналогии).

4.1. Статуэтка (мужская?) (во фрагментах: утрачены голова, нижняя часть туловища) (Мысхакское Вост., 1991, кв. О19, пл. 3–4, оп. 8824) – из желтой отмученной тонкой глины с примесью песка. Полая, изготовлена, возможно, в двусторонней форме. Размер – 2,5 × 4 × 5,2 см.

Сохранилась верхняя часть фигуры: левая рука, согнутая в локте, кисть руки (все пальцы прочерчены) у подбородка (?), правая рука также согнута, опирается локтем на какой-то предмет (каннелированную колонну?) и, похоже, прижата к груди.

Аналогии: Фанагория (*Кобылина*, 1974. Табл. 31, *3*).

Датировка: I в. до н. э. (контекст находки).

5.1. Женская (?) фигура в хитоне и гиматии во фрагментах (Мысхакское Зап., 1995, оп. 11, яма 47) – глина розово-красная плотная с примесью песка. Изготовлена в односторонней форме. Размер – 0,7 × 5,1 × 7,9 см.

Сохранилась нижняя часть статуэтки – деталь длинного одеяния (хитона), ниспадающего вниз мелкими складками из-под «передника» (?). Нижняя часть туловища или ноги опоясаны массивной гирляндой перевитой ткани, под которой контур фигурки, трактованный тремя складками разной ширины, резко сужается. Изображение отличает очень жесткая, схематичная трактовка деталей.

Датировка: I в. до н. э. – первая половина III в. н. э. (контекст находки)

6.1. Женская фигура во фр-тах (Мысхакское Зап., 1995, яма 18, оп. 18) – глина розовато-красная плотная. Изготовлена в односторонней форме. Размер – 1,8 × 4,0 × 6,7 см.

Сохранилось изображение обнаженной правой руки (кисть руки с проработанными изображениями пальцев и предплечье), кисть руки придерживает подоткнутые вверх складки ткани.

Аналогии: Пантикапей (*Силантьева*, 1974. Рис. 27, *2*).

Датировка: I в. до н. э. – первая половина III в. н. э. (контекст находки и аналогии).

7.1. Статуэтка во фрагментах (Мысхакское Зап., 1995, яма 28, оп. 19) – изготовлена в двусторонней форме, глина серо-бежевая (вторичный обжиг) с примесью песка. Размер – 0,6 × 6,7 × 7,2 см.

Возможно, это обломок фигурного сосуда, на котором сохранился фрагмент туловища птицы (?), украшенного полусферическими выступами с вертикальными неглубокими надрезами.

Датировка: I в. до н. э. – первая половина III в. н. э. (контекст находки).

Раевское городище (рис. 3; цв. илл. III)

8.2. Женская (?) фигура в хитоне и гиматии, фрагмент (цв. илл. III, РГ-II, 2003, оп. 104), – полая внутри, изготовлена в двусторонней форме из оранжевой тонкой глины с примесью песка и слюды. Размер – 4,7 × 3,2 × 2,4 см.

Верхняя (?) часть туловища, задрапированного в ткань. Под складками ткани угадывается контур согнутой под прямым углом руки (?).

Датировка: II – I в. до н. э. (контекст находки).

9.2. Парная композиция (Эрот и Психея) (во фрагментах: утрачена нижняя часть туловища Эрота и практически вся фигура Психеи) (цв. илл. III, РГ-II, 2007, кв. К2-1, ур. –57; оп. 56) – полая, двусторонняя, глина бежево-коричневая, серая в изломе, плотная, вторичный обжиг. Размер – 5,8 × 3,5 × 2,7 см. Эта часть статуэтки, возможно, была изготовлена отдельно и затем приклеена к статуэтке.

Сохранилась голова, правые плечо и крыло, имеющее угловатый контур. На волосах – покрывало (?), на котором – след укола по сырой глине острым предметом типа стека. Эрот изображен боком, его плечо обнимает рука (предплечье и кисть руки с пятью пальцами) не сохранившегося персонажа. Детали (черты лица, волосы елочкой) проработаны достаточно схематично.

Аналогии: Кепы (*Сорокина*, 1974. Табл. 14, *6*); Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 54, *3*); Фанагория (*Кобылина*, 1974. Табл. 32, *4, 5*).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки и аналогии).

10.2. Женской статуэтки (голова) фрагмент (цв. илл. III, РГ-II, 2006, кв. В5–3; ур. –100) – оранжевой плотной глины, с примесью песка, темно-коричневый плотный ангоб. Цельноглиняная, двусторонняя (?), с обратной стороны поверхность статуэтки довольно аккуратно подрезана. Размер – 3,5 × 2,6 × 1,6 см.

Голова в невысокой округлой стефане, под которой складками показаны пряди волос. Черты лица хорошо проработаны: округлый овал лица, маленькие узкие губы, под прямым, довольно крупным носом. Глаза очерчены двумя узкими валиками.

Аналогии: Восточный Крым (комплекс «Расщелина») (*Масленников*, 2007. С. 264, № 40, № 15, рис. 114, *18*).

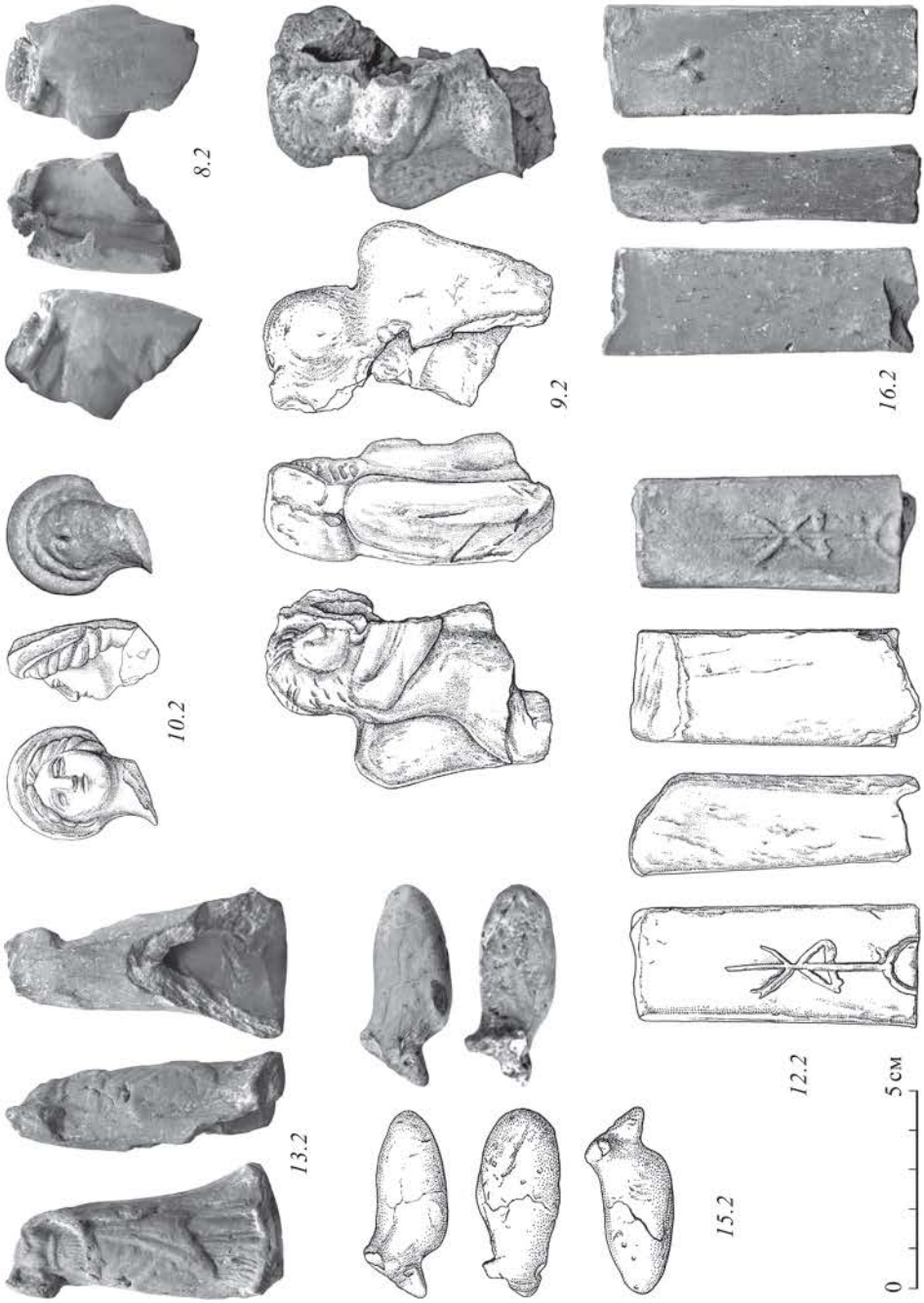


Рис. 3. Раевское городище. Терракоты из культурных слоев

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

11.2. Статуэтки основания фрагмент (РГ-II, 2007, кв. К3-5, ур. 158; оп. 179) – из розовато-бежевой очень плотной однородной глины, с примесью песка и слюды. Полая, двусторонняя (?). Размер 4,5 × 5,0 см.

Нижняя часть уплощена, у края имеется отверстие диаметром 0,4 см.

Ближе к подошве, над отверстием, слаборазличимое утолщение в виде плетенки (?).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки). 12.2. Герма (во фрагментах: сохранилась средняя часть статуэтки) (РГ-II, 2007, кв. И4/И5-4; оп. 248) – из очень плотной розово-серой (вторичный обжиг) глины с примесью песка и слюды. Форма брусковидная. Цельноглиняная, оттиснута в односторонней форме, сколы с двух торцов. Размер – 4,8 × 2,6 × 2,1 см.

На уплощенной лицевой стороне сохранилось фрагментированное изображение в низком рельефе: изображение кадуцея (длина – 2,5 см). Обратная сторона – выпуклая, заглаженная.

Аналогии: Горгиппия (*Алексеева*, 1997. Табл. 189, *103а–в*; 198, *183*).

Датировка: I в. н. э. (аналогии, контекст находки).

13.2. Статуэтка (женская) (во фрагментах: утрачены голова и нижняя часть статуэтки с тыльной стороны, справа) (цв. илл. III, РГ-II, 2010, кв. Д1′-5; оп. 50) – из оранжевой плотной глины с примесью большого количества крупного песка. Тыльная сторона имеет следы подрезки стеком. Цельноглиняная (снизу статуэтка имеет глубокую выемку конической формы), оттиснута, по всей видимости, в одностороннюю форму. Размер 2 × 4 × 6 см.

Изображена стоящая фронтально женская фигура: правая рука согнута в локте и поднята вверх (держит сосуд?), левая – слегка согнута и придерживает ткань накидки, свисающей тяжелыми крупными складками и перекрывающей ткань в мелкую складку (хитон?) до пят (ступни не обозначены), пояс расположен высоко, под рельефно обозначенной грудью.

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

14.2. Всадник (возможно, Аттис на коне) (во фрагментах: утрачены голова всадника и лошади, а также небольшой фрагмент в области груди лошади) (рис. 3, РГ-II, 2010, кв. Л1-5, ур. –85; оп. 104) – из серо-бежевой грубой, плохо промешанной глины с крупными включениями, поэтому при высыхании на поверхности образовались каверны. Обжиг вторичный (в пожаре), на поверхности, в особенности, возле постамента – трещины. Цельноглиняная, оттиснута в форме, обратная сторона грубо заглажена. Размер – 3,1 × 7,5 × 10,5 см.

Изображен всадник небольшого роста и плотного телосложения на шагающем коне, всадник развернут фронтально, посадка амазонки: левая нога согнута в колене, правая – прямо. Правая рука опирается на круп лошади, кисть руки непропорциональная, выполнена грубо, под ней изображен предмет, который может быть определен как меч-кинжал или горит. На груди всадника, возможно, сохранилось изображение кисти левой руки. Кисти рук выполнены схематично, непропорционально большие.

Конь имеет довольно длинные ноги, выше копыт обозначена шерсть (или ткань?), хвост длинный, свисает до копыт. На груди и на крупе изображены округлые предметы диаметром около 0,8 см – возможно фалары на сбруе.

Всадник установлен на полый постамент, причем под передними ногами он немного, на 0,5 см, выше; в левой части – трещина, образовавшаяся при обжиге. Основание: 7,2 × 3,1 см.

Аналогии: святилище Полянка (наиболее близкая аналогия) (*Масленников*, 2006. Табл. 107); Пантикапей (*Силантьева*, 1974. Табл. 46, *1–4*); Мирмекий (*Пругло*, 1977. С. 178, рис. 1, *1*; *Денисова*, 1981. Табл. XXI); Фанагория (*Кобылина*, 1974. Табл. 29, *3*); Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 55, *5*); Кепы (*Сорокина*, 1974. Табл. 14, *1*).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (аналогии, контекст находки).

15.2. Фигурка лежащего животного (игрушка (?) или вотив) (цв. илл. III, РГ-II, Ж2'-6, ур. –129; оп. 23) – лепная, глина коричневая, однородная, практически без отощителя, поэтому поверхность вся в трещинах, серая в изломе. Цельноглиняная. Размер: 2,5 × 2,0 × 4,9 см.

Изображение козленка (?): голова с заостренной мордой, выделенной у основания защипами, с левой стороны скол, округлой в плане формы, или обозначение глаза. В верхней части головы сформованы горизонтально отогнутые уши или рога (левый утрачен). Туловище близкое к овоидной форме, основание уплощено, в передней части едва обозначен контур правой передней конечности.

Аналогии: Горгиппия (изображение животных) (*Кругликова*, 1974. Табл. 56, *6* (птица), *7* (бык)).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

16.2. Герма (во фрагментах: утрачены оба завершения) (цв. илл. III, РГ-II, 2010, яма 15/16, оп. ?) – оранжевой плотной глины, песок и дутики. Форма брусковидная, обе стороны обломаны. Поверхность тщательно заглажена, на ней сохранились следы красного покрытия. Размер 1,8 × 2,8 × 8,0 см.

На лицевой стороне оттиснуто изображение фаллоса в низком рельефе, заглажена вся поверхность за исключением прилегающей к изображению.

Аналогии: Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 57, *4, 7*); Рассвет (*Крушкол*, 1974. Табл. 58, *4*), Пантикапей (*Силантьева*, 1974. Табл. 35, *1–3*).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

17.2. Эрот и Психея (рис. 3, РГ-II, 2011, кв. Б'9-7, ур. –273; оп. 64) – глина похожа на горгиппийскую: оранжевая тонкая, с примесью песка. Заметны следы покрытия темно-красной краской (*Кругликова*, 1974. С. 44–45; *Алексеева*, 1987. С. 23). Двусторонняя, полая. Обратная сторона довольно аккуратно заглажена и имеет округлое технологическое отверстие диаметром около 1,9 см. Размеры – 7,0 × 10,5 см.

Композиция состоит из двух стоящих фигур (женской и мужской). Левая (обнаженная мужская, судя по расправленным сзади крыльям – Эрот) изображена прямо, ноги (частично утрачены) широко расставлены, левая нога слегка согнута в колене. В руках на уровне живота он держит голубя (?), клювом влево. Черты лица хорошо проработаны, над кудрями – венчик или шапочка, голова слегка наклонена к женскому лицу.

Правая, женская (Психея) вполоборота, опирается на правую ногу, обнимает за плечи Эрота. Кисти рук изображены схематично, обозначен только большой палец. Персонаж изображен в длинном до пят одеянии, на груди широкая склад-

ка, опоясана под грудью, ступни обозначены точками. Головы увенчаны небольшими коронами или диадемами. Постамент, размеры – 1,5 × 3,6 × 6,3 см.

Аналогии: Кепы (*Сорокина*, 1974. Табл. 14, 6); Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 54, *3*); Фанагория (*Кобылина*, 1974. Табл. 32, *4, 5*).

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (аналогии, контекст находки).

18.2. Человеческой фигурки фрагмент (СЗБ-2011, кв. Ж4-1; оп. 158) – из бежевой тонкой глины с примесью песка. Полая, изготовлена в двусторонней форме. Размер – 3,0 × 4,5 см.

Часть обратной стороны статуэтки стоящей фигуры.

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

19.2. Человеческой фигурки фрагмент (ВБ-2011, кв. Е4-2, оп. 177) – из бежевой тонкой глины с примесью песка и слюды, сплошной. Размер – 3,0 × 3,5 см.

Скорее всего, часть верхней части крыла Эрота.

Датировка: I в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

Андреевская щель (рис. 4)

20.3. Герма (во фрагментах: утрачены верхняя и нижняя части) (АнЩ, 2004, кв. 1–2; оп. 128) – оранжевой (горгиппийской?) плотной глины, песок и дутики, в форме расширяющегося вверх бруска, имитирующего туловище человека с короткими выступами-руками. Размеры – 6,3 × 3,9 × 2,0 см.

В нижней части лицевой плоскости оттиснуто в низком рельефе изображение фаллоса. Изображение сильно стерто.

Аналогии: Горгиппия (*Кругликова*, 1974. Табл. 57, *4, 7*); Рассвет (*Крушкол*, 1974. Табл. 58, *4*); Пантикапей (Там же. Табл. 35, *1–3*) (II в. до н. э.).

Датировка: III в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

21.3. Женская статуэтка (во фрагментах: утрачена голова, левая рука и нижняя часть туловища) (АнЩ, 2004, кв. 1–2, оп. 139) – полая, оттиснута в двусторонней форме. Глина бежево-коричневая, плотная, насыщенная слюдой и песком. Размеры – 6,0 × 4,5 × 3,4 см.

Изображена стоящая фронтально женская фигурка, под высоким стройным горлом широкой горизонтальной гирляндой обозначен край ткани. Ниже, под переброшенной через левое плечо тканью, заметна согнутая в локте правая рука, кисть руки – в виде выступа. Складки ткани изображены на лицевой и оборотной стороне, после оттиска по сырой глине они прочерчены стеком.

Датировка: III в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

22.3. Статуэтки женская (во фрагментах: утрачены голова, нижняя часть (ноги с частью длинного одеяния) и обратная часть статуэтки) (АнЩ, 2005, кв. 2’–4; оп. 139) – размеры: 6,0 × 3,0 × 2,0 см, глина розово-коричневая тонкая, плотная с примесью песка. Пустотелая изготовлена в двусторонней форме.

Изображает стоящую фронтально женскую фигуру в длинном одеянии, складки ткани практически не показаны, под грудью – широкая перевязь. Правая нога слегка согнута в колене. На уровне кистей рук – едва заметное утолщение – гирлянда или поднятая до колен ткань платья. Руки, видимо, обнажены, едва согнуты в локтях, в правой – удлиненный сосуд усеченно-конической фор-

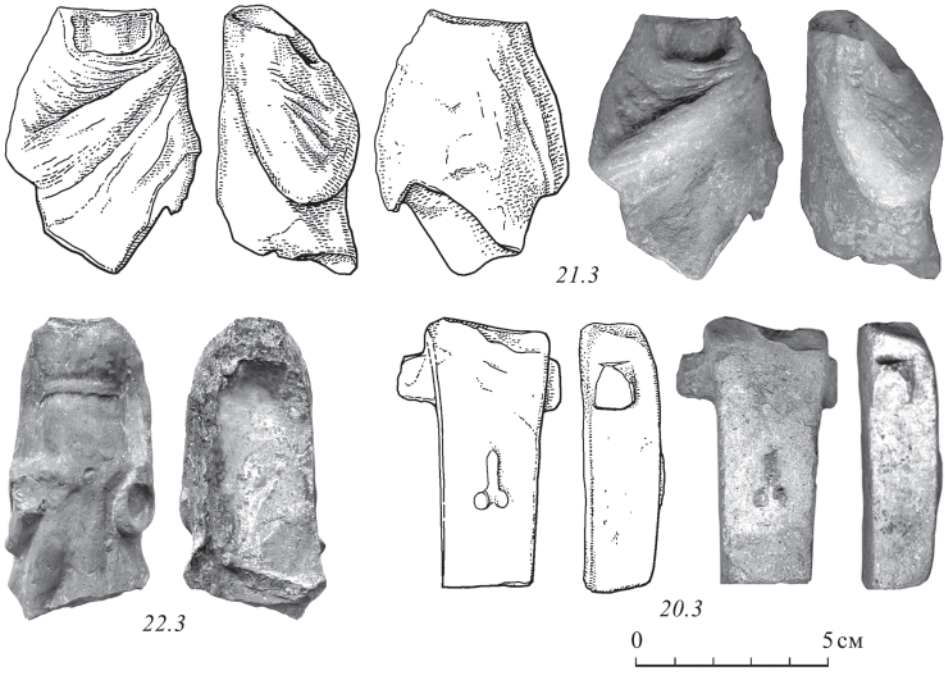


Рис. 4. Андреевская щель. Терракоты из культурных слоев

мы на узком основании (кувшин или высокая чаша?), в левой – кольцевидный предмет (венок?).

Аналогии: (*Алексеева*, 1997. Табл. 197, *146–154*).

Датировка: III в. до н. э. – I в. н. э. (контекст находки).

Рассмотренный комплекс античной коропластики, состоящий из 22 терракот с трех памятников юго-восточной периферии Боспора, связан с кругом религиозных верований, которые зарождаются в Восточном Причерноморье и получают распространение на Боспоре в митридатовскую эпоху (*Кошеленко*, 2010. С. 360).

Это подтверждается как иконографией изображений, так и их датировкой (в пределах позднеэллинистической эпохи – раннеримского времени). Неслучайно коллекция коропластики с юго-восточной периферии Боспора имеет много параллелей с материалами из фанагорийской мастерской коропласта II–I вв. до н. э. (*Кобылина*, 1974. Табл. 34, *1–8, 10*) и особенно горгиппийским комплексом, насчитывающим около трех сотен образцов. Здесь представлено более 60 сюжетов с участием не менее 20 персонажей (*Алексеева*, 1987. С. 20). Это сходство отмечалось еще для терракот из здания у хутора Рассвет (*Крушкол*, 1974. С. 50). В то же время, в отличие от Горгиппии, в материалах из юго-восточной периферии Боспора отсутствуют популярные на Боспоре изображения Деметры и Геракла (ср.: *Алексеева*, 1987. С. 20, 22).

Таблица 1. Распределение иконографических типов статуэток по памятникам региона

Местонахождение	Герма	Богиня в одеждах, стоящая	Юноша со щитом	Эрот (вкл. крыло) с Психеей	Аттис	Всадник	Животное / птица	Всего
Пос. Рассвет	2	3	1	–	–	–	–	6
Пос. Мысхако		–	–	2 (?)	1	–	–	3
Раевское г-ще	2	–	–	3	–	1	1	7
Пос. Андреевская щель	1	2	–	–	–	–	–	3
Пос. Владимировское	–	1	–	–	–	–	–	1
Всего	5	6	1	5	1	1	1	20

Наибольшим иконографическим разнообразием отличается коллекция из Раевского городища (табл. 1). Характеризуя наш комплекс в целом, отметим явное преобладание одного типа изображения – женских персонажей, стоящих и закутанных в хитон и гиматий, вероятно, женского божества Афродиты Урании, владычицы Апатура (*Кошеленко*, 2010. С. 371). Изображение обнаженной богини засвидетельствовано только на Мысхакском поселении (2.1).

Практически в равных пропорциях представлены парные статуэтки Эрота и Психеи (Раевское городище) и герм (Раевское городищеще, Андреевская щель и Рассвет). Единичны получившие распространение в иконографии Боспора в I в. до н. э. изображения всадника, который олицетворял божество, покровительствующее местной царской династии (*Пругло*, 1977. С. 182; *Кошеленко*, 2010. С. 402), вотивные изображения животных.

Ареал и контекст находок, а также репертуар при сравнительной их немногочисленности позволяют предположить, что терракотовые статуэтки не стали объектом почитания для всех обитателей этого региона и, возможно, они связаны с определенной группой населения, причастного к эллинскому быту. Представителями этой группы изготовлены статуэтки терракот из западного помещения здания у хутора Рассвет (*Крушкол*, 1974. С. 50), Владимировского поселения (*Онайко*, 1984. Табл. L, *7*) и статуэтки из цитадели Раевского городища (17.3 и 18.3).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М., 1987. К изучению коропластики Горгиппии // КСИА. Вып. 191. С. 19–27.

Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС. 559 с.

Денисова В.И., 1981. Коропластика Боспора: (По материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука. 170 с.

Кобылина М.М., 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки / Ред. М.М. Кобылина. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука. С. 20–29. (САИ; Г1-11).

Кошеленко Г.А., 2010. Религия и культы // Античное наследие Кубани: В 3 т. / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М.: Наука. Т. II. С. 355–414.

Кругликова И.Т., 1974. Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки / Ред. М.М. Кобылина. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука. С. 43–50. (САИ; Г1-11).

Крушкол Ю.С., 1974. Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии (хутор Рассвет) // Терракотовые статуэтки / Ред. М.М. Кобылина. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука. С. 50. (САИ; Г1-11).

Масленников А.А., 2006. Античное святилище на Меотиде. М.; Тула: Гриф и К. 151 с.

Масленников А.А., 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: Гриф и К. 562 с.

Онайко Н.А., 1984. Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука. 392 с. (Археология СССР).

Пругло В.И., 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира: сб. ст. Ин-та археологии / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Наука. С. 177–182.

Сорокина Н.П., 1974. Терракоты из некрополя Кеп // Терракотовые статуэтки / Ред. М.М. Кобылина. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука. С. 16–19. (САИ; Г1-11).

Силантьева П.Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки / Ред. М.М. Кобылина. Ч. III: Пантикапей. М.: Наука. (САИ; Г1-11). С. 5–37.

Шишлов А.В., 2001. Афродита Мысхакская // 175 лет Керченскому музею древностей: материалы Междунар. конф. (27–29 июля 2001 г.) / Гл. ред. П.И. Иваненко. Керчь: КГИКЗ. С. 134–135.

О. С. Румянцева, В. Н. Войнаровский

СТЕКЛЯННЫЕ ЖЕТОНЫ ИЗ КОМАРОВА: ПРЕДМЕТ РИМСКОГО ИМПОРТА ИЛИ «ИМПОРТ ИДЕИ»?[1]

O. S. Rumyantseva, V. N. Voinarovsky. Glass counters from Komarov: Roman imports or an «imported idea»?

Abstract. In this article finds of gaming glass counters are published, which were found at the Komarov settlement (Chernyakhov culture) on the Middle Dniester. The site is known for its glassworking workshop, the only one excavated beyond the Roman *limes*. Items in question found within the territory of *Barbaricum* were used for table games and are traditionally regarded as Roman imports. Pieces of raw glass of black colour, similar to that of the counters, were found also at the Komarov settlement. We assume thus that the latter were made here. If so, not all the counters from the territory of the Chernyakhov culture were Roman imports. It is possible that we deal not with direct imports of objects of material culture but with borrowing of certain elements form the «Roman way of life» by barbarian tribes. The counters could also have been custom-made by provincial roman craftsmen working at this settlement for game sets imported from the Empire to *Barbaricum* to replace lost items or were specially produced for burial purposes. Several pieces of such counters made in one or several colours but without a board have been found more than once in burials, including those within the territory of the Chernyakhov culture.

Ключевые слова: черняховская культура, стеклоделательное производство, стеклообрабатывающая мастерская, римский импорт.

Остатки стекольной мастерской[2] являются, пожалуй, самым ярким открытием, совершенным на Комаровском поселении в ходе изучения его экспедицией

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-90404-Укр_а) и Национальной академии наук Украины.

[2] В русскоязычной литературе обычно используется термин «стеклоделательная мастерская». Однако считаем принципиальным разделение производственных комплексов позднеантичного – раннесредневекового времени на стекловаренные и стеклообрабатывающие, как это принято в англо- и франкоязычной литературе (*glassmaking workshop* / *atelier primaire* и *glassworking workshop* / *atelier secondaire*). В первых происходило стекловарение, вторые производили готовые изделия из привозных полуфабрикатов. Мастерская в Комарове по ряду признаков может быть отнесена к стеклообрабатывающим (*Румянцева*, в печати).

Таблица 1. Стеклянные игральные жетоны с поселения Комаров

Высота, мм	Диаметр, мм	Год и место находки	Рисунок
6,0	13–14	1969 г., раскоп VII, траншея А-В, штык 1–2	1, *1*
7,0	15	1956 г., раскоп I (III), кв. Ф-28, гл. 0,2 м	1, *2*; 2
6,5	15	–	1, *3*

М.Ю. Смишко в 1950–60-е годы. Данный производственный комплекс подробно рассматривался ранее Ю.Л. Щаповой, которая пришла к выводу об изготовлении здесь посуды в стеклодувной технике. Кроме того, исследовательница предположила, что сопутствующим ему было производство стеклянных бус и пряслиц (*Щапова*, 1978. С. 240). Еще одна категория мелких изделий из стекла, обнаруженных на памятнике, осталась без внимания исследователей и не была введена в научный оборот. Ей и посвящена данная публикация.

Наше внимание привлекли три изделия правильной полусферической формы высотой 6–7 и диаметром 13–15 мм, изготовленные из черного глухого стекла (табл. 1; рис. 1, 2). Они являются, вероятно, игральными жетонами, которые рассматриваются обычно как принадлежность для настольных игр. В Вимозе известна находка таких жетонов в комплекте с остатками деревянной игральной доски. Атрибуцию им дали в XIX в. Й. Эмеле и Ф. Лиш. Находкам жетонов на территории черняховской культуры впервые уделено внимание в работе Э.А. Сымоновича (1964). Недавно обзор таких вещей был сделан М.В. Любичевым в связи с находкой их набора и, возможно, детали от игральной доски в одном из захоронений черняховского могильника Войтенки в Харьковской области (*Любичев*, 2009. С. 72–73; там же см. ссылки на литературу). Особого внимания заслуживает работа О.В. Гопкало, посвященная времени распространения жетонов в ареале черняховской культуры и содержащая каталог с описанием 156 предметов (*Гопкало*, 2012). По данным исследователей, в большом количестве подобные изделия происходят из римских провинций. Они хорошо известны на территории Свободной Германии, где их рассматривают в качестве предмета римского импорта. На территории культуры Черняхов / Сынтана де Муреш они известны повсеместно, однако большая часть находок сосредоточена в восточной части ее ареала (*Любичев*, 2009. С. 73–75; *Гопкало*, 2012. С. 98–100). Время распространения жетонов широко определяется от эпохи позднего Латена до финальных стадий позднеримского времени (*Любичев*, 2009). О.В. Гопкало показала, что об их появлении на территории черняховской культуры можно уверенно говорить, начиная с периода С2 центральноевропейской хронологии (250/260–300/320), так как датировки содержащих их двух погребений, считающихся более ранними, нуждаются в уточнении; наиболее поздние относятся к гуннскому времени (*Гопкало*, 2012. С. 97–98).

Жетоны с поселения Комаров не только пополняют свод находок с территории черняховской культуры: они интересны в связи с материалами, характери-

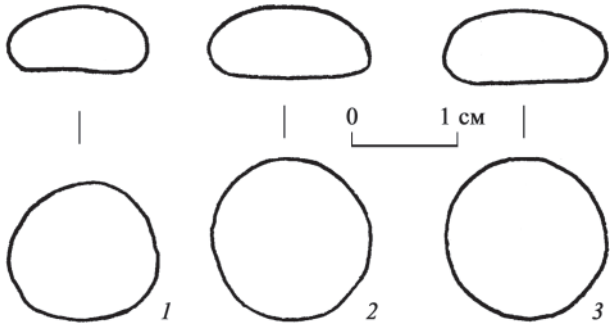


Рис. 1. Игральные жетоны, обнаруженные на поселении Комаров

1 – 1969 г., раскоп VII, траншея А–В, штык 1–2; *2* – 1956 г., раскоп I (III), кв. Ф-28, гл. –0,20 см; *3* – без привязки

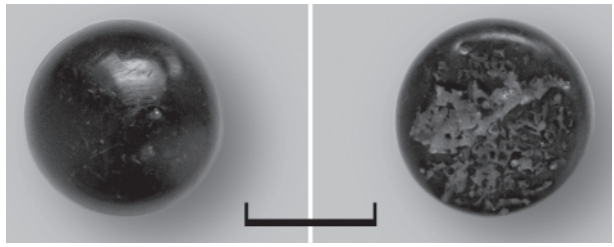


Рис 2. Игральный жетон с поселения Комаров. 1956 г., раскоп I (III), кв. Ф-28, гл. –0,20 см.

зующими стеклообрабатывающий комплекс поселения. Одним из наиболее надежных маркеров данного производства является сырцовое стекло, использовавшееся во вторичных мастерских в качестве полуфабрикатов: так называемые гладилки или куски неправильной формы с острыми гранями. На Комаровском поселении последние встречены в большом количестве и представлены по большей части прозрачным стеклом – бесцветным или светло-зеленым разных оттенков. Среди редких находок непрозрачного цветного стекла выделяются фрагменты дисков черного цвета толщиной 0,4–0,9 мм: они представлены 40 экземплярами общим весом 71,5 г (рис. 3).

Цветное стекло в виде литых заготовок разных форм известно с XV в. до н.э. в Месопотамии и Египте (*Foy*, 2007). Для римского времени более характерны полуфабрикаты в виде бесформенных кусков стекла с острыми углами – результат раскалывания больших стеклянных плит, получавшихся при варке стекла (*Brill*, 1967; *Gorin-Rosen*, 1995; и многие др.). Однако встречаются и литые заготовки. Плоские диски глухого стекла синего, зеленого, бирюзового, красно-коричневого и др. цветов были встречены при раскопках мастерских в Авангше (Avenches, римский Авентикум, Швейцария, середина I в. н. э.), Аугсте/Кайзераугсте (Augst/Kaiseraugst, Аугуста Раурика, Швейцария, конец I – III вв.), Лойдерсдорфе (Leudersdorf, Германия, IV в.) (*Amrein*, 2001. P. 20, 102, 122). Ана-

Рис. 3. Фрагменты полуфабрикатов черного глухого стекла. Поселение Комаров

логии, относящиеся к финалу эпохи античности, происходят также с юго-запада Франции, из Аквитании. В этом регионе были распространены постройки, принадлежавшие аристократии и часто украшавшиеся мозаиками. Диски диаметром 11–22 и толщиной 0,5–2,8 см из глухого и прозрачного стекла разных цветов, по мнению Д. Фуа, могли служить сырьем мозаичистам и ювелирам (*Foy*, 2007).

Наиболее вероятное назначение полуфабрикатов черного стекла из Комарова – сырье для мелких изделий. В производстве и декорировании посуды материал черного цвета, очевидно, не использовался – сосудов с элементами черного глухого стекла нет не только на данном памятнике, но и в целом они не характеры для изучаемого периода. На поселении встречены две категории предметов черного стекла – бусы и описанные выше жетоны. Бусы представлены тремя разнотипными экземплярами: эллипсоидной со следами накладного зигзагообразного орнамента (не сохранившегося); округлыми усеченными дважды –

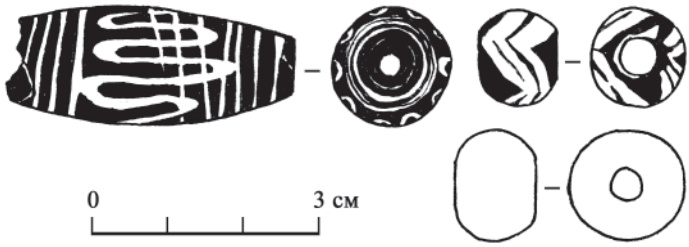


Рис. 4. Бусы черного глухого стекла с поселения Комаров

одной с накладным декором, выполненным нитями красного стекла, и одной монохромной (рис. 4). Подтвердить или опровергнуть утверждение об их местном производстве, исходя из доступных данных, невозможно – следов массового изготовления украшений на памятнике не зафиксировано. Жетоны, таким образом, представляются наиболее вероятной продукцией местного производства, для которой могли использоваться диски черного стекла.

Если высказанное предположение верно, то не все жетоны, обнаруженные в ареале черняховской культуры, являлись, как считается, предметом римского импорта. Часть из них могла производиться на Комаровском поселении, где работали, вероятно, провинциально-римские мастера (*Щапова*, 1978. С. 242). В этом случае речь может идти о заимствовании носителями черняховской культуры некоторых элементов «римского образа жизни» (а именно – определенных видов азартных игр), а не прямом импорте предметов материальной культуры: определенные виды настольных игр, распространенных в Империи, были, вероятно, достаточно хорошо известны в варварской среде. Производство это вряд ли было здесь массовым – обломков полуфабрикатов и других свидетельств обработки цветного стекла, в отличие от кусков прозрачного посудного, на памятнике мало. Куски невыработанной стекломассы представлены лишь одним маленьким фрагментом зеленого глухого (массой 3 г) и 31 фрагментом темно-синего прозрачного (массой 17,5 г) стекла. Последние шли, вероятно, на декор сосудов – накладные нити и кольцевые поддоны синего стекла встречаются среди обломков посуды, встреченных на памятнике. Возможно, жетоны изготавливались на заказ к игровым наборам, попадавшим на территорию Барбарикума из Империи, чтобы заменить потерявшиеся в ходе использования детали. Не исключено также, что они были сделаны специально для погребения – находки нескольких экземпляров жетонов одного или нескольких цветов без доски неоднократно встречены в захоронениях, в том числе и в ареале черняховской культуры (*Любичев*, 2009).

ЛИТЕРАТУРА

Гопкало О.В., 2012. Про дату скляних жетонів у черняхівському ареалі // Археологія. № 2. С. 96–102.

Любичев М.В., 2009. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Евро-

пы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов: сб. науч. тр. к 10-летию Германо-славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина / Отв. ред. К. Мызгин. Харьков: Тимченко А.Н. С. 72–90.

Румянцева О.С., в печати. Стекольная мастерская в Комарове: основные свидетельства и характер производства.

Сымонович Э.А., 1964. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА. № 3. С. 307–312.

Щапова Ю.Л., 1978. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III–IV вв) // СА. № 3. С. 230–242.

Amrein H. L' atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. // Cahiers d'archéologie romande. 87. Aventicum XI. Lausanne, 2001. 174 c.

Brill R.H., 1967. A great glass slab from ancient Galilee // Archaeology. 20. 2. P. 89–95.

Gorin-Rosen J., 1995. Hadera, Bet Eli'ezer // Excavations and Surveys in Izrael. 13. P. 42–43.

Foy D., 2007. Produits semi-finis colorés pour mosaïstes, orfèvres et verriers. Antiquité tardive et Moyen Age. Premiers résultats d'une enquête en cours // Bulletin de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre. 2007 (XXIe rencontres de l'AFAV, Saint-Germain en Laye et Saint-Denis, 2006). Trappes. P. 43–52.

Э. В. Ртвеладзе, Н. Д. Двуреченская, А. Н. Горин, К. А. Шейко

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА

E. V. Rtveladze, N. D. Dvurechenskaya, A. N. Gorin, K. A. Sheiko.
Coin findings from the fortress Uzundara

Abstract. In the paper three coins from the Hellenistic fortress Uzundara located on the northern border of Bactria are published. The coins are surface finds collected during the excavation season of 2013. They belong to the Greek-Bactrian king Euthydemus I. All coins are of the same face value (dichalcos) and iconographic type, bearing the images of Heracles' head / horse galloping to the right, but belong to different issues. Two coins with skew edges are of earlier date, while the third one with straight edge dates later. This clearly points to two different emissions – before and after the coinage reform carried out by Euthydemus I. New materials from the Uzundara fortress confirm the assumption, that under the rule of Euthydemus I a new system of fortified settlements was built on the northern borders of Bactria, or at least the existing one reconstructed.

Ключевые слова: эллинизм, Бактрия, крепость Узундара, греко-бактрийское царство, дихалки Евтидема I.

Осенью 2013 г. Тохаристанская археологическая экспедиция Института искусствознания АН РУз (начальник – Э.В. Ртвеладзе) и Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН (начальник – Н.Д. Двуреченская) проводили исследования крепости Узундара.

Памятник, впервые исследованный Э.В. Ртвеладзе в 1991 г. (2001. С. 9–10; 2002. С. 103–104), расположен на краю одноименного обрывистого ущелья в 7–8 км к северу от кишлака Сайроб, в Байсунском районе Сурхандарьинской области республики Узбекистан (цв. илл. IV).

В ходе проведения планшетного сбора подъемного материала на крепости были найдены три медные монеты чекана греко-бактрийского царя Евтидема I (ок. 230–200 гг. до н. э.). Все монеты одного номинала – *дихалки*, и одного иконографического типа: *голова Геракла / скачущий конь вправо, сверху и снизу от изображения двухстрочная легенда:* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ (табл. 1). Различаются они лишь толщиной монетного кружка, формой гурта и наличием мелкоточечного ободка. Два экземпляра толщиной 3–5 мм имеют скошенный гурт (цв. илл. V, *1, 2*; табл. 1, *1, 2*). Третья монета гораздо тоньше (2 мм) и имеет гурт обычной прямой формы (цв. илл. V, *3*; табл. 1, *3*). Скошенной формы гурт у медных монет – характерная черта продукции монетного двора Бактрии при

Таблица 1. Монеты Евтидема I из крепости Узундара

№	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси (ч.)	Публикации
1	7,52	21,0 × 20,5	VI	*Gardner*, 1886. P. 5, no. 15–17, pl. II, *7*; *Mitchiner*, 1975. P. 52, type 87; *Bopearachchi*, 1991. P. 160–161, série 17, pl. 3–4, *18–30*; *Kritt*, 2001. P. 149, AK–1
2	6,42	21,2 × 20,9	VI	*Gardner*, 1886. P. 5, no. 15–17, pl. II, *7*; *Mitchiner*, 1975. P. 52, type 87; *Bopearachchi*, 1991. P. 160–161, série 17, pl. 3–4, *18–30*; *Kritt*, 2001. P. 149, AK–1
3	7,20	23,7 × 24,0	VI	*Gardner*, 1886 P. 5, no. 18, pl. II, *8*, III, *7*; *Mitchiner*, 1975. P. 55, type 97; *Bopearachchi*, 1991. P. 162–163, série 22, pl. 4, *32–34*; *Kritt*, 2001. P. 150–151, B3–A

Селевкидах и Диодоте. Евтидем был последним правителем, кто чеканил медные монеты со скошенным гуртом; во второй половине его царствования и при всех последующих правителях, медные монеты чеканятся только с прямым гуртом. В условиях высокогорья металл найденных монет практически не коррозировал. Две монеты ранних выпусков несут на себе следы явной потертости, то есть длительного обращения. Третья монета, напротив, демонстрирует идеальную сохранность, возможно из-за того, что была демонетизирована (т. е. изъята из обращения), о чем свидетельствует просверленное в ней круглое отверстие.

По мнению исследователей в начале своего правления Евтидем следовал практике чеканки медных монет своих непосредственных предшественников. В это время чеканились *дихалки*, *халки и гемихалки* с соотношением осей – VI ч.[1] и скошенным гуртом. Во время восточного похода Антиоха III (ок. 223–187 гг. до н. э.) и его войны с Евтидемом, около 208–206 г. до н. э., происходит реорганизация монетного производства. В этот период чеканятся *халки* с ориентацией осей XII ч. и прямым гуртом(см. напр.: *Mitchiner*, 1975. P. 45–46; *Bernard*, 1985. P. 18, 60; *Bopearachchi*, 1991. P. 47–49; *Kritt*, 2001. P. 50, 100; *Widemann*, 2009. P. 58–59). На некоторых из них появляется изображение якоря – государственного символа Селевкидов (*Bopearachchi*, 1991. P. 162–163, série 22, pl. 4, *34*). Это свидетельствует о проявлении лояльности Евтидема к царю Антиоху III и соответсвует дате начала выпуска медных монет нового образца. Кроме того, присутствие Антиоха III в Бактрии подтверждают надчеканенные халки Антиоха I и Антиоха II: на них нанесен надечкан в виде якоря (*Kritt*, 2001. P. 152, № 1–2). Отдельного внимания заслуживают халки, на которых в легенде присутствует имя Антиоха, по мнению Б. Крита, – Антиоха III (Ibid. P. 152, № 3–4).

В целом специалисты придерживаются этой концепции относительно проведения монетной реформы Евтидема I. Мнения расходятся лишь в некоторых деталях реконструкции. Автор двух недавних монографий о селевкидском и греко-бактрийском чекане в Бактрии Б. Критт возводит учреждение монетных дворов в Бактрии ко времени основателя династии – Селевка I (312–281 гг.

[1] Римской цифрой обозначают соотношение осей изображений на лицевой и оборотной сторонах монеты, при этом изображение на лицевой стороне всегда соответствует XII ч.

до н. э.). Около 290–280 гг. до н. э. в Бактрии были организованы два монетных двора: Бактры и Ай-Ханум. Отличительной особенностью продукции последнего стало наличие монограммы (*Kritt*, 1996; 2001. P. 167–184). Х. Хаутон и К. Лорбер не только поддерживают концепцию Б. Критта, но и выдвигают ряд собственных положений. На материалах монетных эмиссий времени Селевка I, Антиоха I и Антиоха II они выделяют продукцию девяти периодически работающих монетных дворов, расположенных в Бактрии (*Houghton, Lorber*, 2002. Vol. II. P. 185–187). При этом главным признаком авторской атрибуции служат стилистические изменения изображений, которые авторы считают определяющими для отнесения монет к различным сериям чекана и соответственно к продукции разных монетных дворов. При таком подходе получается, что на предполагаемых монетных дворах в ряде случаев выпускались всего одна-три эмиссии. Без сомнений, организация новых монетных дворов для чекана таких масштабов совершенно невероятна. По поводу подобной «гипертрофии чисто нумизматического подхода» Г.А. Кошеленко справедливо отмечал: «не подлежит сомнению, что столь значительное число монетных дворов, функционирующих в одно и то же время, никак не может отвечать исторической реальности того времени … попытка решить проблему с сериями, локализация которых авторам кажется невозможной, путем умножения числа монетных дворов – далеко не самый лучший метод» (*Кошеленко*, 2005. С. 201–202)[2]. Основным аргументом Б. Критта для отождествления монетного двора Ай-Ханум служит наличие общего, по его мнению, знака на монетах (как монограмма) и на кирпичах (клейма) происходящих из Ай-Ханум. Однако в среднеазиатском общественном строительстве весьма распространенной практикой было использование рабочих бригад не только из того города, где осуществлялась стройка, но также из прилегающей к нему округи. Для учета продукции бригады применяли клеймение кирпичей знаками – символами их города, реже на кирпичах писали название города, откуда прибыла бригада (*Марков, Наймарк*, 2012. С. 11–12). В связи с этим более правдоподобным выглядит предположение, что данный знак – символ вовсе не Ай-Ханум, а столицы сатрапии – Бактр. Остается добавить, что однозначного ответа на вопрос, какую функцию выполняли монограммы на селевкидских и греко-бактрийских монетах, еще нет. Это могли быть аббревиатуры монетных дворов, магистратов ответственных за выпуск монет или знаки, функциональное назначение которых пока неизвестно (*Curiel, Fussman*, 1965. P. 69; *Зеймаль*, 1967. С. 164–165).

При Евтидеме I, согласно Б. Критту, в Бактрии продолжали работать только два монетных двора – Бактры и Ай-Ханум. Выпуск медных монет со скошенным гуртом осуществлялся на монетном дворе Ай-Ханум на протяжении 225–208/6 гг. до н. э. В то время как в Бактрах в период около 215–208/6 гг. до н. э. чеканились *халки* с прямым гуртом и монограммами , , , или без таковых (*Kritt*, 2001. P. 149–150, 159–162). По М. Митчинеру, медные монеты первого типа выпускались около 230–205 гг. до н. э. на монетном дворе Бактр. Медные монеты

[2] Удивляет и ряд других утверждений авторов. Например, тот факт, что при Антиохе I (281–261 гг. до н. э.) в Бактрии и Маргиане существовало девять монетных дворов, но при этом в Бактрах монет не чеканилось вовсе (*Houghton, Lorber*, 2002. Vol. II. P. 150–162).

второго типа выпускались на четырех монетных дворах Бактрии: без монограмм – Бактры, с монограммой – Панджшер, с монограммами и – на неизвестных монетных дворах (*Mitchiner*, 1975. P. 45). Напротив, Ф. Хольт выделяет продукцию только двух монетных дворов, на одном из них как серебреные, так и медные монеты, обозначали монограммой , на втором – (*Holt*, 1981. P. 37–38). Аргументов в пользу мнения любого из авторов явно недостаточно. Выделение четырех выпускавших медные монеты дворов на основании наличия разных монограмм – явная натяжка. К тому же, сомнительным выглядит факт существования в Бактрии сразу четырех монетных дворов. Значительное количество греко-бактрийских монет происходит из раскопок городища Ай-Ханум, что не удивительно, поскольку это единственный в своем роде греческий город, где велись систематические раскопки. Однако атрибуция здесь нового монетного двора все еще остается гипотетичной в силу слабой в археологическом отношении изученности других памятников, в том числе столицы Бактр и всего царства Бактрии.

Из всех греко-бактрийских монет медные монеты Евтидема I наиболее широко представлены среди находок в Северной Бактрии (табл. 2). На сегодняшний момент на юге Узбекистана и Таджикистана известно 12 пунктов находок 46 монет. В подавляющем большинстве это монеты первого, раннего типа, то есть со скошенным гуртом. Медные монеты этого типа присутствуют в составе двух смешанных кладов. В одном, найденном на городище Халкаджар (Хуросонский р-он, Хатлонская обл., Таджикистан), они представлены восемью монетами (*Довуди*, 2009. С. 34–35, клад № 18, табл. 6), а во втором – одним экземпляром (Там же. С. 27–28, клад № 10. Найден близ Уялы). В ходе археологических работ монеты найдены на городищах Дальверзинтепа, Тахти-Сангин, Старый Термез, Джандавляттепа, Зартепа, Тепаи-Шах и Кампыртепа. Большая часть находок происходит из вне синхронного им по времени археологического контекста. Только пять *халков* с Кампыртепа, два из Старого Термеза и 10 с Тахти-Сангина найдены в слоях греко-бактрийского времени. По этой причине судить о масштабах реального рыночного обращения этих монет можно только лишь на основе косвенных данных, к числу которых относится вышеуказанный факт их наиболее массового распространения относительно всей остальной греко-бактрийской меди в Северной Бактрии.

К югу от Амударьи халки Евтидема наиболее массово представлены находками из Ай-Ханум, откуда происходит 57 монет (*Bernard*, 1985. P. 58–60). На других памятниках эти выпуски представлены единичными экземплярами. По одной монете найдено в Кухна Масжид и Балхе (*Fussman, Guillaume*, 1990. P. 88, 91. Pl. 4, KM 1, B 1). Одна монета найдена на Дильберджине (*Вайнберг, Кругликова*, 1984. С. 127, № 135), две – на городище Сиркап. Еще две монеты хранились в Гератском музее (*MacDowall, Ibrahim*, 1979. P. 48, № 7, pl. 1, 7).

На основании находок *халков* Евтидема I можно предложить следующую, разумеется гипотетическую, реконструкцию событий истории крепости Узундара. Исследователями уже неоднократно высказывалось предположение о том, что власть греков над территорией Согда закончилась в правление Евтидема I (*Зеймаль*, 1998. С. 365; *Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 44; *Абдуллаев*, 1997.

Таблица 2. Находки монет Евтидема I в Северной Бактрии

Район	Памятник, местонахождение	Количество монет
Южный Узбекистан		
Приамударьинская зона	Старый Термез	8[1]
	Кампыртепа	10[2]
	Шортепа	1[3]
Итого		19
Долина Шерабаддарьи	Джандавляттепа	2[4]
	Хаитабад	1[5]
	Зартепа	1 (3?)[6]
Итого		5
Южный Таджикистан		
Долина Кафирнигана	Шахринау	2[7]
	Тамошотепа	1[8]
	Тепаи-Шах	1[9]
	Гиссарский канал	1[10]
Итого		5
Долина Вахша	Тахти-Сангин	15[11]
Итого		15
Всего		46

Примечание

[1] *Ртвеладзе, Пидаев*, 1981. С. 45, № 2–5; *Пидаев*, 1991. С. 223; *Pidaev*, 2003. P. 14, fig. 9 (ранний выпуск); *Абдуллаев*, 2006. С. 107–108, № 6–7. Фото из архива Ш.Р. Пидаева, которому авторы выражают свою искреннюю признательность.

[2] Помимо восьми опубликованных монет (*Ртвеладзе, Горин*, 2011. С. 188–189, 200–201, № 7–14), в 2013 г. на Кампыртепа были найдены еще две монеты Евтидема (все монеты ранних выпусков).

[3] *Ртвеладзе, Пидаев*, 1981. С. 45, № 6.

[4] *Huff, Pidaev, Chaydoullaev*, 2001. P. 220 (ранний выпуск); *Abdullaev*, 2011. P. 172–173, no. 1, fig. 3.5, *1–2* (ранний выпуск).

[5] *Абдуллаев*, 2006. С. 108, № 8 (ранний выпуск).

[6] *Смирнова*, 2005. С. 146, № 32 (?), 35 (?) 36 (ранние выпуски).

[7] *Зеймаль*, 1983. С. 52, № 50 (поздний выпуск), 51 (ранний выпуск).

[8] Там же. С. 52, № 48.

[9] Там же. С. 52, № 49.

[10] Там же. С. 52, № 52.

[11] Zeymal, 1997. № 129, 327, 330–335, 341, 346–348, 354, 368, 357.

С. 57–58)[3]. Так например, А.И. Наймарк, основываясь на нумизматических данных, отмечал, что судя по статистике находок селевкидских монет в Согде, на каждые две серебряные монеты III в. до н. э. приходилось три медные. В то же время греко-бактрийских медных монет II в. до н. э. в Согде не найдено вовсе, из чего следует, что в конце III – начале II в. до н. э., при Евтидеме, Согдиана выходит из под власти греков (*Наймарк*, 2005а. С. 135–137; *Наймарк, Яковлев*, 2011. С. 31–33, 37–41). Подтверждают этот вывод и недавние монетные находки на Афрасиабе, где в 2004–2012 гг. было найдено 29 доселевкидских и селевкидских преимущественно медных и только две греко-бактрийские монеты, относящиеся к чекану основателя государства – Диодота (*Atakhodjaev*, 2013. P. 232–233, № 38–40; *Атаходжаев*, 2013. С. 261–262, № 39–41). Утрата греками при Евтидеме контроля над Согдом могла произойти вследствие кочевой инвазии. Во время восточного похода селевкида Антиоха III (ок. 212–204 гг. до н. э.), направленного на подчинение отпавших сатрапий, ему пришлось на протяжении двух лет (ок. 208–206 гг. до н. э.) осаждать г. Бактры. Одной из причин снятия осады и заключения мира стала широко известная «угроза Евтидема». В диалоге с вельможей Антиоха III Евтидем упомянул о присутствии на границах государства кочевников и угрозе их возможного вторжения (Polyb. XI. 34). Характерно также, что одной из самых распространенных групп подражаний монетам греческих царей в Согде стал чекан подражаний тетрадрахмам Евтидема. Появление подражаний исследователи связывают именно с этими событиями. Евтидем I, по-видимому, был вынужден откупаться от номадов значительными по размерам выплатами (*Наймарк*, 2005б. С. 36–37; 2008. С. 69; *Смирнова*, 2008. С. 79). Однако, помимо этого, он провел и ряд чисто военных мероприятий, направленных на укрепление границы своих владений. Северная граница Греко-Бактрии при Евтидеме проходила по отрогам Западного Гиссара – Байсунтау и Кугитангу (отделяющие в настоящее время Сурхандарью от Кашкадарьи и территории Туркменистана). Исследованиями отряда УзИСКЭ под руководством Э.В. Ртвеладзе были обнаружены остатки стены кушанского времени, построенной для охраны наиболее уязвимого участка границы, в районе так называемых Железных ворот (близ кишлака Дарбанд) (*Ртвеладзе*, 1986). Стена перекрывает проход между двумя горными массивами – Сусизтаг и Сарымас. Несколько позднее было высказано предположение о наличии здесь стены с греко-бактрийского времени (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 44). В 1990 г. исследованиями ИА АН РУз Ш. Рахманова, а в дальнейшем и МАФОУЗ, был осуществлен разрез стены, показавший, что она была сложена из камня (*Абдуллаев*, 1997. С. 58; *Рахманов, Рапен*, 2004. С. 151; *Рапен и др.*, 2006. С. 92; *Rapin*, 2013. P. 65). Ранее предполагалось, что при Евтидеме I на прилегающей территории была возведена или подверглась перестройке целая система укреплений, таких как Курганзол, Узундара, Капчигай, перекрывавших сеть местами труднодоступных горных дорог (*Ртвеладзе*, 2009. С. 160–161).

Ущелье Узундара, распложенное к югу от Бактрийской пограничной стены, представляет собой узкий, извилистый и длинный проход, позволяющий обойти

[3] При этом Е.В. Зеймаль полагал, что граница между Бактрией и Согдианой проходила по Амударье.

укрепленный стеной участок. Для предотвращения этого на единственном покатом восточном склоне горного кряжа Сусизтаг была вновь возведена или реконструирована система фортификационных сооружений. О том, что эти события произошли именно в правление Евтидема, свидетельствуют рассмотренные выше монеты, а также архитектурные приемы возведения фортификационных конструкций, схожих со стеной у кишлака Дарбанд, комплекс керамики греко-бактрийского времени и целый ряд индивидуальных находок, включающий наконечники железных стрел, пластины от доспеха, железные перстни и т. д.

Все монеты найдены на месте каменного развала северной стены крепости. С определенной долей осторожности можно предположить, что они, по всей видимости, были утеряны рядом со стеной либо попали в кладку в ходе ее возведения. Практика закладных монет в фундаменты или кладки стен при возведении новых построек засвидетельствована с античности и вплоть до наших дней (*Потин*, 1992. С. 81, 200). Как уже упоминалось, одна из монет, найденных на Узундаре (№ 3), относиться к поздним эмиссиям медного чекана Евтидема, выпуск которых приходится на время похода Антиоха III или непосредственно после него. Материалов более позднего времени пока не обнаружено, поэтому можно предположить, что на этот период времени пришелся последний этап функционирования крепости.

Что касается времени возведения крепости Узундара, то по предварительным данным можно отметить наличие в массовом керамическом материале целого ряда форм, относящихся, вероятно, к переходному от позднеахеменидского к раннеэллинистическому комплексу (последней трети IV в. до н. э. – первой половины III в. н. э.). Однако на данный момент более обоснованной является датировка греко-бактрийским временем, в частности периодом правления Евтидема I, когда, возможно, шло строительство, или реконструкция, и укрепление крепости на базе ранее возведенных фортификационных сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев К., 1997. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. № 4. С. 54–60.

Абдуллаев К., 2006. Находки эллинистических монет к северу от Амударьи – Окса // РА. № 3. С. 106–115.

Атаходжаев А.Х., 2013. Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н. э. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах / Гл. ред. М.Д. Бухарин. Т. 3: К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе. М.: Собрание. С. 243–279.

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1984. Монетные находки из раскопок Дильберджина (II) // Древняя Бактрия: Материалы советско-афганской археологической экспедиции / Отв. ред. И.Е. Кругликова. М.: Наука. Вып. 3. С. 125–140.

Дальварзинтепа шаҳристони (қадмшунослик тадқиқотлари якунлари). Токио: Сока университет, 1996. 247 с.

Довуди Д., 2009. Монетные клады Таджикистана (находки 1980–2008 гг.). Душанбе: Дониш. 409 с.

Зеймаль Е.В., 1967. Кундузский клад греко-бактрийских монет // ВДИ. № 1. С. 160–165.

Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш. 344 с.

Зеймаль Е.В., 1998. Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н. э.). Политическая история. Социальные отношения // История Таджикского народа. Том I: Древнейшая и древняя история / Ред. Б.А. Литвинский. Душанбе. С. 338–376.

Кошеленко Г.А., 2005. Рец. на: Houghton A., Lorber C, 2002. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. With Methodical Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vols I–II. Lancaster; London: Classical numismatic Group, Inc. 487–488 pp. // ВДИ. № 4. С. 200–203.

Марков Д., Наймарк А., 2012. Интересная бактрийская тетрадрахма Антиоха I // Нумизматические чтения 2011 года: Памяти Алексея Владимировича Фомина (Москва, 21–22 ноября 2011 г.): тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: ГИМ. С. 9–12.

Наймарк А.И., 2005а. Находки греческих монет в Согдиане // НЭ. Вып. XVII. С. 116–138.

Наймарк А.И., 2005б. О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // Тринадцатая всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.): тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А.А. Молчанов. М.: Альфа-Принт: Тип. ООО «Информполиграф». С. 36–37.

Наймарк А.И., 2008. О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. № 1. С. 55–70.

Наймарк А.И., Яковлев А., 2011. Две медные эллинистические монеты из Варахшинского массива земель древнего орошения // НЦА. Вып. X. С. 6–8.

Пидаев Ш.Р., 1991. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. № 1. С. 210–224.

Потин В.М., 1992. Монеты. Клады. Коллекции: очерки нумизматики. СПб.: Искусство–СПБ. 303 с.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и ранее средневековье). Ташкент: Фан. 220 с.

Рапен К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш., 2006. Исследование в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. Вып. 35. С. 91–101.

Рахманов Ш., Рапен К., 2004. Стратегический пограничный узел железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей // TRANSOXIANA. История и культура / Сост. Г.Н. Никитенко; отв. ред. А.Х. Саидов. Ташкент; М.: Изд-во Р. Элинина. С. 150–153.

Ртвеладзе Э.В., 1986. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. № 12. С. 34–39.

Ртвеладзе Э.В., 2001. К вопросу о петрах // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи: сб. науч. ст. / Под ред. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаева. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси. С. 7–11.

Ртвеладзе Э.В., 2002. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент: Media Land. 183 с.

Ртвеладзе Э.В., 2009. Греко-Бактрийское царство // / История государственности Узбекистана / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Т. 1: Вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III век нашей эры. Ташкент: Узбекистан. С. 155–169.

Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011. Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. № 4. С. 180–210.

Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан. 119 с.

Смирнова Н.М., 2005. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // НЭ. Вып. XVII. С. 139–180.

Смирнова Н.М., 2008. О ранних подражаниях тетрадрахмам Евтидема I (230–200 гг. до н. э.) // ВДИ. № 1. С. 71–79.

Abdullaev K., 2011. Numismatic finds (2002–2006) // Jandavlattepa. The Excavation Report for Seasons 2002–2006. Vol. 1: Results of excavations conducted by Charles University in Prague and Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan in Samarqand / K. Abdullaev & L. Stančo (eds). Prague. P. 172–183.

Atakhodjaev A., 2013. Donneés numismatiques pour l'histoire politiques de la Sogdiane (IVè – IIè siècles avant notre ère) // RN. Vol. 170. P. 213–246.

Bernard P., 1985. Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne // MDAFA. T. XXVIII. Paris: De Boccard. 191 p.

Bopearachchi O., 1991. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale. 529 p.

Bopearachchi O., Ur Rahman A., 1995. Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi: IRM Associates (Pvt) ltd. 237 p.

Curiel R., Fussman G., 1965. Le trésor monétaire de Qunduz // MDAFA. T. XX. Paris: Librairie C. Klincksieck. 148 p.

Fussman G., Guillaume O., 1990. Surkh Kotal en Bactriane II. Les monnaies – Les petits objects // MDAFA. T. XXXII. Paris: De Boccard. 160 p.

Holt F., 1981. The Euthydemid Coinage of Bactria: Further Hoard Evidence from Aï Khanoum // RN. 6e série. T. 23. P. 7–44.

Houghton A., Lorber C., 2002. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / With Methodical Tables by B. Kritt. Part I: Seleucus I through Antiochus III. Lancaster; London: Classical numismatic Group. Vol. I. 488 p.

Houghton A., Lorber C., 2002. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / With Methodical Tables by B. Kritt. Part I: Seleucus I through Antiochus III. Lancaster; London: Classical numismatic Group. Vol. II. 300 p.

Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev Ch., 2001. Uzbek-German archeological researches in the Surkhan Darya region // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale: Termez et les villes de Bactriane–Tokharestan: Actes du colloque de Termez 1997 / Sous la direct: de P. Leriche, Ch. Pidaev, M. Gelin, K. Abdullaev. Paris: Maisonneuve & Larose. P. 219–233. (La Bibliothèque d'Asie Centrale. 1).

Gardner P., 1886. Greek and Scythic kings of Bactria and India: Catalogue of Indian coins in the British museum. London: Printed by order of the Trustees. 224 p.

Kritt B., 1996. Seleucid Coins of Bactria. Lancaster: Classical numismatic Group. 70 p. (CNS. № 1).

Kritt B., 2001. Dynastic Transitions in the Coinage of Bactria. Antiochus–Diodotus–Euthydemus. Lancaster: Classical numismatic Group. 191 p. (CNS; № 4).

MacDowall D. W., Ibrahim M., 1979. Pre-Islamic Coins in Herat Museum // Afghan Studies. Vol. 2: In honour of sir Harold Bailey president of the Society for Afghan Studies 1972–1979. London: Society for Afghan Studies. P. 45–53.

Mitchiner M., 1975. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. 1: The Early Indo-Greeks and their antecedants: Alexander the Great, the satraps of Egypt, Babylon, Ecbatana, Bactra and Kapisa: the Seleucids: circa 330 to 150 BC. London: Hawkins Publications. 131 p.

Pidaev Sh.R., 2003. Termez during the Greco-Bactrian Period – In the light of new archaeological excavations // SRAA. Vol. 9. P. 1–14.

Rapin C., 2013. On the way to Roxane. The route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC) // Zwischen Ost und West – neue Forschungen zum antiken Zentralasien: Wissenschaftliches colloquium 30.9 – 2.10.2009 in Mannheim. / Hrsg. G. Lindström, S. Hansen, A. Wieszorek, M. Tellenbach. Darmstadt. P. 43–82. (AIT; 14).

Widemann F., 2009. Les successeurs d'Alexandre en Asie Centrale et leur heritage culturel: Essai. Paris: Riveneuve éditions. 528 p.

Zeymal E.V., 1997. Coins from the excavations of Takht–i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road Coins Art and Culture: Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday / K. Tanabe, J. Cribb, H. Wang (eds). Kamakura. P. 89–110.

Т. Е. Солдатова

РОГОВАЯ ИНДУСТРИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ[1]

T. E. Soldatova. Antler industry of the Upper Palaeolithic site Sungir

Abstract. The subject of the present paper is investigation of antler objects from the collection of the open-air site Sungir (Upper Palaeolithic). The materials of the site have been studied for many years, yet the vast range of antler objects has never been considered in entirety. As a part of this work a general analysis of antler finds from Sungir was carried out, including technical and typological characteristics (two dropped antlers from burials not included), spatial and stratigraphic analysis. In general, it is possible to state that antlers were used during the time of human habitation on the archaeological site. Still, the whole cycle of working antlers (including their bringing to the site and cutting) was not performed directly in the investigated territory of the site.

Ключевые слова: ранняя пора верхнего палеолита, стоянка Сунгирь, роговая индустрия, технико-типологический анализ, планиграфия.

Стоянка Сунгирь расположена у восточной окраины г. Владимира, в начале пологого склона на левом берегу р. Клязьмы и на правом берегу впадающего в нее ручья Сунгирь, на расстоянии около 750 м к западу от реки и в 600 м к юго-западу от ручья (*Бадер*, 1978). Основной массив радиоуглеродных дат памятника располагается в промежутке от 28 800±240 (ГИН-9028) до 25 500±200 (Gro-5425). Недавно были опубликованы новые AMS даты, полученные на основе гидроксипролина, они показали возраст около 30 тыс. лет назад (*Сулержицкий, Петит, Бадер*, 2000; *Kuzmin, Plicht, Sulerzhitsky*, 2014; *Marom et al.*, 2012). Большинство исследователей относят стоянку к костенковско-стрелецкой культуре, а ряд ученых отмечают в ее материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (*Бадер*, 1978; *Гаврилов*, 2004; *Grigoriev*, 1990; *White*, 1993).

На памятнике с 1957 по 2004 гг. раскопками вскрыта площадь свыше 4600 м^2. Анализ фауны стоянки показал, что одним из главных объектов охоты являлся северный олень (*Rangifer tarandus L.*) (*Алексеева*, 1998).

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-31-01259.

Материалы стоянки Сунгирь изучались многие годы, однако комплекс изделий из рога в полном объеме никогда не рассматривался. Лишь в некоторых работах автора раскопок – О.Н. Бадера – представлена общая, но далеко неполная характеристика находок из твердых видов органического сырья, а отдельные категории изделий частично рассмотрены в немногочисленных публикациях (см.: *Бадер*, 1978; *Житенёв*, 2007; *Хлопачёв*, 2006; *White*, 1993). В рамках настоящей работы был проведен общий анализ 28 роговых находок из коллекции памятника[2], включающий технико-типологическую характеристику (за исключением двух сброшенных рогов из погребений), планиграфический и стратиграфический анализ.

Методика работ[3]. Рога северного оленя – костное образование, являющееся продолжением апофизов лобных костей черепа (*Хлопачёв, Гиря*, 2010). Их внутреннее строение сходно со строением кости, однако надкостница отсутствует.

Вес рогов, развитие отростков и короны различны в зависимости от возраста животного. У взрослого северного оленя рога состоят из основания (розетки), главного стержня (ствола или штанги), идущего вверх и назад, а затем вверх и вперед, и отростков. Нижний отросток – надглазничный, располагается не ниже перегиба ствола вперед (на «локте»). Второй отросток – ледяной, иногда может отсутствовать. Третий отросток – задний, расположен на дорсальной стороне рога и также не всегда развит. Последующие, венечные, отростки образуют сложную разветвленную корону (или лопату) рога. У северных оленей количество отростков не ограничивается описанными, они дополнительно могут находиться в любом месте рогов. Кроме того, надглазничный и ледяной отростки иногда образуют вертикально поставленную корону. Ствол и отростки уплощены, короны – плоские. Рог северного оленя имеет гладкую поверхность, а также мелкие, слабо выраженные ороговевшие каналы (*Гептнер, Насимович, Банников*, 1961. С. 153–154).

Рог северного оленя в свежем состоянии легко обрабатывается кремневыми орудиями благодаря своей мягкости. Высохнув, он становится твердым и прочным, его достаточно тяжело колоть. Подобная «сопротивляемость на раскол» учитывалась в древности при создании долот и рукояток (*Герасимов*, 1941. С. 70). С другой стороны, рог обладает высокой эластичностью, что позволяло использовать его при изготовлении посредников (*Семёнов*, 1957. С. 184).

Г.А. Хлопачёв и Е.Ю. Гиря, исследовавшие поделочные свойства рога северного оленя и бивня мамонта, сделали вывод, что механические качества названных видов сырья различаются в зависимости от температурно-влажных характе-

[2] Автор выражает признательность заместителю директора по научной работе Владимиро-Суздальского музея-заповедника кандидату исторических наук М.Е. Родиной и хранителю сунгирской коллекции А.Н. Пальцевой за неоценимую помощь в работе.

[3] При анализе изделий привлекался опыт отечественных и зарубежных исследователей (напр.: *Амирханов, Ахметгалеева, Лев*, 2009; *Бадер*, 1978; *Гвоздовер*, 1953; *Герасимов*, 1941; *Житенёв*, 2011; *Семёнов*, 1957; *Хлопачёв*, 2006; *Хлопачёв, Гиря*, 2010; *Averbouh, Bégouën, Clottes*, 1999; *Gvozdover*, 1995; *White*, 1993; и др.).

ристик, а именно: «1) естественно-влажный («свежий») и замороженный (ниже –25ºС) бивень или рог – относительно твердый и хрупкий материал; 2) естественно-влажный бивень или рог при положительных температурах – относительно мягкий и пластичный материал; 3) «сухой» бивень или рог – относительно твердый и вязкий материал» (*Хлопачёв, Гиря*, 2010. С. 19).

Тафономическая характеристика. По личным наблюдениям автора настоящей работы можно сказать, что сохранность роговых находок со стоянки Сунгирь неоднородна, большинство из них имеют повреждения различного характера (следы атмосферного воздействия, биогенной и биохимической коррозии и т. п.), что снижает уровень информативности материала. Погрызов животных на поверхности находок практически не зафиксировано.

У ряда роговых предметов, не зависимо от их местоположения в культурном слое стоянки, наблюдается плохая сохранность компакты – она отслаивается и крошится при контакте с предметом. В целом же сохранность материалов удовлетворительная.

Технико-типологический анализ. Сравнительно высокий процент предметов из рога (28 экз. или 16% от всех изделий из твердых видов органического сырья) отличает Сунгирь от других хронологически близких стоянок, в том числе стрелецких и ориньякских памятников Русской равнины, где обработанный рог встречается в минимальном количестве, либо не встречается вовсе (Палеолит…, 1982).

Основным приемом обработки рога на памятнике была ударная техника (рубка), следы которой прослеживаются на 75% предметов (цв. илл. VI; VII; *Солдатова*, 2011). В трех случаях (В-15304/13698, В-15305/4649, В-35317/5089) по стволу рога (или по отростку) наносилась серия ударов, после чего рог обламывали, о чем свидетельствуют выломы на противоположной от следов рубки стороне. На остальных находках прослеживаются следы кругового надрубания.

Как правило, встречаются рога с обрубленными надглазничным и ледяным отростками. Практически все изделия выполнены на стволе рога, но отделенные отростки в коллекции стоянки единичны. Лопаточные части рога отсутствуют.

Несмотря на плохую сохранность компакты ряда предметов, на них очень четко прослеживаются следы от ударов, оставленные при попытке отрубания части рога. Подобные глубокие следы свидетельствуют в пользу относительной архаичности роговой индустрии (см. напр.: *Семёнов*, 1968).

Другим регулярно используемым приемом при оформлении рабочей части орудий является нанесение длинных продольных сколов (цв. илл. VIII, *4*) (*Солдатова*, 2011). Этот прием зафиксирован в восьми случаях (В-15304/13811, В-54789/182, В-8620/4613, В-15304/13817, В-8620/6715, В-8620/4612, В-8620/7047, В-35317/5089). У четырех экземпляров (В-54789/182, В-8620/4613, В-15304/13817, В-8620/6715) скол впоследствии подработан скоблением (?) (цв. илл. VIII, *4*). В одном случае (В-35317/5089) о характере последующей обработки невозможно судить из-за заполированности краев скола вследствие эксплуатации (?) орудия. На остальных предметах продольный скол дополнительно не обрабатывался.

Изредка применялось резание/пиление для поперечного членения небольших фрагментов рога (например, В-8620/6820 – цв. илл. VIII, *3*).

У двух роговых предметов (В-54789/177, В-8620/4605) один или оба конца ствола обломаны без какой-либо видимой подготовки.

При вторичной обработке выполнялось скобление, реже – резание/пиление.

Из рогового сырья были изготовлены заготовки (10 экз.) и орудия (13 экз.), пять экземпляров представляют собой отходы производства (*Солдатова*, 2011).

К заготовкам «жезлов-выпрямителей» отнесены два экземпляра (В-54789/187, В-16749/3041). Один из них представляет собой фрагмент ствола рога оленя с розеткой и надглазничным (?) отростком. Второй – отросток рога оленя с фрагментом ствола. Оба они имеют Т-образную форму и несут следы отделения от основной части рога. Отверстия отсутствуют. В коллекции памятника имеются законченные «жезлы-выпрямители», аналогичные описанным заготовкам (цв. илл. IX).

Пять заготовок представляют собой фрагменты ствола рога с отрубленными отростками и лопаточной частью, с отдельными следами обработки в виде прорезанных линий, зарубок и т. п. (В-54789/181, В-15304/13697, В-15304/13698, В-15304/13811, В-15305/4649; цв. илл. VI, *2, 3*).

Два предмета являются целыми рогами северного оленя (В-15304/13819, В-15304/13821), на которых прослежены единичные следы обработки в виде небольших зарубок и прорезанных линий. К указанной категории эти предметы отнесены по формальным признакам. Поскольку рога обнаружены в верхнем погребении могилы 2, а аналогичных находок на раскопанной площади стоянки не зафиксировано, вполне вероятно, что они служили для каких-либо ритуальных целей или имели символическое значение.

Последняя заготовка является продольным сколом со ствола рога (В-15305/3570). Проксимальный конец обломан. На вентральной стороне дистального конца фиксируется продольный пропил, здесь же на левой боковой грани – несколько зарубок.

Орудийный набор представлен мотыгообразными и долотовидными изделиями, «жезлами-выпрямителями», наконечником (?), а также «молотком». Необходимо подчеркнуть, что названия изделий в основном носят описательный характер, то есть выделенные категории являются технико-морфологическими группами. Проведение трасологического анализа и выделение на его основе функциональных категорий позволили бы четче охарактеризовать хозяйственную деятельность обитателей стоянки Сунгирь.

Мотыгообразные орудия составляют группу из семи экземпляров (В-54789/182, В-8620/4613, В-8620/5622, В-15304/13817, В-15305/3568, В-16749/1632, В-8620/6715; цв. илл. VIII, *4*). Для изготовления основной части орудий использовался ствол рога. В трех случаях рабочий конец образован путем продольного скола, края которого впоследствии были подработаны. Одна поделка выполнена на продольном сколе со ствола рога. Рукоять, как отдельный конструктивный элемент, не прослеживается ни на одном экземпляре. Лезвийная часть всех изделий этой категории имеет овальную форму и уплощена. Рабочая поверхность ряда экземпляров заполирована, что свидетельствует об их использовании.

Долотовидные орудия представлены двумя экземплярами (В-8620/4612, В-8620/7047; цв. илл. VIII, *1*). Одно из них по форме напоминает мотыгооб-

разное орудие, однако его рабочий конец частично обломан и притуплен, а на проксимальном конце видны следы забитости и негатив скола. Другое орудие сделано из полого рога. Рабочий конец образован продольным сколом, на две трети длины обнажающим полость; края скола сглажены. На дистальном конце прослеживаются следы от использования в виде замятости и небольших негативов сколов.

«Жезлов-выпрямителей» найдено два (В-33898/9406, В-33898/9407 – цв. илл. IX, *2*). Один из них выполнен на стволе рога с фрагментом розетки и надглазничного отростка, другой – на отростке рога с фрагментом ствола. На боковых гранях «рукояточной» части одного из жезлов фиксируется орнамент в виде небольших прорезанных черточек.

Отверстия на всех предметах рассматриваемой категории округлые, расположены в расширенной проксимальной части, их внутренняя поверхность сильно сглажена в результате употребления изделий.

Один экземпляр представляет собой орудие охоты – наконечник из фрагмента отростка (?) рога оленя (В-8620/4605 – цв. илл. VIII, *2*). Предмет округлый в сечении, с заостренным проксимальным концом. На всей поверхности местами фиксируются следы обработки (строгания) в виде длинных продольных параллельных линий. Кроме того, на медиальную часть нанесен ряд поперечных нарезок, не связанных с изготовлением изделия (орнамент?).

Один предмет из рога оленя по следам забитости на розетке и общей морфологии изделия предварительно определен как «молоток» (В-35317/5089 – цв. илл. VII; *Бадер*, 1978). Ствол рога обломан с предварительным круговым надрубом – фиксируются следы от ударов, рядом располагается группа зарубок. Ледяной отросток сломан наискось (на боковой поверхности фиксируются следы от ударов), обработан скоблением (?) и заглажен. На розетке прослеживаются следы забитости.

Отходы производства составляют группу из пяти экземпляров. К ним отнесены две розетки рогов оленей и три предмета со следами обработки.

Проксимальный конец одной розетки (В-54789/177) намеренно обломан, немного наискось, с небольшими заломами. На вентральной стороне, ближе к проксимальному концу, расположено несколько зарубок. Вторая розетка (В-15304/13809) представляет собой фрагмент ствола рога с частью ледяного отростка и отрубленным надглазничным отростком.

Два фрагмента ствола рога оленя без розетки и отростков (В-54789/179, В-35317/4891) имеют следы ударной обработки и резания/пиления (цв. илл. VI, *1*).

Еще один предмет является фрагментом отростка (?) рога оленя со следами поперечного деления (В-8620/6820 – цв. илл. VIII, *3*). Пропил был осуществлен на половину окружности отростка, поэтому слом получился с выломом. Возможно, это заготовка наконечника, аналогичного вышеописанному (В-8620/4605), однако следов дальнейшей обработки на изделии не зафиксировано.

Отсутствие значительного количества ярко выраженных отходов роговой индустрии (по сравнению с количеством готовых изделий и заготовок) в коллекции памятника позволяет сделать вывод об экономном использовании сырья. Предположительно, часть заготовок приносили на стоянку в готовом виде. Вероятно, люди при отборе сырья заранее определяли, какие части рога им

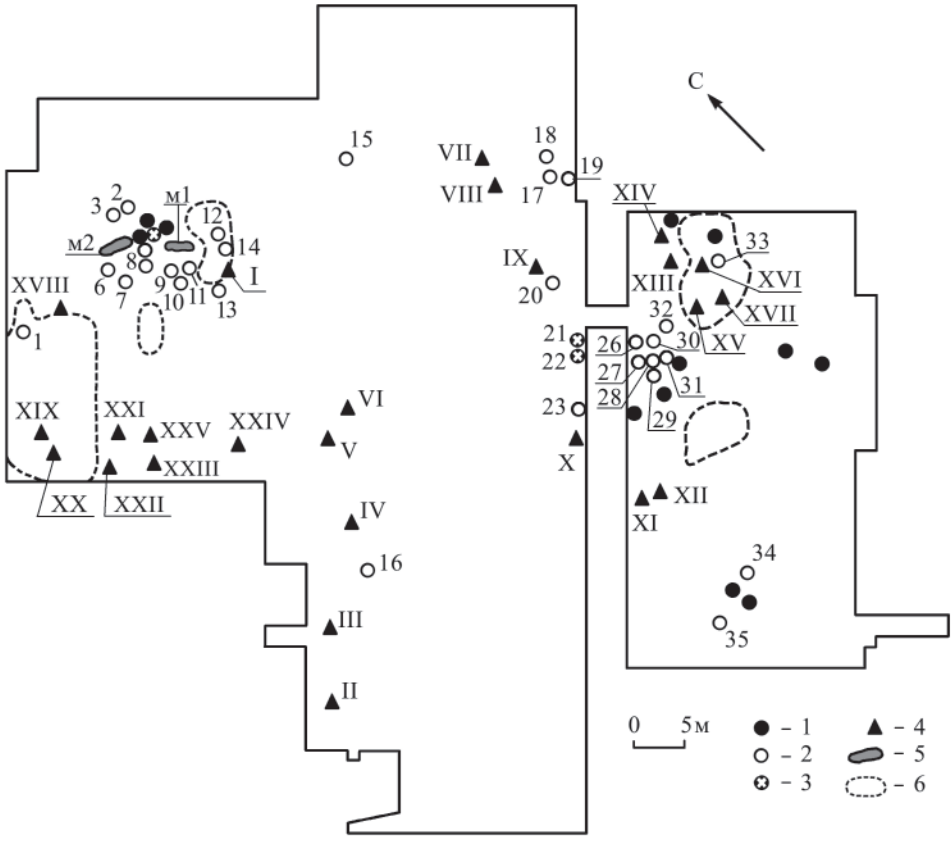


Рис. 1. Стоянка Сунгирь. Пространственное распределение находок из рога

1 – находка из рогового сырья; *2* – очажная яма; *3* – ритуальная яма; *4* – кострище; *5* – могила; *6* – скопление костей

потребуются, отделяя и оставляя на месте ненужное. Проведение функционально-трасологического анализа каменных орудий из коллекции памятника позволило бы с большей определенностью говорить об объемах обработки рогового сырья, производимой непосредственно на раскопанной площади стоянки.

Планиграфический и стратиграфический анализ. Ввиду неполноты архивных материалов, в рамках исследования планиграфии и стратиграфии роговых изделий из культурного слоя стоянки Сунгирь было рассмотрено 12 предметов (*Солдатова*, 2011; 2012). При проведении анализа учитывались крупные скопления костей, кострища, очажные и ритуальные ямы (рис. 1).

Предметы из рога обнаружены только на несмежных раскопах II и III (*Солдатова*, 2012). Причем, в раскопе II они были найдены, за исключением могил, только в ритуальной яме и около нее № 4 (кв. о-п158-159). В раскопе III роговые находки сосредоточены на четырех участках: кв. д-и158-160, р-у146-147, а-д141-146, л-м123-124. Один из участков (а-д141-146) расположен в приочажной зоне,

однако достоверно судить о взаимосвязи предметов и очажных ям невозможно, поскольку находки располагаются на уровне первого-второго условного горизонта, а уровень начала ям фиксируется с третьего условного горизонта (*Солдатова*, 2012).

Стратиграфический анализ показал, что в толще культурного слоя поделки из рога распределены довольно равномерно (Там же).

Заключение. Таким образом, не смотря на то, что северный олень являлся одним из главных объектов охоты для обитателей стоянки Сунгирь, роговая индустрия памятника довольно бедна. В коллекции отсутствуют лопаточные части рога, отростки единичны, розетки представлены в восьми экземплярах, при этом в шести случаях они являются частью изделия. Подобная картина свидетельствует о том, что полный цикл обработки рога (включающий принесение и расчленение целого рога) непосредственно на исследованной территории памятника не проводился.

Технологический анализ изделий из рога продемонстрировал относительно широкий спектр используемых на стоянке Сунгирь техник и приемов обработки сырья: ударная техника, поперечный слом по предварительному пропилу, резание/пиление, скобление. При этом довольно грубая первичная обработка свидетельствует в пользу относительной архаичности роговой индустрии (см. напр.: *Семёнов*, 1968).

В свою очередь, наблюдение над распределением роговых находок в культурном слое памятника позволяет сделать вывод об использовании рога в течение всего времени обитания человека на стоянке.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л.И., 1998. Охотничья фауна стоянки Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь: (погребения и окружающая среда) / Ред. Н.О. Бадер, Ю.А. Лаврушин. М.: Научный мир. С. 240–257.

Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Лев С.Ю., 2009. Обработанная кость стоянки Зарайск А (технологический и трасологический аспекты) // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Под ред. Х.А. Амирханова. М.: Палеограф. С. 187–288.

Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 271 с.

Гаврилов К.Н., 2004. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Междунар. конф., посвященная 125-летию открытия палеолита в Костенках (23–26 августа 2004 г.): путеводитель и тез. докл. Воронеж: Истоки. С. 97–98.

Гвоздовер М.Д., 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки //. Палеолит и неолит СССР / Под ред. А.П. Окладникова. М.: Наука. С. 192–226. (МИА; № 39.)

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г., 1961. Млекопитающие Советского Союза. Парнокопытные и непарнокопытные. Т. 1. М.: Высшая школа. 776 с.

Герасимов М.М., 1941. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА СССР. № 2. М.: Наука. С. 65–85.

Житенёв В.С., 2007. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Под ред. Н.Б. Леоновой. М.: Дом еврейской книги. С. 40–61.

Житенёв В.С., 2011. Украшения из клыков песца Сунгирской верхнепалеолитической стоянки // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий

археологии каменного века: тез. конф. (Санкт-Петербург, 5–7 декабря 2011). СПб: СПбГУ. С. 54–57.

Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979, 1982. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н.Д. Праслова. Л.: Наука. 285 с.

Семёнов С.А., 1957. Первобытная техника. М.; Л.: Наука. 240 с.

Семёнов С.А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. 356 с.

Солдатова Т.Е., 2011. Предварительные результаты исследования роговых изделий с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // Материалы XVIII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «История». Посекция «Археология и этнология» URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011structure_15_1250.htm. Дата доступа: 20.06.2014.

Солдатова Т.Е., 2012. Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // Российская археология. № 2. С. 52–59.

Сулержицкий Л.Д., Петит П., Бадер Н.О., 2000. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования / Отв. ред. Т.И. Алексеева, Н.О. Бадер. М.: Научный Мир. С. 30–34.

Хлопачёв Г.А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука. 252 с.

Хлопачёв Г.А., Гиря Е.Ю., 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука. 144 с.

Averbouh A., Bégouën R., Clottes J., 1999. Technique et économie du travail du bois de cervidé chez les Magdaléniens d'Enlène: (Montesquieu-Avantès, Ariège): Vers l'identification d'un cycle saisonnier de production? // Préhistoire d'os: Recueil d'études sur l'industrie osseuse préhistorique offert à Henriette Camps-Fabrer / Ed. H. Camps-Fabrer. Aix-en-Provence: l'Université de Provence. P. 289–318.

Grigoriev G.P., 1990. Sungir // ERAUL. № 42. P. 137–139.

Gvozdover M., 1995. Art of mammoth hunters. The finds from Avdeevo. Oxford. 189 p. (Oxbow Monograph; 49).

Kuzmin Y.V., van der Plicht J., Sulerzhitsky L.D., 2014. Puzzling 14C Dates for Upper Paleolithic Site of Sungir // Radiocarbon. Vol. 56. № 2. P. 451–459.

Marom A., McCullagh J.S.O., Higham T.F.G., Sinitsyn A.A., Hedges R.E.M., 2012. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. № 109 (18). P. 6878–6881.

White R., 1993. The Dawn of Adornment // Natural History. № 102. P. 61–67.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО МЕТАЛЛА

А. Н. Егорьков, В. Е. Родинкова

СОСТАВ МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ИЗ КУРИЛОВСКОГО КЛАДА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПТИКО-ЭМИССИОННОЙ СПЕКТРОГРАФИИ)[1]

A. N. Yegor'kov, V. E. Rodinkova. The composition of metal in objects from the Early Medieval Kurilovka hoard (the results of optical emission spectrography)

Abstract. The composition of metal in objects from the hoard found in 2007 near the village of Kurilovka (Kursk Region) was analysed with application of optical-emission spectrography. The hoard enters the range of Early Medieval hoards of Group 1 found in the Dnieper region and consists of female and male adornments and costume details and ingots of metal used as raw material. Totally 34 samples were analysed. Three were of a lead-tin alloy, with either lead or tin predominant, while the other objects were shaped of copper-based alloys, with basic admixture of zinc. Only one sample is classified as tin-bronze. In the vast majority of samples a considerable amount of zinc was discovered together with high content of lead and tin, the latter taken together often exceeded zinc content. This results from the fact that metal for jewellery was obtained by smelting brass with a lead-tin alloy. The lead-tin ratio in objects from the Kurilovka hoard varies considerably, also due to the fact that the lead-tin alloys were smelted with brass of different formulas. Objects of female jewellery were cast of metal with less lead-tin admixture than metal used for parts of male belt-sets. Two stylistically distinct items – a belt-end with side slots and a buckle plate (Fig. 2, *14, 15*) were cast of a different metal, namely, of tin bronze and an alloy similar to that used for female ornaments. The wide practice of smelting brass with a lead-tin alloy in the Kurilovka hoard distinguishes it from other medieval hoards of Group 1 found in the Dnieper region.

Ключевые слова: днепровские раннесредневековые клады, украшения и предметы убора, химический состав металла, оптико-эмиссионная спектрография.

Химический состав цветного металла украшений – тема, в последние десятилетия активно разрабатываемая отечественными исследователями. Выделяются

[1] Статья написана в рамках исследований по поддержанному РГНФ проекту «Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона» № 12-01-00266.

несколько регионов, древности которых вызывают в этом контексте у специалистов наибольший интерес. Значительные успехи в обобщении материала достигнуты в отношении металла эпохи раннего железного века, древнерусского и средневекового времени (*Зайцева*, 2010; *Eniosova*, 2012; *Сапрыкина*, 2005; *Сапрыкина и др*., 2011; и др.).

К изучению состава цветного металла изделий из раннесредневековых кладов Поднепровья исследователи обращались неоднократно. Обзор литературы прошлого столетия приведен в статье, посвященной анализу материалов Трубчевского комплекса (*Егорьков, Щеглова*, 2001). После этого опубликованы только данные, полученные для материалов из Козиевки / Новой Одессы (*Егорьков, Щеглова*, 2006), и предварительные результаты изучения сокровища из Суджи-Замостья (*Родинкова, Егорьков*, 2012). Принципы интерпретации металла украшений и деталей убора, отложившихся в днепровских раннесредневековых кладах I группы, в целом разработаны (*Егорьков*, 2002). Выявлены общие характеризующие рассматриваемый массив предметов черты, в частности, установлено, что основным из использовавшихся сплавов на медной основе была латунь, широко употреблялись биллон и свинцово-оловянный сплав.

Тем не менее, анализ материала еще далеко не вышел за рамки накопления аналитических данных, потребность в которых сегодня очевидна. Многое остается неясным, в частности, открыт вопрос о вариативности состава металла в зависимости от категориальной принадлежности, назначения, локальной специфики, хронологии изделий, места и характера находки и т.д. В этом контексте клады как объект исследования представляют особый интерес, поскольку являются закрытыми комплексами, в рамках которых объединены вещи, обладающие различными половозрастными, а иногда этническими и хронологическими характеристиками. В настоящей работе представлены результаты анализа состава металла предметов из клада у с. Куриловка Суджанского р-на Курской обл.

Куриловский клад был найден в октябре 2007 г. на правом берегу современного русла р. Суджа, недалеко от ее впадения в р. Псел, и поступил на хранение в Курчатовский государственный краеведческий музей (инв. № 1368). Его материалы опубликованы (*Родинкова*, 2010). Здесь мы приводим лишь сведения, необходимые для интерпретации данных о химическом составе металла входящих в него артефактов.

В настоящее время комплекс насчитывает 119 целых металлических изделий и их фрагментов. Он состоит из трех основных частей: принадлежностей женского (рис. 1; 2, *1–3*) и мужского (рис. 2, *4–15*) уборов и сырья для переплавки (рис. 1, *15*). К первым относятся фибулы (пальчатые, антропозооморфные и с каймой из птичьих голов), височные кольца, браслеты, умбоновидные и трапециевидные подвески, колокольчики, спиральные и гладкие пронизи, цепочки, ворворки; ко вторым – украшения пояса (пряжки, накладки, наконечники); сырьевая часть представлена двумя металлическими слитками. Куриловская находка принадлежит к так называемым днепровским раннесредневековым кладам I группы. По категориальному составу она близка комплексам, локализующимся на Левобережье Днепра, в северной его части, а наиболее тесные связи демонстрирует с кладами, зафиксированными в междуречье Сейма и Псла – Новосуджанским и Гапоновским (Там же. С. 84).

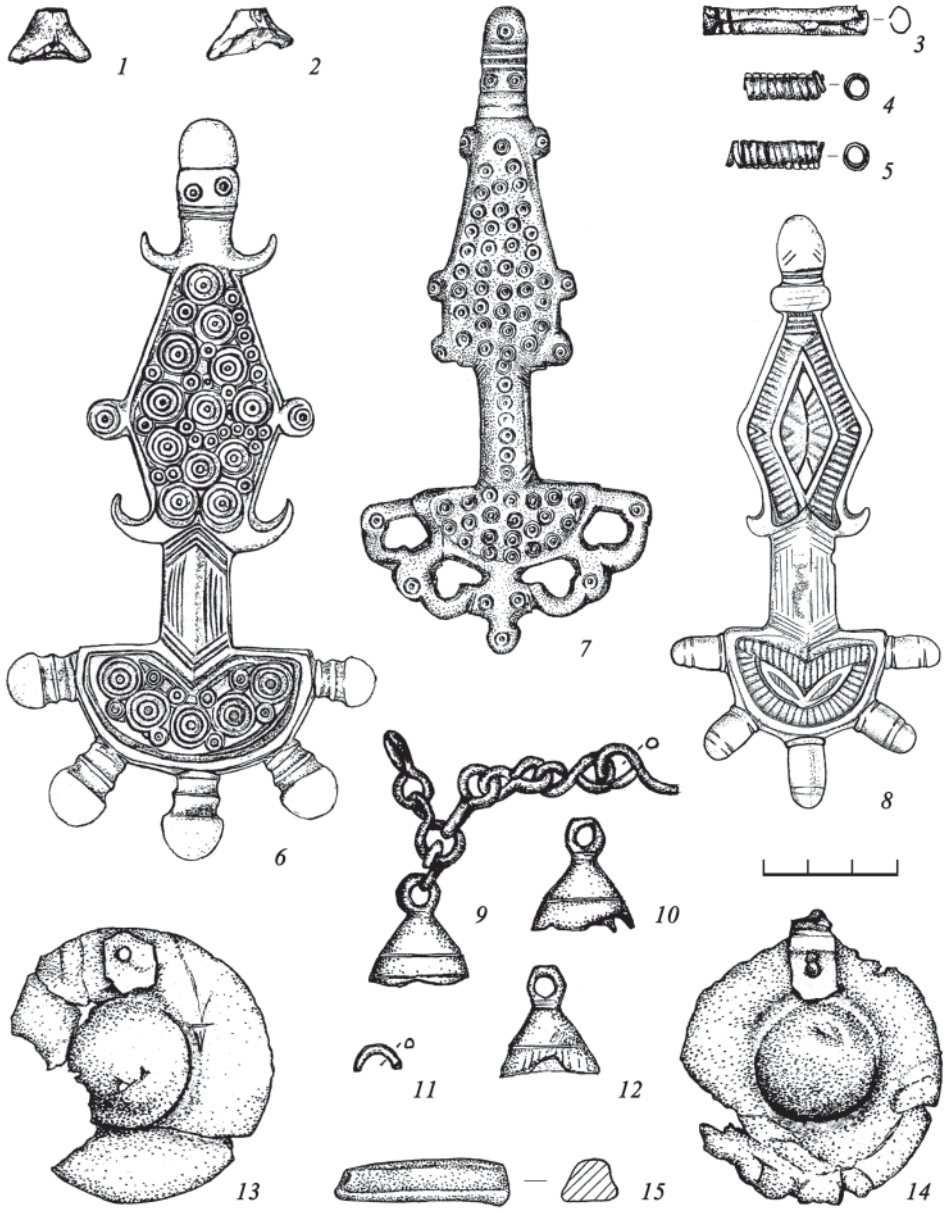


Рис. 1. Изделия из состава Куриловского клада

1, 2 – ворворки; *3* – трубчатая пронизь; *4, 5* – спиральные пронизи; *6, 8* – пальчатые фибулы; *7* – фибула с каймой из птичьих голов; *9* – колокольчик с фрагментом цепочки; *10, 12* – колокольчики; *11* – колечко, фрагмент; *13, 14* – умбоновидные подвески; *15* – слиток

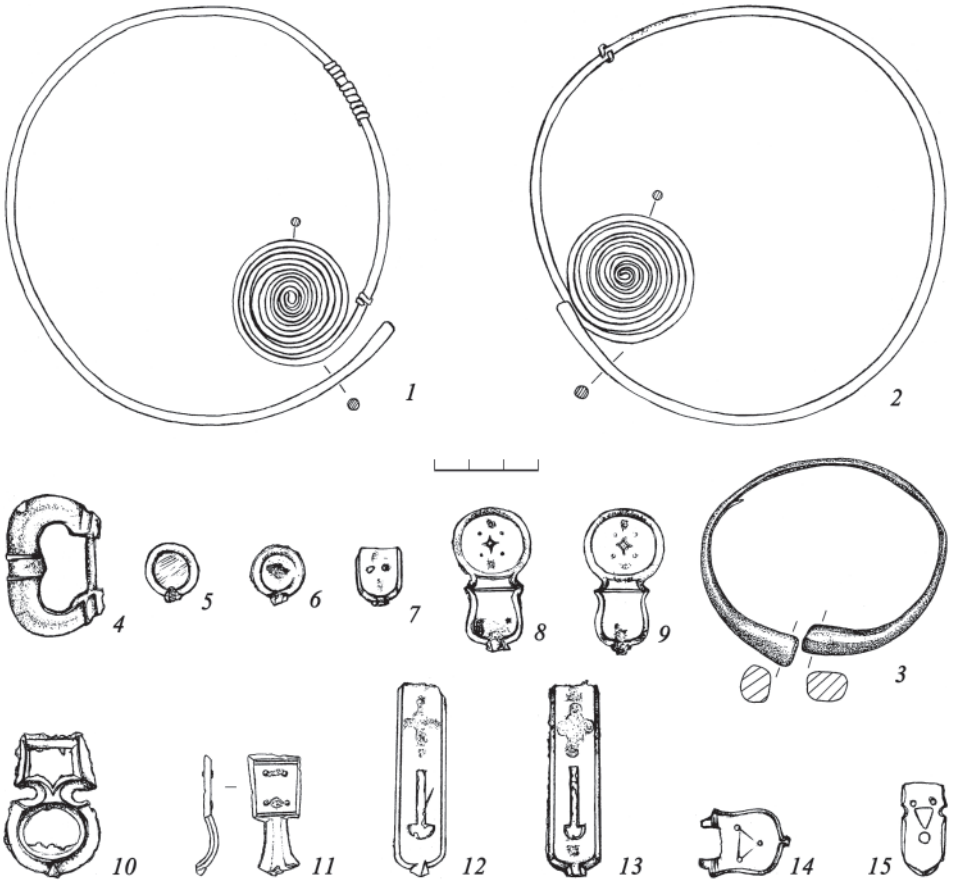


Рис. 2. Изделия из состава Куриловского клада

1, 2 – височные кольца; *3* – браслет; *4* – пряжка; *5, 6* – круглые накладки; *7* – маленький поясной наконечник; *8, 9* – двухчастные поясные накладки; *10* – поясное кольцо; *11* – поясной крючок; *12, 13* – длинные поясные наконечники; *14* – щиток пряжки; *15* – поясной наконечник с боковыми вырезами

Вещи, формирующие днепровские клады I группы, в целом датируются в пределах конца VI / рубежа VI–VII – третьей четверти VII в. (*Гавритухин*, 1996; *Родинкова*, 2012) и связаны с раннеславянскими колочинской и пеньковской археологическими культурами. При обследовании места обнаружения Куриловского комплекса был выявлен культурный слой, содержащий в том числе фрагменты лепной керамики «раннеславянского» (предположительно колочинского) типа (*Родинкова*, 2010. С. 78, 79).

Принадлежности женского убора, вошедшие в состав Куриловского клада, по-видимому, были в употреблении, на что указывают, в частности, следы изношенности на фибулах и умбоновидных подвесках. Большинство деталей поясного набора, напротив, образуют стилистически единую гарнитуру, кото-

рая не только никогда не использовалась, но даже не прошла послелитейную обработку – по сути, это «полуфабрикаты» украшений. Исключение составляют лишь один ременной наконечник и «геральдический» щиток пряжки (рис. 2, *14, 15*), имеющие, как и женские вещи, следы износа. Правда, обстоятельства обнаружения клада не позволяют исключить вероятность, что два указанных артефакта происходят из культурного слоя памятника и были введены в состав комплекса по ошибке (*Родинкова*, 2010. С. 84). Кроме того, они могут быть связаны не с мужским, а с женским убором. О возможности такой интерпретации свидетельствуют находки пряжки и наконечника ремня среди инвентаря женского захоронения в Мохначе, содержавшего материалы круга днепровских раннесредневековых кладов I группы (*Аксенов, Бабенко*, 1998. С. 115, рис. 3, *7, 8*).

Анализ состава металла осуществлен методом оптико-эмиссионной спектрографии в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН[2]. За значимое принято содержание элементов, начиная от 0,01%.

Всего было отобрано 63 пробы, однако из-за технических осложнений в полном объеме удалось провести анализ только 34 из них (табл. 1). Тем не менее, несмотря на невозможность выполнения количественного анализа, было установлено, что ни один из 63 образцов не является биллоном, т.е. медным сплавом с высоким или преимущественным содержанием серебра. Это отличает по составу металла Куриловский клад от Трубчевского (*Егорьков, Щеглова*, 2001) или Мартыновского (*Приходнюк и др.*, 1991), но ставит в один ряд с комплексом из Козиевки / Новой Одессы, где среди свыше полусотни образцов не было выявлено ни одного биллона (*Егорьков*, *Щеглова*, 2006).

В анализируемой выборке обнаружены три предмета, отлитые из свинцово-оловянного сплава, иначе пьютера (англ. *pewter*): фрагмент изделия неопределенного назначения и две ворворки (табл. 1, *28–30*; рис. 1, *1, 2*). Изделия из пьютера – не редкость в раннесредневековых днепровских кладах, например, в Великих Будках их оказалось свыше 1200 (*Горюнова*, 1992).

Сплавов с преобладанием олова среди исследованных образцов три (табл. 1, *21, 22, 24*), с преобладанием свинца – шесть (табл. 1, *6, 8, 9, 15, 17, 20*). В одной пробе (табл. 1, *25*) зафиксировано равное количество цинка и свинца – 22 %. Как и следовало ожидать, в большинстве сплавов на основе меди (21 из 31 образца) ведущим приплавом оказался цинк. Однако не все сплавы с преобладанием цинка можно без оговорок отнести к латуням. Количество олова и свинца в них часто оказывается также большим, а суммарное содержание указанных элементов нередко приближается к содержанию цинка, даже превосходя его в ряде случаев. Причину отмеченного явления можно видеть в том, что при отливке предметов Куриловского клада латунь сплавлялась с пьютером. Было ли это обусловлено сиюминутными обстоятельствами, местной традицией или различиями в хронологии вещей, содержащихся в Куриловском и прочих комплексах I группы, неясно.

[2] Материалы Куриловского клада были подвергнуты также рентгено-флуоресцентному анализу. Его результаты рассмотрены в статье И.А. Сапрыкиной, публикуемой в настоящем сборнике.

Сплавление латуни с пьютером демонстрирует и состав двух из трех образцов с преобладанием олова (поясные кольцо и крючок; табл. 1, *21, 22*; рис. 2, *10, 11*). В них также отмечено высокое содержание свинца и цинка. Образец 24 (поясной наконечник с боковыми вырезами; рис. 2, *15*) – единственный, который можно отнести к оловянной бронзе: в нем содержание цинка низкое, а количество свинца находится на уровне его естественной примеси в меди. В результате того же сплавления латуни с пьютером были получены и все сплавы с преобладанием свинца. В них, так же как и в образце 25 (длинный поясной наконечник; рис. 2, *12*), где содержание цинка и свинца равное, наблюдается высокая концентрация и олова, и цинка.

Несмотря на то, что олово значительно дороже цинка (*Егорьков*, 2008. С. 158) и свинца, все же можно заключить, что целью сплавления латуни с пьютером была экономия латуни. Последнюю из-за ее подобия золоту следует рассматривать как лучший неблагородный ювелирный металл. Вероятно, однако, сложность получения латуни обусловила ее относительную дороговизну, в то время как свинцово-оловянный сплав оказался гораздо доступнее, что подтверждает большое количество выполненных из него изделий в упомянутом выше Великобудковском кладе.

Соотношение олова и свинца в сплавах на медной основе варьируется в очень широких пределах. Данная ситуация, однако, не представляется удивительной, если принять во внимание значительные различия в составе самого пьютера, из которого изготовлены попавшие в анализируемую выборку ворворки и предмет неизвестного назначения (табл. 1, *29–30*; рис. 1, *1, 2*). В двух случаях (табл. 1, *28, 30*) сплав примерно на две трети состоит из олова, а в одном (табл. 1, *29*), наоборот, из свинца. С точки зрения свойств металла такие колебания состава вполне допустимы, поскольку олово и свинец образуют несколько эвтектик. Вследствие этого свинцово-оловянные сплавы, вплоть до тех, в которых содержание свинца достигает 80%, имеют не только меньшую начальную температуру плавления, по сравнению с наиболее легкоплавким компонентом сплава – оловом (температура плавления олова 232°С, свинца 327°С), но и конечную температуру плавления, даже при содержании свинца свыше 50%. С экономической же точки зрения значительное преобладание дорогого олова труднообъяснимо. Высказывалось мнение (*Егорьков, Пескова*, 2009. С. 37), что на рынок ювелирного металла поставлялся уже готовый сплав, а не его компоненты. Изготавливался он, вероятно, в регионах, близких к месторождениям олова, где его стоимость не была чрезмерной.

Важно отметить, что состав металла изделий Куриловского клада различается в зависимости от категорий, к которым эти изделия принадлежат. Так, латунь женских украшений и предметов убора приплавлена свинцово-оловянной лигатурой в меньшей степени, чем та, что использовалась для мужских украшений. Исключение составляют лишь колокольчики, в металле которых приплав пьютера значителен (табл. 1, *6, 8, 9*; рис. 1, *9, 10, 12*). В них олово присутствует в наивысшей для предметов «женской» группы концентрации. Это, очевидно, связано с функциональным назначением колокольчиков, которые должны звонить, а олово – необходимый компонент звучного сплава, который и вводится с пьютером. Высокое же содержание свинца в малых формах колоколов не является существенной помехой для звучности.

Таблица 1. Результаты оптико-эмиссионной спектрографии металла изделий Куриловского клада (за значимые приняты содержания элементов от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше – две)

№ п/п	Инв. №	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Рисунок
1	1368/29	Пронизь трубчатая	826-16	0,03	–	0,01	–	осн.	0,2	0,02	0,01	3,1	0,08	1,4	20	1, *3*
2	1368/9	Фибула пальчатая	826-17	0,03	–	–	–	осн.	0,1	0,02	0,2	5,8	0,04	2,2	26	1, *6*
3	1368/7	Фибула с каймой из птичьих голов	826-18	0,05	–	0,03	–	осн.	0,1	0,02	0,06	7,0	0,05	4,7	7,8	1, *7*
4	1368/23	Пронизь спиральная	826-19	0,01	–	0,01	–	осн.	0,07	0,03	0,03	1,6	0,03	0,03	30	1, *4*
5	1368/20	Пронизь спиральная	826-20	–	0,1	–	–	осн.	0,08	0,01	0,05	1,4	0,03	0,04	11	1, *5*
6	1368/31	Колокольчик	826-21	0,01	0,2	0,07	–	осн.	0,6	0,01	0,02	19	0,2	6,6	15	1, *10*
7	1368/37	Цепочка	826-22	–	–	–	–	осн.	0,05	0,02	0,01	1,1	0,02	–	28	1, *9*
8	1368/37	Колокольчик	826-23	0,01	0,2	0,1	–	осн.	0,8	0,02	0,01	22	0,3	11	15	1, *9*
9	1368/30	Колокольчик	826-24	0,01	0,2	0,04	–	осн.	0,6	0,02	0,06	23	0,4	8,1	11	1, *12*
10	б/н	Колечко, фрагмент	826-26	–	0,1	–	–	осн.	0,06	0,02	0,02	1,3	0,02	–	18	1, *11*
11	1368/42	Подвеска умбоновидная	827-14	0,4	–	0,06	–	осн.	0,2	–	0,01	3,0	0,02	0,3	8,1	1, *14*
12	1368/43	Подвеска умбоновидная	826-27	0,03	0,1	0,02	–	осн.	0,05	0,01	0,03	1,8	0,03	1,9	13	1, *13*
13	б/н	Подвеска умбоновидная, фрагмент	826-28	0,03	0,3	0,2	–	осн.	0,4	0,02	0,02	7,3	0,08	4,0	15	–
14	1368/4	Кольцо височное, фрагмент обмотки	826-29	0,01	0,1	–	–	осн.	0,2	0,02	0,02	1,9	0,03	0,01	23	2, *2*
15	1368/12	Слиток трапециевидный	826-30	0,05	0,2	0,1	–	осн.	1,1	0,02	0,1	28	0,2	8,5	22	1, *15*
16	1368/123	Накладка поясная двухчастная	826-31	0,2	0,2	0,04	–	осн.	0,8	–	0,09	9,0	0,06	16	20	2, *9*
17	1368/119	Наконечник поясной маленький	826-32	0,01	0,1	0,2	–	осн.	0,6	0,03	0,08	24	0,2	22	15	2, *7*
18	1368/116	Накладка поясная круглая	826-33	0,02	0,2	0,04	–	осн.	0,9	0,02	0,4	10	0,2	16	17	2, *5*

Продолжение таблицы

№ п/п	Инв. №	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Рисунок
19	1368/117	Накладка поясная круглая	826-34	0,01	0,2	0,03	–	осн.	1,1	0,03	0,06	6,9	0,08	13	22	2, *6*
20	1368/122	Накладка поясная двухчастная	826-35	–	0,2	0,08	–	осн.	0,4	0,02	0,04	27	0,3	8,9	23	2, *8*
21	1368/129	Кольцо поясное	826-36	0,01	0,2	0,1	–	осн.	0,8	0,02	0,2	19	0,3	28	20	2, *10*
22	1368/127	Крючок поясной	826-37	0,03	0,3	0,2	–	осн.	1,0	0,02	0,02	9,5	0,2	25	6,0	2, *11*
23	1368/114	Наконечник поясной длинный	826-38	0,02	0,2	0,01	–	осн.	0,8	0,02	0,3	13	0,1	13	20	2, *13*
24	1368/115	Наконечник поясной с боковыми вырезами	826-39	0,02	0,1	–	–	осн.	0,5	0,02	0,1	1,1	0,04	8,5	0,08	2, *15*
25	1368/113	Наконечник поясной длинный	826-40	0,02	0,2	0,05	–	осн.	0,8	0,02	0,3	22	0,1	15	22	2, *12*
26	1368/111	Пряжка, щиток	826-41	0,01	0,2	0,01	–	осн.	0,3	0,01	0,1	3,2	0,03	3,7	7,6	2, *14*
27	1368/112	Пряжка, рамка	826-42	0,08	0,1	0,07	–	осн.	0,5	–	0,1	5,5	0,08	9,3	28	2, *4*
28	б/н	Изделие неясного назначения, фрагмент	826-43	0,3	–	0,5	–	0,8	–	–	–	33	0,2	осн.	0,1	–
29	1368/14	Ворворка	826-44	0,4	–	0,9	–	0,8	–	–	–	осн.	0,5	33	–	1, *1*
30	1368/15	Ворворка	826-45	0,4	–	0,5	–	0,8	–	–	–	38	0,3	осн.	–	1, *2*
31	1368/2	Браслет	826-47	0,01	0,2	0,07	–	осн.	0,4	0,01	0,4	3,3	0,05	1,4	14	2, *3*
32	1368/3	Кольцо височное	826-48	0,01	0,1	0,01	–	осн.	0,3	0,02	0,3	1,3	0,03	3,0	7,6	2, *1*
33	1368/4	Кольцо височное	826-49	0,2	0,1	0,1	–	осн.	0,4	0,02	0,08	5,2	0,03	5,6	11	2, *2*
34	1368/6	Фибула пальчатая	826-50	0,01	0,2	0,05	–	осн.	0,3	0,03	0,4	1,6	0,03	1,2	24	1, *8*

В металле других элементов женского убора, напротив, при высоком или, реже, умеренном содержании цинка олово отсутствует или фиксируется лишь на уровне сотых долей процента. Иными словами, это латуни, в которых свинец с наибольшей вероятностью представляет собой примесь к меди или цинку, но не введен целенаправленно. Таков металл спиральных пронизок, цепочки, колечка и обмотки височного кольца (табл. 1, *4, 5, 7, 10, 14*; рис. 1, *4, 5, 9, 11*; 2, *2*). Среди мужских вещей изготовленных из подобного сплава нет.

Высокий приплав свинцово-оловянной лигатуры характеризует все украшения-«полуфабрикаты», образующие стилистически единый мужской поясной набор (табл. 1, *16–23, 25, 27*; рис. 2, *4–13*). Выделяются лишь не входящие в данный комплект ременной наконечник с боковыми вырезами (табл. 1, *24*; рис. 2, *15*) и щиток пряжки (табл. 1, *26*; рис. 2, *14*). Формально металл наконечника – оловянная бронза с повышенным содержанием свинца. Представляется, однако, что и в этом случае латунь сплавлена с пьютером, но несколько необычным, в котором олово значительно превосходит свинец. О возможности широких вариаций состава свинцово-оловянных сплавов по содержанию основных компонентов уже было сказано выше. Щиток пряжки по характеру металла тяготеет к группе женских украшений, что может быть косвенным аргументом в пользу предположения о принадлежности рассматриваемых предметов женскому убору.

Сплав, из которого изготовлен слиток (табл. 1, *15*; рис. 1, *15*), по составу приближается к металлу колокольчиков, с одной стороны, и поясного набора, рассматриваемого как продукция ювелира – владельца клада (*Родинкова*, 2010. С. 84, 85), с другой.

Анализ изделий Куриловского комплекса добавил новые черты к общему представлению о структуре раннеславянского металла. Все сплавы на медной основе из исследованной выборки, кроме единственного образца оловянной бронзы, демонстрируют сплавление латуни и свинцово-оловянной лигатуры. Такой прием получения ювелирного металла уже отмечен для днепровских раннесредневековых кладов I группы (*Егорьков, Щеглова*, 2006. С. 23), однако для изготовления рассмотренных вещей он использован настолько широко, что выделяет Куриловский клад в ряду прочих находок этого круга.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Бабенко Л.И., 1998. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач // РА. № 3. С. 111–122.

Гавритухин И.О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // *Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: Новые строительные технологии. С. 58–95. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Горюнова В.М., 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Гелла. С. 126–140.

Егорьков А.Н., 2002. Основы интерпретации состава металла кладов «древностей антов» // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Исторический факультет СПбГУ. С. 89–92.

Егорьков А.Н., 2008. О цементационном получении бронзы и латуни в древности // Археологические вести. Вып. 15 / Гл. ред. Е.Н. Носов. М.: Наука. С. 157–162.

Егорьков А.Н., Пескова А.А., 2009. Состав металла византийских крестов-реликвариев из собрания Государственного Эрмитажа в свете новых данных // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3 (37) / Гл. ред. Е.Л. Конявская. М.: РФК-Имидж Лаб. С. 36–38.

Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всероссийской науч. конф. / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 28–307.

Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2006. Металл клада из Козиевки/Новой Одессы // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: тез. докл. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–15 апреля 2006 г.) / Отв. ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова. СПб.: Нестор-История. С. 21–24.

Зайцева И.Е., 2010. Цветной металл Волжской Булгарии: (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках: Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль. Москва: Наука. С. 116–138.

Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., 1991. Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 72–92.

Родинкова В.Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.

Родинкова В.Е., 2012. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. № 4. С. 151–158.

Родинкова В.Е., Егорьков А.Н., 2012. Клад раннесредневекового времени из Суджи-Замостья и состав металла его артефактов // Проблемы истории и археологии Украины: материалы VIII Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2012 г.). Харьков: ООО «НТМТ». С. 71–72.

Сапрыкина И.А., 2005. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского: сб. ст. / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.Б. Вальчак, С.В. Кузьминых. М.: Ин-т археологии РАН. С. 521–534.

Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О., 2011. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba. Vol. 8. С. 312–332.

Eniosova N., 2012. Tracing the Routes of Silver Procurement to the Early Urban centre Gnëzdovo in the 10th / early 11th centuries // Die Archäologie der Frühen Ungarn: Chronologie, Technologie und Methodik: Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mains in Budapest am 4. und 5. Dezember 2009 / Hrsg. Bendeguz Tobias. Bd. 17. Mainz. P. 261–276.

И. А. Сапрыкина

СОСТАВ МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ИЗ КУРИЛОВСКОГО КЛАДА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА)[1]

I. A. Saprykina. The composition of metal items from the Early Medieval Kurilovka hoard (the results of X-ray fluorescence analysis)

Abstract. The Kurilovka hoard belongs to a group of Early Medieval hoards discovered in the Dnieper region. The chemical composition of the metal objects was investigated using X-ray fluorescence analysis. Totally 19 samples were analysed. The chemical composition of some objects was also investigated with application of optical-emission spectral analysis (9 samples). Samples for analysis were selected after the metals and alloys had been arranged in accordance with specially chosen parameters. There were 37 samples altogether, obtained using the two above-mentioned methods. The range duly obtained revealed that the majority of the samples could be classified as multi-component alloys (22 samples), triple brass (10 samples), easily fused alloys (3 samples), tin-lead bronze (1 sample) and lead bronze (1 sample). In the multi-component alloys from the Kurilovka hoard fairly high levels of zinc, tin and lead were recorded. Another group was identified with lower tin and lead contents, but with high zinc concentration. A significant ratio of the zinc-containing alloys in the sample indicates the possible direction from which metals and alloys may have been imported, namely from the Balkan region. In the Early Medieval period in this territory widely circulated zinc-containing alloys obtained as a result of fusion of bronzes and Roman brasses and also due to the intensification of mining ore sources exploited in the Roman period.

Ключевые слова: раннесредневековые клады, химический состав металла, РФА-спектрометрия, многокомпонентные сплавы, источник поступления металлов.

Исследование химического состава цветного металла ювелирных изделий круга днепровских раннесредневековых кладов проводится уже более 40 лет;

[1] Публикация выполнена в рамках исследования по гранту РГНФ. Проект «Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона» (№ 12-01-00266а).

за это время исследователями получен значительный объем аналитических данных по химическому составу металла раннесредневековых украшений (более 500 проб).

Этот объем составлен результатами проводившихся в разное время анализов состава металла ювелирных изделий из Цепляевского (*Дьяченко*, 1978. С. 32. Табл. 1), Мартыновского (*Приходнюк и др.*, 1991. С. 87–90. Табл. 1), Пастырского (*Приходнюк*, 1994. С. 62–63, Табл. 1), Харивского (*Приходнюк, Хардаев*, 1998. С. 280–282), Трубчевского, Суджанского (*Егорьков, Щеглова*, 2001. С. 280–307), Гапоновского (*Егорьков, Щеглова*, 2003) и других кладов. В одном из обзоров, посвященных результатам исследований химического состава цветного металла раннеславянских кладов Поднепровья, отмечалось, что анализы выполнялись как количественным, так и полуколичественным методами, что снижает возможность использования этих данных для информативного сопоставления (*Егорьков, Щеглова*, 2001. С. 280–281). Поэтому проблема сопоставимости данных по химическому составу цветного металла из раннесредневековых кладов Поднепровья до сих пор является актуальной.

Основное направление изучения ювелирных украшений из кладов днепровского круга раннесредневекового времени сфокусировано на анализе культурно-хронологического контекста кладов и синхронных им материалов (*Гавритухин, Обломский*, 1996; *Родинкова*, 2010; *Гавритухин*, 2011; *Обломский*, 2011; *Родинкова*, 2011; *Мастыкова*, 2012; *Родинкова, Сапрыкина, Сычева*, 2012; и др.). Однако тот объем информации, который можно получить из археологического источника с помощью естественнонаучных методов, до сих пор остается для нас недоступным. Отсутствие, к примеру, качественно сформированной базы данных по химическому составу цветного металла украшений кладов не позволяет переходить к следующему этапу исследований, ориентированному, в частности, на выявление центров производства и определение наиболее вероятных рудных источников поступления металлов и сплавов на территорию Поднепровья.

В русле решения этой задачи и в рамках исследования, посвященного комплексному изучению региона р. Суджа в раннесредневековое время, нами проведено изучение химического состава металла ювелирных изделий из Куриловского клада (*Родинкова*, 2010. С. 78–87). Изучение предметов из клада (фибулы, детали поясных наборов, умбоновидные подвески, разнообразные типы пронизей и др.) на первом этапе включало также трасологический анализ, результаты которого вместе с реконструкцией техники изготовления украшений будут опубликованы в коллективной монографии, посвященной результатам комплексного исследования данного памятника.

Химический состав цветного металла украшений из клада изучался двумя методами; исследование проводилось, в основном, для целых изделий, лом не анализировался. Часть коллекции была изучена в 2010 г. по методу ОЭСА[2] (34 пробы; аналитик – А.Н. Егорьков, ИИМК РАН). После завершения реставрации для части коллекции был выполнен анализ химического состава металла (20 проб); в эту часть отобрано 9 изделий, химический состав которых ранее

[2] Результаты исследования этой части коллекции публикуются в статье А.Н. Егорькова и В.Е. Родниковой в настоящем сборнике.

Таблица 1. Состав металла изделий из Куриловского клада

Код	Номер	Объект	Аналитик	Метод анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn
1368/59	646	Птицевидная накладка	Митоян Р.А.	РФА	46,83	15,39	30,24	2,06	0	1,13	0,16	0,23	3,95	0	0
1368/37	647	Бубенчик с цепочкой	Митоян Р.А.	РФА	76,94	0,38	4,57	10,32	0	0,08	0,06	0,38	7,28	0	0
1368/55	648	Накладка с крестовидной прорезью	Митоян Р.А.	РФА	52,75	8,88	28,59	7,33	0	0,14	0,07	0,93	1,31	0	0
1368/46	649	Накладка с прорезью	Митоян Р.А.	РФА	38,91	10,91	44,07	3,21	0	0,63	0,09	0,95	1,23	0	0
1368/5	650	Фибула пальчатая	Митоян Р.А.	РФА	64,32	1,99	3,48	17,19	0	0,07	0	0,07	12,88	0	0
1368/10	651	Фибула пальчатая	Митоян Р.А.	РФА	79,40	0,50	6,79	11,76	0	0,31	0	0,42	0,83	0	0
1368/11	652	Фибула пальчатая	Митоян Р.А.	РФА	79,01	0,40	13,02	5,83	0	0,25	0	0,92	0,57	0	0
1368/7	653	Фибула пальчатая	Митоян Р.А.	РФА	70,20	5,40	18,24	4,46	0	0,12	0	0,39	1,19	0	0
1368/20	634	Пронизь спиральная	Митоян Р.А.	РФА	73,69	0,13	18,90	5,31	0	0,09	0	0,91	0,97	0	0
1368/22	635	Пронизь спиральная	Митоян Р.А.	РФА	82,93	0,37	5,52	10,35	0	0,14	0	0,25	0,46	0	0
1368/1	636	Браслет с утолщенными концами	Митоян Р.А.	РФА	83,19	0,44	5,33	10,49	0	0,16	0	0,40	0	0	0
1368/2	637	Браслет с утолщенными концами	Митоян Р.А.	РФА	74,77	1,20	20,36	1,52	0	0,17	0	1,14	0,84	0	0
1368/41-3	638	Умбон дисковидный	Митоян Р.А.	РФА	76,79	1,52	8,13	11,99	0	0,51	0	0,57	0,48	0	0
1368/41	639	Умбон дисковидный	Митоян Р.А.	РФА	78,43	1,40	4,34	14,79	0	0,50	0	0,22	0,32	0	0
1368/41-2	640	Умбон дисковидный	Митоян Р.А.	РФА	78,86	0,77	10,32	8,28	0	0,28	0	0,71	0,78	0	0
б/н	641	Умбон дисковидный	Митоян Р.А.	РФА	75,48	1,63	11,69	9,45	0	0,50	0	0,71	0,53	0	0

Продолжение таблицы

Код	Номер	Объект	Аналитик	Метод анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn
1368/17	642	Подвеска трапециевидная	Митоян Р.А.	РФА	72,42	1,39	15,46	9,02	0	0,10	0	0,95	0,67	0	0
1368/13	644	Пластина металла	Митоян Р.А.	РФА	93,24	0	5,88	0	0	0	0	0,64	0,24	0	0
1368/27	645	Пронизь пластинчатая	Митоян Р.А.	РФА	71,33	1,13	13,60	12,52	0	0,10	0	0,87	0,45	0	0
1368/9	826-17	Фибула пальчатая	Егорьков А.Н.	ОЭСА	65,61	2,20	5,80	26,00	0	0,03	0,04	0	0,10	0,20	0,02
1368/23	826-19	Пронизь спиральная	Егорьков А.Н.	ОЭСА	68,19	0,03	1,60	30,00	0,01	0,01	0,03	0	0,07	0,03	0,03
1368/30	826-24	Колокольчик	Егорьков А.Н.	ОЭСА	56,57	8,10	23,00	11,00	0,04	0,01	0,40	0,20	0,60	0,06	0,02
б/н	826-26	Колечко	Егорьков А.Н.	ОЭСА	80,48	0	1,30	18,00	0	0	0,02	0,10	0,06	0,02	0,02
1368/4	826-29	Височное кольцо (обмотка)	Егорьков А.Н.	ОЭСА	74,71	0,01	1,90	23,00	0	0,01	0,03	0,10	0,20	0,02	0,02
1368/123	826-31	Накладка двухчастная	Егорьков А.Н.	ОЭСА	53,61	16,00	9,00	20,00	0,04	0,20	0,06	0,20	0,80	0,09	0
1368/119	826-32	Поясная накладка малая	Егорьков А.Н.	ОЭСА	37,69	22,00	24,00	15,00	0,20	0,01	0,20	0,10	0,60	0,08	0,03
1368/116	826-33	Накладка круглая	Егорьков А.Н.	ОЭСА	71,20	16,00	10,00	17,00	0,04	0,02	0,20	0,20	0,90	0,40	0,02
1368/117	826-34	Накладка круглая	Егорьков А.Н.	ОЭСА	56,59	13,00	6,90	22,00	0,03	0,01	0,08	0,20	1,10	0,06	0,03
1368/129	826-36	Поясное кольцо	Егорьков А.Н.	ОЭСА	31,37	28,00	19,00	20,00	0,10	0,01	0,30	0,20	0,80	0,20	0,02
1368/114	826-38	Поясной наконечник длинный	Егорьков А.Н.	ОЭСА	52,55	13,00	13,00	20,00	0,01	0,02	0,10	0,20	0,80	0,30	0,02
1368/115	826-39	Поясной наконечник	Егорьков А.Н.	ОЭСА	89,54	8,50	1,10	0,08		0,02	0,04	0,10	0,50	0,10	0,02
1368/111	826-41	Щиток пряжки	Егорьков А.Н.	ОЭСА	84,84	3,70	3,20	7,60	0,01	0,01	0,03	0,20	0,30	0,10	0,01
1368/112	826-42	Пряжка	Егорьков А.Н.	ОЭСА	56,27	9,30	5,50	28,00	0,07	0,08	0,08	0,10	0,50	0,10	0
б/н	862-43	Изделие	Егорьков А.Н.	ОЭСА	0,80	65,10	33,00	0,10	0,50	0,30	0,20	0	0	0	0
1368/14	862-44	Ворворка	Егорьков А.Н.	ОЭСА	0,80	33,00	64,40	0	0,90	0,40	0,50	0	0	0	0
1368/15	862-45	Ворворка	Егорьков А.Н.	ОЭСА	0,80	60,00	38,00	0	0,50	0,40	0,30	0	0	0	0
1368/4	862-49	Височное кольцо	Егорьков А.Н.	ОЭСА	77,27	5,60	5,20	11,00	0,10	0,20	0,03	0,10	0,40	0,08	0,02

определялся по методу ОЭСА[3]. Анализ выполнен по методу безэталонного энерго-дисперсного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) (аналитик – Р.А. Митоян, МГУ); его основная цель – расширение имеющейся аналитической выборки. В то же время, проведение повторного анализа предметов, исследованных с помощью ОЭСА, выполнялось для коррекции данных, в частности, по цинку. Установлено, что преимуществом анализа по методу ОЭСА являются высококачественные результаты, получаемые при исследованиях низких концентраций элементов; однако при высоких концентрациях данный метод дает существенную погрешность, в отличие от РФА (*Ениосова и др.*, 2008а. С. 113–114). Эта особенность, связываемая с негомогенным распределением элемента в сплаве, отмечалась и другими исследователями (см., к примеру: *Егорьков*, 2002. С. 91; *Гак и др.*, 2010. С. 59). Так, в отношении содержания цинка в исследованном двумя методами металле украшений было установлено, что по методу ОЭСА содержание этого элемента варьируется в пределах 7,8–28,0%, а в результатах, полученных по методу РФА, цинк в этих же предметах содержится в пределах 1,52–12,52%; при этом сопоставимыми оказались только две пробы – № 638, 640 (табл. 1) и № 11 и 12[4]. В рамках данной публикации мы используем результаты, полученные по методу РФА.

С любезного разрешения авторов исследования по методу ОЭСА для классификации сплавов, представленных в Куриловском кладе, были учтены все пробы. В соответствии с параметрами статистической обработки учтено 19 проб, полученных по методу РФА (пробы № 637–653), и 18 проб, полученных по методу ОЭСА (пробы № 826-*17–43*); дублирование результатов исключено (табл. 1). В аналитической выборке представлены результаты исследования химического состава цветного металла пальчатых фибул, деталей поясных наборов геральдического типа, височных колец, браслетов, ворворок, умбоновидных подвесок.

Ранжирование проводилось на основе классификации металлов и сплавов, где порог легирования установлен выше 1,0% (*Ениосова и др.*, 2008б. С. 129, табл. 2.7). Ранжирование показало, что в рассматриваемой выборке основное количество проб может быть отнесено к многокомпонентным сплавам (22 пробы), к тройной латуни (10), к легкоплавким сплавам (3), к оловянно-свинцовой бронзе (1), к свинцовой бронзе (1). В составе проанализированной выборки не зафиксировано серебряных украшений, содержание серебра в исследованных пробах не превышает установленного порога в 1,0%, что позволяет рассматривать его в качестве естественной микропримеси. Для этого времени в связи с новыми выработками заброшенных в позднеримское время серебряных рудников Балканского региона, вновь введенными в эксплуатацию аварами (*Petković*, 2009), объем поступавшего серебра, в том числе на территорию Поднепровья, должен был значительно увеличиться, что несомненно находило свое отражение в составе днепровских кладов. В отношении клада из Куриловки отсутствие украшений, изготовленных из сплавов с серебром, является фактом, требующим дальнейшего изучения.

[3] См. статью А.Н Егорькова и В.Е. Родинковой в настоящем выпуске (табл. 1, № 826–*16, 18, 20, 22, 27, 33, 35, 47*, 827–14).

[4] См. статью А.Н Егорькова и В.Е. Родинковой в настоящем выпуске (табл. 1).

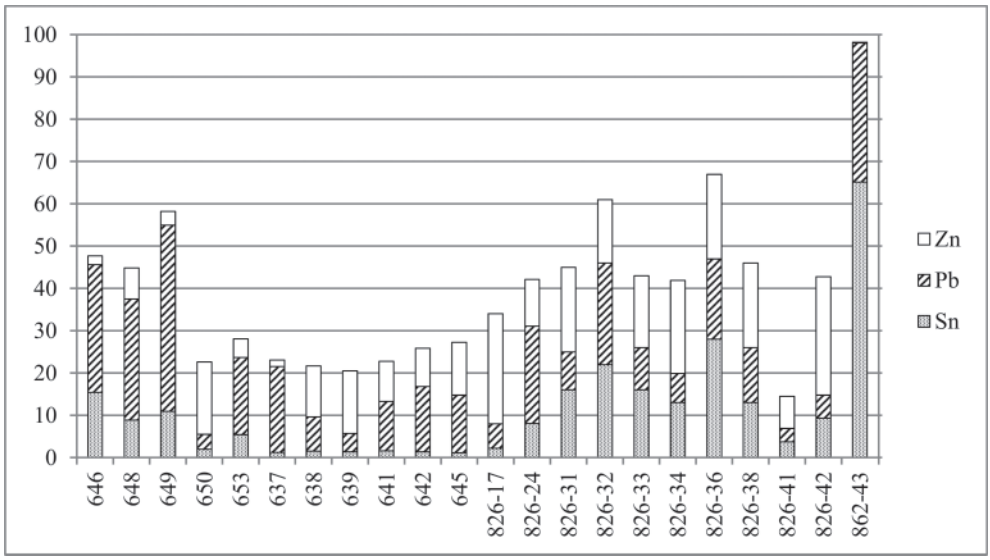


Рис. 1. Распределение основных легирующих компонентов сплава CuZnPbSn

Исследователи отмечают присутствие в днепровских кладах значительного количества изделий, изготовленных из сплавов на основе меди с цинком, относя латуни к характеристике раннесредневекового ювелирного дела (*Приходнюк и др.*, 1991. С. 75; *Егорьков*, 2002. С. 90). Однако широкое употребление латуней в ювелирном деле Восточной Европы хорошо фиксируется уже на материалах, относящихся к рубежу эр, и происходящих, к примеру, с территории лесной зоны (*Черных, Барцева*, 1970; *Сапрыкина*, 2005), а преимущественное использование сплавов с цинком, полученных переплавкой бронз и римских латуней, в эпоху Великого переселения народов характеризовало ювелирное дело на довольно широкой территории, входившей в состав Византийской империи (*Craddock et al*., 2010. P. 61).

В составе Куриловского клада, судя по данной выборке, превалируют многокомпонентные сплавы – 22 пробы (CuZnPbSn). По содержанию основных легирующих компонентов эта группа распадается на несколько подгрупп, границы между которыми жестко не определяются (рис. 1). Содержание цинка в сплавах варьируется от 1,52 до 28,00%; отметим, что среднее содержание цинка по результатам анализа РФА составляет 1,52–17,19% (основная часть данных приходится на интервал от 4 до 10%), в то время как по методу ОЭСА содержание цинка в сплавах фиксируется на уровне 7,6–28,0% (основная часть данных расположена в пределах значений от 15 до 22%). Содержание олова в этой группе варьируется от 1,13 до 28,00% (от 1 до 2% в группе РФА, от 2 до 15% в группе ОЭСА), содержание свинца высокое – от 3,20 до 44,07% (в группе РФА основная часть значений приходится на интервал от 4 до 20%, другая часть в интервале от 30,24 до 44,07%; в группе ОЭСА интервал иной: от 5 до 10%).

Как уже отмечалось, в многокомпонентных сплавах Куриловского клада фиксируются достаточно высокие процентные содержания цинка, олова и свинца, причем четкой зависимости между повышенными или пониженными содержаниями легирующих компонентов не фиксируется, что, в свою очередь, свидетельствует о получении этих сплавов путем не только сплавления бронз, латуней друг с другом, но и с помощью дополнительного введения олова или свинца. К таким сплавам можно отнести металл накладок (№ 646, 648, 649, 862-32), фибулы (№ 653), браслета (№ 637), пронизи (№ 634), детали поясного набора (№ 826-36) (табл. 1) – здесь содержание свинца составляет 18,90–44,07%.

В то же время, в выборке присутствуют многокомпонентные сплавы с низким содержанием олова и свинца и с высоким содержанием цинка (14,79–28,00%): это № 650, 639, 826-17, 826-41, 826-42, которые можно условно отнести к сплавам, практически не подвергавшимся вторичному использованию. Из этих сплавов изготовлены две пальчатые фибулы, умбоновидная подвеска, две пряжки (табл. 1).

Завершая обзор многокомпонентных сплавов Куриловского клада, следует остановиться на микропримесях, зафиксированных как методом ОЭСА, так и РФА. К «стандартному» набору микропримесей здесь относятся серебро, являющееся «спутником» свинца (его содержание только в одном случае достигает 1,13%); к таким же стандартным примесям относятся сурьма, мышьяк, железо, причем в некоторых случаях содержание железа составляет 7,28–12,88%, что может быть объяснено фоном, возникшим от расположения рядом с точкой взятия пробы деталей, выполненных из железа (табл. 1, ан. 647, 650). Кроме того, по методу ОЭСА в металле было зафиксировано наличие микропримесей никеля, висмута и марганца, содержание которых не превышает 0,9%. Подобный набор микропримесей косвенно свидетельствует о возможном происхождении металла из сульфидных руд, месторождения которых известны, в том числе, на Балканах (*Яговкин*, 1923. С. 779–786); однако вопрос о рудном источнике необходимо решать с привлечением других методов исследования, в частности, масс-спектрометрии.

Тройная латунь в выборке Куриловского клада представлена свинцовой латунью (10 проб), где содержание свинца варьируется в пределах 1,3–18,9% (среднее значение в пределах 1–7%), а содержание цинка зафиксировано в пределах 5,31–30,00% (среднее значение 5–11%). Из свинцовой латуни, характеризующейся пониженным содержанием свинца, изготовлены пальчатые фибулы (2), пронизи (3), браслет, дисковидный умбон и кольца, в том числе височное (табл. 1).

Другие типы сплавов в анализируемой выборке представлены в единичных экземплярах. Так, один из поясных наконечников изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы (№ 826-39), где содержание олова составляет 8,5%, свинца – 1,1%; а для изготовления пластинчатого изделия (возможно, сырье?) была использована двухкомпонентная свинцовая бронза (№ 644), где содержание свинца составляет 5.88% (табл. 1). К легкоплавким сплавам в выборке относится всего три пробы (№ 862-*43–45*), в которых содержание свинца и олова нестабильно и варьируется от 33,0 до 65,1%, однако выявляется некая условная пропорция – во всех трех пробах один из компонентов сплава превышает другой в два раза.

Судя по результатам проведенного анализа, ювелирные мастерские, изготавливавшие украшения из состава Куриловского клада, имели в своем распоряжении довольно широкий спектр металлов и сплавов. Значительный процент цинкосодержащих сплавов в полученной выборке указывает на возможную вовлеченность ювелиров Поднепровья в сферу влияния уже сложившегося в Византийской империи рынка металлов. Так, для географически близкого к рассматриваемой территории Карпатского региона отмечается превалирование в ювелирном деле бронз или многокомпонентных сплавов с повышенным содержанием олова до 25% и цинка (до 15–30%), часто дополнительно легированных свинцом (*Craddock et al*., 2010. P. 61). По археологическому материалу исследователи рассматривают Балканы как наиболее вероятный источник поступления в Поднепровье металлов и сплавов (*Приходнюк и др.*, 1991. С. 76–77).

Вопрос организации торговли металлами в VI–VII вв. с периферией, находящейся за пределами основных территорий империи, еще ждет своей детальной разработки. Судя по полученным в последнее время материалам (к примеру, находка рубленых фрагментов серебряного блюда с новобаязетским типом клейма середины VII в. из состава клада Суджа-Замостье; *Родинкова*, 2012. С. 152–153), источники поступления металла на территорию Поднепровья могут оказаться самыми неожиданными, что, в свою очередь, позволит в будущем по-иному интерпретировать уже известные факты.

ЛИТЕРАТУРА

Гавритухин И.О., 2011. Византийские влияния на восточноевропейские народы славянского и тюркского круга в VI–VII вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 15–18.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: Новые строительные технологии. С. 58–95. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Гак Е.И., Егорьков А.Н., 2010. Латунь Ергенинского могильника и ее историко-металлургический контекст / Археологические вести. Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 16 / Гл. ред. Е. Н. Носов. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН». 2011. С. 57–62.

Дьяченко А.Г., 1978. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии: сб. науч. тр. / Ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 27–35.

Егорьков А.Н., 2002. Основы интерпретации состава металла кладов «древностей антов» // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 89–92.

Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмисионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всероссийской науч. конф. (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск. С. 280–307.

Егорьков А.Н., Щеглова О.В., 2003. Состав металла изделий гапоновского клада «древностей антов» // Мысленное Древо: Наука, Образование, Литература. URL: http;//www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/GaponovkaHoard.html.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008а. Методы исследования химического состава цветных металлов // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 113–120.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008б. Информационная система «Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья» // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 121–132.

Мастыкова А.В., 2012. Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области // РА. № 2. С. 134–141.

Обломский А.М., 2011. О взаимоотношении оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Старая Русса – Великий Новгород, 2011 г.) / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 83–84.

Приходнюк О.М., 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирьского городища // Археологія. № 3. С. 61–77.

Приходнюк О.М., Хардаев В.М., 1998. Харивский клад // Archaeoslavica. № 3. Kraków. S. 243–278.

Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., 1991. Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сб. / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. Вып. II. С. 72–92.

Родинкова В.Е., 2010. Костюмный комплекс населения Поднепровья в раннесредневековое время: особенности формирования, характер, историческое значение // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. / Ред. Н.А. Томилов. Казань; Омск: Наука. Ч. 1. С. 386–390.

Родинкова В.Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов (Кириллов, 3–12 сентября 2011 года) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 239–265.

Родинкова В.Е., 2012. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. № 4. С. 151–158.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А., 2012. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины: материалы VIII Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2012 года). Харьков: НТМТ. С. 72.

Сапрыкина И.А., 2005. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского: сб. ст. / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.Б. Вальчак, С.В. Кузьминых. М.: Ин-т археологии РАН. С. 521–534.

Черных Е.Н., Барцева Т.Б., 1970. Химический состав цветного металла Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука. С. 200–206. (МИА; № 156.)

Яговкин И., 1923. Вторичное обогащение сульфидов // Горный журнал. № 12. С. 779–786.

Craddock P., Cowell M., Hook D., Hughes M., La Niece S., Meeks N., 2010. Change and statis: the technology of Dark Age metalwork from the Carpathian Basin // Technical Research Bulletin. British Museum / Ed. D. Saunders. Vol. 4. Archetype Publications Ltd. P. 55–65.

Petković S., 2009. The traces of Roman metallurgy in Eastern Serbia // Journal of mining and metallurgy. Section B: Metallurgy / An International Journal for Theory and Practice of Metallurgy / Ed. D. Živković. Vol. 45 (1). P. 187–196.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

МОДЕЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova. Models of technological progress in the production culture of East European Peoples

Abstract. In the study of the history of metallurgy a key role is assigned to archaeometallography. Generalization of archaeometallographic data provides a possibility to piece together the history of metalworking in Eastern Europe. Using a model of technological development, it is possible to understand the totality of three interdependent components, such as the technical or technological stereotype, production traditions and influences adopted from other cultures. The creation of technological models for ironworking makes it possible to shape an idea on the production culture of different East European peoples.

Ключевые слова: модель технологического развития, археометаллография, производственная культура, технико-технологический стереотип, культурно-историческая общность.

Производственная культура – сложное многоплановое явление, связанное с обеспечением основных потребностей социума. Со времени освоения человеком железа в развитии производственной культуры основными факторами становятся черная металлургия и металлообработка, обеспечивающие базовыми орудиями труда остальные отрасли экономики. При этом ключевая роль принадлежит уровню развития технологического процесса, то есть знаниям и производственным навыкам мастера. Археология чаще всего имеет дело с конечным продуктом металлургического процесса – с тем, *что* производили. Для характеристики же социально-экономического строя необходимо ответить на вопрос, *как* производили. Возможности традиционных археологических методов в этом плане весьма ограничены (*Терехова и др.*, 1997. С. 3).

В числе разнообразных естественнонаучных методов, применяемых при археологических исследованиях, существенное место занимает археометаллография. Использование металлографических данных, полученных в результате анализа массовых серий археологических артефактов, впервые было осу-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ, грант13-06-12004офи_м.

ществлено Б.А. Колчиным в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. (*Колчин*, 1953; 1959). Благодаря разработанному Б.А. Колчиным методу, суть которого состоит в микроскопическом изучении структуры древних металлических артефактов, кузнечные изделия превратились в полноценный исторический источник.

Наследие Б.А. Колчина получило развитие в трудах его учеников и последователей. В Институте археологии РАН в составе лаборатории естественнонаучных методов продолжает активно работать группа металлографии. На сегодняшний день накоплен обширный банк археометаллографических данных по разным эпохам и территориям, включающий около 13 000 анализов (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2009. С. 112–113).

Суммируя аналитические данные, полученные нами в ходе многолетних исследований, мы можем реконструировать историю восточноевропейского кузнечного ремесла следующим образом. Появление первых железных изделий на территории Восточной Европы произошло в начале I тысячелетия до н.э. Переход к эпохе железа был обусловлен контактами местных народов с развитыми центрами железообработки в Передней Азии и Закавказье. В этот период выделяются три региона, население которых были знакомы с железной индустрией: Северный Кавказ, Скифия и Среднее Поволжье (*Терехова и др.*, 1997. С. 297).

Во второй половине I тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия н. э. происходит распространение черного металла и способов его обработки на всей территории Восточной Европы. Появляется множество локальных центров железообработки, особенности которых определяются характером используемых сырьевых ресурсов и профессиональными навыками мастеров.

Новый этап в развитии кузнечной техники фиксируется в последней четверти I тысячелетия н. э. Он связан с возникновением раннегосударственных образований. Технология кузнечного ремесла в это время характеризуется внедрением сложных технологических схем, основанных на кузнечной сварке железа и стали. Отличительной чертой этого периода можно считать выделение в городских ремесленных центрах узкоспециализированных мастеров.

Развитие восточноевропейского кузнечества являлось составной частью общеевропейского процесса становления ремесла. На отдельных этапах оно испытывало определенное влияние извне. Взаимодействие внешних импульсов и местных традиций обуславливало специфические черты железообрабатывающего ремесла Восточной Европы (*Терехова и др.*, 1997. С. 299).

Сравнительный анализ особенностей железообработки у различных народов позволил поставить вопрос о выделении моделей технологического развития. Построение и исследование моделей способствует получению наиболее адекватного представления об изучаемом процессе или явлении. Применительно к нашей теме под моделью технологического развития мы понимаем совокупность трех взаимозависимых составляющих, таких как *технико-технологический стереотип, производственные традиции* и *инокультурные воздействия*. Технико-технологический стереотип включает определенный набор и соотношение признаков, характеризующих материал, категориальный состав, приемы и способы изготовления изделий в конкретной археологической культуре. Технико-технологический стереотип в кузнечном производстве представляет устойчивый элемент культуры. Его закрепление и передача из поколения в по-

коление на протяжении длительного времени составляют суть производственных традиций. На фоне производственных традиций появляется возможность отследить инокультурные воздействия, проявляющиеся в различных формах: перемещение вещей, перемещение мастеров, распространение идей (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2009. С. 8–9).

Аналитические данные по кузнечному производству различных народов Восточной Европы позволяют констатировать, что модель технологического развития является отражением производственной культуры определенного общества. В свою очередь формирование конкретной производственной культуры подвержено влиянию множества факторов. Наиболее существенными среди них являются степень экономического и общественно-политического развития, уровень развития техники, производственные традиции, межэтнические контакты и т. д.

Исходя из анализа аналитических данных по кузнечному ремеслу на территории Восточной Европы, мы выделяем несколько технологических моделей. Условно их можно определить как «*архаичная*», «*консервативная*» и «*прогрессивная*». Для *архаичной* модели характерно отсутствие динамики в развитии техники на протяжении длительного периода. Производство не воспринимает инновационные воздействия. В отличие от *архаичной*, *консервативная* модель открыта для технологических инноваций. Однако полученный импульс консервируется в местной производственной среде. Дальнейшего развития кузнечной техники не происходит. *Прогрессивная* модель открыта для инноваций, воспринимает и развивает высокие технологии. Она характеризуется динамичным производством, в основе которого лежит трансформация технико-технологического стереотипа.

Рассмотрим эти три положения на конкретных примерах.

Так, уже в раннем железном веке в лесной зоне Восточной Европы можно выделить две технологические модели. Одна из них связана с населением ананьинской культурно-исторической общности в Среднем Поволжье и Прикамье. Эту модель можно определить как *архаичную*. Начало ее формирования относится к VIII–VI вв. до н. э., когда происходит знакомство населения ахмыловской группы ананьинской культурно-исторической общности с новым металлом. Появление изделий из черного металла произошло под влиянием кавказского производственного импульса (Там же. С. 66). Благодаря кавказским инновациям, ананьинские мастера-бронзолитейщики достаточно рано (VII в. до н. э.) освоили получение и способы пластической обработки черного металла. Однако традиционные кавказские технологические приемы, такие как цементация (искусственное получение стали), термическая обработка (мягкая закалка) не вошли в арсенал знаний местных кузнецов.

Получение населением Волго-Камья начальных знаний о железе привело к формированию во второй половине I тысячелетия до н.э. финно-угорского производственного стереотипа. Он характеризуется ограниченным ассортиментом железных артефактов, использованием при изготовлении изделий простых технологических схем (ковка целиком из железа или сырцовой стали), применением пакетирования заготовок, крайне редким использованием приемов химико-термической и термической обработки изделий. Данная модель становится основой производственной культуры на огромной территории, занятой финно-

угорскими племенами. В течение длительного времени здесь фиксируется неизменность производственных традиций. В частности, об этом свидетельствуют материалы азелинской, ломоватовской, поломской культур. Так, несмотря на знакомство местного населения с инокультурными изделиями, выполненными в высоких технологиях, это никак не отражается на характере местного производства. Передовые технологические приемы не стали достоянием финно-угорских кузнецов, продолжавших работать по традиционным схемам (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2009. С. 86). Несмотря на многочисленные миграции, вторжения иноэтничного населения на территорию финно-угров, трансформацию местных культур, заметного изменения в их кузнечестве до IX в. н. э. не происходит.

Другая модель у населения лесной полосы в раннем железном веке представлена материалами из памятников дьяковской археологической культуры. В ее основе лежит импульс технологических знаний, полученный местными мастерами в начале I тысячелетия н. э. в связи с инфильтрацией в дьяковскую среду инокультурного (балтского) населения. Технологические новации, постепенно осваиваемые дьяковскими мастерами, включали высокоразвитые для раннего железного века технологии, такие как цементация (искусственное получение стали путем науглероживания предметов и заготовок), технологическая сварка (наварка стального лезвия на железную основу), термическая обработка (резкая закалка). Сформировавшийся под влиянием инновационного импульса технико-технологический стереотип становится прочной производственной традицией дьяковского мира, сохранявшейся на протяжении всего времени существования культуры. Исходя из наших дефиниций, такую модель можно определить как *консервативную*.

Еще один вариант *консервативной* модели хорошо иллюстрируют материалы из средневековых памятников финно-угров Предуралья. На основании наших данных можно говорить о том, что в IX – начале X в. под влиянием инновационного импульса в пермской железообработке происходят существенные изменения. В плане морфологии они связаны с распространением на предуральских памятниках кузнечных изделий европейских типов. При этом из обихода вытесняются как орудия местных форм (функционально менее эффективные, например, топоры-кельты), так и некоторые заимствованные формы железных предметов (ножи «аланского» типа) (*Завьялов*, 2005. С. 121).

Наиболее заметно и ярко новации в пермском кузнечестве проявились в технологии изготовления кузнечных изделий. Здесь, прежде всего, нужно отметить освоение местными кузнецами технологической сварки и, в частности, схемы трехслойного пакета. Трехслойные ножи быстро (в течение IX–X вв.) и широко (от Средней Камы до Повычегодья) распространились на территории Предуралья. Несомненно, что появление новой технологии произошло под воздействием кузнечных традиций, сложившихся в скандинавском мире. Контакты пермских кузнецов с мастерами, работавшими в этих традициях, возможно, проходили в регионе Белозерья, где фиксируется присутствие выходцев из Предуралья, с одной стороны, и носителей североевропейской кузнечной традиции, с другой. Новации в кузнечной сфере проявились и в подходе к использованию сырья. Новшеством стало целенаправленное применение такого вида сырья как фосфористое железо.

В Предуралье воспринятая скандинавская традиция законсервировалась на несколько столетий, превратившись в основу пермского кузнечного ремес-

ла. Трехслойные ножи встречаются на финно-угорских памятниках бассейнов Камы и Вычегды вплоть до XVII в. (*Розанова, Балина, Стоколос*, 2001. С. 212; *Завьялов*, 2005. С. 161; *Перевощиков*, 2002. С. 82). Напомним, что на территории Древней Руси технология трехслойного пакета была широко распространена до середины XII в., когда ее сменила технология наварки стального лезвия. Хотя существовали активные контакты пермских народов с Древней Русью, в железообрабатывающем производстве это не нашло отражения. Ярким примером этому служит сравнение материалов из древнерусского поселения на р. Вымь (Пожегское городище) с расположенными рядом памятниками перми вычегодской (вымская культура). На Пожегском городище существенную долю составляют изделия, изготовленные по технологии наварки. Среди вымских материалов доминируют изделия из трехслойного пакета, а ножи с наварными лезвиями отсутствуют (*Завьялов*, 2005. С. 156). Причем изготавливать трехслойные орудия местные мастера продолжают даже тогда, когда на основной территории Восточной Европы эта технология полностью вышла из употребления.

Ярким примером *прогрессивной* модели технологического развития является кузнечное ремесло Древней Руси. В ее формировании огромную роль сыграли технологические инновации, воспринятые и трансформированные древнерусскими кузнецами. Наиболее отчетливо это видно на примере воздействия скандинавского инновационного импульса IX–XI вв. Как нами установлено, в это время на территории Древней Руси в кузнечном ремесле распространяется технология трехслойного пакета, восходящая своими корнями к скандинавским традициям. Появление и распространение этой технологии напрямую связано с функционированием Балтийско-Волжского пути, активизировавшего торговые связи местного населения. Суть технологии трехслойного пакета заключалась в технологической сварке разных сортов металла (фосфористого железа и высокоуглеродистой стали), что позволяло получать изделие с высокими техническими качествами. В предшествующий период на рассматриваемой территории подобная технология не была известна (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2012. С. 255–256).

На материалах из древнерусских памятников нами выделено два варианта трехслойной технологии, которые мы обозначаем как *североевропейский* («классический») и *восточноевропейский* (адаптированный к местным условиям) (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2008). Именно восточноевропейский вариант демонстрирует характер распространения технологической инновации в местном кузнечном производстве.

В XII в. в производственной сфере на территории Древней Руси происходят резкие изменения. Формируется новый технико-технологический стереотип. Основой производства становится технология наварки стального лезвия на железную основу. Применение наварки демонстрирует принципиально иной подход к конструированию технологической схемы. Наварная технология позволяла экономить дорогостоящую сталь, была универсальна – она использовалась на всех видах качественных изделий.

Переход к новому технико-технологическому стереотипу был связан, и здесь нельзя не согласиться с Б.А. Колчиным (1959. С. 54), с динамично развивающейся экономикой древнерусского государства, ростом городов и расширением рынка сбыта продукции городского ремесла.

Еще один рубеж в развитии русского кузнечества фиксируется в XVI–XVII вв. – времени формирования единого общероссийского рынка. Среди кузнечной продукции начинают преобладать изделия изготовленные целиком из стали. Это связано прежде всего с качественными изменениями в производстве черного металла – переходе к целенаправленному получению стали металлургическим способом. Использование стали позволяло изготавливать качественную продукцию с наименьшими затратами, что отвечало потребностям формирующегося общероссийского рынка (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2007. С. 157).

Таким образом, неоднократная смена технико-технологических стереотипов в русском кузнечном производстве, отвечающая экономическим потребностям общества, позволяет рассматривать древнерусскую технологическую модель как *прогрессивную*.

Наши данные свидетельствуют, как было показано, что одновременно могут существовать несколько производственных моделей. Это является отражением неравномерности технико-технологического развития различных социумов.

Итак, предложенная нами методика изучения производственной деятельности позволяет наиболее адекватно представить суть процессов технологического развития. Построение технологических моделей железообрабатывающего производства дает возможность структурировать представления о производственной культуре различных народов. А именно: выявлять особенности и закономерности становления и формирования кузнечного ремесла конкретной культурно-исторической общности, определять роль традиций и инноваций в этой отрасли производства, раскрывать характер этнокультурных взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

Завьялов В.И., 2005. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 242 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2008. Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.: ИА РАН. С. 329–331.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР. 260 с. (МИА № 32).

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР. С. 7–120. (МИА № 65).

Перевощиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск: УдГУ. 176 с.

Розанова Л.С., Балина Н.Н., Стоколос В.С., 2001. Железные предметы XV – первой половины XVII в. из Припечорья. Технологические характеристики и исторический контекст // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 208–221.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 318 с.

И. Е. Зайцева, И. А. Сапрыкина

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЯРОСЛАВЛЕ)

I. E. Zaitseva, I. A. Saprykina. New data on the characteristic of non-ferrous metal from North-Eastern Rus' (on the material of investigations in medieval Yaroslavl)

Abstract. This article presents the results of quantitative analyses of the metal composition of finds from excavations of Yaroslavl (mainly the 11th–14th cc.), totally 123 specimens. Optical-emission spectral analysis (2 standards method) and X-ray fluorescence analysis were used. The obtained results show that the jewellers of this urban center, throughout its history used metals and alloys with different technological characteristics. The data from Yaroslavl correspond to the tradition of using alloys at other sites of North-Eastern Rus' in the pre-Mongol period. In the 11th and early 12th c. the brass used in the region had either a medium-level or high zinc content (on average 12–13%). Two items of Merya-type rattling ornaments were made from tin-lead bronze (8–10% of tin), which corresponds to the manufacturing tradition of Finno-Ugrian rattling jewellery. In the 12th and early 13th c. brass retained its importance in local metal-work. Bronze alloys become the most popular. Differences are established in the materials from various production centers. In Yaroslavl alloys with low or medium tin content (up to 10%) typical of North-Western Rus' predominate, while higher concentrations of tin were discovered in the objects from Rostov, Vladimir and Gorodets and rural settlements of the Suzdal Field region. This was probably linked with the production tradition inherited from the Finno-Ugrians. In the second half of the 13th and the 15th c. shield finger-rings made of easily fused alloys and cast in stone moulds became popular in Yaroslavl and in Northern Rus' generally. Some common features are singled out in the traditions for using alloys in various large production centers of the region. Their distinctive features were clearly manifested in the early period. Between the late 12th and 15th c. the differences between North-Eastern and North-Western Rus' became less noticeable with regard to the alloy formulas, which reflects the increasing economic unity within Northern Rus'.

Ключевые слова: археология Древней Руси, Ярославль, сплавы цветных металлов, химический состав сплавов.

Изучение химического состава цветного металла древнерусского времени имеет свою богатую историю, однако до настоящего момента не были известны

данные по химическому составу металла одного из важнейших городских центров Северо-Восточной Руси – Ярославля. Археологические исследования на территории исторической части Ярославля, проводившиеся в 2004–2010 гг. (автор раскопок – А.В. Энговатова; Археология древнего Ярославля…, 2012; *Энговатова*, 2012; и др.), позволили получить значительную коллекцию предметов из цветных металлов, датирующуюся широким хронологическим интервалом от XI до XVIII–XIX вв. Обширность полученной коллекции и разнообразие входящих в нее предметов требуют специального обзора, а исследование химического состава цветного металла и техники изготовления предметов из цветных металлов и сплавов позволят получить новые данные о развитии городского ювелирного дела на широком хронологическом отрезке.

Данная публикация представляет первые результаты подобного исследования, целью которой является характеристика химического состава металла находок из Ярославля (123 находки)[1] и сопоставление полученных данных с материалами из городских и сельских памятников Северо-Восточной Руси. Публикуемая выборка из Ярославля датируется преимущественно XI–XV вв. Для сравнения были привлечены синхронные материалы из городов Северо-Восточной Руси: Владимира (98 проб[2]), Городца (56), Ростова (60), а так же сельских памятников Суздальского Ополья (курганы – 50 проб, сельские поселения – 182[3]).

Химический состав металла предметов из раскопок в Ярославле анализировался с помощью разных методик: 51 образец исследован способом оптико-эмиссионного спектрального анализа металла по методу трех эталонов (ОЭСА) А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург; описание метода см.: *Егорьков, Щетенко*, 1999. С. 40); 72 образца изучено в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ методом рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) Р.А. Митояном (описание метода см.: *Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 114–120), а 31 проба была дополнительно исследована Г.Б. Кузнецовым в Bruker-Nano на РФА-спектрометре M-1 Mistral[4].

Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой проведена специальная работа по исследованию сопоставимости между собой результатов анализов, полученных по различным методикам. Она показала, что результаты ОЭСА и РФА существенно расходятся только по определению концентрации свинца из-за того, что при РФА исследуется поверхность предмета, часто более насыщенная свинцом (Там же. С. 116). Представляется, что для используемой нами классификации по заранее определенным параметрам, когда в одну группу объединяются объекты с довольно широким интервалом концентраций легирующих элементов, этой погрешностью допустимо пренебречь.

[1] *Зайцева, Сапрыкина*, 2014. С. 212–233.

[2] Пробы, сделанные А.Н. Егорьковым, Н.В. Ениосовой (*Ениосова, Жарнов*, 2006. С. 75) и Ю.Э. Жарновым (2000).

[3] Пробы, сделанные А.Н. Егорьковым и Р.А. Митояном (*Зайцева*, 2008. С. 45–55; *Сапрыкина*, 2012. С. 112).

[4] Результаты исследования этих проб представлены в статье: *Сапрыкина*, 2014. С. 169–187. Табл. 1.

В рассматриваемой нами выборке представлены следующие категории предметов (см. *Приложение*): височные кольца, перстнеобразные и трехбусинные (17 экз.), перстни (16), браслеты (8), энколпионы (2), кресты-тельники (7), книжные застежки (2), бубенчики (3), пряжки (9), бляшки, вставки и накладки разных типов (15), подвески и привески (4), пуговицы (10), пластины и фрагменты сосудов (12), иглы (2), прутки (2), пинцет (2 пробы), иконка, фрагмент оклада иконы, бусина, цепочка, спиральная пронизка, нож для бумаги, грузик, матрица, литник, обоймица, ручка от комода, кольцо замкнутое.

Из анализируемой выборки[5] тридцать семь предметов, исследованных методом РФА, оказались изготовленными не из сплавов на основе меди (цв. илл. X). Квадратная пластинчатая гладкая нашивная бляшка (№ 90[6]) сделана из серебра 90 пробы. Пять предметов – из перемешанного сплава меди, олова, свинца с содержанием серебра от 3,6 до 31,0%. Это щитковый перстень со стеклянной вставкой (№ 38) и 4 пластинчатые нашивные бляшки (№ 82, 88, 89, 109). Грузик (№ 116) отлит из практически чистого свинца.

Четырнадцать находок изготовлены из олова[7]: 7 щитковых перстней (№ 91–93, 119–122), трехбусинное височное кольцо (№ 58), миниатюрная бусина (№ 115), две пуговицы (№ 61, 75), свернутые полоски металла (№ 55, 113), накладка в виде скорлупки (№ 117). Пять предметов отлиты из легкоплавких сплавов с различными соотношениями олова и свинца. В книжной застежке (№ 63) и круглой ажурной бляшке (№ 71) значительно преобладает свинец, в пуговице (№ 94) – олово. У остальных изделий значения концентраций свинца и олова сопоставимы. Это две бляшки: в форме цветка (№ 62) и круглая ажурная (№ 64). Как видно из перечисленных выше предметов, в Ярославле, как и в Новгороде, из легкоплавких сплавов изготавливались преимущественно щитковые перстни и пуговицы, отливавшиеся в каменные литейные формы (*Седова*, 1981. С. 132–136; *Коновалов*, 2008. С. 105–106; *Жилина*, 2012. С. 228–229). В пластинчатых нашивных бляшках присутствует серебро. Большинство рассмотренных находок относится ко второй половине XIII – XVII в.

Одиннадцать предметов сделаны из перемешанного сплава, состоящего из меди, олова и свинца (цв. илл. XI): две пуговицы – шаровидная (№ 102) и в виде палочки (№ 52); два креста-тельника – древнерусский с эмалью (№ 74) и позднесредневековый (№ 59); два щитковых перстня (№ 66, 110); две пряжки (№ 72, 107), одна из которых датируется новым временем; накладка в виде птички (№ 96); нож XIX в. для бумаги (№ 98); витой из проволоки браслет (№ 104).

Восемьдесят шесть предметов рассматриваемой выборки изготовлены из сплавов на основе меди.

Графики одномерного распределения элементов в исследуемом массиве показывают, что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк, т.е. их доля в сплаве больше или равна 1%. По наличию леги-

[5] В данной выборке не учитываются украшения т.н. «имитационных форм», металл которых был исследован на спектрометре M-1 Mistral.

[6] Здесь и далее номер находки указывается по *Приложению*.

[7] Всего в выборке из Ярославля из олова изготовлено 42 предмета; 28 предметов рассматриваются в: *Сапрыкина*, 2014. С. 169–187.

рующих компонентов объекты объединены в группы (сплавы) методом классификации по заранее определенным параметрам (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 125–132). Названия сплавов даются по составляющим их компонентам (*Гутов, Никитин*, 1995. С. 55, 57).

Однокомпонентные сплавы:
– «чистая» медь (Cu).

Двухкомпонентные (бинарные) сплавы:
– свинцовая бронза (Cu+Pb);
– оловянная бронза (Cu+Sn);
– войная латунь (Cu+Zn).

Трехкомпонентные:
– оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb);
– оловянно-цинковая бронза (Cu+Sn+Zn);
– свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb);
– оловянная латунь (Cu+Zn+Sn).

Многокомпонентные сплавы (Cu+Sn+Zn+Pb).

Рассмотрим полученные группы.

Медь

«Чистая» медь (Cu). Из чистой меди изготовлено 5 предметов (5,8% проанализированной выборки; цв. илл. XII). В большинстве образцов содержится свинец в десятых долях процента (среднее значение по группе 0,55%). Из меди сделаны пластина (№ 77), фрагмент сосуда (№ 10) и заклепка (№ 123), а также шаровидный линейнопрорезной бубенчик, спаянный из двух половинок (№ 25), и накладка с надписью «Борис» (№ 108). В металле накладки содержание свинца близко 1%.

Свинцовая бронза (Cu+Pb). Из меди с примесью свинца сделано 8 предметов (9,3% выборки; цв. илл. XII). В 5 изделиях – двух пластинах (№ 83, 101), трубочке (№ 97), обоймице ножа (№ 69) и позднесредневековом кресте-тельнике (№ 60) концентрация свинца не превышает 3%. В этих случаях, вероятно, можно говорить об использовании мастерами недостаточно очищенной меди, загрязненной свинцом. В трех образцах: перстнеобразном височном кольце (№ 73), замкнутом колечке (№ 46) и литнике (№ 53) содержание свинца выше – оно составляет от 3,6 до 6,4%. Скорее всего, свинец вводился в медь преднамеренно, хотя не исключена возможность, что это тоже плохо очищенная «грязная» медь.

Таким образом, из меди, чистой или с примесью свинца, изготовлено около 15% всех предметов рассматриваемой выборки. Наряду с производственными находками (литник), свидетельствующими об обработке меди в местных мастерских, в группе меди имеются и готовые изделия.

В проанализированных выборках проб, отобранных с находок из культурного слоя различных городов Северо-Восточной Руси, процент предметов из меди оказался несколько выше, чем в Ярославле: везде медные предметы составляют от одной пятой до одной четверти от всех находок (рис. 1). Как и в Ярославле, во Владимире из меди изготавливались шаровидные бубенчики. В остальных

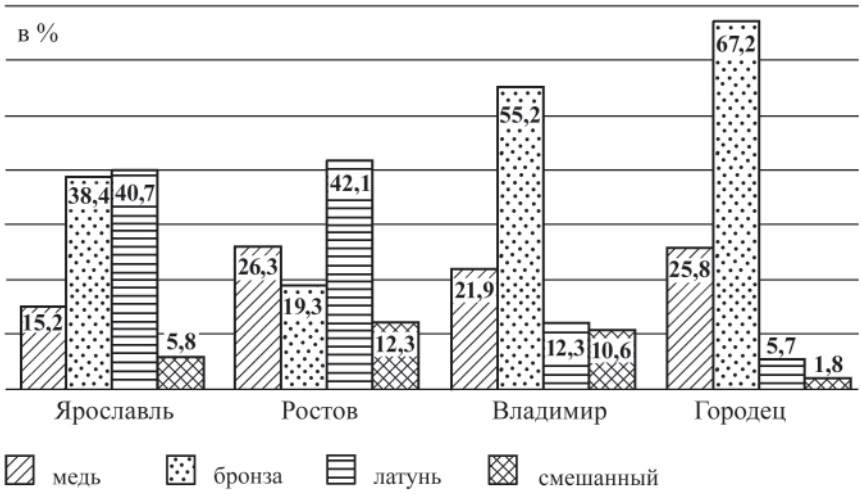


Рис. 1. Распределение групп сплавов на основе меди в городах Северо-Восточной Руси

городах преобладают производственные находки, из готовых изделий можно назвать медные пуговицы, пока не зафиксированные в Ярославле. Близко в городах региона соотношение предметов из чистой и загрязненной свинцом меди: последних насчитывается немного больше. Только в Городце в группе меди около двух третей образцов представлено предметами из меди, загрязненной свинцом.

Бронзы

Оловянная бронза (Cu+Sn). Из сплава меди с оловом изготовлено 7 предметов (8,2%) исследуемой выборки (цв. илл. XIII). Содержание олова в пробе колеблется в границах от 2,3 до 16,0%. В большинстве образцов оно имеет средние значения, близкие к 10% (среднее содержание олова в пробе составляет 9,3%). Только в металле обруча перстня (№ 43) количество олова достигает 16%. Примесь свинца ощутима: он находится в пределах 0,5–0,9% (среднее значение 0,7%). Такой сплав имеет высокую пластичность, он пригоден и для литья, и для механической деформации, поэтому из оловянной бронзы изготовлены как изделия из проволоки: три перстнеобразных височных кольца (№ 1, 2, 4) и колечко от пинцета (№ 48), так и литые – два перстня (№ 42, 43) и поясная пряжка (№ 17).

Оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb). Из трехкомпонентной бронзы сделано 24 предмета выборки (27,9%; цв. илл. XIII; XIV). Содержание олова в пробе находится в пределах 2–25%. В большинстве образцов оно имеет низкие (менее 5%) и средние (5–10%) значения (среднее значение в группе равно 9,6%). Высокооловянных предметов с содержанием олова 15–25% – шесть. Это изделия, изготовленные литьем: крест-тельник с трехчастными криновидными концами (№ 21), иконка с изображением Никиты (№ 26), шаровидная пуговица (№ 51), пластинчатый браслет (№ 78), прорезная накладка (№ 86) и щиток перстня (№ 114).

Концентрация свинца колеблется в пределах от 1,0 до 14,5% (среднее значение в пробе 4,25%). В половине образцов она не превышает 3%. Скорее всего, эти предметы изготовлены из загрязненной свинцом меди с добавлением олова. В остальных случаях можно предполагать преднамеренное легирование меди и оловом, и свинцом.

Оловянно-свинцовую бронзу, являющуюся прекрасным литейным сплавом, ярославские мастера-ювелиры на протяжении длительного времени использовали преимущественно для изготовления литых украшений. Это предметы личного благочестия – кресты-тельники (№ 21, 68, 80), энколпионы (№ 49), иконки (№ 26), шаровидные бубенчики (№ 30, 87), накладки (№ 67, 86), книжная застежка (№ 29). Из такого сплава сделана матрица для тиснения нашивных бляшек (№ 106). Есть в группе и изделия из проволоки, относящиеся к древнерусскому времени: перстнеобразное височное кольцо (№ 40) и витые браслеты (№ 56, 95). С первоначальным периодом жизни на поселении связаны мерянское шумящее обувное украшение (№ 35) и колоколовидная привеска (№ 85).

Многокомпонентная бронза (Cu+Sn+Pb+Zn). Перемешанный бронзовый сплав с незначительным содержанием цинка, полученный в результате переплавки лома, зафиксирован в двух пробах: кресте-тельнике с эмалью (№ 22) и цельнолитой пуговке (№ 50; цв. илл. XIII).

Таким образом, общее количество предметов из бронзы в ярославской выборке равно 38,4%. Большинство в группе составляют оловянно-свинцовые бронзы с низким и средним содержанием олова и небольшим содержанием свинца. Из имеющихся в нашем распоряжении выборок в Северо-Восточной Руси наиболее близкими ярославским оказываются данные из сельских поселений Суздальского Ополья: здесь число бронзовых предметов составляет 45,2%; (*Зайцева*, 2008. С. 41). Отличие состоит в несколько большем количестве олова в сплаве суздальских находок (среднее значение 11,7%) и меньшем количестве свинца (среднее значение 2,9%). Во Владимире доля бронзовых предметов намного выше – 55% (рис. 1). Там значительно преобладают оловянно-свинцовые бронзы со средней и высокой концентрацией свинца. В Ростове предметов из бронзы ощутимо меньше – 21%. Как и во Владимире, большинство образцов имеют средние и высокие значения олова. В Городце сложилась своя, отличная от других городов, производственная традиция в использовании сплавов. Здесь бронзы представляют более двух третей всей выборки. Преобладают оловянно-свинцовые бронзы со средней и высокой концентрацией олова.

Латуни

Двойная латунь (Cu+Zn). Из сплава меди с цинком в выборке представлено всего два образца (2,3%). Это перстнеобразное височное кольцо первой трети XIII в. с концентрацией цинка 10% (№ 44) и ручка от комода нового времени с содержанием цинка 3,1% (№ 57; цв. илл. XV).

Предметов из оловянной латуни в выборке нет.

Свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb). Группа свинцовой латуни насчитывает 17 предметов (19,8% выборки). Количество цинка в образцах достаточно высокое: оно колеблется в пределах от 5,7 до 26,7% (среднее значение по группе

13,1%). В 10 находках концентрация цинка превышает 10%, что свидетельствует о наличии у местных мастеров цинкосодержащего сырья и умения приготавливать свежие сплавы. Содержание свинца сильно варьируется – от 1 до 30% (среднее значение 4%). В 11 пробах, где оно не превышает 3,6%, вероятно, можно говорить об использовании недостаточно очищенной меди. В этих случаях мастера ставили задачу приготовления сплава двойной латуни. К этой группе относятся перстнеобразное височное кольцо (№ 5), лировидная поясная пряжка (№ 15), игла для плетения (№ 20), две полые шаровидные пуговицы (№ 24, 27), пластинчатая накладка (№ 65), спиральная проволочная пронизка (№ 32), три пластины (№ 28, 37, 70), пруток (№ 39).

В шести пробах, скорее всего, осуществлялось преднамеренное легирование сплава свинцом. Это поясная пряжка арочной формы (№ 14), круглодротовый перстень в полтора оборота (№ 23) и обрывок дрота ромбического сечения (№ 79), шаровидная пуговица (№ 84) и два браслета – из дрота треугольного сечения и пластинчатый (№ 103, 112).

Многокомпонентные латуни (Cu+Zn+Pb+Sn). Из свинцовой латуни с добавлением бронзы изготовлено 16 предметов (цв. илл. XVI). Основой сплава является пара элементов медь-цинк. Содержание цинка в сплаве близко его значениям в группе свинцовой латуни. Оно варьируется в пределах от 6,2 до 19,0% (среднее значение равно 12,4%). Концентрация свинца колеблется от 1 до 20%. В 12 случаях она не превышает 3,6%, т.е. для приготовления сплава, скорее всего, была использована бронза на основе плохо очищенной меди. Только в дротовом браслете круглого сечения (№ 100) добавка свинца близка к 20%. Содержание олова варьируется от 1,1% до 7,8%. Его среднее значение по группе составляет 3,6%. Из многокомпонентной латуни изготовлены как предметы, полученные способом пластической деформации: перстнеобразные височные кольца (№ 7, 12, 13, 16, 33, 34, 41), усатый перстень (№ 8), цепочка из колечек (№ 11), оклад иконы (№ 54), дротовый браслет (№ 100), накладка трапециевидной формы (№ 111), пластина (№ 36), так и литые: преимущественно это небольшие по размеру пряжки (№ 81, 99, 105).

В целом, количество латунных предметов в Ярославской выборке близко количеству бронзовых и составляет около 40%. Универсальные с технологической точки зрения латуни, пригодные как для ковки, так и для литья, использовались на протяжении всего рассматриваемого периода. Тем не менее, как и на других памятниках Северо-Восточной Руси и в Новгороде, в Ярославле большое число латунных предметов, преимущественно из свинцовой и многокомпонентной латуни, фиксируется в ранних слоях, в XI – начале XII в. (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 134; *Зайцева*, 2008. С. 39). Это лировидные и арочные поясные пряжки, усатый перстень, браслет из дрота треугольного сечения. Традиция использования латуней сохраняется в городе и в последующее время. Латунные изделия есть в материалах XII – первой половины XIII в. (перстнеобразные височные кольца, браслеты), и в более поздних: миниатюрные пряжки, имеющие аналогии в материалах из раскопок средневековых английских городских слоев (см. например: *Ottaway, Rogers*, 2002. P. 2912), а также оклад иконы и ручка комода, относящиеся к новому времени. Обработка латуни в местных мастерских маркируется обрывком дрота ромбического сечения (№ 79).

По количеству латунных предметов ярославская выборка похожа на ростовскую, в которой зафиксировано 42% изделий из латуни. В остальных городах региона, где отсутствуют предметы хронологической группы XI – начала XII в., число латуней заметно меньше: 12,3% во Владимире, 5,7% в Городце. В выборке по сельским памятникам Суздальского Ополья, так же, как и в Ярославле, в материалах раннего периода значительна доля предметов из свинцовой и многокомпонентной латуни (*Зайцева*, 2008. С. 41–43).

Довольно высокое среднее содержание цинка в сплаве, 12–13%, в находках из Ярославля соответствует его количеству в материалах других памятников Северо-Восточной Руси: 14,7% на селищах Ополья (*Зайцева*, 2008. С. 41), 14,0% в Ростове, 9,9% во Владимире. По наблюдениям Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой, на памятниках Северо-Западной Руси в материалах XI – начала XII в. преобладали латуни с низкой концентрацией цинка (1–7%). Хотя, в XII–XIII вв. образцов со средним содержанием цинка в сплаве на этой территории становится больше (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 134), можно с уверенностью говорить, что в отличие от северо-западных районов Древней Руси, Северо-Восточная Русь имела налаженные пути поступления высокоцинкового сырья на протяжении длительного хронологического периода от XI в. до позднего Средневековья.

Перемешанный сплав. Из перемешанного сплава с большим количеством меди изготовлено всего 5 предметов выборки (5,8%; цв. илл. XI). Это два перстнеобразных височных кольца (№ 3, 6), дротовый браслет (№ 9), подвеска топорик (№ 18) и ушко энколпиона (№ 45). Предметы относятся к разным хронологическим группам. Если принимать во внимание только сплавы на основе меди, то их количество кажется очень небольшим: оно в два раза меньше, чем в Ростове. Но если обратиться к группе предметов, в которых из-за многократных переплавок и разбавлений медь перестала быть основой, то таких изделий окажется в Ярославле гораздо больше – 16 предметов или 13%. Эта цифра сопоставима с данными по Ростову и Владимиру. В Городце, демонстрирующем оригинальную традицию использования меди и бронз и малой распространенности латуней, количество предметов их перемешанного сплава минимально.

Использование мастерами перемешанного сплава маркирует работу с ломом и многократные переплавки. Эта практика применялась ярославскими мастерами-ювелирами и литейщиками, но не составляла основу производственной традиции, а выполняла вспомогательную роль.

Выводы. Исследование состава сплавов находок из раскопок Ярославля, имеющих широкий хронологический диапазон от XI до XIX в., показывает, что мастера-ювелиры крупного городского центра на всем протяжении его истории имели в своем распоряжении различные по технологическим характеристикам металлы и сплавы. Данные по Ярославлю полностью соответствуют традиции использования сплавов, зафиксированной по материалам других памятников Северо-Восточной Руси домонгольского времени. В период XI – начала XII в. в регионе господствовали латуни, преимущественно свинцовые и многокомпонентные, со средним и высоким содержанием цинка в сплаве (среднее значение по выборке составляет 12–13%). Два проанализированных мерянских шумящих украшения оказались изготовленными из оловянно-свинцовой бронзы с содер-

жанием олова 8–10%, что укладывается в рамки традиции производства финно-угорских шумящих украшений.

В XII – первой половине XIII в. выигрышные в технологическом и эстетическом планах латуни сохраняют свое значение в местной металлообработке. Вместе с тем, большую популярность получают бронзовые сплавы. Здесь мы можем наблюдать некоторые различия в материалах из разных производственных центров: если в Ярославле преобладают сплавы с низким и средним содержанием олова (до 10%), характерные для Северо-Западной Руси (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 134; *Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 125), то в Ростове, Владимире, Городце и на селищах Суздальского Ополья концентрация олова в сплаве в большинстве предметов оказывается несколько выше, что, вероятно, связано с наследием финно-угорской производственной традиции.

Во второй половине XIII – XV в. в Ярославле, также как и в Новгороде, Твери (*Лапшин*, 2009. С. 353, рис. 103) и других городах Северной Руси, большую популярность получают разные формы украшений, отливавшиеся в каменных формах из легкоплавких сплавов (*Сапрыкина*, 2014. С. 169–187).

Таким образом, имея в своем распоряжении репрезентативную выборку материалов большого хронологического диапазона, полученную из разных памятников Северо-Восточной Руси, мы можем с уверенностью говорить об общности традиции в использовании сплавов мастерами из различных крупных производственных центров региона. Эта традиция имеет выраженное региональное своеобразие, наиболее ярко проявляющееся в ранний период. Во второй половине XII – XV в. различия между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью по составам сплавов менее заметны[8], что свидетельствует о единстве экономического пространства Северной Руси в это время.

Материалы сельских памятников Северо-Восточных окраин Древней Руси показывают обособленность производственных традиций местного населения в период X – начала XI в. В это время здесь господствуют бронзы и многокомпонентные сплавы (*Зайцева*, 2009. С. 165). С включением этих территорий в экономико-культурное пространство древнерусского государства номенклатура сплавов, используемых местными мастерами, расширяется. Выбор приверженности большего или меньшего количества добавления олова в бронзы зависит от конкретных связей жителей разных поселков.

В небольших производственных центрах, таких как Городец, Торопец (*Фоняков*, 1991. С. 221), Серенск (*Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 125), часто складываются свои локальные «привычки» в использовании сплавов. Мастера разрабатывают некий «любимый» ими универсальный с технологической точки зрения рецепт сплава, исходя из доступных им сырьевых материалов, и преимущественно используют его для изготовления различных категорий изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Археология древнего Ярославля: загадки и открытия: (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН), 2012 / Авт.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. 295 с.

[8] Различия остаются только в большей концентрации олова в бронзовых сплавах памятников Северо-Восточной Руси в это время.

Гутов Л.А., Никитин М.К., 1995. Справочник по художественной обработке металлов. СПб.: Политехника. 436 с.

Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всероссийской науч. конф. (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 280–307.

Егорьков А.Н., Щетенко А.Я., 1999. Состав металла поселения эпохи поздней бронзы Теккемдепе (Южный Туркменистан) // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 3. С. 39–43.

Ениосова Н.В., Жарнов Ю.Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчанного города» домонгольского Владимира // РА. № 2. С. 64–80.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья: монография / А.А. Коновалов и др.; отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 107–186.

Жарнов Ю.Э., 2000. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. № 1. С. 183–193.

Жилина Н.В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 215–235.

Зайцева И.Е., 2008. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 36–55.

Зайцева И.Е., 2009. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука. С. 155–166.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Зайцева И.Е., Сапрыкина И.А., 2014. Цветной металл средневекового Ярославля: химический состав // Славяне и иные языци… К юбилею Н.Г. Недошивиной. Труды ГИМ. Вып. 198 / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: ГИМ. С. 212–233.

Коновалов А.А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья: монография / А.А. Коновалов и др.; отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 7–106.

Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв.: (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во факультета филологии и искусств СПбГУ. 534 с. (Труды ИИМК; т. XXX).

Сапрыкина И.А., 2012. Результаты исследования изделий, связанных с металлообработкой, из раскопок Клочковского селища 2 // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 111–115.

Сапрыкина И.А., 2014. Ювелирные изделия из раскопок «рубленого» города Ярославля // КСИА. Вып. 232. С. 169–187.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Фоняков Д.И., 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология) // СА. № 2. С. 217–231.

Энговатова А.В., 2012. Ярославль в XI веке // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН. С. 91–92.

Ottaway P., Rogers N., 2002. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York. York: Council for British Archaeology. 240 p. (The Archaeology of York. The Small Finds; 17/15).

Приложение. **Состав сплавов находок из раскопок в Ярославле в 2006–2008 гг. (УС – Успенский собор; Мар. – Отель Мариотт; РГ – Рубленый город)**

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
1	805011	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	2,30	0,50	0	0,06	0	0,20	0	0	0,01	0,02	0,06	Яр-06, УС, р. 1, уч. 3, кв. 49, п. 27, № 1612
2	805012	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	11,00	0,50	0	0,10	0,20	0,30	0,05	0	0,01	0,01	0,06	Яр-06, УС, р. 1, уч. 3, кв. 48, п. 27, № 1594
3	805013	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	7,00	1,80	6,70	0,02	0,30	0,08	0,03	0,03	0,30	0,02	0,20	Яр-06, УС, р. 1, уч. 11, пл. 6, кв. 220, № 1907
4	805014	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	10,00	0,90	0,10	0,05	1,30	0,40	0,10	0	0	0,01	0,05	Яр-06, УС, р. 1, уч. 13, пл. 7, кв. 280, № 1916
5	805015	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	0,60	3,20	5,80	0,02	0,30	0,30	0,07	0,01	0,03	0,02	0,03	Яр-06, УС, р. 1, уч. 3, кв. 27, п. 27, № 1583
6	805016	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	8,20	1,10	4,50	0,03	0	0,50	0	0	0,30	0,02	0,05	Яр-06, УС, р. 1, 14, кв. 287, я. 111, № 1902
7	805017	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	1,10	1,00	6,20	0,05	0,20	0,50	0,03	0	0,50	0,02	0,05	Яр-06, УС, р. 1, уч. 12, пл. 5, кв. 251, № 1751
8	805018	Перстень усатый	осн.	1,50	1,80	7,00	0,10	0,20	0,50	0,06	0	0,03	0	0,02	Яр-06, УС, р. 1, 19, пл. 5, кв. 365, № 2247
9	805019	Браслет дротовый	осн.	5,80	2,60	4,70	0,02	0,20	0,50	0,05	0,01	0,30	0,03	0,07	Яр-06, УС, р. 1, 21, пл. 4, кв. 452, № 2627
10	805020	Сосуд	осн.	0,04	0,60	0,07	0,04	0,40	0,40	0,05	0	0	0,02	0,10	Яр-06, УС, р. 2, пл. 2, кв. 13, № 2663
11	805021	Цепочка	осн.	1,30	5,70	11,00	0,01	0,30	0,60	0,06	0	0,03	0,02	0,06	Яр-06, УС, р. 1, уч. 14, пл. 6, кв. 288, № 1985
12	805022	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	5,00	1,20	14,00	0,01	0	0,10	0	0,01	0,20	0,02	0,04	Яр-06, УС, р. 1, ш. 5, № 1887
13	805023	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	5,00	1,50	19,00	0,01	0	0,10	0	0	0,10	0,02	0,04	Яр-06, УС, р. 1, ш. 5, пл. 8, № 1946
14	805024	Пряжка поясная арочная	осн.	0,50	14,00	9,80	0,03	0,30	0,50	0,04	0,01	0,03	0,01	0,02	Яр-06, УС, р. 1, уч. 17, пл. 5, кв. 360, № 2105
15	805025	Пряжка поясная лировидная	осн.	0,02	2,00	13,00	0,01	0,10	0,40	0,07	0	0,02	0,02	0,03	Яр-06, УС, р. 1, уч. 21, пл. 5, кв. 438, № 2605
16	805026	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	7,80	1,50	14,00	0,01	0,10	0,10	0,02	0,01	0,40	0,02	0,05	Яр-06, УС, р. 1, уч. 3, кв. 48, п. 27, № 1576
17	805027	Пряжка поясная	осн.	11,00	0,60	0,10	0,05	0,20	0,50	0,20	0	0	0,02	0,20	Яр-06, УС, р. 1, уч. 24, пл. 3, кв. 542, № 2609
18	805028	Подвеска-топорик	осн.	4,50	12,00	8,80	0,01	0,50	0,30	0,03	0,05	0,20	0,01	0,01	Яр-06, УС, р. 1, уч. 15, кв. 301, я. 196, № 2443
19	805029	Игла	осн.	2,60	1,70	0,50	0,10	0,40	0,60	0,05	0	0,30	0,02	0,03	Яр-06, УС, р. 1, уч. 19, пл. 7, кв. 374, № 2280
20	805030	Игла	осн.	0	3,30	7,80	0,01	0,10	0,20	0,07	0	0,03	0,02	0,03	Яр-06, УС, р. 1, уч. 20, пл. 6, кв. 391, № 2334
21	805031	Крест-тельник	осн.	25,00	6,20	0,08	0,20	0,10	0,07	0,04	0	0	0,02	0,03	Яр-06, УС, р. 2, кв. 2, № 2864

Приложение. Продолжение

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
22	805032	Крест-тельник	осн.	8,00	7,30	1,90	0,05	0,60	0,60	0,07	0	0,60	0,01	0	Яр-06, УС, р. 1, уч. 12, кв. 259, № 1871
23	805033	Перстень дротовый	осн.	0,02	7,30	15,00	0,01	0,50	0,20	0,04	0,02	0,07	0,02	0,02	Яр-06, УС, р. 1, уч. 15, пл. 6, кв. 297, № 2448
24	805034	Пуговица полая тисненая	осн.	0,03	1,00	15,00	0,01	0,10	0	0	0	0,20	0,02	0,50	Яр-06, УС, р. 1, уч. 11, пл. 5, кв. 217, с. 24, № 1904
25	805035	Бубенчик шаровидный линейнопрорезной	осн.	0,60	0,30	0	0,07	0	0,03	0	0	0	0,01	0,01	Яр-06, УС, р. 1, уч. 21, пл. 2, кв. 458а, № 581
26	805036	Иконка Никита	осн.	18,00	1,50	0,10	0,03	0,20	0,70	0,03	0,08	0,40	0,02	0,04	Яр-06, УС, р. 1, уч. 22, пл. 3, кв. 472, № 2535
27	805037	Пуговица	осн.	0,04	1,60	22,00	0,05	0	0	0	0	0,06	0,02	0	Яр-06, УС, р. 1, уч. 29, пл. 4, кв. 511, № 2795
28	805038	Пластина (браслет?)	осн.	0	3,60	7,20	0,01	0,30	0,02	0,02	0	0,40	0,01	0,10	Яр-06, УС, р. 1, уч. 16, пл. 4, кв. 329, № 2106
29	805039	Книжная застежка	осн.	2,50	1,50	0,10	0,02	0	0,03	0,02	0,01	0	0,02	0,02	Яр-06, УС, р. 1, уч. 18, пл. 5, кв. 411, № 2628
30	805040	Бубенчик шаровидный линейнопрорезной	осн.	6,50	2,20	0,06	0,02	0	0,20	0,03	0,01	0,03	0,02	0,04	Яр-06, УС, р. 1, уч. 18, пл. 4, кв. 352, № 2615
31	805041	Перстень круглодротовый	осн.	6,80	1,10	0	0,02	0,10	0,30	0	0	0,20	0,03	0	Яр-06, УС, р. 1, уч. 3, кв. 27, п. 27, № 1575
32	819044	Пронизка спиральная	осн.	0,50	2,60	5,70	0,02	0,30	0,40	0,04	0,01	1,10	0,04	0,01	Яр-07, РГ, р. 3, пл. 10, кв. 29, № 337
33	819045	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	4,90	3,60	13,00	0,10	0,30	0,30	0,05	0	1,10	0,30	0	Яр-07, РГ, р. 1, уч. 4, пл. 10, кв. 82, № 324
34	819046	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	4,60	2,10	9,80	0,04	0,20	0,30	0,04	0	0,80	0,20	0	Яр-07, РГ, р. 1, уч. 4, пл. 10, кв. 82, № 324
35	819047	Подвеска шумящая	осн.	8,80	1,00	0,30	0,07	0,20	0,20	0,03	0	0,10	0,09	0,05	Яр-07, РГ, р. 3, пл. 12, кв. 56, № 378
36	819048	Пластина (?)	осн.	3,10	3,30	14,00	0,02	0,20	1,20	0,04	0	0,50	0,03	0,02	Яр-07, РГ
37	819049	Пластина (?)	осн.	0,80	1,20	21,00	0,01	0	0,06	0	0	0,20	0,02	0,01	Яр-07, РГ
38	820017	Перстень щитковый	47,80	0,30	19,00	0,90	31,00	0,60	0,01	0,03	0	0,40	0,03	0	Яр-07, РГ
39	820018	Пруток	осн.	0,10	3,30	8,60	22,00	0,20	0,20	0,03	0	0,30	0,01	0,02	Яр-07, Мар., уч. 3, пл. 9, кв. 196, № 775
40	819053	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	11,00	1,10	0,10	0,08	0,20	0,30	0,04	0	0,10	0,05	0,02	Яр-07, Мар., уч. 3, пл. 6, кв. 166, № 589
41	819054	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	1,80	1,00	10,00	0,01	0,10	0,03	0	0,02	0,30	0,02	0,04	Яр-07, Мар.
42	819055	Перстень щитковый	осн.	6,00	0,70	1,10	0,09	0	0,08	0	0	1,10	0,02	0	Яр-07, Мар., уч. 2, пл. 3, кв. 79, № 150
43	819056	Перстень щитковый	осн.	16,00	0,90	0	0,07	0,20	1,30	0,04	0	0,09	0,04	0,01	Яр-07, Мар., уч. 3, пл. 5, кв. 213, № 588

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
44	819057	Кольцо височное перстнеобразное	осн.	0,30	0,20	10,00	0,01	0	0	0	0	0,03	0,01	0	Яр-07, Мар., уч. 1, пл. 4, кв. 24, № 392
45	819058	Ушко энколпиона	осн.	11,00	2,10	5,10	0,01	0,20	0,40	0,03	0	1,50	0,02	0,02	Яр-07, Мар., отвал, № 653
46	820019	Кольцо замкнутое	осн.	0,80	3,90	0	0,01	0,10	0,03	0	0	0,09	0,02	0,07	Яр-07, Мар., уч. 2, балласт, кв. 61, № 14
47	820020	Пинцет	осн.	7,70	3,20	0,04	0,04	0,40	1,40	0,06	0,10	0,50	0,02	0,05	Яр-07, Мар., уч. 1, пл. 1, кв. 44, № 180
48	820021	Пинцет (колечко)	осн.	8,60	0,60	0	0,06	0,40	0,80	0,04	0,01	0,02	0,01	0,05	Яр-07, Мар., уч. 1, пл. 1, кв. 44, № 180
49	820022	Энколпион	осн.	8,60	3,40	0,60	0,10	0,10	0,60	0,03	0	1,40	0,02	0	Яр-07, Мар.
50	820023	Пуговица биконическая	осн.	15,00	7,00	3,60	0,01	0,20	0,70	0,06	0	1,30	0,01	0,07	Яр-07, Мар., уч. 1, пл. .6, кв. 2, № 476
51	820024	Пуговица шаровидная полая	осн.	16,00	9,60	0	0,10	0,60	0,80	0,10	0	1,10	0,01	0	Яр-07, Мар., уч. 1, пл. 8, кв. 24, № 548
52	988	Пуговица	43,47	35,00	13,66	1,85		0,23	0,73	0	0	5,06	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 3, кв. 23, № 94
53	989	Литник	91,45	0,28	6,39	0,57	0,34	0,33	0	0	0	0,64	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 2, кв. 22, № 38
54	990	Оклад иконы	83,01	1,55	1,67	13,11	0,14	0	0	0	0	0,53	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 1, кв. 93, № 266
55	991	Пластина свернутая	1,12	95,85	0,75	0,38	0	0,04	0	0	0	1,86	–	–	Яр-08, РГ, пл. 13, кв. 15, выброс, № 1356
56	992	Браслет витой проволочный	94,01	2,03	2,38	0	0,12	0,14	0,29	0	0	1,03	–	–	Яр-08, Мар., пл. 9, кв. 3, под СВ стеной соор. 19, № 951
57	993	Ручка от комода	95,82	0	0,99	3,11	0	0	0	0	0	0,17	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 15, кв. 180, соор. 170, № 793
58	994	Кольцо височное трехбусинное	0,36	96,61	0	0	0	0	0	0	0	3,03	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 10, кв. 142, соор. 180 (над ямой 174), № 776
59	995	Крест с килевидным окончанием	25,26	13,56	54,56	0	0,60	0,94	0,51	0	0	4,53	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 8, кв. 101, под соор. 127, № 584
60	996	Крест	95,12	0,47	2,19	0	0,35	0,32	1,53	0	0	0,03	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 9, кв. 101, под соор. 127, № 607
61	997	Пуговица шаровидная фигурная	4,21	95,17	0	0,49	0	0,12	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 7, кв. 20, соор. 89, № 326
62	998	Накладка в виде цветка	0	37,03	61,69	0	0	1,27	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 8, кв. 117, № 554
63	999	Книжная застежка	0	8,01	91,12	0	0	0,86	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 4, кв. 59, № 155
64	1000	Бляшка круглая ажурная	0	43,10	55,9	0	0	0,99	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 4, кв. 55, соор. 72, № 131
65	1001	Накладка	86,64	0,04	1,36	11,41	0	0,08	0	0	0	0,48	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 2, кв. 42, № 48

Приложение. Продолжение

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
66	1002	Перстень	40,00	22,45	29,53	0	0,34	0,46	0,30	0	0	6,92	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 10, кв. 100а, выброс, № 638
67	1003	Накладка на конец браслета	81,06	2,69	14,51	0	0,14	0,24	0,24	0	0	1,12	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 5, кв. 45, № 242
68	1004	Крест с килевидным окончанием	90,21	2,56	6,14	0	0,17	0,49	0,40	0	0	0,03	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 10, кв. 99, № 630
69	1005	Обоймица для ножа	96,69	0,06	2,57	0	0,09	0,27	0,32	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 9, пл. 10, выброс, № 1182
70	1006	Пластина	71,70	0	1,44	26,71	0,13	0	0	0	0	0,03	–	–	Яр-08, Мар., уч. 9, пл. 22, кв. 49, соор. 130, дренаж, № 1212
71	1007	Бляшка круглая ажурная	0	3,02	95,67	0	0	1,30	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 7, кв. 117, выброс, № 533
72	1008	Пряжка с гнездами для вставок	46,97	11,59	35,01	3,93	0,15	0,25	0	0	0	2,15	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 11, кв. 39, соор. 89, № 476
73	1009	Кольцо височное перстнеоразное	95,88	0,38	3,57	0	0	0,18	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 14, кв. 34, № 957
74	1100	Крест-тельник	10,49	4,29	74,19	0	0,09	0,46	0,68	0	0	9,80	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 9, кв. 69, № 485
75	1101	Пуговица шаровидна	0,98	97,52	1,01	0,29	0	0,19	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, уч. 7, пл. 6, кв. 37, соор. 89, № 253
76	1102	Вставка пластинчатая ромбовидная	88,09	2,93	8,80	0	0,11	0,06	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, № 224
77	1103	Пластина	98,51	0	0,90	0	0,09	0,17	0,33	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 29, на СВ лаге, соор. 30, № 1286
78	1104	Браслет плоский	70,23	15,70	7,94	0	0,22	0,48	0,66	0	0	4,77	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 4, кв. 48, № 181
79	1105	Пруток	74,79	0	6,45	18,70	0,07	0	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 11, кв. 41, № 1003
80	1106	Крест	70,87	16,82	11,94	0	0,26	0	0,11	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 11, кв. 116, № 660
81	1107	Пряжка круглая	76,66	2,61	6,96	12,99	0,09	0,36	0,33	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 30, под соор. 31, выброс, № 1086
82	1108	Накладка прямоугольная орнаментированная	0	22,24	73,66	0	3,69	0,41	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 15, выброс, № 1425
83	1109	Пластина	96,56	0,05	2,53	0	0,11	0,13	0,61	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 26, яма 27, выброс, № 1855
84	1110	Пуговица шаровидная	78,96	0,92	9,49	8,33	0,46	0,18	0	0	0	1,68	–	–	Яр-08, РГ, уч. 7, пл. 5, кв. 78, соор. 68, № 203
85	1111	Привеска колоколовидная	84,34	10,79	3,35	0	0,07	0,90	0,30	0	0	0,24	–	–	Яр-08, РГ, уч. 11, кв. 30, № 337
86	1112	Накладка рельефная	74,22	21,02	2,99	0	0,43	0,05	1,30	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 2, кв. 80, № 275

Приложение. Продолжение

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
87	1113	Бубенчик	94,34	3,44	1,41	0	0,33	0	0,26	0	0	0,22	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 17, кв. 167, № 827
88	1114	Пряжка	0	27,76	55,23	0,31	16,70	0	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 30, под соор. 31, выброс, № 1088
89	1115	Накладка фигурная	0	25,02	70,18	0	4,28	0	0	0	0	0,52	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 16, № 1030
90	1116	Накладка пластинчатая квадратная	0	0	0,58	0	89,51	0	0	0	0	0,77	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 29, № 975
91	1117	Перстень щитковый	0	95,96	4,04	0	0	0	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 20, кв. 28, № 1844
92	1118	Перстень щитковый	0	94,16	3,22	0,37	0	0	0	0	0	2,25	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 1, кв. 67, № 245
93	1119	Перстень с ромбовидным щитком	0,65	97,71	0	0	0	0	0	0	0	1,64	–	–	Яр-08, РГ, пл. 11, кв. 15, соор. 23, № 343
94	1120	Пуговица	0	81,52	17,21	0	0	0	0	0	0	1,26	–	–	Яр-08, Мар., пл. 16, выброс, № 1546
95	1121	Браслет витой проволочный	84,46	5,76	5,75	0	0,05	0,46	0,39	0	0	3,14	–	–	Яр-08, Мар., уч. 6, пл. 15, кв. 149, соор. 180 (20а), № 733
96	1122	Накладка в виде птички	57,16	35,93	5,47	0	0,19	0	1,24	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 2, кв. 79, № 273
97	1123	Трубочка из пластинчатого металла	92,69	0,16	1,77	0	0,22	0,18	0,19	0	0	4,79	–	–	Яр-08, РГ, южный сектор, пл. 9, кв. 39а, яма 9, № 115
98	1124	Нож для бумаги	50	21,59	21,94	1,49	0,34	0,56	1,26	0	0	2,82	–	–	Яр-08, РГ, пл. 4, кв. 75, соор. 35, № 379
99	1125	Пряжка	77,12	3,63	2,47	14,5	0	0,33	0,25	0	0	1,71	–	–	Яр-08, РГ, пл. 15, кв. 16, соор. 30, № 1334
100	1127	Браслет дротовый	63,02	1,12	19,91	9,43	0,24	0,62	0,28	0	0	5,38	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 11, кв. 51, яма 162, № 995
101	1128	Пластина	97,06	0	2,27	0	0,08	0,24	0,35	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 16, кв. 16, соор. 69, № 1667
102	1129	Пуговица шаровидная	31,46	14,47	44,56	0	0,34	1,00	0,81	0	0	7,37	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 7, кв. 70, № 384
103	1130	Браслет	54,52	0,08	29,63	12,86	0,11	1,76	0,23	0	0	0,82	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 8, кв. 29, № 452
104	1131	Браслет витой проволочный	1,59	92,05	3,68	0	0	0,10	0	0	0	2,58	–	–	Яр-08, РГ, пл. 15, кв. 29, соор. 69, № 1464
105	1132	Пряжка квадратная миниатюрная	74,61	4,84	3,99	14,11	0,20	0,45	0,32	0	0	1,48	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 30, под соор. 31, выброс, № 1087
106	1133	Матрица для тиснения	80,02	11,01	2,62	0	0,08	0	0,25	0	0	6,09	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 29, № 384
107	1134	Пряжка	21,16	48,52	28,09	0	0,59	0,51	1,20	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 7, кв. 62, яма 125, № 397

№	Лабор. шифр	Категория	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт находки
108	1135	Накладка	98,83	0	0,94	0	0,14	0,09	0	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 2, кв. 40, № 15
109	1136	Накладка	0	31,14	50,65	0	18,21	0	0	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 29, выброс, № 1098
110	1137	Щиток ромбовидной формы	30,61	56,85	10,74	0	0	0	0	0	0	1,79	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 0, кв. 79, № 4
111	1138	Накладка трапециевидная	82,35	1,99	2,42	11,98	0,10	0,04	0,35	0	0	0,76	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 2, кв. 79, № 264
112	1139	Браслет (?)	79,48	0,44	5,19	14,23	0,07	0,31	0,27	0	0	0	–	–	Яр-08, Мар., уч. 7, пл. 8, кв. 65, № 914
113	1141	Полоса металла	0,34	97,17	0	0	0	0,40	0	0	0	2,09	–	–	Яр-08, РГ, пл. 13, кв. 15, выброс, № 1367
114	1142	Щиток перстня	69,88	21,58	3,40	0	1,56	0	3,57	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 8, кв. 66, выброс, № 924
115	1143	Бусина миниатюрная	0,53	98,14	0	0	0	0	0	0	0	1,33	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 28, № 501
116	1144	Грузик	0	0,13	99,15	0	0	0	0	0	0	0,72	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 4, кв. 86, межжилищное, компл. 34, № 391
117	1145	Накладка в виде скорлупки	1,87	91,86	0,60	0	0	0,05	0	0	0	5,62	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 11, кв. 29, № 307
118	1146	Привеска ромбовидная	75,03	21,38	1,96	0	0,36	0	1,27	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, пл. 13, кв. 15, выброс, № 1368
119	1147	Перстень с ажурным щитком	0,80	93,52	1,79	0	0	0,06	0	0	0	3,83	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, выброс с пл. 1–2, № 279
120	1148	Щиток перстня	4,06	87,94	4,12	0	0	0	0	0	0	3,88	–	–	Яр-08, РГ, пл. 7, кв. 79, соор. 54, № 912
121	1149	Перстень	1,22	95,77	0	0	0	0	0	0	0	3,00	–	–	Яр-08, РГ, пл. 11, кв. 28, № 331
122	1150	Перстень	1,10	93,06	0	0	0	0	0	0	0	5,84	–	–	Яр-08, РГ, пл. 12, кв. 16, компл. 34, № 382
123	1151	Клепка	99,16	0,02	0	0	0,13	0,33	0,36	0	0	0	–	–	Яр-08, РГ, уч. 2, пл. 1, кв. 54, № 201

О. М. Олейников

НАПЕРСНАЯ ИКОНКА НАЧАЛА XV в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

O. M. Oleinikov. A pectoral icon from the early 15th century with a depiction of Saint Nicholas the Wonder-Worker

Abstract. The object investigated in this article is a small bronze pectoral icon with established chronology and bearing a depiction of St. Nicholas the Wonder-Worker. The style and iconography of this work of art are examined in the context of the evolution of art in Medieval Russia. The indissoluble link between the discussed piece of minor arts and monumental painting is emphasized. The article provides the data regarding the composition of the alloy were obtained using the method of micro-spectral analysis.

Ключевые слова: медное художественное литье, наперсная икона, святитель Николай Чудотворец, датированный культурный слой, иконография, прототипы, микроспектральный анализ.

В русской традиции художественное литье на всех этапах своего развития было неразрывно связано с иконописью, откуда черпало сюжеты и иконографию (*Пуцко*, 1993. С. 22). Икона позволяла почувствовать реальное присутствие бога. Молитвенное почитание, воздаваемое человеком иконе, относилось к небесному первообразу. Нередко древнерусским христианским святыням (а не ратному мастерству и силе) приписывался решающий вклад в победы и достижения.

Учитывая всестороннюю вовлеченность икон в жизнь русского человека, вполне естественно, что икона дала толчок развитию различных видов прикладного искусства и ремесла. В частности, особенным спросом пользовались изготовленные из различных материалов уменьшенные копии икон, которые можно было взять с собой в дорогу. Вполне естественно желание верующего человека всегда иметь с собой образ святого, защищающего от напастей и уберегающего от зла. Такими универсальными образками стали нательные иконки-подвески. Их можно было носить вместе с нательными крестами или поверх одежды, и они были дороги русскому человеку так же, как и настоящие иконы. Примером использования икон-подвесок является ожерелье, в составе которого обнаружены

17 крестиков и 10 иконок-привесок, среди которых – три иконки с изображением Николы[1] (*Седова*, 1974. С. 194).

Ни в одной из стран православного мира образ святителя Николая не получил такой популярности, как на Руси. Николай Чудотворец занимал главное место среди святых (после Богоматери) по количеству посвященных храмов и написанных икон.

Почитание святителя на Руси начинается вскоре после ее крещения, а в XI в. распространяется повсеместно. Иностранцы с удивлением отмечали, что русские воздают Николаю Угоднику поклонение, приличествующее богу (*Гваньини*, 1997. С. 63; *Витсен*, 1996. С. 425) и др.

Первые иконы Николая Чудотворца на Руси появляются еще до перенесения мощей из Мир Ликийских в город Бари. Из известных на Руси изображений самое раннее – в росписях храма Святой Софии в Киеве (середина XI в.).

В народе всякий образ святителя Николая считался чудотворным. Его воспринимали как «Архиерея Божьего», наиболее приближенного к престолу Вседержителя и непрестанно молящегося о помиловании людей. Со св. Николаем ассоциировалась идея заступничества и верности слову. Вера в его покровительство была особенно крепка у мореплавателей и торговых людей. Причины такого почитания кроются в особой многогранности его служения: он – святитель, пастырь, опора Церкви, борец с ересью, покровитель властителей, защитник бедных, заступник всех, попавших в несчастье. Вместе с тем, необыкновенная популярность Николая Чудотворца объясняется наложением христианства на глубокий языческий слой, и народное сознание, что, согласно аргументированной гипотезе Б.А. Успенского, сближало св. Николая с языческим богом Волосом (Велесом) – одним из верховных божеств древнерусского языческого пантеона (*Успенский*, 1982. С. 31–117, 127–134).

В 2013 г. возле портовых построек на правом берегу Волхова при археологических работах на раскопе А. Невского-18, в слое начала XV в.[2] был обнаружен замечательный памятник медного художественного литья – бронзовая наперсная икона с поясным изображением святителя Николая (*Гайдуков*, 2013). Исследовавшаяся территория расположена в юго-западной части Славенского конца Великого Новгорода, в 200 м к югу от Готского двора, в 50 м к востоку от р. Волхов (цв. илл. XVII).

Икона (А. Нев.-18/ – тр. вод. 1 – 198)[3] имеет форму правильной трапеции с основаниями 32,5 и 37,0 мм. Общая высота – 58 мм, без оглавия – 41 мм. Толщина 3,5 мм. Оглавие неподвижное массивное (15 × 13 мм), в виде крупной биконической бусины с ободками на торцевых сторонах. Диаметр отверстия для

[1] «Никола» – общепринятая каноническая форма имени св. Николая в России до реформ патриарха Никона середины XVII в., сохраняющаяся после раскола в качестве обиходного наименования святого (*Успенский*, 1969. С. 12–16).

[2] Дендрохронологические исследования деревянных конструкций выполнены кандидатом исторических наук О.А. Тарабардиной.

[3] Шифр находки означает: раскоп/ – наименование траншеи – номер находки по полевой описи.

шнура – 3,5 мм. Вес иконки до реставрации – 22,2 г. В целом, отливку отличает легкость и тщательность проработки образа (цв. илл. XVIII).

Икона прекрасно сохранилась: на лицевой и оборотной сторонах отсутствуют какие-либо потертости, неизбежные при ношении образа, особенно поверх одежды. На оглавии сохранились литейные заусенцы в виде мельчайших медных капель (цв. илл. XIX). Отмеченные факты позволяют утверждать, что иконка не использовалась и выпала в культурный слой вскоре после отливки. *Это редкий случай, когда попадание в новгородский культурный слой находки соответствует времени ее изготовления.* Каждый датированный памятник медного литья представляет особую ценность, ибо является опорной точкой, позволяющей проследить и время создания архетипа, и образцы его разновременного тиражирования.

Икона отлита в двусторонней форме по оттиску готовой модели. Первоначальная отливка имела подвижное оглавие, припаянное к иконе.

Поясной образ св. Николая, выполненный в высоком рельефе[4], занимает все поле лицевой стороны. Композиция заключена в плоскую неорнаментированную рамку, повторяющую трапециевидные контуры иконки.

Святитель предстает с непокрытой головой, благословляющим, с закрытым Евангелием. Левая рука, поддерживающая Евангелие, прикрыта омофором, что подчеркивает священное назначение книги, возлагаемой на престол в алтаре храмов.

Черты лица, как и трактовка всего образа, переданы весьма реалистично. Лик святителя спокоен и аскетичен. Нимб – в виде тонкой сплошной линии. По сторонам лика колончатые надписи «АГИОСЪ» и «ИNКОЛА», выполненные славянскими буквами. Греческое слово ἅγιος (agios) написано в соответствии с русской иконописной традицией: мастер добавил к окончанию мужского рода букву «ѣ», а букву «і» заменил на «и». При начертании на литейной форме имени «НИКОЛА», первые две буквы мастер нанес в позитиве, «забыв», что буквы следует наносить в зеркальном отображении.

Одеяние св. Николая (саккос, омофор, поруч на благословляющей правой руке) соответствует традиционному богослужебному епископскому облачению. Вырез ворота на саккосе украшен тремя рельефными элементами, напоминающими орнаментальный мотив на новгородской иконе 1294 г. «Николай Чудотворец», происходящей из церкви Николы на Липне и находящейся в настоящее время в НГОМЗ.

Образ Николая Чудотворца на наперсной иконке находит общие черты с изображением святителя на новгородской иконе «Никола» середины XIII в. из Свято-Духова монастыря (собрание ГРМ) (цв. илл. XX). Обращает внимание тщательная моделировка рельефа лика, симметричное расположение прядей и завитков волос на голове и бороде святого, плавные параболические линии плеч. Это один из многих примеров копирования монументальных форм в уменьшенном виде. Безусловно, мастер-резчик хорошо знал византийскую живопись и имел хорошую иконописную выучку.

Поясное изображение святителя Николая с закрытым Евангелием на левой руке представляет собой древнейший иконографический тип. Он напоминает,

[4] Изображение выступает из плоскости фона более чем на половину своего объема.

что Николай Чудотворец – наставник в спасении и учитель в жизни – являет своей пастве образ бога во время Евхаристии.

Благословляющий жест двуперстного крестного знамения имеет глубочайшее символическое значение. Сочетание большого пальца с мизинцем и безымянным символизирует Троицу (*Успенский*, 2004. С. 103). В христианских традициях благословение (право перекрестить кого-то) составляет исключительную прерогативу священника, представляющего бога. Соответственно, человек, на которого кладется крест, может понимать это как благословение, исходящее от самого бога. Это именно тот смысл, который выражается в словах «осенить крестным знамением»: слово «осенить», изначально имеющее значение покрова, защиты, в данном контексте означает действие, исходящее от Господа, в частности, сообщение Божественной энергии (Там же. С. 29).

В Византии этот иконографический тип получил распространение в XI–XIII вв. Самая ранняя известная икона – «Святитель Николай» (X–XI вв.) из монастыря Святой Екатерины на Синае. Древнейшая из сохранившихся русских икон этого типа находилась в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря; она происходит из Новгорода и относится к концу XII – началу XIII в. В Москву из Новгорода ее вместе с Ярославской иконой Божией Матери привез царь Иван Грозный. В 1930-е годы, после закрытия Новодевичьего монастыря, икона попала в Исторический музей, а затем в Третьяковскую галерею.

В качестве примеров развития византийской композиции в домонгольской Руси можно привести среброфонный образ Николая Чудотворца из Десятинного Успенского монастыря в Новгороде (ГТГ), упоминавшуюся выше новгородскую икону «Никола» середины XIII в. из Свято-Духова монастыря и икону круглой формы с поясным изображением святителя Николая Мирликийского XIII–XVI вв., происходящую из церкви Святителя Николая на Дворище в Новгороде (копия, выполненная в XVI в., находится в НГОМЗ).

Состав сплава иконы изучался в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН на аналитическом низковаккумном сканирующем электронном микроскопе JSM-5610LV, оборудованном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром. Анализ проводился на оборотной стороне иконки с удаленной патиной. Полученные результаты показали, что сплав однородный, по составу отвечает оловянистой бронзе с примесью сурьмы (Cu – 82–87 %, Sn – 11–14 %, Sb – 0,5%).

Проведенные исследования позволяют вписать еще одну страницу в историю новгородского медного художественного литья.

ЛИТЕРАТУРА

Витсен Н., 1996. Путешествие в Московию, 1664–1665: дневник / Пер. со староголланд. В.Г. Трисман; предисл. Р.И. Максимовой, В.Г. Трисман. Спб.: Симпозиум. 265 с.

Гайдуков П.Г., 2013. Отчет о проведении археологических исследований на месте прокладки городских коммуникаций по адресу: г. Великий Новгород, наб. А. Невского, д. 18 в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Гваньини А., 1997. Описание Московии / Пер. с лат., ввод. ст. и коммент. Г.Г. Козловой. М.: Греколатинский кабинет Ю.А. Шичалина. 173 с.

Пуцко В.Г., 1993. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье: сб. ст. / Сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. Вып. 1. М.: Сол Систем. С. 21–33.

Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси / Отв. ред. А.Н. Кирпичников и П.А. Раппопорт. Л.: Наука. С. 191–194.

Успенский Б.А., 1969. Из истории русских канонических имен. (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во Московского ун-та. 334 с.

Успенский Б.А., 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Московского ун-та. 245 с.

Успенский Б.А., 2004. Крестное знамение и сакральное пространство. М.: Языки славянской культуры. 160 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
АО – Археологические открытия. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГРМ — Государственный Русский музей.
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея.
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской Академии наук.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИИЯЛИ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук.
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры.
ІА НАН України – Інститут археології Національної академії наук України.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
НЦА – Нумизматика Центральной Азии. Ташкент.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Москва.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.

AFAV – Association Française pour l'Archéologie du Verr
AIT – Archaelogie aus Iran und Turan.
CNS – Classical Numismatic Studies.
MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan.
RN – Revue numismatique (Paris).
SRAA – Silk Road, Art and Archeology (Kamakura).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. П. Алаева – Челябинский Государственный Педагогический Университет; пр. Ленина, 69, Челябинск, 454080, Россия; e-mail: alaevaira@mail.ru

Ш. Н. Амиров – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: shahmardan@mail.ru

В. Н. Войнаровский – Институт украиноведения им. И. Крипьякевича; ул. Козельницкая, 4, Львов, 79026, Украина; e-mail: archeo@groza.com.ua

А. Н. Горин – Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, Мустакиллик, 2, г. Чирчик, 100029, Республика Узбекистан; e-mail: gorinal@hotmail.com

Н. Д. Двуреченская – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nigoradvur@mail.ru

А. Н. Егорьков – Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: yegorkov@mail.ru

В. И. Завьялов – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru

И. Е. Зайцева – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: izaitseva@yandex.ru

С. Д. Захаров – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zsdbook@yandex.ru

О. В. Зеленцова – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru

И. В. Исланова – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ivisl@mail.ru

А. Р. Канторович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119991, Россия; e-mail: kantorovich@mail.ru

Д. С. Коробов – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dkorobov@mail.ru

А. А. Малышев – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maa64@mail.ru

С. И. Милованов – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: milovan@bk.ru

Р. А. Мимоход – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mimokhod@list.ru

О. М. Олейников – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru

М. А. Очир-Горяева – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан, ул. Бутлерова, 30, г. Казань, 420014; e-mail: mariaochir@rambler.ru

В. Е. Родинкова – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vlasta2004@mail.ru

Э. В. Ртвеладзе – Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, Отчапар, 2, г. Ташкент, 100029, Республика Узбекистан; e-mail: archcircle@gmail.com

О. С. Румянцева – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru

И. А. Сапрыкина – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru

Т. Е. Солдатова – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, 119991, Россия; e-mail: staiss@yandex.ru

Н. Н. Терехова – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru

В. Е. Трегубов – Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, ул. Советская 28, Оренбург, 460018, Россия; e-mail: v-tregubov@yandex.ru

К. А. Шейко – Международный Караван Сарай Культуры, ул. Юсуф Хос Ходжиб, 37 «А», г. Ташкент, 100031, Республика Узбекистан; e-mail: kost50@mail.ru

Л. Т. Яблонский – Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см, п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагенты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Амиров Ш. Н. Месопотамско-кавказские связи IV-III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций . . . 3
Мимоход Р. А. Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор . . . 18
Алаева И. П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья . . . 33
Исланова И. В. Поселения раннего железного века на Верхней Волге (источниковая база) . . . 46
Канторович А. Р. Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения (статистический анализ) . . . 55
Трегубов В. Е., Яблонский Л. Т. Горит из Филипповки . . . 64
Очир-Горяева М. А. Устройство скифского кургана и его ориентация по странам света . . . 72
Родинкова В. Е. Раннеславянский женский убор римского и раннесредневекового времени (проблемы и изучение источников) . . . 88
Захаров С. Д. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки . . . 100
Милованов С. И., Зеленцова О. В. Планировка северо-западной части Печерного города Владимира на Клязьме в эпоху Средневековья . . . 113
Коробов Д. С. История изучения поселений салтово-маяцкой культуры: старые парадигмы и новые подходы . . . 121
Малышев А. А. Культовая античная терракота на юго-востоке азиатского Боспора . . . 133
Румянцева О. С., Войнаровский В. Н. Стеклянные жетоны из Комарова: предмет римского импорта или «импорт идеи»? . . . 145
Ртвеладзе Э. В., Горин А. Н., Двуреченская Н. Д., Шейко К. А. Монетные находки из крепости Узундара . . . 151
Солдатова Т. Е. Роговая индустрия верхнепалеолитической стоянки Сунгирь . . . 160

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО МЕТАЛЛА

Егорьков А. Н., Родинкова В. Е. Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии) . . . 168
Сапрыкина И. А. Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам рентгенофлуоресцентного анализа) . . . 178
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы . . . 187
Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А. Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточной Руси (по материалам исследований в средневековом Ярославле) . . . 193
Олейников О. М. Наперсная иконка начала XV в. с изображением святителя Николая Чудотворца . . . 209

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ . . . 214
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ . . . 215
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей . . . 217

CONTENTS

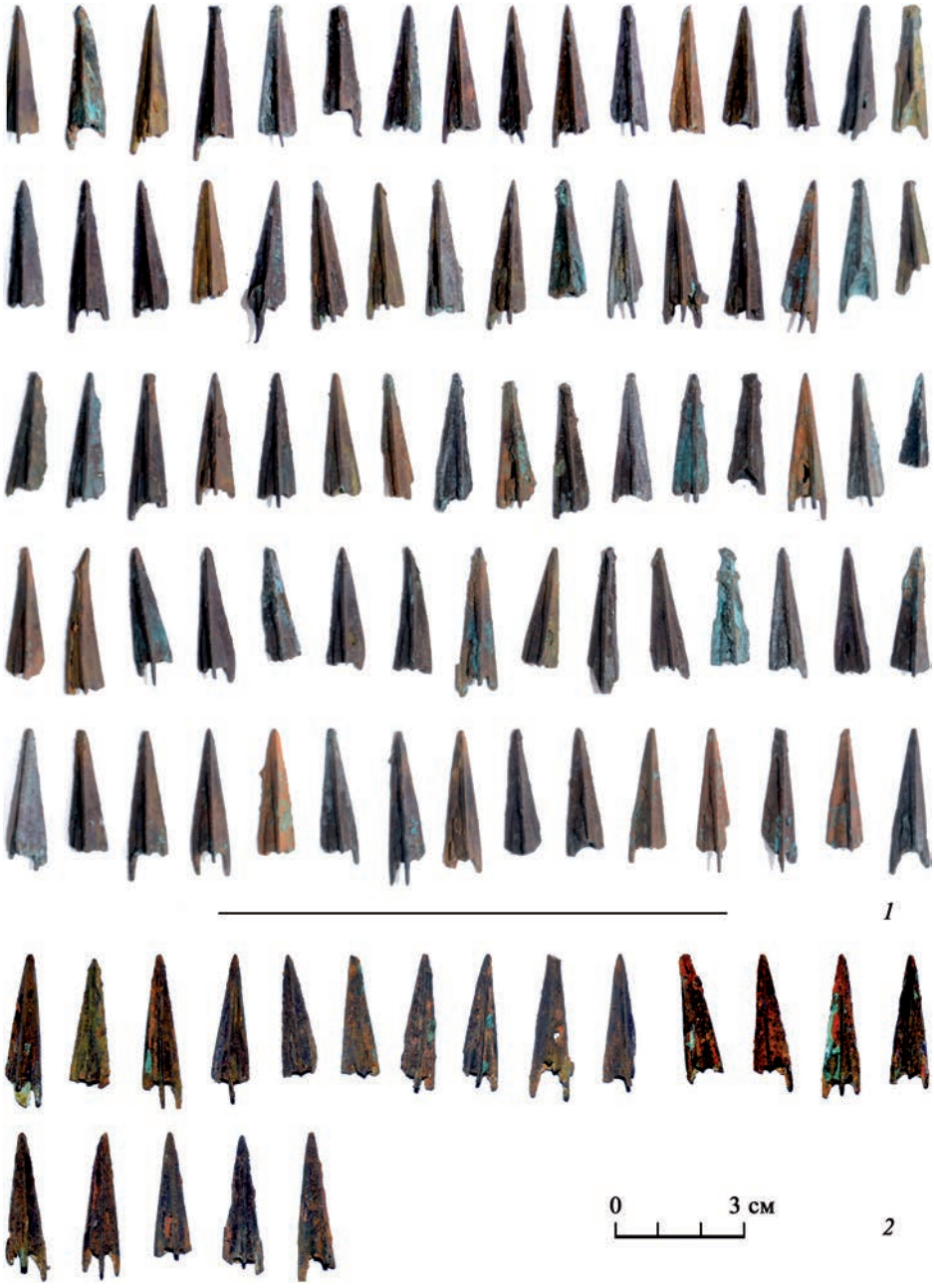
PROBLEMS AND MATERIALS

Amirov Sh. N. Mesopotamian-Caucasian relationships in the IV-III millennia BC in the light of climatic fluctuations . . . 3
Mimokhod R. A. Petal-shaped beads from the final stage of the Middle Bronze Age used as a cultural-chronological indicator . . . 18
Alaeva I. P. Specific features of the pottery assemblage from the Late Bronze Age in the steppe zone of the Southern Trans-Ural region . . . 33
Islanova I. V. Settlements of the Early Iron Age in the upper reaches of the Volga (source base) . . . 46
Kantorovich A. R. The East-European Scythian animal style and Scythian armament (statistical correlation) . . . 55
Tregubov V. E., Yablonsky L. T. Gorytos from Filippovka . . . 64
Ochir-Goryaeva M. A. Construction and geographical orientation of Scythian burial mounds . . . 72
Rodinkova V. E. Early Slavonic female attire of the Roman and Early Medieval periods (problems of sources analysis) . . . 88
Zakharov S. D. Information potential of the cultural deposit destroyed by ploughing . . . 100
Milovanov S. I., Zelentsova O. V. Planning system of the north-western part of Pecherny gorod in Vladimir on Klyazma in the Middle Ages . . . 113
Korobov D. S. The history of investigations of the Saltovo-Mayatsk culture settlements: Old paradigms and new approaches . . . 121
Malyshev A. A. Cultic Classical terracotta in the South-East of the Asiatic Bosporus . . . 133
Rumyantseva O. S., Voinarovsky V. N. Glass counters from Komarov: Roman imports or an «imported idea»? . . . 145
Rtveladze E. V., Dvurechenskaya N. D., Gorin A. N., Sheiko K. A. Coin findings from the fortress Uzundara . . . 151
Soldatova T. E. Antler industry of the Upper Palaeolithic site Sungir . . . 160

INVESTIGATIONS OF ANCIENT METAL

Yegor'kov A. N., Rodinkova V. E. The composition of metal objects from the Early Medieval Kurilovka hoard (the results of optical emission spectrography) . . . 168
Saprykina I. A. The composition of metal items from the Early Medieval Kurilovka hoard (the results of X-ray fluorescence analysis) . . . 178
Zavyalov V. I., Terekhova N. N. Models of technological progress in the production culture of East European Peoples . . . 187
Zaitseva I. E., Saprykina I. A. New data on the characteristic of non-ferrous metal from North-Eastern Rus' (on the material of investigations in medieval Yaroslavl) . . . 193
Oleinikov O. M. A pectoral icon from the early 15th century with a depiction of Saint Nicholas the Wonder-Worker . . . 209

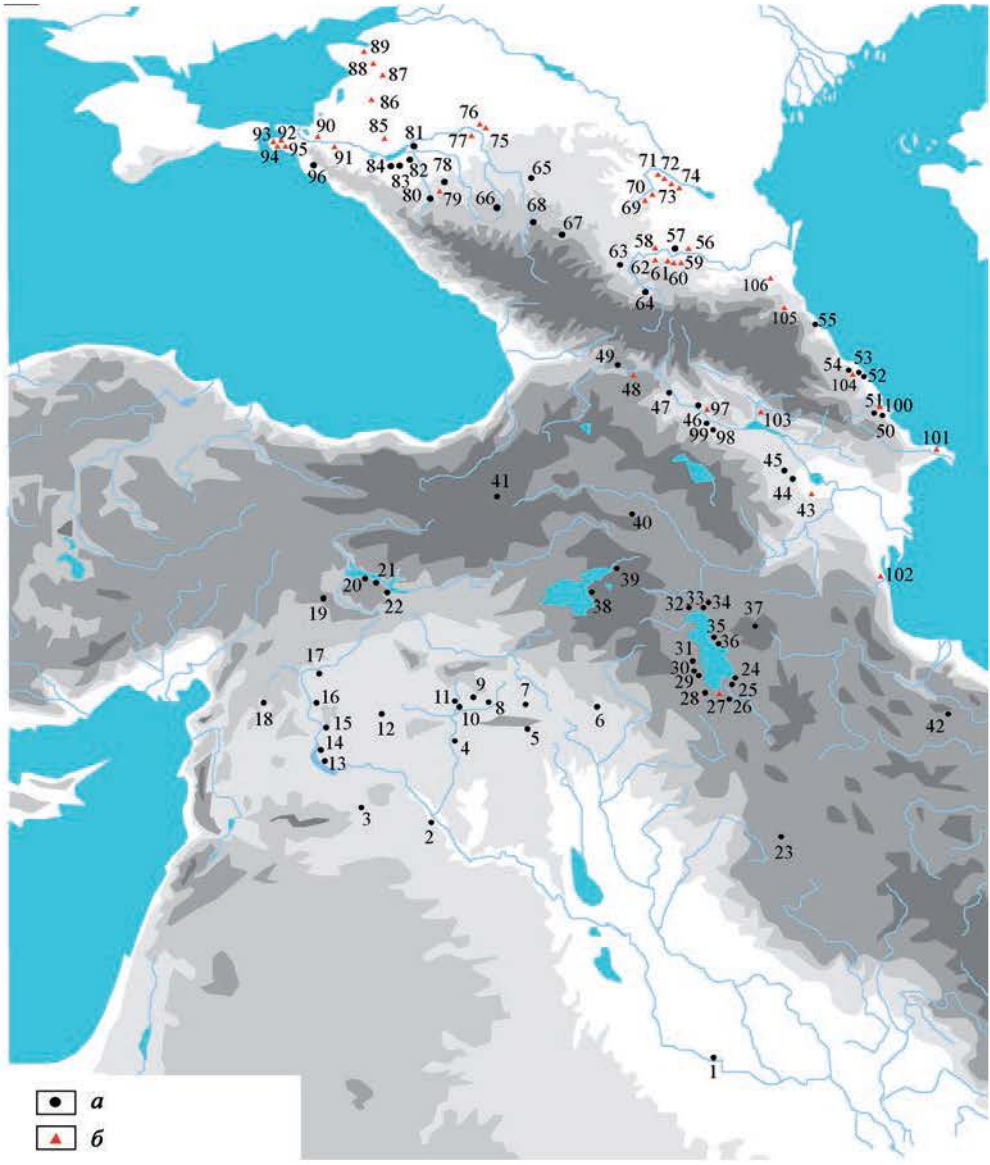
ABBREVIATIONS . . . 214
ABOUT THE AUTHORS . . . 215
SUBMISSION GUIDE . . . 217



Илл. I. Бронзовые наконечники стрел из горита, фото

1 – из колчана; *2* – из кармана

Статья Ш. Н. Амирова
«Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э.
в свете климатических флуктуаций»



Илл. II. Памятники Месопотамии и Кавказа IV – первой половины III тыс. до н. э.

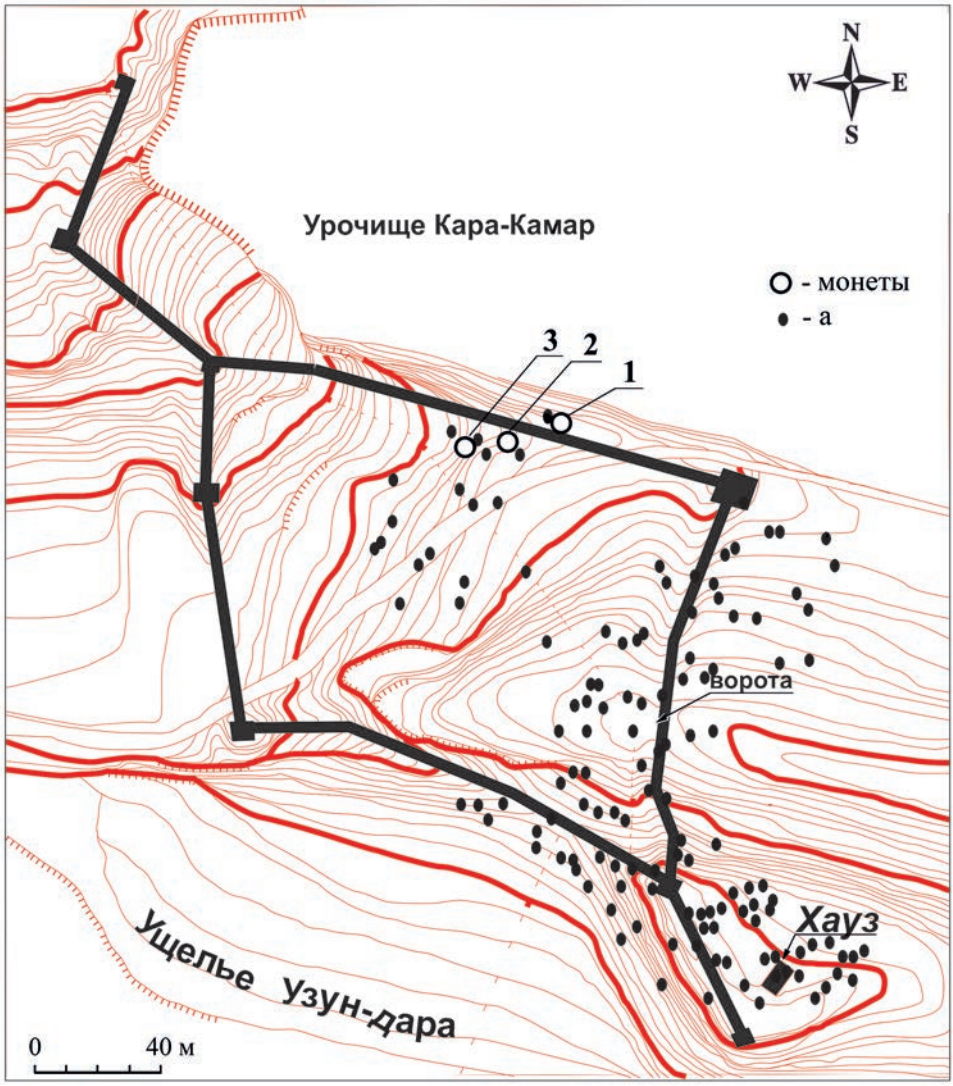
а – поселения

б – курганные погребения

1 – Урук (Варка); *2* – Крайа; *3* – эль-Коум; *4* – Умм-Ксейр; *5* – Грай-Реш; *6* – Тепе-Гавра; *7* – Телль Хава; *8* – Хамукар; *9* – Телль Лейлан; *10* – Телль Брак; *11* – Телль Хазна; *12* – Хамам эт-Туркман; *13* – Хабуба Кабира; *14* – Шейх хасан; *15* – Косак Шимали; *16* – Хаджинеби; *17* – Курбан Хююк; *18* – Ойлюм Хююк; *19* – Арслантепе; *20* – Норшунтепе; *21* – Тепечик; *22* – Тюлинтепе; *23* – Годин Тепе; *24* – Гель Тепе; *25* – Таш Тепе; *26* – Саин Кале; *27* – Се Гирдан; *28* – Хасан Абад; *29* – Хасан Тепе; *30* – Калечик; *31* – Геой Тепе; *32* – Узуб Тепе; *33* – Барудж Тепе; *34* – Кюльтепе; *35* – Яник Тепе; *36* – Кара Буру; *37* – Басмандж; *38* – Аш Тепе; *39* – Чолпан; *40* – Ханаго; *41* – Сос Хююк; *42* – Тепе Габристан; *43* – Уч Тепе; *44* – Чалаган Тепе; *45* – Лейла Тепе; *46* – Бююк Кесик; *47* – Сиони; *48* – Кавтисхеви; *49* – Бериклдееби; *50* – Серкер Тепе; *51* – Дашлы Тепе; *52* – Торпах Кала; *53* – Великент; *54* – Кабаз-Кутан; *55* – Геме Тюбе; *56* – Калиновское; *57* – Галюгаевское; *58* – Комарово; *59* – Бахчи Юрт; *60* – Бамут; *61* – Ассиновская; *62* – Верхний Акбаш; *63* – Кишпек; *64* – Старый Урух; *65* – Ташлыанское; *66* – Большетегинское; *67* – Замок; *68* – Усть Джегута; *69* – Жуковское; *70* – Грушевское; *71* – Ипатово; *72* – Золотаревка; *73* – Шарахалсун; *74* – Чограй; *75* – Темижбекская; *76* – Новолабинская; *77* – Зиссерман; *78* – Ясенова поляна; *79* – Новосвободная; *80* – Мешоко; *81* – Свободное; *82* – Пшиш; *83* – Чишхо; *84* – Псекуп; *85* –Старокорсунская; *86* – Старомышастовская; *87* – Днепровский; *88* – Батуринская; *89* – Тимашевская; *90* – Темрюк; *91* – Общественное; *92* – Фонтан; *93* – Сенная; *94* – Кепы; *95* – Варениковская; *96* – Дюрсо; *97* – Союг Булаг; *98* – Агылы Дере; *99* – Пойлу; *100* – Сеидлар; *101* – Дюбенди; *102* – Тельманкенд; *103* – Торпак-Кала; *104* – Мискин-булак; *105* – Миатлы

Илл. III. Раевское городище. Терракоты из культурных слоев

Статья Э. В. Ртвеладзе, А. Н. Горина,
Н. Д. Двуреченской, К. А. Шейко
«Монетные находки из крепости Узундара»



Илл. IV. Планиграфия монетных находок на крепости Узундара (2013 г.)

1–3 – монеты Евтидема; *а* – прочие находки

Илл. V. Монеты Евтидема (фото Г.А. Когодина)

Илл. VI. Стоянка Сунгирь. Заготовки из рогового сырья. 1 – В-35317 № 4891; 2 – В-15304 № 13697; 3 – В-54789 № 181

Илл. VII. Стоянка Сунгирь. «Молоток» из рога (В-35317/5089)

Илл. VIII. Стоянка Сунгирь. 1 – Долотовидное орудие (В-8620 № 4612); 2 – наконечник (В-8620 № 4605); 3 – фрагмент отростка (?) со следами поперечного членения (В-8620/6820); 4 – мотыгообразное орудие (В-54789 № 182)

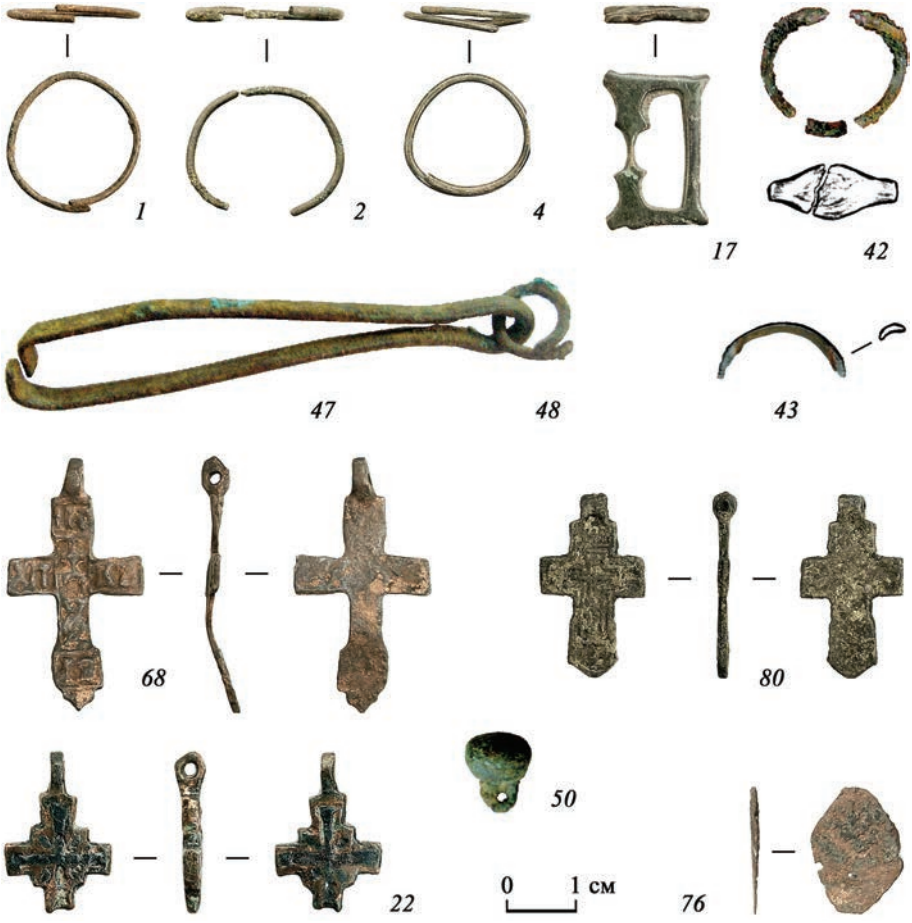
Илл. IX. Стоянка Сунгирь. 1 – Заготовка «жезла-выпрямителя» (В-54789 № 187); 2 – «жезл-выпрямитель» (В-33898 № 9407)

Статья И. Е. Зайцевой, И. А. Сапрыкиной
«Новые данные к характеристике цветного металла
Северо-Восточной Руси
(по материалам исследований в средневековом Ярославле)»

Илл. X. Предметы, изготовленные из сплавов
на основе серебра, олова и свинца

Илл. XI. Предметы, изготовленные из перемешанных сплавов

Илл. XII. Предметы, изготовленные из меди (№ 25, 77, 108, 123) и свинцовой бронзы



Илл. XIII. Предметы, изготовленные из оловянной (№ 1, 2, 4, 17, 42, 43, 48), оловянно-свинцовой (№ 68, 76, 80) и многокомпонентной (№ 22, 50) бронзы

Илл. XIV. Предметы, изготовленные из оловянно-свинцовой бронзы

Илл. XV. Предметы из двойной (№ 44, 57) и свинцовой латуни

Илл. XVI. Предметы, изготовленные из многокомпонентной латуни

Илл. XVII. Опорный историко-археологический план Великого Новгорода с указанием местоположения археологических исследований. Стрелкой показано место обнаружения наперсной иконки начала XV в. с изображением святителя Николая Чудотворца

а – древние улицы; *б* – современные улицы; *в* – археологические раскопы

Илл. XVIII. Наперсная иконка с изображением Николая Чудотворца. Лицевая и оборотные стороны. Фото О.М. Олейникова

Илл. XIX. Литейные заусенцы на оглавии иконки. Фото О.М. Олейникова

**Илл. XX. Новгородская икона «Никола» середины XIII в.
из Свято-Духова монастыря (ГРМ)**

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 233

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редактор И. Кузина
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен В. Луньковым

Подписано в печать 10.06.2014. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 19,35. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ госрегистрации 1037739118449

Издательство «Знак»
№ госрегистрации 1027701010435
Тел.: 7 (495) 95-95-260. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4